

Серия «Гуманитарные науки»

Э.А. Забродский

Э.А. Корнилович

НАСЛЕДИЕ ПРОФЕС- СОРСКОЙ МЫСЛИ

Минск

«Право и экономика»

2012

УДК 898.26-5

ББК 81.2

312

Серия основана в 2008 г.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, Заслуженный работник образования
РБ А. Ф. Вишневский

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники И.Л. Качалов,

Наследие профессорской мысли / Э.А. Забродский, Э.А. Корнилович.
– Минск : Право и экономика, 2012. – (Серия «Гуманитарные науки»)
ISBN 978-985-442-881-9.

В книгу включены труды белорусских политических мыслителей 19 – начала 20 вв. (полностью или в сокращении) и очерки о них. Впервые наиболее полно представлены забытые, но оригинальные и не потерявшие по сей день интереса труды М.С.Куторги, И.И. Ивановского, В.Д. Спасовича, П.О. Бобровского, И.Я. Фойницкого, Н.К. Судзиловского, В.З. Завитневича, М.Я. Острогорского, Л.И. Петражицкого, А.А. Богданова. Читатель узнает об их воззрениях на устройство государства и общества, политической системы, формы правления, идеологии и демократии, соотношения законов, права и нравственности. Насколько самобытно и озабоченно они рассуждали о роли народа и личности в развитии экономики, науки, культуры, творчества, о роли идеала духовности в образовании и воспитании.

Данная книга представляет собой переработанное и дополненное хрестоматийное издание «Свет мудрецов» 2010г. Рекомендуется в качестве пособия для студентов и преподавателей вузов и колледжей, всех, кто интересуется вопросами политологии, истории и права.

УДК 898.26-5

ББК 81.2

ISBN 978-985-442-881-9

© Э.А. Забродский, Э.А. Корнилович, 2012

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2012

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
КУТОРГА МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ	8
О НАУКЕ И ЕЁ ЗНАЧЕНИИ В ГОСУДАРСТВЕ	20
ИВАНОВСКИЙ ИГНАТИЙ ИВАНОВИЧ	Ошибка! Закладка не определена.
О НАЧАЛАХ ПОСТЕПЕННОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАР- СТВА	
КРАТКИЙ ВЗГЛЯД НА НАУКУ ДИПЛОМАТИИ ВООБЩЕ	
СПАСОВИЧ ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ	Ошибка! Закладка не определена.
О ЯЗЫКЕ В ОБЛАСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА	
БОБРОВСКИЙ ПАВЕЛ ОСИПОВИЧ	53
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ГЕОГРАФИИ И СТАТИСТИКИ РОССИ,СОБРАННЫЕ ОФИЦЕРАМИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА. ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.....	110
ФОЙНИЦКИЙ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ	123
НА ДОСУГЕ	129
ИДЕЯ ЛИЧНОСТИ В СУДЕБНЫХ УСТАВАХ И КОДИФИКАЦИОННОЕ ИХ ЗНАЧЕНИЕ	136
СУДИЛОВСКИЙ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ	143
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	158
ЗАВИТНЕВИЧ ВЛАДИМИР ЗИНОВЬЕВИЧ	189
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ РУССКОГО НАРОДА.....	204
БАНКРОТСТВО НАЧАЛ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕАЛ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	224
ОСТРОГОРСКИЙ МОИСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ	247
ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	257
ПЕТРАЖИЦКИЙ ЛЕВ ИОСИФОВИЧ	313
ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ	327
БОГДАНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	337
ПРОГРАММА КУЛЬТУРЫ.....	352

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разбуженная, принявшаяся за работу мысль,
пользуясь уже накопленными знаниями,
производит новые открытия и изобретения...
главная роль выпадает на усовершенствование
орудий производства, следовательно,
и увеличение производственных сил.

Н.К. Судзиловский. 1907

Человек многогранен в своих способностях и бесконечен в проявлении своих достоинств. Сегодня нас устраивает человек мыслящий и работающий. Мы благоговеем перед всеми современными науками, которые способствуют развитию мысли, трудолюбию и нравственности молодых людей. До сих пор многие проклинаят темноту, вместо того, чтобы додуматься зажечь хотя бы одну маленькую свечу.

Уже побаиваются «человека с дипломом», который увлекается чужими знаниями, готов все заимствовать на Западе, и не создает ничего своего. Он почти не знает, как наши предки, живя в ограниченных условиях царизма и зарубежных стран, формировали свои просвещенные мысли, не потерявшие своей ценности и для нашего времени. Чтобы оправдать свое недоразвитие, увядание восприимчивости, легковесный «культурник» уже сколько лет жует малоутешительную жвачку: «Нет пророка в нашем Отечестве». Неужели мы не знаем центральной идеи развития нации, главного ориентира нашего движения вперед? Неужели будем ждать подсказок с чужих стран?

Нам же хочется сказать, что пророк все-таки есть, всемогущий и всеспа-сающий. Только он представляется нам не в виде одного мудреца, а в множе-стве лиц и эпох, самый мудрый и правдивый, многовековое научно-теоретическое наследие прошлого, позитивный опыт нации и всего мирового сообщества. Предсказатель будущего в лице одного сегодня маловероятен и даже опасен. Не лучше ли прислушаться, вдуматься в бесценный опыт веков, в творения неистощимого гения народа, в вечно живое движение мысли луч-ших представителей своего Отечества. Давно созрела необходимость обра-

титься к ним, и, возможно, что-то развить и обогатить, сделать приобретением сегодняшнего дня.

Собранные в книге труды /или отрывки из них/ ученых–земляков, бесспорно, представляют собой историко–теоретический интерес как источник для изучения политологии, особенно для выяснения их вклада в развитие мировой политической мысли. Они необходимы как преподавателю, так и студенту, любому исследователю, стремящемуся углубить свои представления о круге социально-политических проблем, которые волновали самобытных крупных мыслителей далекого времени. Для нас весьма интересны их рассуждения о функционировании государства, власти и законах, справедливости и морали, о правовых и нравственных принципах развития общества, о роли науки, демократии в развитии государства и самого человека, о роли опыта и знаний в управлении и т.д. По сути, это тот круг важнейших политологических вопросов, составляющих начала идеологии белорусской государственности и политической культуры.

Михаил Куторга, Игнатий Ивановский, Павел Бобровский, Иван Фойницкий, Николай Судзиловский, Владимир Завитневич...

Каждый из них – поучительный урок жизни молодым, каждый излучает свет истории, знаний, мудрости. Их ценные политические мысли, несомненно, опирались на весь предшествующий культурно–исторический опыт белорусского народа, России, многовековые традиции других стран. Вряд ли можно называться достойным наследником и патриотом Отечества, не проникнув в глубину их политических творений и воззрений. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», – завещал нам великий А.С. Пушкин. А слова видного историка–философа, уроженца Мстиславского края Михаила Куторги, как будто написаны специально для нашего предисловия: «Наблюдения над государственною жизнью народов привели к открытию исторического закона преемственности и убеждающего в истине, что труды предшествующих поколений не остаются бесплодными для поколений последующих, и что идеи не умирают, а содействуют дальнейшему успеху».

Посмотрите на современные учебники политологии, и вы с грустью обнаружите в них не только неясное толкование проблем мирового политического развития, но и множество имен ученых–чужестранцев, с умыслом введенных в настольную книгу студентов. Никто не против прогрессивных политических мыслителей Запада, но нельзя злоупотреблять их не всегда состоятельными, отвлеченными идеями и создавать ложное впечатление, будто нет пророка в своем Отечестве. Почему в учебнике, предназначенном студентам нашей республики, почти отсутствуют имена видных политических мыслителей–уроженцев Беларуси? Кратко сказано о некоторых лишь в одном разделе о развитии политической мысли в иных странах.

Неужели добрая белорусская земля не выдвинула из своих недр талантливых историков, философов, социологов, писателей или их мысли не отвечают духу нашего противоречивого времени? Откройте энциклопедию «Асветнікі зямлі беларускай», повторно изданную в 2006 году, повнимательней присмотритесь. Там представлено немало крупных обществоведов, над

трудами которых надо усердно поработать, чтобы извлечь из них самое глубокое и непреходящее, самое дорогое и священное, что более всего отвечает культуре мышления и менталитету белорусского народа, его силе духа и национальному характеру. Сегодня, как бы прорвавшись из глубин человеческого бытия, возникло множество духовно–политических вопросов, которые нужно разрешать в соответствии с требованиями нового века. И это легче сделать, обратившись к опыту истории и культурно–теоретическому наследию прошлого. Немало ценных идей и политических принципов вырабатывались и представителями белорусского народа, особенно в XIX–XX столетиях.

Вовсе не стоит пугаться того, что они, как, например, Моисей Острогорский, Михаил Куторга, Николай Судзиловский и другие, жили далеко от своей родины. Всеми чувствами и мыслями они были неразрывно связаны с судьбами своих родственников и соотечественников, с настоящим и будущим родной им Беларуси. Они дышали одним и тем же воздухом свободы и надежды, веры в справедливость властей и талантливость своего народа. По отношению к своей земле, к своей истории, к своим перспективам развития в их мыслях больше правды, чем у геополитиков чужих стран. Поэтому без их идей белорусская политология будет выглядеть в чем–то бездушной и неполноценной. Следует согреть сердца молодых, будоражить их чувства и познающий разум, способствовать воспитанию истинного патриота. Только так наука сможет понять свое место в непрерывной цепи преемственности поколений и творческого созидания. А ведь нам так важно знать, какой великодушной идеей, интеллектуальной традицией будет прирастать духовная и нравственно–политическая мощь гражданина современной Беларуси.

Знание того, что говорили наши предшественники о проблемах, перспективах будущего, воспитании новых поколений, есть первый признак духовного раскрепощения нации. Знание того, что достойно делать сегодня, каковы обнадеживающие самобытные ориентиры социально–экономического и культурного развития, – это, видно, и есть признак духовной и политической зрелости белорусского народа.

Непросто было собрать труды ученых–земляков, разбросанные по разным изданиям и странам. Книга энциклопедиста Н.К. Судзиловского «Последовательная демократия», изданная в Японии, книга М.С. Куторги «О науке, и ее значении в государстве», изданная в Москве, статьи историка В.З. Завитневича, изданные в Киеве, преспокойно почивают в «Трудах Киевской духовной академии», в которые мало кто заглядывает. В библиотеках Беларуси они отсутствуют. Давно настало время собирать ценные не потерявшие актуальности мысли белорусских историков, философов, правоведов, независимо от того, где и когда они были ими высказаны. Они вышагнули из своего времени а, преодолев годы, дошли до нас, изучающих исторические и нравственно–политические истоки идеологии своего государства.

В книге наши замечательные земляки–ученые поделятся своими мыслями, мудростью, а мы задумаемся в их заветы. Интересно и полезно познакомиться с их идейно–теоретическим наследием, без которого современному студенту и будущему обществоведо просто нельзя. В нем ценнейший опыт того, как добывать знания, умение мыслить и работать, как пробивать дорогу в самостоятельную жизнь, служить Отечеству.

Библиотека БГУИР

КУТОРГА МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ

(1809 – 1886)

Внушая чувства чести и личного достоинства, наука водворяет в обществе правдивость, законность и исполнение долга, через что и доставляет государству спокойствие и благоденствие. Она и возвышает государство, так как изобретает для него средства к продолжительному и прочному могуществу.

М.С. Куторга

М.С. Куторга был личностью необычайно интересной. Одним из самых выдающихся в то время в Российском государстве историком Древней Греции... Блестяще знал источники, но и умел критически относиться к ним.

Владимир Короткевич

От Вихры к вихрям познаний

Михаил Куторга родился 8 ноября 1809 года в городе Метиславле в семье мелкого чиновника – губернского секретаря. Первое образование получил от отца и более всего от старшего брата Степана, которому остался благодарен на всю жизнь. Вскоре семья простилась с речкой Вихра и переехала в Петербург. В 1817 году умер отец. Все заботы по воспитанию детей легли на плечи доброй матери. Не обошлось без материальных затруднений. Миша учился в третьей Петербургской гимназии, где подружился с учеником Петром Калмыковым, будущим профессором права. Окончив гимназию, юноши поступили в Петербургский университет, Михаил Куторга – на словесное отделение. Спустя два года после восстания декабристов занятия проходили на низком уровне, лучшие профессора были уволены. Студенты нажимали на самообразование, и Михаил достиг немалых успехов. На втором курсе его вместе с П. Калмыковым и другими в 1828 году послали в Дерптский (теперь Тартуский) профессорский институт, который тогда считался лучшим учебным заведением Европы. Россия нуждалась в специалистах высшего класса по дисциплинам, где ощущалась нехватка своих профессоров. Куторга изучал всеобщую историю, и хотя занятия велись на немецком языке, преподаватели отметили, что он «весьма способен» к своей специальности. После сдачи выпускных экзаменов, он защитил диссертацию о древних племенах Афин и ему было присвоено звание магистра философии, хотя, по мнению некоторых ученых, он вполне заслуживал степень доктора философии. Тем не менее, Михаил получил признание и в числе первых выпускников был отправлен за границу. Он продолжал обучение в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене, где слушал лекции виднейших немецких ученых Георга Гегеля, Эдуарда Ганса, Карла Эйхгорна и других, изучал зарубежную историко–философскую литературу, постановку университетской жизни.

7 августа 1835 года Михаил Куторга был назначен преподавателем кафедры всеобщей истории Петербургского университета. До него эту должность занимал Николай Васильевич Гоголь, уже тогда известный студентам по его книге «Вечера на хуторе близ Диканьки». Росла его слава как писателя, а его лекции проходили скромно, без блеска. Естественно, наш молодой земляк не просил Гоголя потесниться, уступить ему должность. Они разошлись благочинно, каждый, заняв то место, которое было predeterminedено им врожденными способностями.

Приход Михаила Куторги на кафедру оживил и сильно изменил характер преподавания всеобщей истории, и его пребывание в Петербургском университете составило целую эпоху. Он читал курс лекций с увлечением, интересно, прояв-

ляя глубину познания. Его метод преподавания всеобщей истории очаровал студентов, давал живую последовательную картину развития человеческого общества и пробуждал самостоятельное творческое мышление.

Молодой преподаватель много знал и, тем не менее основательно готовился к каждому занятию, всегда говорил строго, без суеты – это высоко ценилось слушателями, жаждавшими нового и оригинального. Вскоре о Михаиле Куторге преподаватели Петербурга заговорили «как о передовом ученом, либерале, человеке, который намерен ознакомить своих слушателей с последним словом исторической науки на Западе». Столь высокое признание он получил потому, что поистине блестяще знал источники истории Древней Греции, на которых он строил свои научные исследования и предельно ясно выражал свою историческую мысль.

Исследователь его жизни и научной деятельности А.Д. Константинова отмечает: «Прогрессивные взгляды М.С. Куторги и передовое направление его преподавания сделали молодого ученого предметом обожания студентов всех курсов. Один из его учеников сообщает, что никто из профессоров Петербургского университета в 30–е и 40–е годы не был предметом таких восторженных оваций, как М.С. Куторга. Желая выразить свой восторг, студенты устроили Куторге на одной из его лекций рукоплескания и после окончания лекции вынесли его на руках»¹.

У себя дома Михаил Семенович собрал богатую историческую библиотеку, в том числе редкие книги, в использовании которых никогда не отказывал студентам. На своей квартире он организовывал частные семинары, на которых добивался от своих учеников умения анализировать и толковать источники, давать вразумительные ответы на поставленные вопросы, спорили, углубленно изучали историю. На его семинары охотно приходил Александр Пыпин, впоследствии видный литературовед и этнограф, он вспоминал: «Лекции эти довольно интересны: мы (нас всего девять человек) бываем у Куторги по четвергам вечером и проводим у него час или полтора: сначала толкуем о разных интересных предметах (Куторга умеет рассказывать – и потому лекции его не бывают скучны, кроме того, он много видел, потому что несколько раз был за границей и знаком с многими учеными), потом начинается чтение приготовленного сочинения»¹².

Михаил Семенович производил впечатление не только на Пыпина, но и на других слушателей: Василия Васильевского, ставшего известным историком, академиком Петербургской академии наук, Михаила Стасюлевича – впоследствии историка, публициста, редактора журнала «Вестник Европы», Федора Соколова – навсегда связавшего свою жизнь с древней историей.

Учитель Н.Г. Чернышевского

Философ и писатель Николай Гаврилович Чернышевский высоко ценил нашего земляка историка Михаила Куторгу. Он знал его лично со студенческих лет в Петербургском университете. Он много раз упоминает М.С. Куторгу в своем дневнике и письмах к родным, знакомым. Талантливый студент пишет, рассуждает о своем профессоре – «какой это бесценный педагогический материал!».

Занимаясь на историко–философском факультете, Н.Чернышевский слушал многих профессоров, которые воздействовали на формирование его взглядов. С сентября 1846 года стал слушать М.С. Куторгу, весьма образованного 37–летнего профессора. И сразу же написал учителю саратовской семинарии Гардею Саблу-

кову: «Историю всеобщую читает филологам Куторга младший. Мне он нравится несравненно более всех других профессоров, которые нам читают. Он занимается менее политической историей, нежели историей литературы и науки, сколько наука и литература имели влияние на историю всеобщую и служили выражением духа времени. Так об Аристофане, например, читал он три лекции.

Более, нежели фактами, занимается он самими деятелями: и здесь он ревностный защитник всех оскорбляемых и унижаемых... На многие предметы смотрит он со своей точки зрения. Так, например, Фукидид, беспристрастие которого так все превозносят, по его мнению – человек со слишком глубоким аристократическим убеждением, чтобы не быть ему в высшей степени пристрастным, чтобы не быть жесточайшим врагом партии реформы и демократии»³.

Произошло удивительное: в историческом анализе первоисточников Куторги ученическая мысль Чернышевского, пробуждаясь, нашла созвучие с тем, чего жаждал его критический ум. Профессор помогал студенту формировать научное мышление, понять объективность исторической логики и суть исторической закономерности. Рассуждая о древних событиях и страдальцах, он подводил слушателя к мысли о человеческих судьбах, о необходимости защищать тех, кто более всех трудится и более всех обделен. Это не могло не нравиться пылкой натуре 18-летнего Чернышевского, рано задумавшегося над проблемами реальной жизни и ответом на вопрос «Что делать?».

Куторга как профессор был строг, не заговаривал ни с кем, не стремился показать свое расположение к студентам. Однако по выражению лиц слушателей, их любопытным глазам он безошибочно разгадывал их интеллектуальные возможности. На экзамене Михаил Семенович позволил себе сделать исключение, и студент Чернышевский написал об этом родным: «Мною он, кажется, остался доволен, спросил (чего, конечно, не делает обычно), откуда я. Есть обыкновение у многих приготовить начало билета лучше, нежели конец. Михаил Семенович, как человек тонкий, хорошо знает эту привычку и потому у всех спрашивал конец билета»⁴. И нравственный облик, и эрудиция, и высокая талантливость привлекали внимание Чернышевского к профессору и между ними завязались дружеские отношения. 1 сентября 1848 года студент был огорчен и далее сообщает родным: «...Внизу встретил Куторгу, который довольно много поговорил со мной, как бы обрадовался, увидя меня, и это меня развеселило»⁵. Да это же событие: зеленый юнец разговаривает с профессором, которого, затаив дыхание, слушает большая аудитория. Их соединила незримая духовная нить, которая возвышала студента и помогала ему ставить перед собой повышенные задачи на пути всестороннего развития. Без этого он не достиг бы высот своего образования.

Ненасытному в знаниях Николаю Чернышевскому хотелось выделиться из общей среды, тянуться за светилами, без промедления испытать свои способности. Он часто заходил к Куторге на кафедру, где говорили об истории, философии, политике, где познакомился с профессором М.А. Антоновичем, с филологом-славистом И.И. Срезневским и другими видными профессорами. Сильно огорчался, когда заходил к Михаилу Семеновичу, а его на месте не оказывалось.

М.С. Куторга был учителем Чернышевского по душе. Они много знали друг о друге и младший всегда получал поддержку у старшего. Профессор вовсе не

был удивлен, когда студент заговорил о том, чтобы написать диссертацию. Он видел в этом очередную ступеньку роста одаренного юноши. Студент уже умел ставить перед собой задачи и готов был решать их. Он был настроен на лучшее будущее.

Чернышевский интересовался, над чем работает М.С. Куторга, великолепно знал его труды, восхищался трудолюбием автора. Об «Истории Афинской республики» (в этой книге 172 стр.), удостоенной Демидовской премии, он написал родителям: «Это небольшая книжка, страничек в 150. Конечно, она лучше всего, что выходило в России по древней истории, и лучше без всякого сравнения»⁶. В ней Куторга исследовал деятельность Клизфена, законодателя в Афинах (в 6 веке до нашей эры). Свергнув тиранию Писистратидов, он провел ряд демократических реформ, ввел правительственную коллегию из 10 стратегов, закрепил победу демоса над родовой аристократией. Когда часть этой книги была опубликована в московском сборнике «Пропилеи» (колоннада перед входом в здание), ученик не обошел вниманием своего учителя. В критическом обзоре Н.Г. Чернышевский отмечает: «Куторга пишет очень мало, и нельзя не пожалеть о том. Конечно, исследования, им печатаемые, представляют новые решения очень важных и трудных вопросов, – и мы согласны, что такие произведения требуют слишком многих изысканий. Но положение нашей исторической литературы таково, что ученый, трудясь для движения науки вперед, может посвящать некоторую часть своего времени и на такие труды, которые если не двинут вперед науку вообще, то будут совершенно новыми у нас. Исследование Куторги о Клизфене займет почетное место в общей европейской исторической литературе, объясняя один из главнейших фазисов развития афинского законодательства»⁷. И далее рецензент подробно разбирает книгу, поражая своими глубокими познаниями древнейшей истории Афин.

М.С. Куторга издал немало оригинальных трудов, принесших ему мировую известность: «Колена и сословия Аттические» (1838), «Персидские войны» (1858), «Афинская гражданская община», «Введение в историю древней греческой образованности» и другие. Выясняя истоки развития Древней Греции, он неизменно думал об узловых проблемах политической жизни России. И он этого не скрывал: «Изучая историю древних греков, мы изучаем историю своих, если позволено так выразиться, духовных праотцев»⁸. Ему было понятно, что и установление афинской гражданской общины и государственности (политии), и неуклонной законности, философские, нравственные, религиозные понятия древнего мира подготовили общество к принятию Христианства, способствовали развитию европейской культуры.

Каждая книга или статья, добытая долгим трудом, искусно изложенная, вызвала у знатоков большое уважение к автору. В неуемных самостоятельных поисках он приобрел твердый характер, аналитический ум и редкую любовь к знаниям и науке. Михаил Куторга побывал в Германии, Греции, Франции, Англии, Чехословакии, где встречался с видными учеными, обогащался научными знаниями, развивал свою мысль.

Один из видных его учеников, профессор В.В. Бауер вспоминал: «Заслуги М.С. Куторги, как профессора, останутся навсегда памятными для университета. Как ученый, он первый из русских стал разрабатывать самостоятельно классическую древность, подвергая ее, как кабинетному, в текстах, так и местному, в па-

мятников, изучению и исследованию. С этой целью совершил он в 1859 году, за счет министерства народного просвещения, ученое путешествие по Греции, Малой Азии и Египту, и только что возвратившись из этого путешествия, в начале 1861 года, отправился вновь в те же страны для продолжения начатых изысканий»⁹. Несомненно, крайне интересны его биографические факты, но самое важное в его жизни – мысли, заветы потомкам.

В 1869 году Куторга переехал в Московский университет, заняв кафедру всеобщей истории, на которой долгое время работал знаменитый профессор С.В. Ешевский, учитель великого историка Василия Ключевского. И здесь его не покидали мысли о будущем России и первостепенной роли науки в ее развитии. Рассуждения о понятии «история», о сущности человеческого разума и наступившей эпохе умственной деятельности Куторга изложил в книге «О науке и ее значении в государстве». Книга, опубликованная в Москве в 1873 году, принесла ему широкую известность. Мудрый предшественник оставляет для нас самое ценное из своего опыта, наблюдений и обогащает идеями, которые помогут нам сегодня осознать силу истории, науки, народного творчества, самих себя.

Книга, написанная для нас

То, что сегодня наша политическая элита настойчиво говорит о возрастании роли науки в развитии суверенного белорусского государства, находит понимание у каждого. У политика и ученого одна и та же судьба: исследовать насущные проблемы и находить разнообразные блага для народа, воспитывать надежного человека-творца, охранителя жизни. Они оберегают основы белорусского менталитета – трудолюбие, духовное совершенствование, мудрость, героизм, преемственность, традиционализм. А ведь это и есть извечные грани белорусской науки и идеологии.

Крайне любопытно, что из наших дореволюционных ученых эта неиссякаемая проблема весьма волновала М.С. Куторгу уже в первые годы после отмены крепостного права. Его мысли не потеряли своей значимости, они написаны как будто специально для нашего времени, для нас, строителей своей жизни в XXI веке. И что особенно важно, они написаны ученым-историком, который всю жизнь исследовал истоки развития государства, самые первые победы коллективного разума и лучше других понимал роль знаний и науки, человеческого интеллекта в общественном прогрессе Древней Греции и всех стран Европы.

Бесспорно, книга М.С. Куторги «О науке и ее значении в государстве» заинтересует всех, кто учит, пропагандирует научные знания, воспитывает студентов и молодых ученых, кто стремится глубже понять роль науки в развитии, укреплении, благополучии суверенного государства. Самое существенное и актуальное в ней может войти в лекцию о развитии политической мысли в Беларуси и будет ярким подтверждением талантливости нашего народа, его вклада в духовное богатство общества.

Жаль, что этой книги все еще нет на территории Беларуси, и о ней знают считанные люди. Ее желательно переиздать, чтобы в новых условиях она служила нашим современникам. В своей книге Куторга поясняет, что наблюдения за государственной жизнью народов привели к открытию исторического закона, называемого преемственностью и убеждающего в истине, что труды предшественников не остаются бесплодными для новых поколений, и что идеи не умирают, а содей-

ствуют дальнейшему успеху. «Закону преемственности, – подчеркивает он, – подчинена судьба государств и народов; она им обозначается и от него зависит; новые идеи изменяют направление духовной стороны общества, как бы перерождает иное, и в то же время укрепляет и возвышает государство»¹⁰.

Как же достигается историческая преемственность? Непременным и важнейшим условием ученый называет даровитость народа, его способность воспринимать духовные начала, нравственные ценности, выработанные вне его среды. Бесценными кажутся мысли Куторги о роли знания и науки в достижении преемственности поколений в развитии человека и государства. По его мысли, науку составляют знания, логически соединенные в систему и проникнутые идеей; знание вырабатывается из сведений, а наука из знаний. Совершая открытия и преобразования, наука изменяет умственный, нравственный и политический строй государства, открывает широкий простор творческой деятельности народа. Определяя ее национальный облик, ученый исходил из того, что наука как результат деятельности разума есть общее человеческое достояние. Далее он продолжает: "Но наука обрабатывается согласно с гением народа и потому принимает народное направление, а вместе с тем и те новые стихии, которые согласуются с народностью и из нее вытекают. Другими словами: содержание, цель и сущность науки везде, во всех странах, одинаковы, но у различных наций она облекается в различные формы и как бы налагает на себя различную одежду"¹¹, то есть, излагается не на каком другом языке, а на отечественном. Она живет разнообразными потребностями своего народа, заботой о развитии и могуществе своего национального государства.

Вместе с тем Куторга был не согласен с теми, кто увлекался западничеством, выступал против низкопоклонства и раболепия, которые выражала тогда русская интеллигенция. Он с негодованием писал: "Мы думаем теперь о Западе... наши взоры обращены к Германии, Франции, Англии, как к идеалу жизни литературной, политической и промышленной. Мы старательно подражаем тому, что там происходит и что там принято; спешим с трепетным нетерпением, как бы изменить самих себя по чужеземному образцу"¹². И сегодня у нас так же бездумно вопят те, кто ленив и неспособен к самостоятельному труду и творчеству нового.

Мудрый Куторга не исключал знания того, что успешно делают другие народы. Заимствование необходимо, но оно будет помогать лишь при условии, что сам народ создает свои идеи и свою самобытную культуру. Особенно же опасны чужестранные влияния, если они реакционны и не отвечают духу нации. Дурной пример заразителен. Негативное влияние иезуитов низвело передовые европейские страны в разряд отсталых. Успех общества зависит от степени душевной силы общества, от свободы творчества, а не от воздействия извне.

Раскрывая смысл науки–богини, Куторга вплотную подошел к выяснению исторических истоков цели и идеи. Народ и его наука сделают гораздо больше, если они определили главную руководящую мысль, сознательно принятое намерение, вдохновляющее начало – цель. Она непременно может быть понята на каждом этапе истории. Для своего времени Куторга четко обозначил ее: «...поставить наше отечество на ту высоту, до коей дошли первенствующие стра-

ны Европы»¹³. Он называет ее прекрасной, достижимой, обещающей великую будущность государству.

Ученый подсказывает: идея вытекает из знаний, она – духовное начало. Она обобщает, проникает в каждое звено жизни и дает ему значение, творит из частей целое. Идея не только обобщает, но и обозначает цель, выработанную на основе знаний человеческим разумом. Можно дополнить, чем выше образование, интеллект людей, тем сильнее, жизнеспособнее идеология государства. Научные и экономические достижения более всего возможны тогда, «когда в учащихся развита способность мыслить и понимать идеи, и когда они приучены не к легким и поверхностным занятиям, а к внимательному и отчетливому трудолюбию»¹⁴. И тогда только наука войдет в образ и быт нашей жизни.

М.С. Куторга объяснил современникам, что наука подчиняет себе всю умственную деятельность общества, ведет к духовному состоянию, называемому образованностью. Он убеждал, что наука внушает человеку благородные чувства, смягчает нравы, помогает формировать убеждения, однако для ее уразумения «требуется зрелый и высокий ум, способный к восприятию истины». В своей книге Куторга раскрыл требования даровитости для успеха в любом деле, даровитость в сфере науки как самая высшая и главнейшая потребность государства, и творчество как драгоценная сокровищница народа. Роль знаний невелика, если не преобразовываются в творчество, способность порождать нечто новое, необходимое. Он пишет: «Есть, однако, общества и народы, которые, хотя и одарены живою восприимчивостью и обнаруживают некоторое сочувствие к прекрасному и истинному, не проявляют ни творчества, ни даже пытливости ума и не создают ничего самобытного. Они увлекаются готовыми знаниями; переносят к себе добытые другими открытия и изобретения; переводят с других языков на свой, отечественный произведения наук и литературы; приспособливают к себе разные иноземные учреждения; словом, украшают себя чужими дарами, но не идут далее. Такое общество осуждает себя на вечное духовное рабство и на вечную зависимость от своих чужестранных учителей»¹⁵.

Хотелось бы, чтобы наша страна не попала в такое состояние, без народной инициативы и творчества нам не выжить, не сохранить своей независимости, не продвинуть научно–технический прогресс, не создать новых технологий и оригинальных товаров. Заимствование, пустое подражание западной цивилизации не превратят нашу науку в ту могучую созидательную силу, которая будет определять будущность своей нации. М.С. Куторга, понимая, что всякое улучшение, нововведение, творчество зависит от нашей способности творить, все же предсказывает нам: «Для того, чтобы наше отечество заняло место в ряду всемирно–исторических деятелей и стало достойным представителей славянского племени, нам следует понять, изучить и водворить у себя то умственное начало или ту идею, которая произвела эти блестящие результаты и на которой построено великолепное здание западно–европейской образованности»¹⁶. Неплохо писал историк 130 лет тому назад! Преклоняясь перед величию его разума, возможно, сегодня это могло звучать по–иному. Наше Отечество продвинулось вперед в своей образованности и культуре, но и у нас возникло много научных проблем, решение ко-

торых надо искать не в западных идеях, а в своем все более расширяющемся социально-экономической и культурном пространстве, в ресурсах собственного ума.

М.С. Куторга много повидал на своем веку, выпитал мудрость разных народов, и ему нашлось что сказать новым поколениям. Как будто специально нас он убеждает: человек награжден всем, что ведет к преуспеванию, одарен способностью приобретать желанные блага; но ему самому принадлежит исполнение своих предназначений, и он сам должен стать достойным своего великого дара.

Историк-мыслитель учил смотреть на науку не как на украшение, идеал, а как на условие и потребность жизни. Он отмечал роль университетов и академий – они дают средства и возможность изучать науку, пробуждают интеллектуальную разумную деятельность человека, воспитывают чувство долга. По его мнению, наука становится плодотворной только тогда, когда в студентах уже развита способность мыслить и понимать важность идеи, и когда они приучены не к легким и поверхностным занятиям, а к вошедшему в привычку трудолюбию. В таких условиях может вспыхнуть огонек творчества, освещающий путь в науку.

Даже беглое знакомство с профессором М.С. Куторга и его актуально звучащими мыслями о науке и образовании, надеюсь, обогатит студентов и читателей. И очень уж хотелось, чтобы наши современники, несмотря на духовную усталость, временные трудности и разочарования, восприняли эти слова, как завет великого мудреца: «Человеческий ум создан для деятельности; он в ней проявляется, ею существует; без него не останавливается, но, перед ними не только не останавливается, но, напротив, напрягает всю энергию воли и вступает в борьбу с ними. Эта борьба полезна, как задаток лучшего; в ней источник совершенствования; без нее успех невозможен. Ум пробуждается трудностями; он их вызывает и ищет; только при них и обнаруживается во всем величии и силе. Где нет ни преград, ни борьбы, нет ни могущества, ни образованности. История выставляет эту истину в виде положительного закона»¹⁷.

История позаботилась, чтобы мы во всем многообразии испытали бесконечно возникающие трудности и не растерялись бы, не размагнитились бы, не разуверились бы, а проявили в себе творческие силы, достойные славных традиций и гения белорусского народа. И только тогда мы будем приближаться к пониманию тайн преобразования общества, социальных угроз, подлинных и мнимых.

Позвала Мстиславская земля

Михаил Куторга не жаловался, на судьбу: на такую высоту в познании истории Древней Греции никто не поднялся из белорусов да и во всем мире. Однако в зрелые годы признал: «Пройденный мною путь был тернистым». Видно, имел в виду настороженное к нему отношение властей, нередко споры о его книгах, придирки недоброжелателей, изнурительный труд педагога. Да и болезни, семейные неурядицы здоровья не прибавляли. Усталость профессора вынуждала все чаще вспоминать родину – незабытый уголок детства, где можно было оживить свои силы.

В 1874 году Михаил Семенович покинул Московский университет, веселую студенческую ораву и уехал на Могилевщину. Он поселился в своем любимом имении Борок, в семи верстах от уездного города Мстиславля. Усадьба стояла на живописном берегу Сожа, и все здесь освежало душу, радовало глаз. Куторга лю-

бил свою землю, на которой приятно было находиться, наслаждаться природой и работать. Все здесь имело сакраментальный смысл: поля и леса, вода и солнце. И птицы пели слышнее.

Неоперившимся птенцом вылетел он из своего гнезда, а вернулся знаменитым историком, не умеющим жить без научной работы. Утром профессор выходил в сад, поправлял свою густую длинную бороду, и творческая мысль уносила его далеко: он продолжал думать о Древней Греции – колыбели европейской культуры и государственности. Он привез с собой конспекты, наброски и каждый день садился за письменный стол, заваленный бумагами, как в Петербурге или Москве. Орел исследования, облетевший много стран, не сложил свои крылья. И здесь он планомерно и непрерывно завершал свои творческие замыслы.

На мстиславской земле М.С. Куторга написал «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике», монографию более четырехсот книжных страниц. В благоухающем имении, вдалеке от больших городов, он каждодневно думал о мученической судьбе рабов, расценивая их как людей, составлявших самую многочисленную часть населения Древней Греции, «людей трудолюбивых, полезных, обративших в цветущий сад даже горные местности, но лишенных свободы и угнетенных, хотя содействовавших благополучию своих повелителей и поддерживавших их блеск и славу»¹⁸. Он показал, что все здание греческой демократии и культуры было воздвигнуто трудом рабов.

Ученый рассматривал рабов как историческое явление, показал размеры рабовладения, бесчеловечный режим, которому они подвергались. Он раскрыл, что именно в Древней Греции зародилась идея классовой борьбы, демократии, внимание к положению обездоленных. Он с грустью отмечал: «История неумолима: она убеждает, что эгоизм существует и при высокой образованности; что он чужд человеколюбию...»¹⁹. А сегодня, спустя более 120 лет, разве кто-то усомнится в правильности этих выводов? Эгоизм образованных правителей многих стран превратил тысячи людей в смертников, беженцев, нищих, безработных, а то и в рабов (продают же женщин и детей).

Сколько самых разных событий, фактов, имен, ныне далеко не всем известных! И все это было подвластно исследовательскому уму Михаила Семеновича, все это жило в его памяти. Даже трудно себе представить, какими способностями, какими знаниями и талантом надо было обладать, чтобы справиться с этим почти фантастическим объемом работы. И все это продумано, выразительно изложено, сделано с истинной любовью. Сотни одних только подзаголовков с включением в них собственного имени: «План исследования М.С. Куторги о рабах», «Взгляды М.С. Куторги на сей предмет», «Суждение М.С. Куторги о Солоне», «Выводы...» и т.д.

С глубоким знанием и необыкновенной легкостью пишет он о полководцах, философах, поэтах, политических деятелях, ораторах. Подчеркивает, что уничтожение гражданской замкнутости, внося в общину новые жизненные силы, и привлекая в ее среду предприимчивость и даровитость, укрепило и возвысило саму общину и создало греческий литературный язык. Вслушайтесь в мощь и красоту слов Куторги, написанных здесь на Мстиславской земле: «Читая речи афинских ораторов, как бы присутствуешь при великолепном состязании государственных мужей, излагающих каждый свою политику в строгой, логической последова-

тельности и замечательно изящным языком, но, явно пренебрегая тою звучною цветистостью... Всего более проникаешься убеждением в правдивости их намерений и действий: они искренне желали пользы и благоденствия афинской республике, но совершенно расходились в оценке политических мер для осуществления этой пользы. В пылу страстей и раздражительных прений они не щадили друг друга и доходили до взаимных упреков в подкупности и даже в измене»²⁰.

Почти десять лет по-спартански Куторга трудился над книгой о рабах. И вот написана последняя фраза: «Изучая историю древних эллинов, изучаем законы исторической преемственности». С чувством исполненного долга и редкой точностью засвидетельствовал: «1884 г. июня 17. Воскресенье. 4 часа полудни. Усадьба Борок²¹. Поистине великий день! Да он же может стать праздником трудолюбия и творчества для нынешних талантливых мстиславцев, днем памяти ученого. Находясь под Мстиславлем, М.С.Куторга вёл переписку с петербургскими и московскими учёными, своими учениками, редакциями журналов. Здесь с помощью родного племянника Михаил Степанович (сын брата Степана Куторги, зоолога, доктора медицины) он готовил к печати своё собрание сочинений—об этом 30 января 1883 года сообщил в Петербург профессору Г.Дестунису. Намерен был приступить к изданию первого, а потом второго томов, в которые вошли его произведения, написанные в имени Борок. Переживал, волновался, однако этот замысел тогда не осуществился (первый том вышел только в 1894 году с фотографией автора).

В последние два года Михаил Куторга работал над книгой «История афинской политики», которая стала венцом всей его учёной жизни.

21 мая 1886 года Михаил Семёнович Куторга скончался. Здесь же в окрестности имения Борок, на берегу тихого Сожа его похоронили.

То, что исследовал и написал М.С.Куторга за свою жизнь, современники назвали научным подвигом. Он изменил взгляд на состав народонаселения, условия и управление древней Греции и весьма успешно проектировал свои политические взгляды на будущее своей страны, особо выделяя роль знаний и науки в её социальном и культурном развитии. То, что он проявил великое упорство в исторических изысканиях, глубокий аналитический ум, не останавливался ни перед какими авторитетами,— делает его имя гордостью своей нации. Пусть будет священным клочок земли белорусской, где покоится прах настоящего учёного и педагога, прообраза человека «разумной свободы».

1. Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань. 1967. С. 94.
2. Исторический вестник. 1905. № 1. С. 284.
3. Чернышевский Н.Г. Полное собрание соч. Т. 14. М., 1949. С. 72
4. Там же. С. 135.
5. Чернышевский Н.Г. Полное собрание соч. Т. 1. М., 1939. С. 104.
6. Там же. С. 130
7. Там же. С. 567
8. Куторга М.С. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1894. С. VIII.
9. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1970. С. 216.
10. Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве. М., 1873. С. 13 – в дальнейшем ссылки на это издание с указанием страниц в тексте.
11. Там же. С. 23.

12. Там же. С. 9.
13. Там же. С. 15.
14. Там же. С. 27.
15. Там же. С.14.
16. Там же. С.14.
17. Там же. С. 50.
18. Куторга М.С. Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике //Собр. Соч. Т. 1. Спб., 1894. С. 461.
19. Там же. С. 190.
20. Там же. С. 510.
21. Там же. С. 560.

Библиотека БГУИР

М.С. КУТОРГА

О НАУКЕ И ЕЁ ЗНАЧЕНИИ В ГОСУДАРСТВЕ

III

Принятие чуждой, но высшей образованности встречается у каждого великого народа и есть неперемное условие его дальнейших успехов. Эллыны перенесли к себе образованность Востока и, преобразовав её, а вместе с тем опередив своих предшественников, передали её Римлянам в далеко улучшенном виде; передали уже как свое достояние, выработанное собственным творчеством. Этими двумя наследиями, греческим и римским, воспользовались западные европейцы в эпоху Возрождения и поднялись чрез них на такую высоту, что стали умственными владыками целого мира. Мы наконец стараемся теперь усвоить себе западно-европейское. Итак, история убеждает, что принятие чуждой образованности не есть событие случайное и что без него народное усовершенствование не существует и не мыслимо; а потому и нельзя, повторим, не сочувствовать его у нас действию. Но иностранное влияние благотворно не столько потому, что знакомит заимствующих с новыми знаниями, изобретениями и открытиями, сколько, и преимущественно, по той причине, что чрез подобное влияние вносятся в общество новые идеи, пробуждающие творческий дух человека.

Простое заимствование разнородных сведений и предметов, даже самых полезных для жизни, не имеет исторического значения и недостаточно для того, чтобы водворить в государстве истинную образованность. Без знания руководящей их идеи сведения остаются чужими, не проникают в глубь и не перерождают народа; они только служат наружным украшением, доставляют удобства жизни и производят мгновенный блеск, в сущности же бесполезны и обманчивы, так как прикрывают невежество; это позолота, не чистое золото. Успех общества зависит от самобытной умственной деятельности, неразлучной с творчеством.

Это великое дело происходит не чрез прием сведений, а чрез сознательное понимание и собственное разработывание идей извне вносимых. Новые идеи возбуждают в человеке любознательность, и как только она явится, открывается в обществе знаменательный и богатый последствиями процесс, в котором люди сначала предаются строгому изучению с целью усвоить внесённые

знания и идеи и понять их в основном существе, не в одних внешних проявлениях; а потом напрягают всю твёрдость воли и всю силу ума, чтоб усвоенное и понятое не оставить чуждым, но переработать, применить к нравам, обычаям, религии, языку народа, посеять и взрастить науку на родной почве и согласовать её с гением народа, словом, слить с народностью.

Дойдя до этого результата, общество совершает успех в государственно-историческом развитии и достигает самобытной, народной образованности, представительницей которой служит наука. Такая образованность есть принадлежность и отличительный признак народов, носящих название исторических; она только одна имеет вес и цену, и только этими народами и занимается история.

IV

В наше время, когда путешественники и миссионеры проникли во внутренность Африки, на острова Полинезии и в степи Средней Азии; когда открыты источники Нила, остававшиеся тайною в течение тысячелетий, не много остаётся неузнанных ещё племён на земном шаре. Говорим о народах, которые проходят возрасты исторической жизни или которые, исполнив труд свой, сошли с поприща, завещав потомкам память дел своих.

Народ исторический или, как его часто называют, народ великий уподобляется великому человеку и действует под влиянием двух начал: он следует общим законам человечества, но проводит их в исполнение согласно с своими силами и своею даровитостью, покоряясь требованиям своей свободной воли. Таких народов немного; их деятельность, не замыкаясь пределами своей области, распространяется на сродные народы и обуславливает их познание, так что в целом племени происходит общее духовное настроение и вырабатывается, так сказать, племенная образованность.

В древнем мире существовали и взаимно действовали четыре образованности: египетская, семитская, эллинская и римская или итальянская. То же видим и в новое время в Германии и Италии, где, несмотря на бывшее до сих пор чрезвычайное, только теперь уничтожающееся, разнообразие владений, выработались, однако общие и единые, германская и итальянская, образованности. Но между соплеменниками возвышается иногда один, как отдельная личность, и служит представителем прочих ветвей племени, кото-

рые к нему тяготеют, вместе с ним совершают свой умственный путь, и свою судьбу соединяют с его судьбой. Вавилоняне были представителями семитов, афиняне – эллинов, римляне – народов Италии. Влияние исторического народа не ограничивается, наконец, и своим племенем; оно приобретает значение преемственности, переходит на племена чуждые, внося новые элементы в умственную жизнь их, и, не останавливаясь даже и тогда, когда государство прекращает свое бытие, возрождается чрез тысячелетие.

Величие не знает смерти; оно всегда живет и всегда благотворно действует, и есть прямое, притом единственное, достояние истории, которая только его и помещает в своих летописях.

Много было в древнем мире колен, владений, царств и общин, но история говорит только о египтянах, семитах, греках и римлянах, о прочих же упоминает коротко и большей частью случайно. Если бы греки не воевали с персами и римляне с карфагенянами, то едва ли сохранилось бы о них что-либо кроме имени.

V

Наблюдения над государственной жизнью народов привели к открытию исторического закона, называемого преемственностью и убеждающего в истине, что труды предшествовавших поколений не остаются бесплодными для поколений последующих и что идеи не умирают, а содействуют дальнейшему успеху. Из тех же наблюдений определилась сама степень того значения, какое может иметь на общество прием новой образованности, а вместе с тем и все от того происходящие последствия. Закону преемственности подчинена судьба государств и народов; она им обозначается и от него зависит; новые идеи изменяют направление духовной стороны общества, как бы перерождают оное, и в то же время укрепляют и возвышают государство. Все эти важные и благодетельные последствия преемственности достижимы, однако и вообще возможны только при двух неперемennых условиях: при даровитости народа, воспринимающего духовные начала, выработанные вне его среды, и при правильном способе, как самого приёма, так и изучения воспринятого.

VI

Требование даровитости для успеха, в каком бы то ни было предмете так естественно и очевидно, что едва ли предстоит необходимость, не говоря уже доказывать, но и разъяснять это требо-

вание. Замечу только, что здесь, разумеется, даровитость в деле знания и науки, как самой высшей и главной потребности государства. Наука представляет духовную силу человека и общества, совокупляет и как бы олицетворяет знания и занимает первое место в кругу умственной жизни народа. Всё это возможно только при высокой даровитости людей, посвятивших себя науке, и только в обществе, обладающем этим благом.

Даровитость есть важнейшее условие усовершенствования, основание и залог будущего, та драгоценная сокровищница, которой богатство не исчерпывают самые роскошные щедроты. Она притом не есть принадлежность или отличительный признак одной какой-либо способности разума, но хранится во всех, возбуждает их деятельность и, соединив в стройное целое, ведёт к общему началу, называемому образованностью.

Но исследуя и разлагая даровитость, находим в ней три свойства, составляющие три её существенные части: восприимчивость, пытливость ума и творчество. Эти свойства имеют значительный вес в истории и объясняют события, кажущиеся загадочными. В благоустроенном обществе и при правильном водворении науки, все три свойства существуют вместе и неразлучно связаны теснейшими узами и взаимно себе помогают и содействуют. Творчество венчает пытливость ума, которая в свою очередь возбуждается восприимчивостью, а восприимчивость сама по себе теряет цену без пытливости и творчества. При совокупном их действии принятые извне знания подвергаются умственному труду человека и, преобразовавшись в этом духовном горниле, перестают быть чуждыми и становятся собственным достоянием, выработанным согласно с гением народа.

Есть, однако, общества и народы, которые хотя одарены живою восприимчивостью и обнаруживают некоторое сочувствие к прекрасному и истинному, но не проявляют ни творчества, ни даже пытливости ума и не создают ничего самобытного. Они увлекаются готовыми знаниями; переносят к себе добытые другими открытия и изобретения; переводит с других языков на свой, отечественный, произведения наук и литературы; приспособляют к себе разные иноземные учреждения; словом, украшают себя чужими дарами, но не идут далее. Такое общество осуждает себя на вечное духовное рабство и на вечную зависимость от своих чужестранных

учителей. В нем бывает иногда большое умственное движение, основывается много учебных заведений, преподаются разнообразнейшие предметы и пишется о всём возможном, так что можно было бы подумать, что в нём ценится и укореняется наука; но это признак, который так же быстро исчезает, как и является. Он озарит ярким светом, но на мгновение, и после него водворится мрак сильнее прежнего.

Многие писатели утверждают, что общество, не трудящееся самостоятельно над наукой, а только всё заимствующее, лишено творчества и никогда не произведёт ничего нового. Мы не можем согласиться с этим мнением. Восприимчивость есть зародыш и главнейшая потребность творчества; она низшая ступень, заставляющая предполагать высшую. Правда, не все народы одарены одинаково; но три означенные свойства в большем или меньшем размере существуют у всех. Если потому замечается в обществе живая восприимчивость, то она уже свидетельствует, что в нём должна таиться и само творчество.

VII

Мы живем в эпоху, как преобразований, так и народной деятельности, которые вступили, наконец, после долгой разлуки в союз и действуют в полном согласии и с возбужденным соревнованием. Преобразования совершаются так быстро, как будто стараются опередить друг друга; им помогает народная деятельность, так изменившая страну. Всеми сословиями овладело какое-то трепетное нетерпение, недовольное существующим и жаждущее нового.

В литературе и в учении, в государственных учреждениях, в торговле и промыслах, в самом состоянии общества, везде усматривается отпечаток особенного движения, которое не волнуется, так сказать, по поверхности, а проникает глубоко, обнимая умственный, нравственный и политический строй земли русской.

Во всем, однако, этом разнообразном и чрезвычайно многостороннем движении усматривается одна руководящая мысль, одно главное, преобладающее начало; везде видно сознательно принятое намерение, лежащее в основании разнородных стремлений; все идет к определенной цели, для достижения которой трудятся с напряжением всех своих сил. Эта цель – водворить в России западную образованность и поставить наше отечество на ту высоту, до коей дошли первенствующие страны Европы. Цель прекрасная и

высокая, обещающая великую будущность и весьма возможная и достижимая, так как никто, надеемся, не будет отрицать у Русских ни трудолюбия, ни даровитости.

Чем значительнее, однако, дело, тем более оно требует внимания, соображений и осмотрительности. Принятие чуждой образованности не есть простое нововведение, ещё менее внешнее украшение или улучшение, которое можно было бы легко устранить и сбросить; оно влечёт за собою самые знаменательные последствия и весьма справедливо признаётся первостепенным событием в истории развитии государства. Им определяется будущность народа, ибо оно оказывается столько же благотворным и счастливым, сколько и пагубным, смотря по тому направлению, которое оно примет или какое дадут ему.

Заимствуя западное, русские обнаружили восприимчивость, и сочувствие, которым нельзя не порадоваться и которые производят самое утешительное впечатление. Мы не можем, однако, и не должны остановиться на заимствовании одних внешних проявлений образованности, ни на слепом подражании даже тому, что всего замечательнее и возвышеннее на Западе. Как ни удобны железные дороги, пароходы и телеграфы; как ни полезны переносимые к нам разного рода учреждения; как ни плодотворны прусские гимназии, все они только результат тех идей, которые создают образованность. Для того чтобы наше отечество заняло место в ряду всемирно-исторических деятелей и стало достойным представителем славянского племени, нам следует понять, изучить и водворить у себя то умственное начало или ту идею, которая произвела эти блестящие результаты и на которой построено великолепное здание западно-европейской образованности.

Если, не увлекаясь внешним лоском, мы успеем это начало самобытно разработать, то приобретём не чуждую нам позолоту, а драгоценный металл, и представим свою собственную образованность.

VIII

Смотря же на западную Европу в общем смысле, без различия национальностей, и желая одним словом определить её отличительный признак и её место в истории человечества, можно сказать, не встретив противоречия, что ей принадлежит наука, как по своему открытию, так и по её возможному усовершенствованию.

Слово наука обозначает ту высокую степень образованности, которую западная Европа гордится и, которая доставила ей неоспоримое умственное преобладание на земном шаре. Она вышла из глубокого изучения древнего классического мира и им до сих пор неизменно поддерживается и, так сказать, питается, но выработана Европейцами собственным и самобытным творчеством. Наука—представительница и олицетворение всего западного образования и в то же время она ему содействует, его улучшает и ведёт к дальнейшему успеху. Она средоточие в коем слагаются знания, а вместе с тем могущественная сила которая их вызывает и распространяет в обществе. Внушая чувства чести и личного достоинства, наука водворяет в общество правдивость, законность и исполнение долга, чрез что и доставляет государству спокойствие и благоденствие. Она и возвышает государство, так как изобретает для него все средства к продолжительному и прочному могуществу.

Это высокое значение науки налагает обязанность обсудить само понятие науки и определить точный смысл его. Постараемся представить его в кратком очерке и в той только мере сколько требуется для разъяснения нашего предмета. Мы не имеем в виду излагать его с точки зрения философии и подвергать всестороннему исследованию. Наша историческая цель замыкает разыскания в тесные пределы и удаляет их от всех других соображений.

IX

Науку составляют знания, логически соединённые в систему и проникнутые идеей.

Остановимся на этом определении и постараемся оправдать его.

Говорим знания, несведения, видя существенное различие в свойстве двух, хотя и сродных, понятий, выражаемых сими словами. Оба обозначают умственные приобретения, но в разной степени и при разных условиях. Знаниями можно назвать только те из них, которые выработались самостоятельной деятельностью разума и образуют потому вполне сознаваемое, неотъемлемое духовное достояние человека. Сведениями же обозначаются, хотя также умственные приобретения, но более изведенные и частью внушённые, или поведенные, а следовательно ещё не достигшие значения сознательной собственности человека и общества. Это различие их обоюдного свойства лежит в их природе и согласуется с их перво-

начальным источником и с их образом действия. Сведения вытекают более из внешнего наблюдения явлений духовного и естественного мира и представляют собою их совокупность; знание, напротив, есть результат исследования, которое проникает в глубь явлений, отыскивает их причину и из неё выводит законы от коих явления зависят. Отсюда и происходит что сведения свидетельствуют только об умственной восприимчивости человека и не идут далее. Правда, они способствуют улучшению и украшению общественного и частного быта, а при даровитости посвятивших себя их изучению людей сопровождаются даже изобретениями, но не обнаруживают пронизательной пытливости ума, остающейся неизменным спутником знаний, т не создают творчества, присущего свойства науки. Несмотря однако на своё различие, оба понятия сродны, и именно в том смысле что сведения предшествуют знаниям, подобно тому как знания предшествуют науке. Другими словами: знание вырабатывается из сведений, а наука из знаний. Этот последовательный ход определяет и место занимаемое каждым из сих понятий в постепенном развитии образованности, ибо умственная деятельность общества уподобляется той же деятельности человека и чрез неё познается; правила одной служат правилами другой, и судьба одной объясняет другую и к ней применяется. Западная Европа совершила этот путь с логической точностью. Как только изучение древнего классического мира возникло в эпоху Возрождения, общество усвоило себе новые начала с таким увлечением что, стараясь отбросить прошедшее, так-сказать, облеклось ими, жило и думало под их влиянием. Тогда наступил век сведений, изобильный открытиями и изобретениями. За ним последовал период знания, ибо европейцы не остановились над заимствованием чуждого и им не удовольствовались, а, подвергнув оное строгому разбору, всесторонне его постигли, вызвали сами новые знания и личным трудом приобрели собственное умственное достояние. Наконец знание изменилось в науку, которая ещё и теперь беспрерывно усовершенствуется, хотя уже достигла высокого достоинства.

Х

Вторым признаком науки весьма справедливо считается система, в коей однородные знания расположены в логическом порядке и в нём изучаются. Система есть не только связь, соединяю-

щая несколько отдельных частей вместе, но и духовное начало, образующее из сих частей вместе, но членённое целое. Части системы – существенная, органическая принадлежность целого; они друг другу помогают и, так-сказать, живут одною жизнью; и хотя каждая имеет собственное назначение, но все действуют в одном духе, так что ни одна из них не может быть ни понята, ни устранена без нарушения общего согласия. Как не мыслимо человеческое тело без руки или без ноги, так не мыслима история без Греции и Рима, или какой-либо другой подобной части, несмотря на то что в каждом из сих частей излагается самобытная жизненная деятельность, вырабатывающая собственную идею. Система необходима везде, даже в тех периодах образования где ещё нет науки; она придаёт значение сведениям, но достигает своей цели преимущественно в науке, где, проникнутая идеей, приобретает вид стройного, логического целого.

XII

Наука единосущна, в ней одно существо; и это существо – человеческий разум.

Разум – властитель, господствующий над всеми властителями; судья, пред которым предстают все судьи мира; законодатель, устраивающий царства и народы; разум подчиняет природу, управляет делами людей и устанавливает начала, на которых основано общество. Он создает науку, выражая в ней правила и законы своей творческой деятельности. Наука обладает потому всеми его свойствами, разделяет судьбу его, без него не существует и не мыслима, и подвергается тем видоизменениям, какие он сам испытывает. Рассматривая же разум не с общей философской, а только с исторической точки зрения, и имея в виду только применение начал науки к разъяснению исторических событий, видим в нем три главные стороны: свободу, творчество и могущество. Эти самые свойства принадлежат и науке.

Прежде всего заметим, что наука, как результат деятельности разума, есть не какое-либо частное, а общее человеческое достояние, не прикованное ни к стране, ни к народу. Рассматриваемая сама в себе, она не имеет народности, и нет ни английской, ни германской, ни русской науки, и никогда и быть не может. Но наука обрабатывается согласно с гением народа и потому принимает народное направление, а вместе с тем и те новые стихии, которые

согласуются с народностью и из неё вытекают. Другими словами: содержание, цель и сущность науки везде, во всех странах, одинаковы; но у различных наций она облекается в различные формы и как бы налагает на себя различную одежду. А так как язык, выражая народную мысль и вообще народный гений, служит главным представителем народности, то наука, чтобы стать истинным достоянием народа, излагается и должна излагаться не на каком другом языке, а на отечественном. Только при этом условии наука и содействует водворению и успехам образованности в стране.

ХIII

Обратимся к рассмотрению свойств науки. Нет необходимости доказывать, что свобода мысли есть первое и самое главное условие, без которого наука не только не разрабатывается и не процветает, но вообще не зарождается. Наука, как сам разум, не знает ни оков, ни стеснений, ни предписаний; она действует свободно и самобытно, удовлетворяет только духовной потребности изучения, но не руководясь никакими сторонними соображениями. Свобода мысли есть жизнь, так сказать, кровь и плоть науки; та могущественная сила, которая производит творчество, и то начало истины, которое упрочивает в обществе образованность. Словом, свобода есть существенное свойство науки, служащее источником, из коего исходят все её отличительные признаки и откуда она заимствует свой вес и значение.

Быв результатом свободной деятельности разума, наука воспринимается обществом только в то время, когда совершится в нем пробуждение этой свободной деятельности, то есть при его собственной духовной потребности, выходящей из убеждения и воли человека. Наука не может быть ни искусственно водворена, ни произвольно наложена: действуя, учась и изобретая, общество не покорствуется предписаниям, а удовлетворяет требованиям своего творческого духа. Обществу могут помочь, облегчить его труд, дать средства к достижению цели, но не образовать: оно образуется своими силами и само собою. Человек награждён всем, что ведет к преуспеянию, и одарен способностью приобретать желанные блага: но ему самому принадлежит исполнение сих предначертаний, и он сам должен стать достойным своего великого дара. Успех общества зависит от самого общества, от степени душевной силы, которою оно обладает; счастливые и несчастные обстоятельства

могут ускорить или замедлить умственное развитие, но они его ни создают, ни уничтожают. Водворение в государстве науки есть дело разумной свободы человека.

Наука не только свободно воспринимается, но и требует свободного изучения, устраненного от всех побочных целей. Она изучается сама в себе и для себя самой: она не средство для чего-либо, а сама себе цель, так что изучение науки имеет в виду только науку, а не её приложение к жизни. Если бы стали изучать науку с желанием удовлетворять общественным и житейским потребностям, то она перестала бы существовать как наука, сошла бы с своей высоты и обратилась в ремесло и схоластику.

XIV

Говорим об изучении науки, не об ее влиянии на общество и не о последствиях, коими сопровождается её водворение. Наука существует в государстве и находится в постоянном с ним взаимодействии. Общество трудится над улучшением своего быта, напрягает силы для самообразования и стремится умножить свои вещественные и умственные приобретения; наука является ему союзником и помощью и содействует ему, удовлетворяя его потребностям и желаниям. Наука совокупляет воедино народные силы и ведет их к одной цели, доставляя им чрез то единодействие и силу. Она руководит законодательством, финансами и всем гражданским положением нации; совершенствует промыслы, торговлю и земледелие; возвышает умственную производительность общества. Наука внушает человеку благородные чувства и смягчает общественные нравы. Наконец, обнимая мир естественный и духовный, излагает законы бытия и ход человечества, утверждает правила законности и исполнения долга и оценивает самого человека, изображая деятельность разума и объясняя свободу мысли, совести и слова. Нельзя ни отрицать, ни подвергать сомнению взаимного действия науки с обществом.

Чтобы достойно совершить это дело, необходимо изучать науку не в её приложении к жизни, а в ней самой, в её идее, в её основных началах. Только при таком изучении она будет понята, а затем уже и применима. Словом, изучение науки должно исходить из духовной потребности человека и самого бескорыстного побуждения; и в этом отношении оно следует тому общему порядку, который усматривается как в естественном, так и в умственном мире.

Шелковичный червь производит свою нить не для обогащения лионских фабрикантов, а по требованию своей природы; драгоценные камни создаются в течение тысячелетий не для того, чтобы украсить роскошное общество, а вследствие законов мироздания; художник изобразил на полотне Божию Матерь и Преображение не для удовольствия римского папы и не за дары его, а по влечению своего гения. Так и наука изучается не с какою-нибудь особенною целью, а сама в себе, для узнания законов естества и человечества.

XV

Согласуясь с законами разума, наука подчиняется известным правилам, и без них не существует. Эти, весьма точно и строго определенные, правила носят название методы изучения, которая до того необходима что наука только чрез неё становится возможной как по отношению к её усвоению, так и по отношению к дальнейшему усовершенствованию, сопровождаемому творчеством. Где нет методы, нет и науки; ибо метода указывает прямой, логический путь изучения и обращает изучение на познание науки в самой себе и на исследование её непреложных законов, опираясь притом не на мечту и предположения, а на положительные данные. Метода устраняет всякую мысль о приложении науки к чему бы ни было; ищет и ценит в науке только науку; ставит её чрез то на незыблемое основание и даёт её независимость. Но своеволие вторгается и в науку, всего очевиднее в истории. Весьма печально видеть, как часто люди, не зная правил исторической методы и даже вовсе об них и не догадываясь, но увлекаясь ложно понимаемой пользой общества, требуют исторического изучения в его применении к жизни и тем низводят его на степень рабского слежения дневным выгодам. Если бы своеволие, хотя мгновенно, одержало верх, то столь же мгновенно прекратилась бы и наука.

Наука свободна и в том смысле, что ничто не ищет, ничего не желает, ещё менее просит: она дарит щедротами своих верных и близких, но принимает только достойных, и весьма взыскательна в своём выборе. Наука ничего не требует и ничего не ожидает; ей не нужны ни награды, ни покровительство; она живёт сама собою, своею духовной жизнью. Напрасно думают что, основав университеты и академии, издав уставы и введя преобразования, что тем вдруг водворят науку и распространят её изучение. Эти учреждения необходимы и неминуемы, ибо только они и дают средства и

возможность изучать науку, но ими не пробудится наука до тех пор пока не родится умственной в ней потребность, возбуждающей разумную деятельность человека, без всякого помысла об общественных преимуществах и о приносимых впоследствии выгодах. Но при каких условиях совершается пробуждение этой потребности? Надобно, чтобы наука разрабатывалась и преподавалась в своём существе и в своей идее, и чтобы учёный, стоя на высоте современных знаний и проникнутый важностью своего дела и своего долга, излагал науку в её последних результатах; всего же более, чтобы в его душе таилось сознательное убеждение, заставляющее его смотреть на науку не как на украшение, а как на условие жизни. Вместе с тем, однако, столь же необходимо чтобы слово преподавателя находило отголосок и сочувствие, и чтоб он не был проповедником в пустыне, хотя бы и пред огромным числом слушателей. Наука становится плодотворною и вообще доступною только в том случае, когда к ней приступают люди, обладающие уже знаниями, которые позволяют им посвятить себя её изучению; когда в учащих развита способность мыслить и понимать идеи и когда они приручены не к лёгким и поверхностным знаниям, а к внимательному и отчётливому трудолюбию. При этих условиях едва ли можно сомневаться в возможности водворения науки.

Итак, наука сама собою существует, сама собою изучается и для себя самой преподаётся; в этих признаках выражается её свобода и самобытность, чрез них она и познаётся. Свобода науки есть идеал, пред которым учёный благоговеет и его же без затаённой мысли чествует. Но благоговеть и чествовать может только тот, кто сам живёт свободною мысли и предаётся изучению бескорыстно. Для него, как прекрасно сказал Шиллер, наука есть небесная богиня. Если же, приступая к жизни, свобода науки мгновенно исчезает, само изучение перестаёт быть наукою и, становясь собранием полезных житейских сведений, превращается, по словам того же поэта, в духовную корову, дающую масло.

XVI

Перейдём к остальным свойствам науки. О них остаётся сказать весьма немного слов, ибо творчество и могущество, хотя и составляют две важнейшие принадлежности науки, но, исходя из свободы мысли, как из общего источника, оказываются только дальнейшим развитием этого начала и его, так сказать, венчанием.

Между ними выступает вперёд творчество, так как оно, из всех свойств и отличительных признаков науки, является самым очевидным и как бы наглядным, ибо представляется само собой каждому и не посвящённому в изучение науки. Оно во всём обнаруживается и распространяется на всё, что только живёт и дышит, произрастает и двигается; что существует в мире естественном и духовном. Как результат непрерывной деятельности разума, творчество выражает постоянное усовершенствование и успех науки, а с ним и успех общества. Разум действует и изобретает; находит новые начала и законы, и возводит здание науки, постепенно надстраивая и возобновляя прежнее. Умственный труд не прекращается и не может прекратиться, ибо тогда не только не было бы ни успеха, ни усовершенствования, но общество остановилось бы в своём развитии и пошло бы даже назад, что есть первый признак начинающегося падения. Словом, творчество неразлучно с наукой; оно её присущее свойство и её жизненная сила; без него наука не существует и не мыслима.

Этим, однако, не исчерпывается высокое значение творчества; его влияние идёт далее; ибо оно и есть то возвышенное духовное начало, которое делает науку непобедимой и из коего вытекает её могущество. Наука внушает человеку благородные чувства, смягчает нравы и, влагая глубокие убеждения, перерождает человека и общество. Всё это, по-видимому неизмеримое, разнообразие построено на одном начале, дающем всему вес и цену; наука проповедует истину и в ней приобретает своё могущество. Разум господствует потому что открывает истину и идёт её путём. В душе человека живёт чувство правды и истины, которого нельзя ни нарушить, ни ослабить, не оскорбив достоинства самого человека. А потому и могущество науки несокрушимо. Как всякая истина, наука сама в себе проста и ясна и совершенно удалена от хитросплетений и тонкостей, но тем самым она к себе и привлекает; для её уразумения, однако, требуется зрелый и высокий ум, способный к восприятию истины. Обладая свободной и независимой силой, наука не предлагает сама никому ни услуг, ни помощи; никуда сама не входит, ещё менее вторгается; она ожидает сочувственного призыва, но тогда становится неотразимой, вечно горя неугасимым пламенем. Её могут угнетать и преследовать, ставить ей преграды и налагать оковы, но не уничтожить; ибо наука есть сам челове-

ский разум, и истина не умирает. Угнетение науки бывает всегда пагубно для того государства, в коем оно совершается, и сопровождается самыми ужасными последствиями. В этом смысле к науке прилагается великое слово Гамалиила, сказанное им против гонителей первых христиан-апостолов: «Если, говорил он, будет от человека совет сей или дело сие, разорится; если же от Бога есть, не разорите то.»

Было время, когда считали необходимым рассуждать о пользе науки и приводить тому подтверждения и доказательства. Это время прошло и едва ли возвратится. Доказывать пользу науки, не значит ли доказывать пользу образования, или доказывать свет и теплоту солнца? Пожалеем о тех, кто их не видит и не чувствует их благоденствия.

XVII

Если всем признано за неоспоримую истину что наука само-бытно разрабатывается, то тем самым определяется её отношение к подражанию чуждым знаниям и к заимствованию результатов иноземной образованности. Между ними нет ничего общего, и, как подражание, так и заимствование, взятые сами по себе, но имеют никакой цены и даже оказываются вредными в том случае, когда за ними не последует самостоятельной умственной деятельности, основанной на учении и им подготовляемой. В западной Европе наука взлелеяна знанием древнего мира; классическое учение служит ей по сей день подготовлением и основанием. Учение не ремесло и не торговля, не усвоение разнородных, применимых к жизни сведений и не навык или ловкость в обращении с отвлечёнными предметами; словом, не есть обучение, а развитие самостоятельного умственного труда и строго последовательности мысли. Это достигается классическим учением, которое благотворно по той именно причине что делает человека способным к занятию наукой. До последнего времени мы шли в этом отношении путем совершенно противоположным тому, которому следуют западные европейцы: у нас почти нет приверженцев классического учения, и наоборот, огромное число его противников. Но антиклассическое учение, состоя в усвоении, хотя разнообразных, но весьма поверхностных сведений, есть полнейшее отрицание науки, и вредно всего более потому что лишает человека навсегда возможности посвятить себя науке. Если наши стремления к образованию искрен-

ни, и если предстоит России занять подобающее ей место в ряду исторических народов, то нам необходимо изучать и разрабатывать науку с предварительной и притом сознательной помощью классического учения.

Наука основа и сила, как человека, так и общества; при её водворении и при правильности данного учению направления, государство процветает и приобретает значение исторического. Но когда приём иностранных знаний, не вызвать науки, остаётся только наружным украшением; когда наука встречает преграды и гонения и когда налагаются оковы на классическое учение, тогда государство не создав самобытной образованности, слабеет и даже разлагается и падает.

Это слово может многим показаться мечтою учёного, но оно верно подтверждается непреложным свидетельством истории. История представляет поучительные примеры разложения и падения, занимавших даже видное место царств, а также примеры сильных внутренних сотрясений, вследствие частью ложно понятого приёма иностранной образованности, частью последовательных гонений науки и систематического стеснения её свободы. Укажем прежде всего на Аравийский Халифат, заслуживающий в этом деле весьма большего внимания.

XXIV

Человеческая мысль действует в логической последовательности, и по определённым правилам, согласным с законами разума. Она живёт и дышит свободой, но отвергает своеволие, видя в нём отрицание свободы. Своеволье есть господство страстей, не следующее никаким требованиям ума и заботящееся только об удовлетворении своих личных намерений и выгод. Свобода напротив ищет сама разумных правил, и, подчиняясь им, утверждает законность. Различие между этими двумя понятиями весьма велико, и казалось бы, что о своеволии не должно и быть и помысла; но если учение идёт неправильно, то оно может встречаться, и часто встречается, как в науке, так и в обществе. Чем возвышеннее в государстве разумная свобода, тем могущественнее сила закона и исполнение гражданами своего долга, ибо идея свободы всегда соединяется с идеей правды, и вызывает вместе с нею обязанность стремиться к общему благу. Обе идеи составляют духовную и нравственную потребность человека, и, никогда не разлучаясь, идут в

согласии к одной цели. Их совокупность выражают теперь словами: свобода и порядок; и это выражение совершенно верно; но не вернее ли ещё говорили у нас в старину, обозначая ту же мысль словами: воля и уряд?

Своеволие не есть разумное начало, и не может им быть, так как, отвергая логические правила ума, отвергает и законность. Оно средоточие из коего исходят три явления, разрушающие всякое общество: безначалие, деспотизм и рабство. Эти три состояния различны только по-видимому, но одинаковы и по своему существу и по своим последствиям. Они растут из одного корня и сливаются в своих действиях: рабство перерождается в деспотизм и безначалие, а деспотизм производит рабство.

XXV

До половины XVI века изучение древнего мира было повсеместным и удостоивалось везде покровительства и почёта. Это положение изменилось, когда чрез проповеди Лютера и Кальвина половина западной Европы отделилась от римской церкви и от папского престола. Начались не только войны католиков с протестантами, но и противодействие тем самым идеям, которыми в течение целого века руководились и что признавали благотворным. Люди, недавно ещё преданные эллинству и считавшие его знание своим лучшим украшением, старались теперь насильственно сбросить с себя всё древнее, в особенности греческое, и открыли гонение против науки и против ученых, стоявших в её главе: Скалижер, Казобон, Декарт едва спаслись бегством из Франции. Их преследовали не столько за их вероисповедание; ибо много миллионов реформатов оставалось ещё в разных странах Юго-Запада; сколько за науку, видя в ней угрожающую опасность. Это гонение не было ни частным и ни случайным; оно вытекало из общего настроения умов во всём католическом мире. Представителями направления, вступившего в борьбу с идеями эллинства, чтобы прекратить и подавить их влияние, были иезуиты.

XXVI

Общество иезуитов основано на началах, совершенно противоположных тем, которые выработаны древними Греками и преобразили новейшую Европу. В нём олицетворялось отрицание идей, а, следовательно, отрицание науки, что отразилось, впрочем, и на нём самом, ибо в течение трёх столетий своего существования

это общество не представило ни одного мужа науки в истинном смысле сего слова, хотя в нём и было много учёных- тружеников. Учреждение этого общества состоялось в эпоху воинственной церкви (*eglise militante*), когда всё дышало войною и когда убивали ближнего для возвеличения Божией славы (*ad majorem Dei gloriam*); само, однако, не воспользовалось этим, важным для западного края, поворотом в действиях, а после кончины императрицы Екатерины II даже ему противодействовало.

Тогда иезуиты вновь примкнули к польскому элементу, и трудились с таким напряженным рвением и так успешно, что всё западное среднее и низшее дворянство, бывшее ещё в большинстве членом православным и русским, не только перешли в католичество, но и обратились в Поляков, тем более ревностных, что их отречение произошло недавно. Но что предано вельможами, иерархами и дворянством, спасено народом. Этот западно-русский народ, бедный, гонимый, угнетаемый в течение столетий, остался верен и языку, и православию; а когда наступило разложение Польского королевства, он нашел духовную помощь и защиту в достославных деятелях, вышедших из Киевской академии. Для нас, коренных уроженцев западной Руси, благотворные дела академии незабвенны.

XXVII

В иезуитских коллегиях преподавались все в то время известные предметы; преподавались также и древние языки, в особенности латинский; но большое число разнородных предметов, всего же более самая метода преподавания и учения, придали коллегиям своеобразное значение. Занятия ограничивались поверхностным изложением со стороны учивших и простым выучиванием со стороны учившихся; ум не останавливался над трудностями, не проникал в глубь предмета и не приучал себя к знанию причины явлений, что и развивает способности, а довольствовался усвоением самих явлений, то есть одной внешней оболочкой; изучение древних языков, из филологического, основанного на постоянном мышлении, обратилось в обыкновенное заучивание и стало делом не умственного труда и рассуждения, а преимущественно памяти; словом, способ изобретённый иезуитами, вовсе не был учением, а только механическим обучением, злонамеренно обдуманым и приложенным с редким искусством к занятиям умственными

предметами. Молодой человек, получивший такое образование, если только подобный сбор сведений может носить имя образования, блистал пред неведующими своим знакомством со множеством разнородных предметов; он, казалось, знал всё, но в существе он не знал ничего; он ходил кругом знания науки, но не мог вступить в него, не имея ключа даже и в его преддверие. Всего ужаснее что воспитанные этим способом люди лишались чрез него навсегда способности заниматься наукой, ибо ум, не трудясь самостоятельно и не побеждая сам собою преград, а воспринимая готовые уже результаты, терял присущее ему свойство самостоятельности и засыпал в человеке; его пытливость уничтожалась в корне, а творчество и не показывалось, как бы не существуя. При таком состоянии общества, водворение науки невозможно и немыслимо.

Этот способ учения есть буквально тот самый, что у нас называют общеобразовательным и что наши противники классицизма превозносят, настоятельно требуя его введения. По странному смешению понятий многие придают ему имя реального, даже и не догадываясь что говорят о двух различных предметах. Весьма замечательно совпадение стремлений иезуитов с нашими литературными деятелями, хотя и нет сомнения, что иезуиты поступали с полным сознанием и с определённой целью подавить свободу мысли, между тем как мнения наших антиклассиков скорее дело случая, и подобных стремлений у них нет и быть не может. Но взвесили ли наши общеобразователи и реалисты те пагубные последствия, коими сопровождался иезуитский способ учения, когда целые страны, бывшие высокообразованными, обращались едва не в невежество?

Всё творилось иезуитами во имя Бога и для Его прославления; все видели в этих действиях самопожертвование иезуитов в их заботливость как об упрочении римско-католической церкви, так об её распространении между протестантами, а в Польском королевстве и между православными, составлявшими там большинство народонаселения. Общество иезуитов исполнило своё призвание: во всех католических странах воздвиглись его коллегии; юношество находилось в его руках; оно само приобрело могущество каким никогда не обладало ни одно общество, и одержало победу, о которой никто и не мечтал прежде. Победа печальная и гибельная! Италия, стоявшая в XVI веке во главе европейской образованности и славная учёными, литераторами, поэтами и художниками, сошла со своего поприща и уступила первенство

другим, до того её опередившим, что теперь, при своём новом возрождении, она уже у них заимствует, стараясь вознаградить утраченное. Та же судьба постигла Испанию и Португалию, две цветущие страны до появления в них иезуитов. Они же низвели и погубили Богемию, имевшую полное право гордиться и своим проповедником Яном Гусом, и своим знаменитым Пражским университетом. Не менее бедствий испытало и бывшее Польское королевство.

XXVIII

В судьбе Польского королевства есть черты, напоминающие судьбу Аравийского Халифата. Быстрое распространение государства, большой и столь же кратковременный блеск, и вслед за ним такое же быстрое разложение и падение. В конце XVI века Польша возвысилась, а два столетия спустя она уже не существовала. Есть сходство и в самой причине этого события: оно произошло от совершенного отсутствия науки. Но вместе с тем и глубокое между ними различие. Что в Халифате делалось по неведению, тем более что Аравитяне стали лицом к лицу с Византийцами, питавшимися только сборниками и извлечениями из произведений ума древних Греков, то творилось в Польше с полным сознанием и намеренно: говорим о водворении учения, изобретённого иезуитами.

Известно, что Польское королевство сложилось из двух частей, совершенно различных, как по предшествовавшей соединению и по составу народонаселения: из древней Польши и из великого княжества Литовского. Польша, занимавшая несравненно меньшую часть, была страной римско-католической, и единственной, по языку жителей, во всём королевстве, собственно польской; великое княжество Литовское, обнимавшее обширное пространство и доставившее, чрез своё присоединение, могущество двойственному королевству, было православным и вполне русским. В него вошли населённые только Русскими, хотя и завоеванные литовскими предводителями, северо- и юго-западные княжества, коими до тех пор владели князья, потомки Владимира и Ярослава.

XXIX

Идея эпохи Возрождения и основанный на них новый способ учения не проникли в великое княжество Литовское и даже едва ли его коснулись; оно осталось вне умственного движения обнявшего в XV веке всю западную Европу. Но они перешли в собственную Польшу, были там оценены и приняты и произвели самое бла-

готворное действие. Краковский университет преобразился и прославился Коперником, великим учёным, основателем новейшей астрономии. Если б это учение безостановочно продолжалось и успело бы водвориться в Польше так же твёрдо как в Германии; если б оно сверх того, не стесняя русской народности, распространилось в великом княжестве Литовском, то можно было бы ожидать в этой славянской стране столь же цветущего состояния науки, как и в Германии, а за ним и такого же прочного и спокойного возвышения государства.

Вместе с идеями эпохи Возрождения поляки с самой живой восприимчивостью заимствовали, преимущественно из Италии и Франции, и те общественные эта эпоха ознаменовалась. Двор устроен был по западноевропейскому образцу; вельможи говорили по-латыни и по-французски, а дворянство старалось следовать их примеру; принят был западный образ жизни, западные изобретения, всё, чем отличалась западная Европа; собраны библиотеки, выстроены великолепные здания; словом, блеск был очевидный, и Польша представилась в новом виде, подававшим надежды в будущем.

Итак, первоначально встречаем в Польше и правильное учение развивавшее свободу мысли, и улучшение общественного и частного быта.

XXX

С прибытием иезуитов это положение изменилось и прекрасно посеянные семена умерли в зародыше. Иезуитские коллегии и училища покрыли Польшу в таком большом числе, как нигде в западной Европе; их способ учения и воспитания переняли различные монашеские ордена и неуклонно шли по их стопам; их метода преподавания проникла даже в светские, не зависевшие от них, учебные заведения; так что в короткое время иезуиты стали руководить всем учением в Польше. Пользуясь покровительством королей и расположением вельмож, их общество господствовало, а поляки добровольно им предавались, на гибель своего образования, даже о том и не догадываясь. Прежний наружный блеск, однако, сохранился: сношения с западной Европой продолжались и ещё увеличивались; вводимые на Западе удобства жизни постоянно заимствовались; польское высшее общество жило и веселилось по-европейски. Иезуиты не только тому не противились, но даже поощряли: не быв монахами, они не нуждались проповедовать умеренности; притом забота о

красоте внешней обстановки отвлекала людей от умственных занятий, а наружный лоск прикрывал внутреннюю пустоту и ничтожество заученных сведений, делая людей послушным орудием твёрдой воли. Всё внимание иезуитов сосредоточилось на действии против свободы мысли, и в этой цели они успели: насильственно подавленные идеи и наука, убитая в зародыше, исчезли из Польши, а с ними и всякая возможность истинного образования. В начале XVII века Польша оказалась изменённою по началам, противоположным эпохе Возрождения. Иезуиты торжествовали победу, какой они не одерживали нигде, даже в Италии.

XXXI

Из Польши иезуиты вступили в великое княжество Литовское и начали в нём своё учение с той же сознательной последовательностью, от которой они никогда не отступали. Им здесь и не предстояло, по крайней мере, а первое время, тез трудностей какие они встретили в Польше. Там надобно было бороться с идеями эпохи Возрождения и с филологическим учением, хотя и не вполне укоренившемся, но уже знакомым и принятым. В княжестве напротив эти идеи оставались неизвестными, и основанного на них учения не существовало, так что влияние иезуитов повсеместно распространилось и было значительным. Притом они прибыли окружённые могущественными союзниками: их поощряли короли и поддерживало польское дворянство, действовавшее под влиянием слепого фанатизма. Это дворянство явилось во всём блеске своей внешней образованности и произвело сильное впечатление в западной Руси. Их приёмы, предупредительность, общественный и семейный быт их, высокое значение женщины, неведомые в княжестве удобства жизни, наконец, разнообразные сведения, показавшие как будто бы не было чего бы они не знали; всё поразило и влекло к ним аристократов великого княжества. Много князей, вельмож и иерархов, которые все были православные и Русские, так пленились этой новой блестящей наружностью, что старались подражать им, принимали их образ жизни и их язык, стали воспитывать детей в иезуитских училищах и по польскому образцу, а весьма многие отрекались от православия и переходили в католичество. Другие, и между ними высокопоставленные лица, хотя и оставались верными греческому вероисповеданию, но, кроме религии, отказывались от всего отечественного, сбрасывали с себя всё

русское и, признав себя поляками, обнаруживали более заботливости о выгодах Польского королевства, чем своей родины, великого княжества. Укажем на знаменитую историческую личность, на князя Константина Острожского, который сооружал православные храмы, и в то же время, с доблестью, достойной лучшего дела, побеждал московское войско, присланное на помощь угнетённой западной Руси; был, ко вреду своего отечества, одним из ревностнейших приверженцев Польши и внушил своей дочери такое уважение ко всему польскому, что она перешла в католичество и стала польской, забыв своё высокое происхождение от князей русских. Это движение всё более и более увеличивалось и, направляемое искусною рукой иезуитов, наконец, обняло великое княжество Литовское в полном объёме его обширных пределов. Правда, были и противодействия, иногда весьма значительные, но они не остановили всеобщего увеличения; князья и вельможи, не сочувствовавшие повороту принуждены были или молчаливо переносить его, или выселять из великого княжества; настроение господствовавшее в высшем слое жителей западной Руси, было в пользу польского иезуитского образования. Ему помогал отчасти и переход в Польское королевство московских бояр, искавших там убежища в царствовании Иоанна Грозного. Переворот, происшедший в западной Руси, был столь силен что, наконец, большинство русских князей, вельмож и иерархов великого княжества Литовского отрекались от своей народности и обратились в Поляков.

Нельзя не видеть в этом событии ослепления людей увлёкшихся привидением и рабски следовавших за своим кумиром, не помышляя о будущей судьбе своей. Они преклонились пред образованием, которого не существовало, и чтили знание коего не было и тени. Не понимая, что учение иезуитов было умственным деспотизмом, попиравшим духовную независимость человека, они любовались его облачением, той обманчивой позолотой, которая постижима только при развитии свободной мысли в обществе. Этой позолотой пленились западнорусские вельможи, не подозревая в сердцевине грубого металла. Причина этого события поучительна: она лежала в совершенном отсутствии образования, вернее говоря, в невежестве высшего слоя жителей великого княжества Литовского. Только крайнее невежество могло побудить людей к столь

преступному действию, как отречение от народности, лишившее отеческую землю самостоятельности.

XXXII

Итак, введение в западной Руси иезуитского, антиклассического по своему духу учения сопровождалось последствиями, которые до сих пор остаются неизгладимыми: народность, высокое благо человека и гражданина, исчезла у людей принявших это учение, и государственная самобытность их отечества, которому предстояла бы великая будущность, навсегда пала.

Та же причина, хотя в другом виде и, так сказать, при другой обстановке, произвела падение и собственно Польши. Смотри же на западную Европу в общем смысле, без различия национальностей, и желая одним словом определить её отличительный признак и её место в истории человечества, можно сказать, не встретив противоречия, что ей принадлежит наука, как по своему открытию, так и по ее возможному усовершенствованию. Слово наука обозначает ту высокую степень образованности, которою западная Европа вправе гордиться и которая доставила ей неоспоримое умственное преобладание на земном шаре. Она вышла из глубокого изучения древнего классического мира и им до сих пор неизменно поддерживается и так сказать питается, но выработана европейцами собственным и самобытным творчеством. Наука – представительница и олицетворение всего западного образования и в то же время она ему содействует, его улучшает и ведёт к дальнейшему успеху. Она средоточие, в коем слагаются знания, а вместе с тем могущественная сила, которая их вызывает и распространяет в обществе. Внушая чувства чести и личного достоинства, наука водворяет в обществе правдивость, законность и исполнение долга, чрез что и доставляет государству спокойствие и благоденствие. Она и возвышает государство, так как изобретает для него все средства к продолжительному и прочному могуществу.

XXXIII

Человеческий ум создан для деятельности; он в ней проявляется, ею существует; без неё как бы умирает. В своём постепенном, и всегда правильном, шествии ум встречает преграды и препятствия, но пред ними не только не останавливается, но, напротив, напрягает всю энергию воли и вступает в борьбу с ними. Эта борьба полезна, как задаток лучшего; в ней источник совершенства

ния; без неё успех не возможен. Ум пробуждается трудностями; он их вызывает и ищет; только при них и обнаруживается во всём своём величии и силе. Где нет ни преград, ни борьбы, нет ни могущества, ни образованности. История выставляет эту истину в виде положительного закона.

Великие события не происходят случайно; они подчинены определённым началам, соответствующим правилам логического мышления. Как разнообразны отдельные происшествия, производимые свободной волей человека, так сходны по идее события, завися от общих законов разума. В основе всех событий древнего и нового мира лежит борьба двух противоположных начал, воюющих с полным увлечением и стремящихся доставить господство своему умственному достоянию. Большей частью борьба оканчивается поражением одного из них и видимым преобладанием другого, торжествующего свою победу. Этот факт носит в истории название действия, action. Но торжество только временно; в могуществе и процветании таится уже зародыш падения. Когда Людовик XIV произнёс своё знаменитое слово: «Я государство, l'etat c'est moi, то тогда же, хотя едва заметно, началось противодействие, которое неусыпно работало до тех пор, пока, приобретя в свою очередь преобладание, не подавило столь искусно устроенной системы. Дела влекут за собою последствия часто совершенно противоположные в исполнении. Разрушив существующее, они вводят порядок новый, основанный на других началах. Этот факт называется воздействием, reaction.

Изучение этих двух начал: действия и воздействия, принадлежит к числу самых главных предметов истории и есть первостепенная задача историка при описании событий. Они существуют всегда и везде, усматриваются в событиях и происшествиях; ими представляются в истинном свете те, потрясающие государства, волнения и перевороты, коих причина, при поверхностном наблюдении, кажется если не тайной, то загадочной. Воздействие неминуемо и неотразимо; оно тяготеет над обществом, гнетёт его всею силой, часто сопровождается раздорами и бедствиями, а иногда разгромом и даже падением государства. Оно идёт правильно и неуклонно, согласуясь с законами духовной жизни человека, но обнаруживается до того разнообразно, что события, вытекшие из одного источника, являются как бы вызванными самыми противополо-

ложными причинами. Так, посприятие идей эпохи Возрождения произвело во Франции революцию, и то же самое действие сопровождалось в Польше, воздействием, выразившимся в совершенно умственном, нравственном и политическом растлении общества, окончившемся падением Польского королевства.

XXXIV

Идея свободы мысли и свободы гражданина, возникшая в западной Европе в эпоху Возрождения, нашла во Франции радушный и сочувственный приём, пользовалась почётом и уважением. Франция стала её новым отечеством и возвысилась на такую степень, что в конце XVI и в первой половине XVII столетия была во главе европейской образованности. Литература, правоведение, философия, вообще наука процветала там более, чем в других странах западной Европы, а вместе с тем и государство приобрело могущество, которым оно до того не владело. Этим успехом Франция обязана водворению гуманистского или классического учения, проникнутого идеями, выработанными древними греками и поступившими в наследство западной Европы. Первым представителем этого учения был знаменитый Бюдей, современник Рейхлина и Эрасма, с коего началась во Франции новая эра умственной деятельности. За ним последовал длинный ряд великих учёных, которые все вышли из глубокого изучения древнего мира, но оказали услуги по разным отраслям человеческого знания. Не упоминая всех, назовём самых замечательных. В XVI веке: Кюжаст и его соперник Бодин, Роберт и Генрих Этъен, Бриссоний (Barnabe Drisson), Годофред 1й (Denys Godofroy), и Доно (Hugues Doneau, Donellus) Иосиф Скалижер и Казобон (Isaac Casaubou), Данес (Pierre Danes), Мюрет (Vare-Antoine Muret), Тюрнеб или Тюрнбев (Adrien Turnebeuf, Turnebus), Ламбин (Denys Lambin) и Раме (Pierre de la Ramee), мученик Варфоломеевской ночи. В XVII веке: Эро, или Эральд (Didier Heraldu, Desiderius Heraldus), Пето или Петавий, Помье (Paulmier)б или Пальмерий (Palmerius), Вижье, или Вижер (Francois Vigier, Vigerus), Сомез или Сальмазий (Saumaise, Salmasius), Петит (Petitus), Годофред сын (Jacques Godefroy, Godofredus), Де Ту или Туань (De Thou, Thuanus), Пакье, наконец, Декарт, или Картезий (Des Cartes, Cartesius), восстановитель философии. Этим учёным мужем Франция обязана и своей славой, и своим высоким образованием. Они положили основание новейшей

науки, которая из Франции перешла в другие страны западной Европы; они же пробудили любознательность в своём собственном отечестве и содействовали появлению в нём той блистательной литературы XVII века, которая до сих пор остаётся образцовой и никогда не утратит своего высокого достоинства. Корнель, Расин, Мольер, Боссюэт были красноречивыми истолкователями этой знаменательной эпохи. Сам французский язык приобрел вскоре значение, каким только некогда, в древности, пользовался греческий: он повсеместно распространился в Европе, был принят в дипломатических сношениях и договорах, проник даже в само общество и, почти вытеснив языки отечественные, стал языком придворным и говором семейств аристократических. Всё было делом идей эпохи Возрождения и гуманистского учения, единственно правильного и плодотворного.

Но эти идеи, как везде, так и во Франции, встретили непримиримую вражду в католическом духовенстве, в особенности, у иезуитов, явившихся как бы воплощением противодействия. Иезуиты не увлеклись ни свободой мысли, ни свободой гражданина; не пленились наукой в самом себе, без житейских целей; они видели в новом учении опасность, грозившую церкви, вернее говоря, своему в ней господству, и мечтали о возвращении к блаженной, средневековой жизни. Они трудились, чтобы навсегда прекратить это учение и искоренить саму мысль о свободе. Поддерживая всей силой могущественного влияния правительственные замыслы французских королей, стремившихся сосредоточить в своей особе всё государство, они овладели страной и тяготели над её полным гнѐтом систематического гонения. Гугеноты были порабощены; знаменитейшие учёные бежали из своего отечества в Голландию, Швейцарию, Германию; поставлены всевозможные преграды гуманистскому учению; наконец, Нантским эдиктом реформаты изгнаны из Франции. Нельзя было, по-видимому, действовать успешнее. Произошло, однако, противное. Идеи эпохи Возрождения принялись во Франции так глубоко, что их нельзя было уничтожить. Их могли преследовать, на время остановить, и когда через столетие созрело, то, прорвавшись с ужасающей силой, повергло Францию в кровавый переворот, известный под именем великой революции.

XXXV

Переходя из Франции в Польшу, встречаем потрясения ещё более пагубные для нации, хотя в существе своём произведенные теми же самыми причинами. Правда, в Польше не было революции, не было той эпохи, которой сами Французы придают название царства ужаса, *le regne de la terreur*: но и не было того блистательного возрождения, которое последовало за разливом страстей и вновь доставило Франции утрачено пред тем первенство в Европе. Его и не могло быть, так как все элементы подобного возрождения заглушены были и погибли в самом зародыше и корне.

Если справедливо, да никто в том и не сомневается, что наука, исходя сама из свободы мысли и, ею только существуя, водворяет со своей стороны так же разумную свободу, основанную на глубоком убеждении, и внушающую чувство правды, законности и исполнения долга; то столь же справедливо, что отсутствие науки влечёт за собой нравственное и умственное своеволие, являющееся полным отрицанием свободы. Это и произошло в Польше. Изгнав науку, учение иезуитов не встречало уже ни борьбы, ни противодействия, но нашло осуждение и казнь в самом себе, в своей собственной природе. Из него вышло то состояние, что, по законам духовной жизни человека, только и могло выйти: крайнее умственное своеволие, породившее всеобщее растление нации. Начались крамолы и внутренние волнения; обнаружилось во всей наготе неповиновение закону и неисполнение своего долга; пробудился слепой фанатизм, доходивший до исступления, и открылись гонения против православных, переступившие последние пределы беззакония. Правительство лишилось силы, и водворилось царство анархии, а с ним господство страстей, погубившее чувство правды и законности и державшее страну в постоянном смятении. Но наружный лоск сохранялся в прежнем виде: образ жизни высших сословий отличался удобствами и даже роскошью; повсюду были училища и библиотеки; иностранное перенималось с большим рвением; вельможи говорили по-французски и жили по парижским обычаям. Под этой позолотой, однако, скрывалось невежество и, что ещё важнее, отсутствие убеждений и человеческого достоинства, выразившееся в том изумительном явлении, что в поступках одного и того же лица совокуплялись иногда два противоположных руководителя: деспотическая гордость и едва не раб-

ское унижение. Такое положение разлагало государство и указывало на близость грозившего ему падения. Оно и совершилось, притом безвозвратно, ибо восстановление Польши не мыслимо без полного перерождения нации, что потребовало бы вековых усилий народа.

XXXVI

Есть, впрочем, много приверженцев мнения, что Польское королевство стало только жертвою честолюбия трёх соседних держав, стремившихся к приобретению его достоинства и, что оно пало вследствие нескольких несчастных сражений. Им противоречит изучение истории и опровергает все мечты их. В великих событиях выражается результат государственного устройства, народной деятельности, всего гражданского и умственного быта нации. События зависят от тех духовных начал, которыми нация проникнута, и от той степени образованности, на которой она находится; они с ними всегда согласуются и служат самым верным их проявлением; а потому причина событий лежит глубоко в состоянии народа и только из него сходит. Эту мысль прекрасно излагает автор Истории Юлия Цезаря, ещё недавно занимавший престол Франции, хотя он и произнёс тем самым, конечно не подозревая, столь же грозный, сколько правдивый, приговор над своими делами и своим правлением.

«Очень часто», говорил Наполеон III, «писатель представляет исторические события в виде случайных происшествий, не разыскивая в предыдущих делах их развития. Он уподобляется тогда художнику, который заботится только о воспроизведении живописного вида местности, но не может изобразить в своей картине, указаний требуемых наукой. Историк должен пойти далее живописца; как геолог, объясняющий явления земного шара, он должен открыть тайну преобразования обществ».

«Но каким же средством достигнуть в историческом труде истины? Надобно следовать правилам логики. Великие события производятся великими, не малыми причинами. Незначительный случай никогда не повлечёт за собой важных последствий, если не существует причины, которая бы дозволила, чтоб он сопровождался великим делом. Искра только тогда разжигает пожар, когда падает на воспламеняющиеся, уже прежде скопленные, предметы. Монтескье подкрепляет эту мысль. Счастье, говорит он, не управляет

миром. Есть причины общие, частью нравственные, частью физические, которые действуют в каждом государстве, его возвышают и поддерживают, или низвергают. Все события подчинены этим причинам, так что если случайный исход сражения, то есть причина частная, разрушает государство, то, значит, была причина общая, вследствие которой государство долженствовало погибнуть, претерпев одно только поражение». Присоединим, что Монтескье дополняет свою мысль прибавляя что «общее настроение руководит частными случаями».

Если же великие события суть результат общественного и умственного быта народа, то они наступают и совершаются в той же последовательности и соответствуют тем же началам, которые усматриваются в самом развитии образованности. Правда, что правильному развитию оказывается часто насильственное противодействие, нарушающее его спокойное шествие; но оно успевает только временно и не может его ни прекратить, ни уничтожить. Великие события неизбежны и неминуемы, и их причина всемогуща. «В мире нравственном», продолжает тот же автор, «как в мире естественном, существует верховный закон, который определяет и постановлениям и правителям роковой предел, обозначающий конец их полезной деятельности. Пока этот предел не наступит, ничто не превозмогает: заговоры, бунты, всё разбивается о несокрушимую силу, охраняющую то что хотели бы низвергнуть. Но если государственный строй, хотя по-видимому и непоколебимый, перестаёт быть полезным успеху человечества, тогда ни могущество предания, ни личная доблесть, ни память славных дел прошедшего не могут остановить и на день падения».

От великих дел или событий существенно отличаются дела малые или происшествия, хотя они и тесно между собой связаны. Происшествия вытекают не из общих начал человечества, а из свободной воли человека, а потому бесконечно разнообразны и служат не причиной, чем они никогда не бывают, а только поводом деяний. Когда событие созрело и готово вспыхнуть, то случай, иногда самый ничтожный, который в другое время остался бы даже незамеченным, разжигает пожар и становится происшествием, и происшествие перерождается в событие. «Государственные перевороты, говорит Аристотель, происходят иногда по самому малому поводу, иногда даже от случая; они не совершаются для малых дел, а только начинаются ма-

лыми, борьба же идёт для дел великих, так что незначительное по себе дело становится весьма важным». Это видим в перевороте лишившем Тарквиния Гордаго римского престола. Приведём ещё раз слова Наполеона III. «До тех пор, говорит он, пока дело римских царей не исполнилось, они торжествовали над всеми препятствиями. Тщетно старались сенаторы присвоить себе власть, заведая ею каждый в течение пяти дней; напрасно восставали страсти против господства одного правителя; всё было бесполезно, и даже убийство царей ещё более укрепляло царский сан их. Но как только они перестали быть необходимыми, самый простой случай низверг их: один человек оскорбил женщину, и престол падает.

XXXVII

История представляет множество и подобных случаев и несравненно важнейших происшествий, которые были не причиной, а только поводом событий, хотя часто и принимались за действительную причину.

Ещё недавно Австрия потерпела поражение при Садовой или Кениггреце, и, по-видимому, это одно дело разрушило Германский союз, прекратило силу Венского договора, лишило Австрию Венеции, вытеснило её из Германии и поставило Пруссию в число первостепенных государств Европы.

А между тем та же Австрия, в первый поход Наполеона в Италии во время французской революции, могла перенести несколько подобных поражений и гибель нескольких армий, и несмотря на то не пала. Битва при Садовой послужила поводом к исполнению тех стремлений к национальному единству Германии, которое подготавливалось в течение полстолетия и иногда насильственно прорывалось. Оно было не причиной, а только проявлением великого события, которое рано или поздно должно было совершиться, и теперь, на наших глазах, совершается; ибо разложение Австрийского государства, с одной стороны, и возвышение, как умственное, так нравственное и политическое Пруссии, с другой стороны, при всеобщем настроении Германского народа, привели бы к тому же результату и при других обстоятельствах, как они действительно теперь и приводят.

Несчастный для Австрии исход войны с Пруссией обнаружил до очевидности, что Австрия страдала сильным внутренним недугом, который грозил ей смертью, хотя и казался не существующим, при-

крываемый всеми средствами могущественного чиновничества. Австрийское правительство шло путём, противоположным законам логики. Оно провозглашало себя представителем охранительного начала, но понимало охранение только в том смысле, что угнетало свободу мысли, ставило преграды науке, передавало училища в ведение иезуитов и преследовало общественный и политический дух народа, возбуждающий сознательную деятельность и внушающий патриотические чувства. Верное преданиям XVIII века, оно не согласовывалось ни с успехами новейшего просвещения, ни с настроением времени, ни с потребностями и характером народонаселений, ни даже с той простой истиной, которая говорит, что свободное развитие народа есть условие и залог его благоденствия. Судьба империи находилась в руках князя Меттерниха, правда, весьма искусного и ловкого дипломата, но правителя мелочного, трепетавшего пред новыми идеями и действовавшего в пользу реакции и чрез её посредство. Политика Меттерниха была не творчеством великого государственного мужа, замыслившего воссоздать империю на новых началах, а делом человека, который, отрицая духовное преуспевание, имел в виду господство материальной силы и надеялся укрепить Австрию, вооружая различные народности друг против друга. Австрия, по-видимому, процветала и казалась могущественною: многочисленное войско, сильные крепости и постоянная готовность к войне придавали ей политическое значение в Европе, а устройство путей сообщения, расширение торговли и возвышение промышленности придавало вид прочного благосостояния. Недоставало главного, самостоятельной деятельности ума народа. Попраение свободы мысли и её воплощения, науки, пагубно и для народа и для правительства, ибо разум, как представитель свободы, ни сам не производит насилий, ни способен раболепствовать. Последствия правления Меттерниха явились скорее, чем можно было предвидеть; революция в Вене и восстание в Венгрии были первым признаком внутренних страданий; война 1859 года лишила Австрию Ломбардии, а разгром Садовой был так ужасен, что, несмотря на свои победы при Кусгоцце и при Лассе, и на совершенное поражение итальянского войска и флота император Франц-Иосиф принуждён был уступить Венецию королю Виктору-Эммануилу. Затем Австрия распалась на две части и едва ли не вступила теперь в период своего полного разложения.

XXXVIII

Главная забота историка при обсуждении великих событий и переворотов, состоит в открытии причины, из которой они вышли, в изучении основного начала, которое лежит глубоко и узнаётся чрез внимательное рассмотрение общего положения государства. Многие факты являются как бы первыми деятелями и, так сказать, выступают вперёд, несмотря однако на то, они оказываются только проявлением начала, не самым началом; только поводом, не причиною событий. Отсюда происходит что одинаковое происшествие приобретает иногда громадные размеры в одной стране и не сопровождается никакими особенно важными последствиями в другой.

Когда здание монархии, заложенное Генрихом IV, возведённое кардиналом Ришелье и завершённое Людовиком XIV, было подкопано в своём основании; когда закон стал мёртвою буквой и заменился произволом; самостоятельный труд общества ослабел и почти прекратился, а в то же время народное сознание пробудилось. Тогда финансы приобрели значение какого никогда ещё в новом мире не имели и, превратившись в бурную стихию, разрушили и правительство и государство, так что многие историки принимали их расстройство за саму причину революции. Но едва ли в меньшем расстройстве были в начале нынешнего столетия финансы России, когда рубль ассигнациями, быстро понижаясь, упал наконец на 25 копеек, и когда, вследствие такого ужасного понижения, перенесся в одно время и финансовое сотрясение и грозное нашествие Наполеона I. Расстройство финансов Франции было одним из проявлений внутреннего недуга страны, было поводом, не причиной революции.

Свобода мысли и неразрывно сопряжённое с нею водворение науки составляют ту жизненную силу, которая укрепляет и возвышает государство и ослабление, которой ведёт к неминуемому падению, несмотря на обманчивый наружный блеск и на искусственные средства, коими доставило первенство Англии и Пруссии; её угнетение погубило Польшу, повергло Францию в нескончаемую революцию и довело до разложения некогда обширную Австрийскую империю.

Печатается по:

М.С. Куторга. О науке и ее значении в государстве. М., 1873

ИВАНОВСКИЙ ИГНАТИЙ ИАКИНФОВИЧ

(1807-1886)

Законодательство каждого народа есть вернейшее выражение прошедшего и настоящего его бытия. Здесь, как в зеркале, отражаются все тени гражданственности и все переходы благоденствия и бедствий, кои испытал народ. Это красноречивейшая история народа.
И.И.Ивановский.

Сжатые сведения об Игнатии Ивановском, помещённые в энциклопедическом справочнике “Мысліцелі і асветнікі Беларусі”, не могли нас не заинтересовать. “Вучоны юрыст, педагог. Выхаванец Мінскай гімназіі...Аўтар прац...” (1, с. 439). Но всё так кратко, а литература о нём отсутствует. Правда, в предисловии осмотровительно сказано, что цель составителей – не только познакомить с жизнью и деятельностью представителей просвещения, философской и общественно-политической мысли Беларуси, но и подтолкнуть учёных к более детальному и глубокому исследованию, к популяризации биографий и творческого наследия в своё время видных, а потом забытых деятелей прошлого.

В наших руках 13 источников, которые помогут «более детально», полнее представить личность учёного-юриста Игнатия Ивановского. Жаль, что биографические сведения целиком повторяют одно и то же, ничего не прибавляя к известному.

Игнатий Ивановский не практикуемый юрист, а юрист-учёный, профессор, воспитатель молодых юристов. Для нас очень важно заглянуть в его духовно-правовой мир, в арсенал его нравственно-политических воззрений: чему и как он учил будущих правоведов и государственных деятелей. Ведь свою научно-педагогическую деятельность он начинал ещё при крепостном праве, на рубеже двух исторических этапов, когда разгромленные декабристы ещё дальше удали-

лись от народа, а новое поколение разночинцев-революционеров ещё не появилось.

Игнатий Ивановский родился в городе Минске, в 1807 году. После окончания Минской гимназии с золотой медалью Игнатий уехал из Минска и поступил в Виленский университет, на факультет моральных и политических наук (2, с. 360). Изучал немецкий и французский языки, греческую и римскую литературу, общую историю, право, историко-юридические вопросы, связанные с прошлым Белорусско-Литовского государства.

Здесь он познал и полюбил учебный процесс, и особенно ораторское искусство, благодаря которому добиваются успехов и юристы, и преподаватели, и дипломаты. Во время учёбы он получил две награды за превосходно выполненные темы, одну на латинском, другую – на польском языках. В 1826 году он был выпущен из университета со степенью кандидата прав, и принят учителем истории и географии Виленской гимназии. Вскоре он, как проявивший себя талантливым и работоспособным, был направлен в Московский университет. Там он углубил свои практические знания русского языка, словесности, полнее изучил историю, право, общественно-политическую мысль России.

В 1828 году Ивановского отправили на четыре года в Дерптский (теперь Тартуский) профессорский институт, который тогда считался одним из лучших в Европе. В России ощущалась нехватка своих специалистов, профессоров. Игнатий старательно изучал право и немецкий язык, на котором велись учебные занятия. После окончания срока обучения Игнатий Ивановский защитил диссертацию и был удостоен степени доктора права. Для продолжения образования он был командирован в Германию. Здесь Ивановский слушал лекции знаменитых в то время немецких учёных-профессоров: юриста Эдуарда Ганса, представителя философского направления в юриспруденции; географа Карла Риттера; юриста Фридриха Савиньи, главы исторической школы права и многих других (4, с. 269).

Вернувшись в Россию, в 1836 году Игнатий Ивановский занял кафедру международного права и дипломатии Петербургского университета. В возрасте тридцати лет стал ординарным, а в сорок лет уже заслуженным профессором. Чи-

тал лекции по международному праву и дипломатии, некоторое время (1849-1958) – государственное право важнейших европейских держав.

Кроме того, преподавал статистику и политэкономии в Пажеском корпусе и Царскосельском лицее. Он знал немецкий, французский языки, а латинской речью владел как родной.

Знакомясь с научными трудами И.И.Ивановского, невольно удивляешься, как это ему, тогда ещё 30-летнему доктору прав, удалось войти в центральное и вечное русло мировой мысли – развитие человеческого общества, ожидание более совершенного образа жизни и государства, более совершенного человека.

Эта всегда актуальная проблема заинтересовала Игнатия Ивановского, и в 1837 году опубликована его работа «О началах постепенного усовершенствования государства». Она стала живым ответом на вечные жизненные проблемы и горячим призывом к разумному действию, которое приведёт мир к улучшению человеческой жизни и совершенствованию отношений между людьми. Его умное слово ориентировало к новым духовным и нравственным исканиям и массовому научно-техническому творчеству, без которого невозможно могущество человека и народное благо. В ней автор показал, что без полноценного образования и воспитания нравственности невозможен общественный прогресс и совершенствование государства. Без этого невозможны успехи в производстве и народном хозяйстве, в расцвете культуры и государственном управлении, в развитии самого человека. Публикации выдвинули профессора Игнатия Ивановского в число петербургской научной элиты, сделали его известным в городе.

В 1863 году Игнатий Ивановский был избран деканом юридического факультета. Дел и суеты прибавилось, но прибавилось вдохновения, вызванного доверием и желанием служить высокочтимому университету. Искушённый в политике, Игнатий Ивановский, либеральный демократ по своим взглядам, лояльно относился к самодержавным порядкам, не шёл на открытый конфликт с царской властью. В первый год после отмены крепостного права его назначили членом, а потом и председателем «Временной комиссии», которая ведала текущими делами Петербургского университета при его временном закрытии. В то тревожное время,

когда протестовали студенты, а многие заслуженные профессора, в том числе и наш земляк В.Д.Спасович, вынужденно покинули университет, в своей работе об усовершенствовании государства Ивановский пытался идеализировать высшую власть эпохи феодализма, особенно в период проведения социальных реформ. В частности, он писал, что реформа только тогда имеет законность и прочность и ведёт к предполагаемой цели, когда проистекает от Верховной власти. Потому что, не взирая на успехи просвещения, народные массы всегда находятся в возрасте несовершеннолетия, то есть, несведущими и неопытными. Отсюда его вывод: «... одно только правительство, имеющее во всех своих действиях конечную целью общественное благо, трудится единственно на пользу всего народа. Таким образом, начало в реформах принадлежит единственно правительству; частным же лицам предстоит только всеми силами и со всевозможным усердием способствовать благодетельным его видам» (намерениям, планам – ред.). (8, с. 11-12). В этих суждениях, несомненно, угадывается открытый благородный человек с незапятнанной душой, понимающий реальное положение «верхов» и «низов» и невозможность пока что-то изменить. Поэтому, вряд ли стоит его упрекать за то, что он явно преувеличивает роль царского правительства в развитии государства и недопонимания созидательной силы народа. Он рассуждал с позиций своего времени и своего сословия. Однако, его мысли о том, что народу нужно «правительство, непоколебимое в своих преднамерениях, неизменное в началах», правительство, которое «действует могущественно, стройно, презирая полумеры» и сегодня не лишены актуальности и управленческого смысла.

Какие положительные качества педагога и учёного И.И.Ивановского не потеряли воспитательного значения и в наше время?

Во-первых, он высоко ценил труд учёных-исследователей, объективно, не завышая и не занижая, представляя его читателям. Тщательно рецензируя книгу профессора международного права Харьковского университета Д.И.Каченовского «О каперах и призывом судопроизводства», он аргументировано отметил немало неточностей и упущений, тем не менее, признал её «ценной» и рекомендовал к присуждению Димидовской премии.

Во-вторых, он стремился к тому, чтобы его собственный труд был ясным, доступным, удобным и служил преподавателям и студентам. Представляя его работу «Руководство статистики европейских государств», Н.Г.Чернышевский писал: «В статистике И.Ивановского гораздо менее цифр и таблиц, нежели бывает обыкновенно в сочинениях подобного рода. Автор, конечно, имел при этом в виду сделать своё руководство удобным для классного преподавателя и не желал обременять учащихся численными данными, которые с таким трудом удерживаются в памяти. Зато он, по-видимому, особенно заботился о передаче общих статистических и социально-политических понятий в надлежащей полноте и ясности, и хорошо достиг этой цели» (9, с. 552).

В-третьих, Ивановский сполна владел многогранной образованностью, ораторским искусством, занимательным изложением, благодаря чему достиг большого воспитательного воздействия на слушателей. Читая международное право, государственное право европейских государств, он принадлежал к числу наиболее блестящих профессоров юридического факультета. Современники отмечали, что по природному дару слова долгое время не имел себе соперников (10, с. 219).

Сегодня, когда Республика Беларусь обладает политическим суверенитетом и является правомочным субъектом международных отношений, мы с благодарностью вспоминаем своего земляка, который ещё в 1835 году обратил свой «взгляд на науку дипломатии». Выяснил её сущность, назначение и роль в осуществлении внешней политики. Определил дипломатию, как совокупную науку международных отношений, главным источником которой – право народов. А «назначение дипломата состоит в управлении внешними сношениями независимых государств».

28 августа 1886 года И.И.Ивановский умер и похоронен в Петербурге.

Литература:

1. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыкл. Даведнік. Мн., 1995. С. 439
2. Биографический словарь. Т. 7. М., 1999. С. 360
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. Мн., 1999. С. 216

4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую треть века его существования. СПб., 1896. С. 269
5. Смирнов А. Кастусь Калиновский. М. 1959. С. 29
6. Ляховицкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб., 1897. С. 231
7. Ивановский И.И. Краткий взгляд на науку дипломатии вообще. //Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Т. IX. № 1-3. С. 482-483, 491
8. Ивановский И.И. О началах постепенного усовершенствования государства.//Там же. 1837. № 1. С. 1-15
9. Чернышевский Н.Г. Полное собр. соч. в 15-ти томах. Т. 3. М. 1947. С. 552, 845. Отзыв о работе «Руководство статистики евр. государств»
10. Большой словарь в 62-х томах. Т. 18, М., 2006. С. 219

ИВАНОВСКИЙ ИГНАТИЙ ИАКИНФОВИЧ

О началах постепенного усовершенствования государства

Физический мир, рассматриваемый в своих фактах, представляет ряд непрерывных превращений, непрерывного движения; ни в одном из своих явлений природа не отмечена печатью неизменяемости: всё движется, всё подвержено перемене и даже смерть органического тела есть только последний миг перехода от одного состояния в другое, с тем различием, что всё, зависящее до тех пор от жизненных сил, поступает под влияние сил механических, или химических. Между тем такого рода превращение атомов, их разложение и слитие и это движение не могут быть названы игрою случая, и физический мир, хотя подвержен беспрестанным переменам, находится тем не менее под влиянием вековечных, определенных высшею волею законов. Изменяются одни формы, тогда как сущность постоянна, неизменна, и прошедшее в самых переменам служит всегда образцом и правилом будущему.

Таким-то образом мы видим, что движение и покой (*principes de mouvement et de stabilite*), хотя они и не составляют для физического мира условий совершенствования, к которому он не способен, суть для него, тем не менее, два жизненные начала, две оси, на которых покоится и вместе движется этот великолепный снаряд. Без того вся природа представляла бы картину или всеобщего оцепенения, или нестройного хаоса.

Подобно физическому, нравственный мир управляется на тех же началах движения и покоя, и без этого взаимного и современного властвования, без этого спасительного сочетания двух стихий, ни общество, ни частный человек не достигли бы никогда своего назначения. Но где искать проявления и осуществления этого дивного слияния? Какими путями эти два разнородные начала сходятся у одной меты и с равным успехом способствуют развитию совершенствования рода человеческого? Какая сила держит в руках своих великий рычаг, уравнивающий движение с покоем, и не препятствуя стройности дальнейшего стремления

человека, ведёт оное по законной колее? К счастью, само провидение позаботилось о сохранении этого равновесия, наделив человека двумя совершенно различными качествами, то есть: склонностью к привычке и стремлением к деятельности. С самого нежного возраста они возбуждаются и развиваются в нас непрерывно, почти без нашего ведома. Человек подобен только-что разработанной почве, способной принять всякого рода насаждения, и породить всякого рода плоды, смотря по качеству брошенного в неё семени. Он может равным образом украсить своё существование добродетелями, или обесславить его злодеяниями; он может стать учёным, или невеждой, поэтом, одарённым живым и блестящим воображением, или строгим питомцем Архимеда. В этом смысле, в первый миг рождения все люди равны между собою, за исключением одной разницы сил физических, которые, хотя и не имеют влияния на качество плодов, долженствующих произрасти на этой почве, определяют однакоже степень её плодovitости и наделяют её большею или меньшею приемлемостью. Ежели бы от нашей воли зависело посеять на этой почве семена собственного выбора, или, говоря иначе, если бы мы могли держать младенца постоянно под влиянием желанных впечатлений, мы образовали бы из него человека по нашей воле. Но действительность представляет другое. Младенец живёт в кругу людей, предметов, учреждений. В его присутствии говорят и действуют и со временем он сам приобретает способность рассматривать, разбирать, действовать: круг его деятельности расширяется, события следуют одно за другим и производят во всём его существе различные ощущения. Одно его привлекает, другое ему не нравится; он ищет одного, избегает другого, и получает таким образом впечатления, незаметно для окружающих. Как первенцы ощущений, эти впечатления тем сильнее действуют и тем глубже вкореняются в младенце, чем большею он одарён приемлемостью. От этих-то обстоятельств зависит для него будущее; это миг рождения нравственных и умственных его способностей, это условие их позднейшего развития. Возможность следовать правильно и непрерывно за этим постепенным расцветанием способностей человека, от его колыбели до его могилы, было бы лучшим средством обогатить обширную сокровищницу философии и заменить неоспоримую истину то,

что часто представляется в виде гипотезы. Но кто в состоянии проникнуть в глубину этого нравственного и умственного процесса?

Человек долгое время действует и думает так, или иначе, руководимый привычкою. Повторение известных деяний сообщает им некоторую степень удобоисполнимости и приучает приводить их в действие, без затруднения, иногда с предубеждением, не имея возможности оправдать такого образа мыслей, часто не чувствуя в том никакой необходимости.

Когда человек достигает высшего умственного развития и самопознания, тогда только старается он проникать всё умом, оценивать, находить всему причины и обращать в правило то, что до сих пор казалось ему делом чувствований или привычки. Между тем и этот разбор и этот вывод начал всегда совершаться под влиянием привычки. Человек всё приобретает, так сказать, учением; идею добра и зла, нравственности и благопристойности. Нет сомнения, что эта идея, во всей её чистоте и в том виде, как её должно разуметь следуя уставам нашей священной веры и даже законам разума, не может изменяться по различию времени или места; что всегда и всюду она одна и вековечна; но к несчастью люди понимают и приспособляют её различно, часто ошибочно, и можно ли в этом зачатии идей, их сочетании и приложении не признать могущества привычки и примера?

Но последуем за человеком в государстве, этом соединении людей, составляющем для него безусловную необходимость, неизбежное требование к достижению всякого совершенствования, к какому он только способен. Его предки уже приготовили ему мир религиозный, нравственный, политический. Они завещали ему свои поверья, идеи, учреждения, которые он всосал, так сказать, вместе с молоком матери, и которыми он научился дорожить с самого нежного возраста. По мере того, как он глубже познает свою природу, своё назначение и приобретает большую способность исследовать, различать, анализировать, он лучше начинает постигать силу и взаимные отношения органов общественной жизни; он всё оценивает, оправдывает, всё любит и приводит в исполнение, движимый не одним чувством, но и глубоким сознанием истины и долга. Привязанность к поверьям, идеям, учреждениям предков, бывшая до сих пор только потребностью его сердца,

становится для него теперь потребностью разума и совести. Проникнутый сознанием святости своей веры, в которой он возмужал, и зная, что вне её он не нашел бы ни блага, ни спасения, он привязывается к ней душою; он привязывается к своему правительству, будучи положительно убеждён, что только настоящая форма и законность его сообщают политическому телу шаг твердый, постепенный, но всегда спокойный и правильный, как единственное условие законного порядка силы и благоденствия государства. Он преисполнен верности и преданности к своему монарху, потому что любит отечество, твёрдо убеждён, что нельзя и не должно отделять идеи царя от идеи отечества, и ясно видит, что благо общее неразлучно с видами самого монарха, который исполнен единственного и постоянного желания утвердить могущество государства, поддержать народную честь и обеспечить как для всех своих подданных вообще, так и для каждого в особенности, возможность наслаждаться совершеннейшим благоденствием. Он еще привязан к законам и учреждениям страны, потому что под сенью их находит себе защиту и средства к достижению своих целей; в них читает он самую красноречивую летопись о родине и находит драгоценнейшее наследие отцов. Наконец он любит нравы и обычаи своих предков, потому что в этом зеркале отражается его народная особенность и что он гордится принадлежать к своему народу.

Эта привязанность к вере, монарху, народным учреждениям, порождённая первоначально примером и привычкой, оправданная в последствии разумом, составляет начало покоя; это основа всякого прочного совершенствования, это капитал, оставленный нам предыдущими поколениями, который мы должны хранить, как священное достояние, и со временем употребить на пользу потомства. Государство не есть явление мимолётное: его политические и нравственные учреждения не суть дело одного дня. Всё имеет свой корень и свою причину; всё управляется идеею. Наш век приготовлен прошедшими и трудится в свою очередь для будущего. Пренебрежение к спасительному началу покоя было бы святотатством и в то же время приговором собственного уничтожения: потому что, если бы при образовании общественных и политических отношений люди прибегали к одной философской стихии, теряя совершенно из виду элемент положительно-

исторический, или иначе, если бы всё свершалось в следствие минутного наития и исключительно на основании истинных или ложных, но поддерживаемых общим мнением, современных систем, без всякого уважения к прошедшему, в таком случае где нашел бы человек ручательство в прочности своего творения? Настоящее поглотило бы прошедшее и в свою очередь было бы поглощено будущим. Нам представился бы непрерывный ряд создания и разрушения, раннего зачатия и преждевременной смерти. Успех истинный и продолжительный уступил бы место нескончаемым переменам.

Но признавая вполне святость начала покоя, мы не станем оспаривать у разума его прав -- и, в благочестивом стремлении к сохранению прошедшего, мы не станем обрекать рода человеческого в жертву неподвижности, застою всякого движения. Законы разума, в том виде, в каком они должны быть понимаемы при представлении чистейшего их идеала, недоступны понятию веков. Человек иногда к ним приближается, но никогда до них не достигнет. Тем не менее, сообразно своему высокому назначению, он должен искать средств большего и большего к ним приближения - и с этой целью он обязан извлекать пользу из капитала, оставленного ему в наследие предками и даже умножать его. Короче сказать, ему предстоит действовать. Таким-то образом совершенствование рода человеческого кроме условия покоя, требует другого условия - движения. Это начало проявляется как в массе общества, так равно и в частном лице: в последнем - стремлением к деятельности, в первом - потребностью и духом улучшений. Не смотря на привязанность человека к положительному, он не довольствуется одним сохранением того, чем уже обладает, что знает: он напротив того жаждет распространить пределы своей собственности, своих познаний, и не только в материальном, но также и в нравственном, умственном отношении. У него есть нужды, желания; но ни в тех, ни в других, он вполне никогда не удовлетворен: потому что в то самое время, как он заботится о их удовлетворении, из самых к тому средств для него рождаются новыя, так что это умножение потребностей и желаний тем сильнее, чем далее человек продвинулся на пути образования.

Тогда-то возбуждается его деятельность; он уже не довольствуется страда-

тельною ролью получающего; он стремится в более благородный круг бытия: он хочет сам быть действителем, творцом. Не покидая уважения к прошедшему и стараясь черпать в этом обильном источнике, он хочет однако ж сам быть участником в деле общего совершенствования; он жаждет оставить какой-нибудь след своего существования на земле. Ежели в прошедшем он находит богатый рудник материалов, то он не оставляет их в том виде, в каком нашел: в деятельности своей он их сравнивает, умеряет и добавляет своим, так что изо всего этого возникает творение совершенно новое. Так-то деятельность есть мать всякаго успеха, и каждый новый успех, в свою очередь, возбуждает новую деятельность и поощряет к оной.

Но должно ли заключать, что всякий плод человеческой деятельности есть уже сам по себе успех к достижению совершенства? Нет, я этого не говорю: я скорее готов сознаться, что это положение весьма проблематическое. Тем не менее каждая новая идея есть уже необходимо успех для того, кто ею занимается, изоощряя его мысли и наделяя его самопознанием: как бы впрочем труд ни был тягостен и бесплоден, и как бы грустно ни было сознание неудачи, если б даже он был подавлен под тяжестью своей ноши, то и тут, в утешение ему, остаётся мысль, что он испытал свои силы...

Эта деятельность, бывающая поочередно причиною и следствием совершенствования всякаго человека, проявляющаяся различными способами во всём составе общественного тела, порождает в нём потребность и дух преобразований. Новые идеи и новые общественные отношения требуют новых созданий, и не всегда согласуясь с прежними законами и учреждениями, вызывают их дополнение или изменение. Каждое творение человека имеет достоинство только относительное, и то, что в одном веке казалось хорошо и спасительно, может быть недостаточно в другом. Но и дополнения и изменения эти должны быть основаны на священном начале покоя. Законами разума и опытом веков ясно доказано, что реформа тогда только имеет законность и прочность и ведет к предполагаемой цели, когда проистекает от верховной власти. Не взирая на успехи просвещения, масса народа находится всегда и всюду в возрасте несовершеннолетия; одно Правитель-

ство, возвышаясь по своему положению над всеми, и обнимая в одно время все отношения и связи, может указать середину в средствах, следовать за реформой, провести настоящую черту разграничения между двумя условиями и согласить противоположные интересы и виды различных классов и сословий; одно только правительство, имеющее во всех своих действиях конечную целью общественное благо, трудится единственно на пользу всего народа. Таким образом, начало в реформах принадлежит единственно правительству; частным же лицам предстоит только всеми силами и со всевозможным усердием способствовать благодетельным его видам. Что же думать о всемогуществе так называемого общего мнения, этого идола современных умов, в котором все желали бы видеть указателя и руководителя в реформах? Что подумать об этом чудовище, наделенном тысячью уст, из которых каждая издает тысячи различных звуков? об этом чудовище, имеющем тысячу ног, из которых каждая принимает своё отдельное направление? В этом ли столкновении разнородных и друг другу противоречащих мнений должно искать выражения народных потребностей и меру преобразований? Нет, правительство твердое должно иметь свои собственные истины и начала; доказывать противное значило бы сознаваться, что мы движемся ощупью; это значило бы сознаваться в собственном бессилии. Блажен, сто крат блажен народ, которого правительство, непоколебимое в своих преднамерениях, неизменное в началах, следует одному предначертанию, и в полном сознании сил своих действует могущественно, стройно, презирая полумеры, эту хромую и шаткую политику, изображение слабого младенца или бессильного старца!

Вот два начала постепенного усовершенствования государства. Для достижения этой цели содействие обоих необходимо: начало движения сообщает деятельности человека непрерывное стремление к совершенствованию; начало покоя служит ей при этом основой и коренным условием. Первое является в виде могущественного действующателя, главного двигателя всякого совершенствования; другое служит к сохранению его и составляет в сём случае единственного руководителя. Без начала движения не было бы жизненных сил, не было бы успеха: все представляло бы застой и гниение, и всякий зародыш развития был бы уни-

чтожен прежде появления своего на свете. Без начала покоя ничего верного, ничего постоянного, и в этом вихре событий, в этом быстром и неправильном последовании идей и учреждений, ничто не могло бы приобрести известной степени прочности, всё было бы шатко, и всякий шаг к совершенству, не имея возможности упрочиться, необходимо должен был бы уничтожиться, только что родившись.

Но в какой стране соединение этих двух начал представляет состояние более счастливое, чем в нашем любезном отечестве? И где содействие их в великом деле совершенствования более ощутительно? Привязанность к вере, в соединении с величайшею веротерпимостью; безграничная преданность монарху, любовь к отечеству и народности, вот прочные основания, на которых у нас держится священное начало покоя, вот причина и условие нашего могущества и благосостояния. Улучшения, предпринимаемые правительством, сообразно потребностям времени, и приводимые в исполнение мужами в равной степени известными своим образованием и усердием, составляют у нас начало движения, тем более спасительное и действительное, что верховная власть, самодержавная и неограниченная, не встречает затруднений в исполнении своих благодетельных целей. И как блистательны следствия сочетания этих двух начал! Обратимся к истории: сколько народов, которым не доставало начала покоя, были взволнованы до дна; сколько других, которые в совершенном отсутствии начала движения, осуждены на долгую неподвижность или даже отступили назад! Мы не страшимся этих бедствий; у нас преобразования производятся непрерывно: но приводимые в исполнение стройно и законно, они действительны, прочны и заключают уже в себе зародыши будущего улучшения. В литературе, в науках, в узаконениях и общественных учреждениях, наконец, во всех отраслях промышленности, мы совершаем исполинские успехи, и благодаря счастливому слиянию начал покоя и движения, мы никогда не остановимся. Но явления в сём случае говорят за нас с большим красноречием...

Печатается по:

Журнал Министерства народного просвещения. 1837. №1-3.

Библиотека БГУИР

ИВАНОВСКИЙ ИГНАТИЙ ИАКИНФОВИЧ

Краткий взгляд на науку дипломатии вообще

Дипломатия может быть понимаема в двояком смысле: или как совокупность наук, необходимых для образования дипломата, или как наука отдельная, имеющая своё положительное основание и свои точные границы. Под именем дипломата, в самом обширном смысле, разумеем каждого человека, способного к занятию или действительно занимающего какое-либо место в публичной администрации, коей вверены управление и устройство внешних сношений между народами. Посему, рассматривая дипломатию, как науку отдельную, можно назвать её наукой внешних между народами сношений. Многие назначают дипломатии еще теснейшие пределы, именуя оную только приобретением опытности вести между народами переговоры и утверждая, что она то же в отношении к самостоятельным народам, что судопроизводство к частным лицам. Но такое определение дипломатии, не возвышая её на достоинство науки, унижает до степени простой техники. Правда, что приобретение практической опытности вести переговоры составляет часть дипломатической деятельности; но оно еще не есть дипломатия. Однако же оставим определения: ибо самое справедливейшее из них не может еще выразить существа самой вещи; рассмотрим кратко, какие науки составляют круг дипломатического курса, и в особенности остановимся на праве народов, как на главном источнике дипломатии, над изменениями, кои претерпела эта наука, и взглянем на науки вспомогательные. Разбор сей укажет нам важность дипломатии и метод её изучения.

Мы сказали, что назначение дипломата состоит в управлении внешними сношениями независимых государств. Но внешняя деятельность народов и появление их в политической системе больше всего зависят от внутренней их жизни. И следовательно, знать отношения государства значит знать его жизнь внутреннюю и внешнюю.

Посмотрим, какие органы сей жизни. – Человек находится в отношении к самому себе, к себе подобным и к внешнему миру; человек чувствует своё бытие индивидуальное, отдельное от бытия других людей и других вещей, и, как существо разумное и нравственное, он призван к деятельности разумной и нравственной. Отношение человека к самому себе проявляется в обязанности непрерывного усовершенствования; его отношение к другим людям обнаруживается в том, что права и обязанности каждого человека порознь есть естественные пределы прав и обязанностей других людей; а его связь с внешними вещами состоит не только по праву, но даже и по обязанности в употреблении оных вещей как средств к достижению разумом назначенной цели. Но осуществление сих отношений может происходить только под властью прав: ибо в непрерывной войне страстей, в постоянной борьбе разнородных, часто даже противоположных интересов там только можно надеяться соединения частных целей с общей целью, где царствует закон; царство же закона может быть осуществлено только в государстве. Три элемента составляют государство: власть верховная, народ и территория. Но эти три элемента составляют не мертвое целое. Государство, подобно телам органическим, одарено жизнью: и поэтому, чтобы узнать, что есть государство и в чём состоит главное его предназначение, надо постигнуть, так сказать, анатомию и физиологию этих трёх элементов, взаимное их соединение и взаимное их влияние друг на друга. Те науки, главной основой которых, главным, так сказать, фокусом, в котором сосредотачиваются все розыскания, есть идея государства, называются политическими науками; а разные точки зрения, с которых можем рассматривать государство, составляют разные их ветви. И так, науки политические; руководствуя к познанию внутренних и внешних отношений государства, составляют главнейшую часть дипломатического курса. Одни из них нас учат, каким образом может и должно достигать цели государства, и эти науки являются науками **политическо-философскими**; другие – каким образом цель государства уже действительно достигнута, или бывает достигаема, или почему эта цель не была достигнута, и эти науки есть науки **политическо-исторические**, или положительные. Вместе с тем, такое общее разделение политических наук вовсе не до-

статочно для полного описания их объёма: ибо между ними есть такие, которые соединяют в себе оба элемента, исторически-положительный и философско-умозрительный. Без первого эти науки были бы только сплетением различных теорий, игрой фантазии, без твердой основы, без всякого применения в действительном мире и практической жизни; без второго они были бы бездушной массой, мертвым остовом, без всякой общей опоры. Без исторического элемента мы бы блуждали в стране воображения; в отсутствии философского, хотя бы и узнали мы все части, все колеса огромной сей машины, но движущая пружина осталась бы для нас навсегда скрытой. В первом случае мы имели бы утопию, а во втором сухой реестр материалов. И потому, следующий за наукой дипломатии, если желает достойно соответствовать своему назначению, должен непременно заняться сими двумя элементами. Ибо без исторического элемента он был бы ни кто иной, как романист, а без элемента философского - простой следователь. Итак, окинем быстрым взглядом науки, которые изучающему дипломатию доставляют сведения положительные и приводят его к возможному их соображению. А как государство может быть рассматриваемо в особенности в трёх отношениях, то есть: историко-статистическом, экономическом и юридическом: то и науки, долженствующие раскрыть нам знание государств в их внутреннем развитии и внешней деятельности, могут отнестись к этим трём разделам.

История, этот путеводитель всех наук, занимает первое и главное место в дипломатическом курсе. Общее мнение есть: для упражняющегося в дипломатии новейшая история гораздо важнее, нежели история древнего времени и средних веков. Но я этого мнения не разделяю вовсе: ибо не столько эпоха, к которой относятся наши исторические изыскания, сколько сама их натура и точка зрения, с которой мы смотрим на них, имеет влияние на меньшую или большую важность сих изысканий. Действительно, дипломатия больше развивалась в новейшие времена; но это вовсе не доказывает преимущества новейшей истории. Мы следуем в истории за успехами человечества. Великие происшествия не есть случайные приключения; в мире нравственном и политическом, равно как и в физическом, не может быть игры случая, но всё имеет свою необходимость нравственную: ибо

однажды рождённая идея уже не умирает. Поколения меняются, одни народы исчезают с поприща политического, новые вступают на оное; но идеи, вызывающие и людей и события, живут вечно, и только одни сливаются с другими. Не Магомет создал ислам, но скопившийся на востоке запас идей, требовавших новой веры, вызвал Магомета. И так в истории мы именно доискиваемся того, каким образом осуществились идеи в установлениях общественных и политических. Только с этой философско-политической точки рассматриваемая история важна для дипломата, который, по своему назначению, должен больше всего заниматься историей политических систем. Да не упустит он однако ж из вида философию, историю и историю человечества, так как ее понимал Гердер.

Статистика, долженствующая указать физические и нравственные силы государства, есть вторая главная наука дипломатического курса. Ни одна из политических наук не подвергалась такой перемене судьбы, как статистика. То её превозносили до небес, то опять верование в сию науку совершенно упало. Даже самое понятие о силах государства, об источниках их и о средствах пользоваться ими, самая цель статистики и пределы её были и суть различно понимаемы, сообразно различию теорий. И сколько, от Ахенваля до наших времён, мы имеем общих и частных статистических сочинений? Много было накоплено цифр ложных и истинных, но редко кто-нибудь, руководствуясь основаниями политической экономии, умел из мертвых цифр выводить нечто общее. Такие статистические творения, каковы, например, Карла Дюпена о Франции и Англии, розыскания Бальби, сравнительная статистика Малхуса, - ещё весьма редки. Но уже и то, что мы имеем, довольно доставит материалов и ободрения для собственных разысканий. Если же Всеобщая История и Всеобщая Статистика важны для дипломата, тем еще важнее для него история и статистика отечества и стран соседних, а в особенности того края, в который он призван к исполнению дипломатических обязанностей.

География, этнография и хронология, уже как вспомогательные науки истории и статистики, должны составлять часть дипломатического курса. В наше время, Риттер в особенности вознёс географию на степень науки, дав ей твердую ос-

нову и назначив теснейшие пределы; а Малхус, взирая на неё с другой, новой точки, обработал одну ветвь сей науки, весьма важную для дипломата – географию военную.

Есть еще две вспомогательные науки истории, которые и в другом отношении не могут быть чужды дипломату, а именно: генеалогия царствующих особ и дипломатика с геральдикой. – Самое существо наук, равно как и дипломатических занятий, ясно показывают необходимость ознакомиться с историей царствующих фамилий, тем более, что эти фамилии посредством супружеств сделались почти одним семейством. – Дипломатика отлична от дипломатии; она происходит от греческого слова *διπλοια*, означающего дубликат, то есть копию какой-либо государственной грамоты, или самый подлинник, сложенный вдвое. Дипломатика есть наука чтения и оценивания эпохи и подлинности старых документов, старых государственных грамот или дипломов. Уже в половине XVII столетия прения о границах имуществ дали почувствовать, в особенности в Германии, необходимость оценивать подлинность грамот и дипломов, между коими много было подложных. Тогда явились первые опыты Лейбера, Цилезиуса, Конринга и других. Антверпенский иезуит Папелбрух, живший во второй половине XVII века, предлагал очень строгие правила для оценивания дипломов и требовал точнейших доказательств их подлинности. Это вызвало на литературную полемику Ордены Бенедиктинцев и Кармелитов, которые, по случаю издания сочинения Папелбруха, были угрожаемы во владении монастырских имений, основанном на сомнительных грамотах. Из среды их, сперва Мабиллон, а спустя несколько десятков лет после, Тустен и Тассен, были первые которые привели дипломатику в систему науки. Усовершенствованием её мы обязаны Гаттереру, который учил оценивать дипломы: 1) графически, то есть по виду и цвету письма; 2) семиотически, по знакам и материалам; 3) формально, по соблюдаемым в начале текста и на конце формам и 4) исторически по лицам и происшествиям. Преемники его, Оберлин, Швабе, Швартнер, Мери, сам даже Шенеман, способствовали успеху дипломатики, хотя главной системы вовсе не изменили. – Геральдика, то есть наука о гербах и печатях, есть также важная отрасль дипломатики.

Но ни история, ни статистика не дают еще сами собой ясного понятия о государстве; чтобы достичь одного, нам необходима наука, которую Сэй справедливо именуется физиологией общественной, то есть экономией политической. Показывает ли она извлеченные из существа опытом упроченные начала, по которым в народ производятся богатства вещественные и невещественные, накаплиются, разделяются между разными классами и потребляются (хозяйство народное); или показывает, каким образом правительство может с большей пользой иметь влияние на это производство, накопление, раздел и потребление богатств и какими способами может оно обеспечить неприкосновенность и благоденствие всех вообще и каждого порознь (наука государственного управления и полиции); или же, наконец, рассматривает материальные нужды государства и открывает источники и выгоднейшие средства к удовлетворению оных (наука финансов): во всех сих различных своих ветвях политическая экономия раскрывает нам жизненные силы, коими живет государство. – Исторические и статистические факты есть только материалы для сооружения; сами же по себе они не иное что, как мёртвые стихии, и только тогда оживотворяются, когда политическая экономия освежит их своей творческой силой. Но и политическая экономия не живет в облаках; она не есть собрание отвлеченных понятий: яснее чем в других, мы видим в сей науке связь элемента философического с историческим. Политическая экономия основывается на фактах, на опыте, и в том только уступает точным наукам, что не всегда может повторять свои опыты, и по большей части должна довольствоваться аналогией. Впрочем, политическая экономия, даже в практическом отношении, весьма важна для дипломата: ибо, например, будучи призван к заключению торговых договоров, мог ли бы он сие исполнить, не зная политической экономии?

Наконец науки, которые служат дипломату к познанию юридических отношений государств, и которые, по сей причине, мы причисляем к дипломатическому курсу, почитая оныя отчасти главными, отчасти же вспомогательными, суть следующие.

Юридическая энциклопедия внешняя и в особенности внутренняя, показывает весь круг наук юридических, их существо, разделение, пределы, сходство и различие, источники и взаимные их отношения.

Так называемое естественное право, или, как справедливее следовало бы назвать, философические начала правоведения, сия важнейшая отрасль практической философии, представит высочайшую идею права, высочайшую идею обязанностей. Сия идея, основанная на непреложных законах разума, послужит к выводу духа прав и к созданию таким образом философии права.

Законодательство каждого народа есть вернейшее выражение прошедшего и настоящего его бытия. Здесь, как в зеркале, отражаются все тени гражданственности и все переходы благоденствия и бедствий, кои испытал народ. Это красноречивейшая история народа. И потому весьма важно в науках дипломатии познание положительных законов. А как от одного индивидуума нельзя почти ожидать основательного знания законодательства, хотя бы только большей части народов, то посвящающий себя дипломатии должен будет довольствоваться знанием законов своего отечества и той страны, куда будет призван к занятиям дипломатическим, ограничась впрочем энциклопедическим знанием законов прочих государств. Рассматривая дипломатическое назначение со стороны практической, еще яснее убедимся, что для дипломата необходимо знание всех отраслей положительного законодательства. Он защитник всех подданных своего государства пред чуждым правительством, где он уполномочен; иногда даже сам является в качестве судьи, или по крайней мере как власть. Полицейские, административные и финансовые постановления должны быть ему знакомы. Отношения торговые вверяются ему, а чаще консулам. И хотя консулы не принадлежат к числу дипломатов, исключая разве европейских консулов у Варварийцев и в Леванте: но дипломатическое образование не должно терять из виду и обязанностей консула. Посему из числа наук законодательства положительного причислим к дипломатическому курсу право гражданское и уголовное, административное, о финансах и полиции, наконец частное морское право, торговое и вексельное.

Одна из главных юридических необходимых для дипломата наук есть право политическое положительное (Positives Staatsrecht), или наука об устройстве и администрации государств. Простое воззрение на существо дипломатических наук и на назначение дипломатическое видимо нас удостоверяет в том, как важно, как необходимо для дипломата познание взаимных отношений между верховной властью и народом, то есть: как и где понимается цель государства, и какие употребляются способы к её достижению. Посему желательно, чтобы наука государственного устройства необходимо соединялась с наукой администрации. Одно без другого представило бы нам только неполное и одностороннее понятие о государстве.

Теперь приступаем к науке самой важной в дипломатическом курсе, именно: к праву народов. Оно, во-первых, может быть понимаемо как собрание взаимных прав и обязанностей между народами независимыми, рассматриваемыми как нравственные лица; или, во-вторых как систематическое изложение тех же прав и обязанностей. Первое из сих определений права народов есть практическое, второе дидактическое. – Слово народ имеет тройкое значение, в этнографическом смысле оно означает ветвь человеческого рода, отличную от прочих происхождением, наречием, а иногда и нравами и обычаями; так, на примере, говорим: народы славянские, народы германские. В духе права публичного, народ, как уже мы видели выше, есть один из элементов, составляющих государство, и, в этом смысле, обнимает всю массу подданных, зависящих от одной и той же власти верховной, без отношения к этнографической разности. Так, на примере: жители австрийской империи в отношении к своей верховной власти, не взирая на различие происхождения, составляют один народ. Наконец в праве народов, народ значит независимое государство. И в сём только последнем отношении будем здесь употреблять это слово. Отсюда право народов можно бы было назвать правом государств. За всем тем, для избежания нововведений, удержим давно уже принятое выражение: право народов.

Взаимные права и обязанности между народами различны, сообразно тому отношению, в каком народы независимые могут находиться между собою. Наро-

ды же, или вовсе не имеют между собой сношений, или же находятся в отношениях дружеских, или неприятельских. В первом случае взаимные права и обязанности между народами, происходят единственно только по праву индивидуального, равного и независимого их события. Государства и потому уже имеют права и обязанности, что они независимы и что существуют в силу этого. Во втором случае взаимные двух народов права и обязанности зависят от внятного проявления воли, от какого-либо внешнего действия обоих народов, или, по крайней мере, одного из двух.

Взаимные между народами права и обязанности суть или такие, кои, имея своё начало в самой натуре народов и в натуре их отношений, проистекают из законов разума, и сие составляет естественное право народов (*Jus gentium naturale seu necessarium*); или же основываются на явном условии, то есть трактатах, или на обыкновениях и аналогии, и сие именно составляет положительное, или лучше сказать практическое право народов (*Jus gentium positivum, seu practium, seu voluntarium, id est, pactitium et consuetudinarium*).

Некоторые публицисты не признают существования естественного права народов, называя оное единственно пустым вымыслом воображения, без всякого положительного основания. Но не признавать существования естественного права народов значило бы не допускать существования разума, по коему народы, как нравственные лица, во взаимных отношениях между собой должны признавать некоторые права и обязанности. Иначе, если бы между народами не было владычества права, то каждый народ был бы для других народов препятствием к достижению назначенной разумом цели. Иные опять не признают существования положительного права народов, и особенно упрекают оное в следующем: во-первых, что всё то, что носит на себе отпечаток права положительного, необходимо должно истекать от верховной власти и иметь законное утверждение (*sanction legalis*); независимое же государство в отношении к другим государствам не признаёт никакой над собой верховной власти, а в случае могущего быть спора, бывает в одно и то же время стороной, судьёй и исполнителем собственного приговора: а потому здесь царствует не законное утверждение (*sanctio*), а внешняя сила. Во-вторых,

упрекают, что государства не признали и, по всей вероятности, никогда не признают какого-либо *Codex Juris Gentium*, даже не согласятся на какое-нибудь общее судилище (*tribunal commun*), разрешающее споры, кои бы могли между ими случиться. В-третьих, говорят, что ни положительные между двумя или несколькими государствами постановления, ни обыкновения, принятые ими *tacito consensus*, не обязывают прочих народов. В-четвёртых что договоры не могут быть почитаемы за источник права народов: ибо, по мнению их, договоры суть то же, в отношении к народам независимым, что обыкновенные контракты в отношении к частным лицам. А как контракты не суть источник законов, то заключаются только на основания уже существовавшего закона, по которому и имеют единственно обязательную силу: то и договоры заключаются на основании существующего уже, из природы вещей и правил разума извлеченного права народов, и в нём только находят свою опору и силу. Договоры, равно как и контракты, могут быть или сходны с законом, или противны оному; история ясно показывает нам непостоянство договоров. Из сего противники положительного права народов выводят следующее заключение: что хотя договоры свято и ненарушимо должны быть сохраняемы, но эта святость не делает их нисколько источником права народов, ибо сама она зависит от верховного закона, уже до заключения договоров существовавшего. Наконец, в-пятых: еще менее, нежели договоры, противники права народов соглашались признать обыкновения источником оного, ибо обыкновения, основываясь всего чаще на одних приличиях, подвержены беспрестанной перемене.

На сие отвечаем следующее. Правда, что независимое государство не может над собой признать верховной власти другого государства без потери независимости. Но сие обстоятельство вовсе не доказывает отсутствия утверждения законного в том, что имеет быть правом между народами. Утверждение это (*sanctio*) находим в верховной власти каждого государства, которое и даёт у себя праву народов свойство закона положительного. Бесспорно и то, что народы не могут быть рассматриваемы как составляющие одно большое государство, и что, на

что согласились два народа, или более, не обязывает вовсе других. Но сие доказывает только то, что нет всеобщего права народов...

Печатается по:

Журнал Министерства народного просвещения, 1836 Т.IX, №1-3, С.478-493.

Библиотека БГУИР

СПАСОВИЧ ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ

В обыденной жизни слово «многогранность» употребляется редко. А в оценках Владимира Спасовича коллеги не избегали его, хотя чаще говорили «знаменитый юрист», «известный профессор», «яркий оратор», «талантливый писатель». Вспоминали и его первый в России учебник уголовного права, который оказал большое влияние на молодые умы. «Мечтая о карьере адвоката, - писал русский социолог и публицист Н.К.Михайловский, - я с жаром, хотя и без всякого порядка, читал разные юридические сочинения. В том числе был учебник уголовного права В.Спасовича. В нем есть краткий обзор различных философских систем в их отношении к криминалистике» [1]. Его учебник, изданный в 1863 году, действительно долго был настольной книгой для молодых юристов.

Естественно, Владимир Спасович интересует нас не только как человек обширных познаний, «ходячая энциклопедия», а более всего как образованнейший юрист, способный к самостоятельному творчеству, известный своими теоретическими трудами по вопросам уголовного, гражданского и международного права.

Владимир Данилович Спасович родился 16 января 1829 года в г. Речица Минской губернии (теперь райцентр Гомельской области). Отец его происходил из мещан Глуска, а после окончания Виленского университета работал в г. Речице уездным врачом. В 1832 году переехал в г. Минск на должность инспектора Минской врачебной управы. Здесь мать, получившая превосходное образование, с помощью учителей гимназии воспитывала своего первого сына Владимира. Мальчик оказался весьма способным, его успехи радовали, и он поступил сразу в четвертый класс Минской гимназии на Соборной площади. Владимир полюбил историю и литературу, русский, немецкий, французский языки, которыми в совершенстве владела мама. Будучи гимназистом, он увлекался поэзией А.Пушкина, А.Мицкевича, И.Шиллера. Он был первым учеником Минской гимназии, которую окончил в 1845 году с золотой медалью.

По собственному желанию Владимир Спасович поступил на юридический факультет Петербургского университета. У него была блестящая подготовка, и он легко схватывал лекционный материал, .

Будучи студентом юрфака, он много работал над собой, засиживался над книгами, особенно увлеченно занимался правоведением, историей и литературой, пробовал сам писать. Был глубоко убежден, что человек не может стать высокообразованным и объективно мыслящим, верящим в победу добра без собственных усилий, без университета и самообразования. Он основательно изучал русскую историю и культуру, историю цивилизации Франсуа Гизо и философию Георга Гегеля, теоретическое наследие русских правоведов. А к завершению учебы подготовил кандидатскую диссертацию и в 1849 году получил звание кандидата прав.

В.Спасовича приняли на службу в Министерство юстиции канцелярским чиновником палаты уголовного суда. Талантливый юноша старательно работал и мечтал о профессорском звании. Он готовился к магистерскому экзамену и в 22 года стал магистром международного права, защитив диссертацию «О правах нейтрального флота и нейтрального груза». И вдруг случилась большая неприятность: пропал том уголовного дела. По распоряжению министра юстиции графа Виктора Панина В.Спасович был уволен.

Несмотря на первую неудачу он взялся за преподавание географии и статистики в военно-учебных заведениях, которые возглавлял генерал Я.И.Ростовцев, занялся исследованиями и литературными переводами. Этот период - интеллектуальный разбег - подготовил его к выполнению более сложных обязанностей.

В 1857 году Владимир Данилович защищает докторскую диссертацию и при содействии близкого ему К.Д.Кавелина занимает кафедру уголовного права Петербургского университета. Как экстраординарный профессор читает лекции студентам и «публичные беседы о законоведении», ставшие делом новым и интересным.

В.Д.Спасович пользовался репутацией либерала, точнее, человека передовых взглядов, высоко ценил роль науки и молодежи в развитии общества. Он активно поддерживал идею университетской автономии и право студентов на само-

управление. Когда в 1861 году в Петербургском университете произошли массовые студенческие волнения, он вместе с профессорами К.Д.Кавелиным, А.Н.Пыпиным, М.М.Стасюлевичем, Б.И.Утиным подал в отставку, хотя раньше об уходе из университета даже не помышлял.

Некоторое время Спасович поддерживал научно-педагогическую связь с кафедрой уголовного права университета, помогал ей своими изысканиями. А лекции читал в училище правоведения, занимался литературной критикой. Одновременно вел спецкурс военно-уголовного права в Академии Генерального права по своей лично разработанной программе. В 1863 году, когда был опубликован его учебник уголовного права, отношение к нему в Петербурге резко пошатнулось, он окончательно потерял возможность занимать должность профессора и был наказан за свои убеждения.

В учебнике В.Д.Спасович раскрывает сущность и историю наказания, связывает смену уголовно-правовых явлений с социальным положением граждан и правящим режимом (на примере Рима). Он поясняет, что в древнем мире политическая деятельность стояла неизмеримо выше всякой иной и «составляла для каждого гражданина все счастье, все благо, все достоинство и назначение его жизни» [3, с. 203]. Он ясно показал, каким образом ссылка, изгнание, не сопровождаемые даже страданиями, были тягчайшим злом и имели огромную репрессивную силу. Раскрывая формы наказания, автор бичует их как устаревшие, унижительные, безнравственные. Утверждая, что нельзя пятнать целые миллионы населения, он писал, что законодатель должен всячески заботиться о том, чтобы в народе пробудились и расцвели понятия о личном достоинстве и чувстве чести личной, но эти чувства не могут развиваться и расцветать в массах под владычеством розог. Рассматривая римское право, В.Д.Спасович сопоставлял его с современным уголовным правом России, где также опошлилась жизнь, потеряло цену звание гражданина. Теперь, когда исчезло поприще политической деятельности, «единственным источником наслаждений стали частный быт, чувственные наслаждения и изысканная роскошь» [3, с. 236]. Он с горечью отмечает, что у нас правительство является двигателем всех общественных интересов, вмешивается

во все, его влияние проникает в соткровеннейшие изгибы частной и семейной жизни: в руках правительства самые разнообразные средства, начиная от смертной казни до полицейского ареста или денежного взыскания.

Коснулся автор и вопроса о смертной казни, которая всегда применялась исключительно по политическим преступлениям. «Жизнь человека, - пишет он, - есть столь же прирожденное ему, и столь же священное, неприкосновенное право, как и свобода. Отрицание смертной казни приведет непременно, по закону логической последовательности, и к отрицанию тюремного заключения и всех вообще мер насильственных, принудительных, одним словом, к отрицанию самого уголовного права» [3, с. 184]. Он считал, что цель общества выше, нежели цель существования отдельного человека. Если возникает необходимость, государство вправе жертвовать жизнью людей, в условиях войны даже невинных. Иначе возникает угроза его существованию.

Известный ученый-правовед А.Ф.Кистяковский писал: «Учебник Спасовича будет капитальным приобретением нашей педагогической и юридической литературы... Автор его не только стоит на уровне с современными работами по этой части в западной Европе, но и обнаруживает полную самостоятельность мысли, языка и обработки взятого для своего труда материала, что важнее всего для русской науки права, которая, за немногими исключениями, до сих пор остается бледной копией науки немецкой и отчасти французской».

При дружеском участии К.К.Арсеньева, Д.В.Стасова и других в 1866 году В.Д.Спасович вступает в первый состав присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты. Очень пригодилось его умение разрабатывать юридические вопросы, проводить психологический анализ, тонко исследовать судебный материал. Только здесь требовались еще более глубокие научные знания, точность анализа. Коллеги искренне отмечали вклад В.Д.Спасовича в становление новой судебной палаты и начинающей адвокатской практики.

Во второй половине XIX века Россия переживала тяжелые времена: экономическая отсталость, свирепая эксплуатация, нищета, бесправие, голод. Против «ярма деспотизма» выступали революционные интеллигенты, рабочие, студенты.

Пугали масштабы царских репрессий и арестов. Зоркие глаза Спасовича-социолога умели читать не только в книгах, но и в реальной жизни. Поэтому не вызывает удивления то, что он один из первых российских присяжных поверенных стал активным участником многих политических процессов, получивших широкую известность. Он не искал себе материалы, они сами по службе шли ему в руки, и «разбирал по косточкам» - подробно, обстоятельно, профессионально.

Навсегда запомнился «процесс 193» - крупнейший политический процесс в России, начавшийся 18 октября 1877 года. На скамье подсудимых - революционные народники, участники «хождения в народ», среди которых А.Желябов, С.Перовская, Н.Морозов, И.Мышкин, С.Ковалик, Н.Судзиловский (двое последних - белорусы) и другие. Судили 28 женщин. Царский суд не смог доказать обвинения. Девяносто подсудимых были оправданы. Вынесенный приговор, по общему мнению, был намного мягче того, на который рассчитывало правительство. Несомненная заслуга в этом была адвоката В.Спасовича, сочувствующего борцам за право народа на лучшую жизнь.

В то время мало было хлеба и школ, прав и свободы. И очень много протестов и арестов, один за другим шли политические процессы. Присяжные поверенные жаловались на постоянные перегрузки. Владимир Спасович выступал адвокатом на таких громких процессах, как «процесс 17 народовольцев», «процесс 50 из группы «москвичей», «процесс 21-го» и многих других. Он защищал революционных народовольцев Г.Лопатина, А.Прибылева, П.Якубовича и других. Ответственно, с увлечением готовился к своим речам. Коллеги отмечали в его выступлениях глубокое содержание и оригинальность, яркую обрисовку не только деяния, но и личности подсудимого, его духовных свойств и окружающей его социальной атмосферы. Знаменитый судебный деятель и писатель А.Ф.Кони так и писал: «Живая, энергическая речь Спасовича, одинакова сильная в синтезе и в анализе, никогда не упускающая из виду подсудимого, как «брата по человечеству», проникнутая разумным снисхождением к увлечениям молодого возраста, без льстивого попустительства, всегда производила впечатление на присяжных и

привлекла к себе особое внимание суда» [5]. Именно в адвокатуре он становится «знаменитым Спасовичем» и оставляет яркий след в истории русского суда.

В.Д.Спасовича называли оригинальным оратором, мыслителем и художником. Все своей деятельностью он утверждал, что мыслителем родиться нельзя, но им можно стать, развив образованием свою природную способность к философствованию, анализу и художественному слову. Человек европейской образованности, высокой культуры мышления, он умел тонко подметить, образно охарактеризовать, мудро излагать. В речи по делу секты Плотичиных он сказал: «Не нам, людям XIX века, восстанавливать память о прежних гонениях, пятиться в средние века; наш закон святая веротерпимость, неприкосновенность личных убеждений» [6]. Выслушивая беспринципных невежественных пустых болтунов, он заключил: «Нельзя спорить о цветах со слепым или о математике с незнающим твердо пифагоровой таблички». Он говорил глубокомысленно, доказательно, остроумно и афористично.

Что же освещает нашим современникам свет мыслей и опыта Владимира Спасовича, умершего 105 лет тому назад?

Во-первых, многие принимают его жизненное правило: стремись к обширным знаниям, к многогранности, к творческому развитию. Определись, что, по словам В.Д.Спасовича, должно быть «главным занятием своей жизни», главной сферой деятельности, чтобы умело подчинить ей всю свою энциклопедичность, свой развитый интеллект и свои реальные возможности превратить профессию (должность) в живой созидательный процесс и осязаемый результат труда. У него это выражалось в блестящих лекциях и выступлениях на судебных процессах, в печатных трудах и теории правоведения, вызывающих признание ученых и публики.

Во-вторых, только в служении людям, законам гуманизма у будущего специалиста может пробудиться жажда познания, дух творчества и та огромная энергия, благодаря которой в нем сосредоточивается общественный интерес и внимание к проблемам повседневной жизни. Опыт В.Д.Спасовича подтверждает, что успех юриста - в глубоком знании потребностей развития, истории и психологии

человека, в его умении философски анализировать и решать, профессионально оценивать поступки и преступления, превращая себя в могучую охранительную и нравственно-политическую силу. О Спасовиче так и говорили: «На происходящее он смотрел глазами художника, размышлял умом философа и поведал свои думы языком великого оратора» [7]. Он вошел в историю как выдающийся ученый-правовед, публицист, литературный критик. Оставил превосходные труды по языкознанию, о поэзии А.Пушкина и М.Лермонтова, Дж. Байрона и У.Шекспира, А.Мицкевича и В.Сырокомли и других.

В-третьих, В.Д.Спасович свято чтит гуманистические традиции общества, профессиональной этики суда и адвокатуры - защищать человека и государство, воздействовать на воспитание людей, традиции нравственно-щепетильной корпоративной дисциплины. Он подчеркивал, что мы наложили на себя узы самой беспощадной дисциплины, вследствие которой жертвуем своими вкусами, мнениями, своей свободой тому, что скажет громада - великий человек: «Нам дорога та сила, которую дают крепкие, суровые нравы» [8].

Отметим еще одну особенность В.Д.Спасовича, обусловленную его происхождением (его мать была католичкой, влюбленной в поэзию А.Мицкевича). Он был православным, сторонником идеи русско-польского сближения на почве культурно-исторических связей. Но нелегко было ему разделить сердце между Польшей и Россией. Отсюда, по ироничным словам историка М.И.Семевского (родом из Полоцка), «тщетное усилие усестыся на двух стульях, стянутых тоненькой ниточкой призрачного национального «примирения» [9]. Другой наш земляк - писатель Ангел Богданович (родом из Городка) превосходно знал, что В.Спасович представляет оригинальное и единственное в своем роде явление: был польским писателем и русским ученым: «Благодаря этому он является не гостем в той и другой литературе, а вполне своим человеком, настоящим работником, проводящим в обеих идеи человечности, терпимости и взаимного сближения на почве понимания и уважения» [10]. Обидно было, что некоторые русские и поляки не очень признавали его своим. А В.Д.Спасович, называя себя «антинационалистом», признавал и национальные ценности, и общечеловеческие.

И когда В.Д.Спасович умер (26 октября 1906 года), известный юрист В.Д.Набоков, назвав его знаменитейшим судебным оратором, глубоким психологом-мыслителем, крупным общественным деятелем, подвел черту: «Спасович дал русскому и польскому обществу все, что только мог дать его большой разносторонний талант, и завещал в своих трудах богатое наследство грядущим поколениям...» [11].

Литература:

1. Михайловский, Н.К. Литература и жизнь / Н.К.Михайловский // Русская мысль. - 1892. - №3. - С. 196.
2. Спасович, В.Д. Пятидесятилетие Петербургского университета / В.Д.Спасович // Сочинения. - Т. 4. - СПб., 1891. - С. 15.
3. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д.Спасович. - СПб., 1863. - С. 184, 203, 236.
4. Кистяковский, А.Ф. Об учебнике В.Спасовича / А.Ф.Кистяковский // Журнал Министерства юстиции. - 1863. -№3. - С. 193.
5. Кони, А.Ф. Владимир Данилович Спасович / А.Ф.Кони // Сочинения. - Т. 5. - М., 1968. - С. 118-119.
6. Спасович, В.Д. Судебные речи / В.Д.Спасович // Сочинения. - Т. 5. - СПб., 1893. - С. 94-95.
7. Ляховицкий, Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов / Л.Д.Ляховицкий. - СПб., 1897. -С. 236.
8. Арсеньев, К.К. Заметки о русской адвокатуре / К.К.Арсеньев. - СПб., 1875. - С. 203.
9. Семевский, М.И. Знакомые / М.И.Семевский. - Альбом, 1888. - С. 207.
10. Богданович, А. Критические заметки / А.Богданович // Шрь БожШ. - 1900. - №7. - С. 8.
11. Набоков, В. Спасович В.Д. (некролог) / В.Набоков // Право. - 1906. - №4. - С. 3149.

СПАСОВИЧ ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ

О языке в области судопроизводства

Я покончил с фактическими подробностями и перехожу к заключениям. Факты таковы, что из них явствует, что законодательство наше не имеет, по отношению к языку на суде, никаких твердых руководящих щцвдд. ^и допускает бесконечно разнообразные решения. Одно из двух: либо язычный вопрос есть дело прихоти, временного, более или менее любовного, отношения законодателя к иноплеменникам, из коих одни ему кажутся легковесны, потому что азиаты, хотя есть между ними принадлежащие к почтенным по древности культурам, у других, он отнимает их язык на суде за их строптивость и политические вины, третьих, он жалуется за их лояльную верность. Если так стал вопрос, то логика тут ни причем и не имеют смысла слова: государственная польза, 'государственный интерес, а решающими силами является прихоть, фантазия, страсть, — все же толки о языке походят на знаменитый спор.de lana caprina — либо и к допущению языков на суде применимы отвлеченные начала разума, соображения настоящей политики; тогда необходимо отыскать и поставить подлежащий принцип, с которого и начать потом всякие суждения. Сомневаюсь, найдется ли кто-либо из государственных людей, который бы проповедовал, открыто первое из этих решений; даже склоняясь к нему, он будет доказывать, что проводит какой-нибудь принцип — например, обрусение, но это обрусение должно быть в таком случае одинаково годное и для Царства Польского и для Остзейского^ края. Второе заключение, к которому неизбежно приводит разбираемый вопрос о едино или многоязычии на суде, есть то, что законодателю приходится выбирать в этом языковом вопросе один из двух путей: либо цельность судебных уставов, в полном их объеме, без урезок и искажений, но с пожертвованием языка, в виду того, что на суде правда должна быть отыскиваема только одна и одинаковыми путями, но как евангелие она может быть гласима пятью, десятью, да и большим числом, всевозможными языками рода человеческого; либо на первом плане должна стоять филологиче-

ская цель; суд будет прежде всего учить языку и затем уже будет нравоучителем и воспитателем народа в понятиях истины и добра. В последнем случае, судебные уставы будут видоизменены в существеннейших их частях. Под видом судебных уставов будет вводимо нечто, хотя на них и похожее, но похуже и низкодобротнее, с тем, что лишь в далеком будущем, когда судимые усвоят себе целыми массами русский язык, тогда только им будут пожалованы полные учреждения, со всеми гарантиями для личности. И в этой дилемме выбор не труден. Ни один юрист не станет на филологическую точку зрения, коль скоро для него существенны не слово, а дело, не мертвая форма, а метод и содержание. Я полагаю, что не найдется и филолог, который бы серьезно стоял за насильем водворяемое господство языка в стране чужой, где это господство начнется с того, что водворяемый язык станут жесточайшим образом ломать и калечить. Господство языка может устанавливаться только свободно. Оно всегда пропорционально количеству и массе просветительных идей, которые исторический народ вносит в общую сокровищницу человечества. Принудительная обязательность языка не только не помогает, но она мешает развитию и успехам культурной национальности, потому что она ставит форму и содержание, учреждение и язык, в неправильное отношение, которое бы я назвал антикультурным. Я не знаю примера культурного народа, с историческим значением, который бы берег лучшие учреждения только для себя, а давал те что похуже ассимилируемым им иноплеменникам, поджидая пока массы не усвоят себе чужой язык, что совершается весьма медленно. Но все без исключения великие культурные народы* объединяли иноплеменников сначала учреждениями, не обращая никакого внимания на язык. Эти учреждения, внося в жизнь объединенных массу свободы и добра, устанавливали вещественную связь, за которою уже само собою следовало и язычное формальное объединение, делающее тем большие успехи, чем оно было произвольнее и свободнее, чем меньше могли опасаться объединяемые, что усвоением учреждений они делают ущерб тому, что каждый народ привык считать своею святынею, то есть родному языку. С этой точки зрения, из многих решений, которые получил в России вопрос о языках в суде, самое лучшее то, которое содержится в указе 28 мая 1880 г. для

остзейских губерний. Оно важно еще и потому, что в формулу, преподанную этим законом, вошли все три возможных элемента этого вопроса, то есть, что им установлены отношения между официальным государственным языком империи и историческим языком страны и между государственным языком и простонародными наречиями. Сам вопрос не нов; он много раз перетолкован, пережеван, имеет свою теорию и историю. Я позволю себе пояснить его с обеих этих сторон и доказать, что указ 28 мая 1880 г. соответствует и теории национальностей, в ее современном состоянии и практически испробованным опытам его разрешения, как у нас, в былые времена, так и в государствах, которые наиболее с ним возились, потому что по племенному составу наиболее разношерстны. Такова, в особенности, Австро-Венгрия, об отношениях национальностей в которой имеется хорошее сочинение польского профессора Л. Гумпловича, изданное 1879 г. в Инсбруке: *Das Recht der Nationalitäten und Sprachen in Oesterreich-Ungarn*. Нет понятия сложнее и туманнее национальности. Еще в начале нынешнего века, в речах Фихте к немецкому народу, предлагались два коренных признака национальности: происхождение от общих прародителей и общность единого языка. Оба признака неверны. Чистыми, хрустальными, невзбаломученными волнами могут течь только малые племенные ручейки. Великий народ несет в море всемирноисторического движения дань сотен и тысяч вливающихся в него притоков. С другой стороны, есть крепкие государства двуязычные, многоязычные, относительно которых нельзя и предполагать, чтобы когда-либо государственный язык в них объединился. Есть трехплеменная Швейцария, есть Австрия, которая и помышлять, не может о том, чтобы когда-либо немецкий язык сделался в ней господствующим. На выходе из средних веков были утопии, смущавшие людей, — например утопия религиозная, мысль о том, что невозможно общежитие без веры в единого, христианского, по известному обряду, Бога; на этой утопии проиграла всю свою будущность Испания и погибла. Ныне в виду другая, столь же пустая утопия единоречия, которая столь же пагубна, как мечты XVII в. о водворении насилом единоверия. Главное в национальности не язык, а сознание государственной общности, одушевляющее и соединяющее часто лиц, имеющих разные родные языки; го

чувство, которое заставило чеха Палацкого высказаться в 1848 году, что если бы Австрия не существовала, то ее следовало бы изобрести; то чувство, которым проникнут был Фридрих Великий, хотя по культуре француз, и русские государственные и военные деятели 1812 г., лучше владевшие французским, нежели своим языком, но дравшиеся на смерть с Наполеоном. Многоязычие есть, конечно, помеха общежитию, но в нашем обществе, мы эту помеху легко преодолеваем, учимся трем и более языкам и делаемся чрез то образованнее и разностороннее. Двужычие и даже многоязычие - явление самое обыкновенное не только в отдельных лицах, но и в массах, например в Бельгии (французский и фламандский языки), в Эльзасе и Лотарингии (французский и немецкий). Это учащающееся ныне многоязычие масс, делает почти невозможным точную классификацию населения по национальностям. Вопрос этот был поставлен в 1874 г. на международном статистическом конгрессе в С.-Петербурге и имеются три записки участвовавших в этом конгрессе ученых специалистов: Фикера, Глягтера и Келети. Фикер все сводит к физиологическим свойствам расы, отвергая язык, и приводит примеры чиновничьих семейств в Австрии, которые после 1845 г. показывали себя, смотря по течению времени, то славянами, то немцами, то мадьярами, даже с мадьярскими фамильными именами. Глягтер предлагает определять национальность по *langue parlée*, языку, употребляемому дома, в семье — признак крайне эфемерный, изменчивый и трудно определяемый. Наконец Келети совсем почти исключает национальность из ведения статистики: „национальность есть только чувство, подобное религиозному; соединяющееся с патриотизмом, но могущее также зависеть от произвольного выбора, как от него может зависеть и само отечество. Оно есть только чувство, на которое влияют принадлежность, рождение, происхождение, характер племени и все что от них зависит. Это чувство стремясь проявиться, как стремилась к тому же религия, посредством своих догматов и обрядов, пользуется языком только как орудием этого проявления. "Когда язык сведен на степень одного, но не единственного из способов служения национальности, а национальность к чувству столь же субъективному, как религиозное,

то и роль государства, по отношению к языкам и национальностям, есть такая же, как по отношению к религиям и обрядам, а именно: стоять посреди их, водворять мир и согласие и блюсти чтобы люди из-за языков себя взаимно не поедали, как то обыкновенно делалось в старину из-за вероисповеданий. Если такова роль и функция государства по отношению к национальностям, то с одной стороны, все национальности и языки имеют право на существование, с другой — национальности могут иметь известные права на пользование национальным языком в области жизни общественной. Общечеловеческая, отвлеченная равноправность людей, не исключает бесконечного различия в правах, коими отдельные лица пользуются по возрасту, заслугам, званию, роду занятий. Точно такие же глубокие различия существуют при одинаковом уважении ко всем языкам вообще, в области, которая могла бы быть каждому из них отведена в жизни общественной вообще и специально в стенах суда. Права различны по различию субъектов, а все субъекты, то есть массы, отстаивающие свой особый язык как родной, могут быть подразделены на три разряда (смотря по тому, какой они язык поддерживают, как свой родной):

- 1) **официальный** ли язык политически господствующего в государстве племени;
- 2) другой ли **культурный** язык национальности, либо политически самостоятельной, но которой некоторые части отпали от центра и обретаются в другом государстве (наши немцы, наши румыны), либо развенчанной и потерявшей свою политическую самобытность (поляки);
- 3) наконец, **некультурное** наречие, простой зародыш, который может пропасть, как пропадают сотни ему подобных, будучи всасываемы чужими культурами, но может также ценою исторического труда, при особенно

благоприятных условиях, развиться и сделаться культурным.

Начнем с **некультурных** наречий, как этнографических особей. Государство действовало бы во вред себе, если бы оно взращивало и размножало все те изящные

разновидности, которые суть зародыши новых языков, но которые требовали бы страшной массы работы, чтобы сделаться годными для передачи тонких, отвлеченных, научных понятий. Средневековые государства не заботились вовсе о наречиях и давали им свободно прозябать снизу, лишь бы только сверху были всосаны и приобщены к государственной культуре дворянства и духовенства, интеллигенция и служилые люди. До какой степени чрез то слабели этнографические особи **wj**— тому могут служить русские в Галиции и чехи. Условия быта и жизни в современном демократическом государстве изменились, интеллигенция сделалась светскою, она исходит не только из дворянства, но и из среднего состояния. Печать является могучим орудием, посредством коего можно фиксировать наречие и капитализировать культуру, подбирая и слагая мелкие ее крохи дешевым образом, при одной усердии и труде. Кроме того, в современном государстве, на первом плане, стоит благо масс, а, следовательно, выдвигается вперед обязанность государства развивать их и просвещать. Тут то и вырастает вопрос о выборе языка. Выбран должен быть, очевидно, тот, который в наискорейшем времени может наиболее способствовать развитию массы. Ясно, что для этой цели, для первоначального обучения масс, которые и начинают и кончают свое образование в народных училищах, ни один язык не может идти в сравнение с родным языком этих масс. Заставьте простолюдина латыша, эстонца или даже малоросса, учиться с азбуки на русском языке; работа будет трудная, тяжелая, двойная, сначала усвоение себе нормы чужого языка и затем усвоение себе содержания преподаваемого. Иное дело среднее и высшее образование. Государство все с него следующее сделало, когда предоставило некультурному племени, обладающему особым идиомом, заводить по произволу высшие образовательные училища, на собственный риск племени и на его частные средства. Еще в большей, чем в школах степени, употребление местного, народного, хотя и малообработанного идиома необходимо для суда. Государство обязано понизить не только знание, но и право, до умственного уровня как учащихся, так и судимых. Судья обязан, прежде всего, понимать судимого без

переводчика. С другой стороны, судимые должны понимать и судогезорение и приговор. Польза суда не только в том, чтобы приговоры были справедливы, сколько в том, чтобы народ был проникнут убеждением, что они справедливы, иначе пропадет вся воспитательная сторона суда в общежитии. С этим вопросом много возилась Австро-Венгрия, пока она его не разрешила вполне, по моему мнению, удовлетворительно, для венгерских земель, законом декабрьским 1868 г. о национальностях; а для цислейтанских земель, основным законом 21 декабря 1867 г. (§ 19 Jeder Volksstamm hat ein unverletzliches Recht auf Wahrung und Pflege seiner Nationalität und Sprache) и применяющими этот закон постановлениями для отдельных провинций. Земским языком может считаться немецкий, венгерский или польский, но русин, словак или иной человек, принадлежащий к этнографической местной особи, вправе объясняться, судиться и защищаться в суде немецком, венгерском или польском той земли, где он судится, на своем собственном наречии. Протоколы и приговоры должны быть, в известных случаях, изготовляемы и на этом языке. Это справедливое начало признано и в России, по закону 28 мая 1880 г. для латышей и эстов в остзейских губерниях.

Перехожу к *культурным* языкам или к так называемым историческим, земским, бывшим некогда государственными и оставленным за штатом, буде вследствие того, что государство развалилось (Польша), буде потому что однокультурная с существующим государством область, очутилась по воле судеб в пределах другого государства. В пользу употребления на суде этого земского или областного языка, говорит не только то самое, что располагает нас и в пользу местных наречий, то есть необходимость приблизить суд к населению и поставить его в уровень с потребностями простонародья, — за этим языком стоит еще факт долговременного владения и целыми веками накопившейся культуры, которая имеет ближайшим своим выражением язык. Так как эта культура содержится вся в языке, как в облекающей ее коже, не будучи еще обобщена до степени всемирно-исторической культуры, то вытеснив язык, вы в тоже время и за одним разом подрежете и снесете всю культуру, которая, так сказать, сидела в этом языке; вы уничтожите и разрушите весь скарб умственного развития, унаследованный от пред-

ков и составляющий неприкосновенную, неотдаваемую никогда без упорного боя, национальную святыню. Вместо того, вы ничего не предложите, потому что на произведение и укрепление оболочки — мертвой еще формы языка, нужны десятилетия, а может быть и столетия; что же касается до культурных идей, которых проводником должен быть язык насаждаемый обязательно, но они не навязываются, не могут быть вдавливаемы наружным тиснением, а могут быть только свободно и добровольно воспринимаемы. Таким образом, обязательное водворение языка произведет только то, что где была своя посильная культура, дающая что-нибудь, положим даже мало, вроде ячменя или ржи, а не пшеницы, получится искусственная пустыня, залежь, на которой не будет произрастать даже тощая трава. "При таком образе действия, замечает

Гумплович'(с. 284), держава, имеющая существенный интерес в том, чтобы для известной общественной функции был избран наиболее

подходящий язык, преследовала бы, вместо того, язычный интерес одного языка в ущерб другим, что было бы прямым уклонением государства от его цели и назначения. Она поступала бы антигосударственно потому, что вооружала бы против государства все языки, кроме одного." Если бы даже и удалось насильственное оттеснение культурного языка и навязывание другого, то различие темпераментов и культур будет продолжаться и проявляться с ожесточением. Англия не освободится от того рака в груди,

который называется ирландским вопросом, хотя ирландцы не говорят уже по-кельтски, а по-английски. Десять лет (1849—1859) пыталась Австрия смять и отменить земские языки в администрации и суде; наконец она оставила эту затею и после новых, 8-ми летних ощупываний и колебаний, допустила существование земских культурных языков. Такое же признание значения культурного языка я нахожу в законе 28 мая 1880 г. для остзейских губерний, законе, который я приветствую как норму для будущего разрешения этого вопроса в России, когда придется вопрос этот ставить и решать, как ставятся и решаются все государственные вопросы, то есть на основании логических принципов.

Оставление культурного языка в его нравах спокойного владения, заработанного и приобретенного почвою, нисколько не умаляет прав господствующего общегосударственного языка, который получит все что ему следует, когда и сам будет, в свою очередь, поставлен в каждой области на одну и ту же ногу, с земским языком той области. Русский гражданин имеет право требовать, чтобы его во всех землях и частях России выслушивали без переводчика и чтобы его даже и судили на этом языке. И этому требованию удовлетворяет закон 28 мая 1880 г. по которому, при

изложении не только протоколов "но и решений", допускается употребление русского и немецкого языков (но не местных наречий, роль которых исчерпывается областью судоговорения, не переходя в приговор).

Такая постановка вопроса о языках, едва ли может встретить серьезные возражения. Я не считаю таковыми ссылку на кассационный сенат, как на установление, которое будет затрудняться рассмотрением деловых бумаг не на русском языке. Относительно этой невиданной и неслыханной на земном шаре судебной централизации, которая должна собрать под одну ' шапку все 90 м. народа и разбирать жалобы на все и мировые и общие суды, можно бы многое сказать не в ее пользу. Единство практики и теперь >становится почти фикцией по разделении кассационных д—тов па отделения, оно делается еще большею фикцией и невозможностью в будущем. Если в Итальянском королевстве имеется 5 кассационных сенатов, то почему бы у нас не быть одному отделению гражданского кассационного сената в Варшаве, для разрешения дел, судимых по кодексу Наполеона. Но, не затрагивая этого вопроса, касающегося судеустройства в самом центре его, Сенат, я утверждаю, что и без перемены в судеустройстве, вопрос о языках может быть решен весьма просто и что он уже и в прошедшем не раз, в этом же смысле, решался. В прошедшем (до 1810 г.) решения, снабженные переводами, вносились в сенат из главных судов западной окраины, они решались IX и X д-тами сената в Варшаве, без всяких переводов; в настоящем, из остзейских губерний решения, с переводами на русский язык, поступают в дореформенные д-ты правительствующего сената. Законодательство и по этому вопросу сказало на будущее

свое слово, когда в указе 28 мая 1880 г. оно допустило, чтобы приговоры мировых съездов в остзейских губерниях писались на русском или на немецком языках.

Другое возражение может относиться к судьям; вправе ли мы требовать, чтобы они владели несколькими языками? Это возражение напоминало бы классический спор в басне, что для чего существует: очки ли для глаз или глаза для очков? Спрашивается что легче: заставить ли многомиллионный народ учиться по-русски, чтобы он мог и судиться по-русски или заставить несколько сот, или, пожалуй, несколько тысяч человек, чтобы отправляясь на службу за Кавказ, они знали армянский и грузинский языки, а отправляясь в Царство Польское — польский язык. Очевидно, что из двух ^решений правильно только последнее. От нашей полновластной бюрократии, сквозь которую с невероятным трудом пробиваются скудные земские элементы, можно конечно и требовать многого, по крайней мере знания местного языка того края, куда определяется служащий, без чего немыслимо и знание местного быта. За этим требованием, за усложнением условий, требуемых от соискателей на местах известной страны, пойдет и большая оседлость чиновников и судей на своих страны, уменьшится число примеров тому, что сегодня судья в Варшаве, завтра в Казани, после завтра в Тифлисе, по постоянно имеет в перспективе попасть, наконец, во всепоглощающий Петербург, который страдает приливом к нему интеллигентных лиц, между тем как провинция остается чахлая и тощая. Для сближения национальностей полезно, чтобы языкам поучились и управляющие; но нет никакой надобности вводить филологический статс-экзамен. Прикажите только судить на местном языке и не знающие его либо уедут, либо, в весьма скором времени, ему выучатся. От лиц стоящих во главе судебной организации в Ц. Польском, прибавлю от русских людей, я слышал что ныне, чрез 4 года со дня введения реформы, можно бы, без большой перемены в личном составе судей, ввести все судоговорение на польском языке, а раз это бы пошло, так как славянская натура вообще способна, то и языкознание сделало бы большие успехи и русский народ доказал бы свое умение справляться с иноязычниками. Мало одной удачи, нужна еще доля умения, чтобы выполнить удовлетворительно ту роль, которую для римского народа формулиро-

вал некогда Вергилий в словах: < "tu^regere imperio populos romane memento."

Исполнить эту роль можно

только поставив на государственном знамени магические слова: гуманность, терпимость и свобода. Тогда бы достигнуто было бы и углубление тех засоряющихся боковых рукавов, которыми протекает часть воды, отделяющаяся от главного течения русской жизни и упразднились бы те опасные отмели на которые я указывал в начале моей речи.

Печатается по: Журнал гражданского и уголовного права. 1881. кн.1-2. С.38-47.

Библиотека БГУИР

БОБРОВСКИЙ ПАВЕЛ ОСИПОВИЧ

(1832—1905)

Без образования не может быть нравственно-го развития человека. Для достижения благосостояния, образование едва ли не нужнее, чем успехи в земледелии, ибо без познаний не может быть успеха; только путем науки человечество достигло тех громадных результатов труда, которые приводят нас в изумление.

П.О.Бобровский. 1863.

Его имя, вошедшее во все русские и белорусские энциклопедии, в обзор экономического и военно–патриотического наследия, продолжает нас интересовать, как весьма благородного деятельного человека, как ученого со своей оригинальной тематикой и как политического мыслителя.

Павел Осипович Бобровский происходил из старинного дворянского рода дрогичинской земли, входящей в Гродненскую губернию. Его первый научный труд о белорусской губернии, заставил заговорить о нем в Петербурге как о восходящей звезде. Всю свою жизнь он посвятил страноведению, жизнедеятельности армии, воспитанию офицерских кадров, и его богатый опыт, возможно, и нам окажется чем–то полезным.

Иди, взглядываясь в прошлое

Павел Бобровский родился 21 марта 1832 года в имении Вакка Виленской губернии. Первоначальное образование получил от своего дяди Михаила Кирилловича Бобровского, ученого слависта и востоковеда. Дядя, который жил и имел приход в местечке Шерешево, послал племянника в пружанское дворянское училище. Когда Павлику было восемь лет, дядя умер и покровительство его закончилось, а в наследство племянник получил бесценный дар – неукротимую страсть к знаниям, наукам, книгам. В зрелом возрасте он написал интересную книгу, посвященную жизни и творчеству дяди. Его способность к познанию и поиску с годами стала уникальной. Его интерес к людям, земле, истории, особенно военной, превратился в двигатель его собственного развития.

В 12 лет Павел поступил в Полоцкий кадетский корпус, известный своими сложившимися учебно–воспитательными традициями. Главными для мальчика были предметы: история, география, русский язык, математика, писание. Хватало ему разнообразных занятий и муштры. Не все ему нравилось, но не жаловался. Скуку прогоняли книги, без которых он уже и не представлял своей жизни. И очень был доволен, когда ему удавалось вырваться в город. Полоцк – не Дрогичин и Шерешево, тут есть, что посмотреть. Высокий храм св. Николая, примыкающий к корпусу, Спасо–Ефросиньевская церковь, изумляющая своей красотой, ветхие деревянные улочки, по которым ходил Скорина. С каждым годом Павел все больше узнавал о древней Полоцкой земле. Его заинтересовали события, связанные о униатской архиепархией, убийством Иасафата Кунцевича, который расширял униатство. Здесь было столько таинственных точек, от которых из глубин веков пролегла незримая прямая к его времени. И, правда, став исследователем прошлого, он обращался к этим «точкам», написал о них статьи и книгу.

Полоцкий кадетский корпус, который тогда размещался в бывшем езуитском коллегиуме, повернул Павла лицом к истории, и этим оставил добрую память о себе. Простившись с землей предков, он переехал в Петербург и продолжал учебу в Дворянском полку на Васильевском острове. Его принял град Петров, который стоял прочно и "неколебимо, как Россия», где "корабли толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся". Бобровского поразила красота и история северной столицы, и еще больше потянуло не только к гранитным творениям Петра I, но и к его духовному наследию, к его мыслям и заветам. Город для

Павла стал большой открытой книгой, которую надо читать и понимать, как голололомки алгебры или логики.

А вскоре, окончив Дворянский полк, Бобровский воочию увидел трудности и просчеты правителей государства. Он был выпущен прапорщиком в лейбгвардии Литовский полк. Когда началась Крымская война, командовал батальоном в мало-валахском отряде, храбро сражался под Калафатом, Журжей.

Потом были бои с турецкими войсками в районе Крайова, Чапурчени, Бухарест. А исход войны опечалил всех. Оборона Севастополя вызывала восхищение, поражение – стыд и предчувствие перемен. Общественное мнение распалось на две противоположные группы: патриотов и пораженцев. Возрос интерес к будущему страны, к анализу причин отставания.

Павел Бобровский снова засел за книги. Став слушателем военной академии Генерального штаба, он окончательно убедился, что будущее народа – в развитии научных знаний, в просвещении и образовании человека. Сильное воздействие на формирование его взглядов оказал Модест Иванович Богданович, добросовестнейший исследователь военной истории. Именно этот профессор раскрыл сущность исторического процесса, его непрерывность и взаимосвязь с многими событиями, особо выделяя роль военной истории, военной мысли в укреплении и защите государства. Осмысливая ход и уроки Отечественной войны 1812 года, той же Крымской войны, он показывал взаимосвязь экономики, образования, управления с положением в армии и прямо-таки «лепил» духовный облик Бобровского, будущего военного историка. Павел самозабвенно слушал, умел понять, что ему абсолютно необходимо, дорожил возможностью учиться – проявил истинный талант слушателя, без которого плодотворное развитие личности невозможно. И неслучайно он с отличием окончил академию и с 1857 года служил в Генеральном штабе, на разных должностях.

Находясь на службе в Вильно, жарким летом 1859 года академия Генерального штаба поручила подполковнику Павлу Бобровскому отправиться на границу с Польшей и составить статистические описания Гродненской губернии. Это описание должно стать «хорошим материалом для географии и науки о народном богатстве» и предназначалось для военных соображений. Что-то познать, приобрести новые знания о крае – это вполне отвечало его пылкой благородной натуре. И, кроме того, он ехал в губернию, где прошло его детство и где жил его знаменитый дядя, где «что-то слышится родное». Приехав с группой офицеров в Гродно, занялся сбором биографических материалов о Михаиле Кирилловиче Бобровском: «Тут я имел случай войти в непосредственные сношения с лицами, хорошо знавшими ученую деятельность профессора»¹. Несомненно, только человек, искренне преданный своему дяде и родному отцу, доктору философии и магистру прав, мог верой и правдой послужить Отечеству. Юноша входил в жизнь, вдумчиво вглядываясь в деяния своего рода, в прошлое страны, героическое и до боли мучительное.

Какая ты, Гродненская губерния?

Глазами образованного человека и военного стратега всматривался он и в современную действительность, чтобы ее понять и объяснить. Какая ты, губерния моих предков, поле кровопролитных битв, среда обитания сотен белорусов? Па-

вел Бобровский изучал условия жизни людей, результаты их повседневных усилий, «светлые и грустные» стороны их существования. Достоверно знать – стало потребностью просвещенного ума.

В 1859 – 62 годах жил в Гродно, занятый уникальной работой – сбором статистических сведений и описанием губернии. Сколько интересных поездок, встреч, наблюдений! Вот где сложились воедино познания истории, географии, философии! Сложились для того, чтобы лучше понять реальную жизнь и сказать что-то свое, оригинальное и полезное, чтобы реализовать свои творческие возможности,

Книга П.О.Бобровского «Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния Ч. 1–2» вышла в 1863 году в Петербурге. Труд получил высокую оценку – автор был награжден орденом св. Владимира 4-й степени и золотой медалью Русского географического общества. Среди белорусоведческих материалов эта книга занимает особое место. Во-первых, на основе обширных географических, историко-этнографических, статистических сведений раскрывает жизнь и быт населения одной из самых развитых губерний Западного края. Во-вторых, автор комплексно подошел к изучению конкретной территории, густо населенной людьми, отличающейся своим неповторимым растительным и животным миром, и представил ее как живое своеобразное единство. В-третьих, исследуя происхождение племен, исторических памятников и языка, он показал, что Гродненский край всегда был многонациональным, дружелюбным и что почти с самого образования Руси вера и язык славянских племен между Припятью и Неманом всегда находились в тесной связи с племенами, живущими на севере, юге и востоке от этой губернии. В четвертых, ценность книги в том, что ее подготовил военный, который профессионально с точки зрения знаний и потребностей обороны государства рассуждает об источниках «народного богатства», о необходимости знать свою отечественную историю и историю войн, в которых наиболее полно раскрываются успехи и пороки экономики, научно-технического прогресса.

В изучении Гродненского края и его очевидных проблем Павел Бобровский проявил себя как неутомимый труженик и вдумчивый политик, стремящийся понять, какие географические, социальные, духовные условия порождают мощь государства и что препятствует его развитию. Естественно, 30-летнему исследователю могло не хватать собственного опыта, поэтому он обращается к подобным книгам русских и зарубежных ученых. Но ни на мгновение не отходит от круга проблем древней земли и ее скрытых богатств. Отчего не радуется экономическое положение жителей губернии и что вселяет надежды?

Павел Осипович--живой свидетель крестьянской реформы, которая проходила на Гродненщине. Крестьяне были довольны переходом от рутинной барщины к вольнонаемному труду, хоть каким-то дыханием свободы. Однако никого не устраивало застойное состояние земледелия, промышленности, торговли – все это сказывалось на качестве жизни, благосостоянии народа. Сельское помещичье хозяйство, основанное на изнурительном ручном труде, на ветхой телеге и сохе, давно поджидало коренных перемен. Дать крестьянину свободу и дать в собственность землю, столько, сколько сможет ее обработать – вот элементарное

условия, которые ускорят развитие земледелия, жизни села. «Свободный труд, писал Бобровский, – есть лучший двигатель сельского хозяйства, и нет сомнения, что при новых правах крестьян на свою землю и при ограждении личности от произвола сельское хозяйство незамедлит открыть самые прочные и благодетельные формы»².

Павел Бобровский знал мудрую мысль английского историка Генри Бокля о том, что встарь богатейшими странами были те, природа которых была наиболее обильна. Он называет эти страны: Индия, Китай, Персия, Бразилия. А каким природным богатством располагает Гродненская губерния? Есть богатейшие леса с единственным в свете четвероногим животным – *зубром*. Беловежская пуца, минеральные воды /в Друскениках/, да еще торф, известь, булыжный камень. Привольно ли здесь живет человек? С грустной откровенностью автор заявляет: «Мы найдем здесь человека, подавленного тем, что в других местах уже покорено его воле, здесь человек – раб окружающей его природы, безмолвный труженик, работающий веками, но не выработавший себе силы энергии, предусмотрительности и знания»³. С таким человеком горы не свернешь и богатым не станешь! Значит, предстояло еще воспитать человека более знающего и более деятельного.

Учителей школ и преподавателей вузов не может не заинтересовать философские рассуждения Павла Боровского о земле и родиноведении, о человеке, его образовании и воспитании. Он не представляет себе человека без знания родины, той местности, где родился, вырос, где протекали незабываемые годы детства. Именно эта земля вызывала у него чувство радости и уверенности, желание познавать и учиться на лучших образцах людей своей округи.

Автор раскрывает влияние климата, природных свойств страны на жизнь человека, его развитие и работоспособность. Всякое растение зависит от природы – от климата, почвы, влаги. «А человек это высшее существо, одаренное разумом, словом, свободной волею и душою – искрою божественного начала, какая масса сил природы должна соединиться вдруг для него, чтобы он не погиб с голода; сколько должно сойтись благоприятных условий со стороны почвы и атмосферы, чтобы ему можно было расти, развиваться и жить!...»⁴. С умилением пишет он о великом творце на земле, который существует уже много веков благодаря созданным им условиям и орудиям труда. Поскольку не все страны одинаково наделены физическим и нравственным богатством, он называет труд величайшим рычагом человеческого могущества. Само по себе не видоизменяется к лучшему ни земля, ни растение, ни общественное устройство. Бобровский нравоучительно заключает: «...Элемент физический обращается в ничто, если ему не помогает и не оживляет элемент нравственный – человек со своим умом и со своей волей»⁵.

В книге «Гродненская губерния» Бобровский представил весьма ценные материалы о народонаселении, городах и местечках губернии, о развитии хозяйства, благосостояния, народного образования, статистические и иные сведения, характеризующие современное положение людей. Как и другие ученые того времени, он утверждал, что численность народонаселения – главное мерило могущества государства. По его мнению народонаселение не будет расти до тех пор, пока не разовьются новые производственные силы, пока не увеличатся средства существования и не улучшатся социально-экономические условия жизни. По его сло-

вам, достоверная статистика проникает в тайны человеческого существования, показывает народам средства, потребности, преуспевание и все, что может служить их улучшению. В духе немецких географов Фридриха Ратцеля и Фердинанда Рихтгофена он исследует влияние климата и физических свойств страны на жизнь человека. Элизе Реклю писал о белорусских болотах и бедствующим людям. И в книге Бобровского читаем о непроходимых болотах, заражающих атмосферу гнильем, о гродненских крестьянах, бледных и тощих, еле передвигающих ноги, с колтуном в волосах, с отсутствием на лицах живой самонадеятельности. Реклю преувеличивал влияние географической среды, а Бобровский утверждал, что влияние среды на жизнь человека небеспредельное, а имеет свои границы: оно тем сильнее, чем менее народ развит, чем ограниченнее его познания. Его прямо-таки испугало, что простой народ в Гродненской губернии «утопает в полном невежестве», во всех делах жизни руководствуется суеверными обычаями и предрассудками. Политические обстоятельства, бесконечные войны препятствовали здесь развитию народного образования. А чтобы было благоприятное существование, считал он, народ должен «обладать знанием и энергией», «достаточными нравственными средствами».

Право защищать родину

После Гродно Бобровский недолго служил в Воронеже, корпусным оберквартирмейстером, потом в Петербурге, на должности батальонного командира в Константиновском военном училище, преобразованном из Дворянского полка. Уверенно, с педагогическим тактом организовывал он обучение кадетов, и скоро был замечен военным министром Д.А. Милютиним, уже приступившим к реформам по своему ведомству. В 1864 году министр поручил полковнику Бобровскому устройство юнкерских училищ во всех военных округах и возложил на него непосредственное наблюдение за ходом всего военного образования и воспитания. Более десяти лет рука об руку с начальником военно-учебных заведений Н.В. Исаковым самоотверженно трудился он на этом нелегком посту. Всякая ценная мысль Бобровского внедрялась в педагогическую практику, в учебно-воспитательный процесс. И все это отражено в его специальных трех томах «Юнкерские училища».

Цельная натура ученого-педагога выдержала еще одно испытание. Д.А. Милютин был удовлетворен тем, что юнкерские училища всех профилей быстро перестроились, стали работать лучше, а все роды войск получали молодых офицеров, основательно подготовленных к выполнению самых разнообразных обязанностей. За это отличие 38-летний Бобровский был произведен в генерал-майоры. Он стал известным как автор книг, статей в журналах и газетах.

В конце 1875 года Павел Осипович был назначен начальником Военно-юридической академии. Ей исполнилось всего лишь восемь лет, но многое в ней обветшало, не отвечало духу времени. С присущей ему ответственностью и чувством нового Бобровский за короткое время провел реформу в своей академии. Она стала его любимым детищем, творческой лабораторией, стимулом жизни. По отношению к академии у него не было места мелочному самолюбию или начальственной обособленности. Как вспоминает известный юрист А.Ф. Кони, Бобровский, не боясь померкнуть в лучах ученых светил, с радостью пригласил на пре-

подавательскую работу лучших ученых–юристов того времени. Лекции по уголовному праву стал читать профессор Николай Андрианович Неклюдов – знаменитый криминалист, работавший юрисконсультом министерства юстиции, обер–прокурором сената, первым применивший статистический метод к явлениям преступности, украсил лекторскую группу и Константин Дмитриевич Кавелин – правовед, философ, историк, один из создателей юридической школы в русской историографии. Бобровский дал возможность воспитанникам академии услышать глубоко научную правоведческую мысль, «полноценное слово» прославленных профессоров, проявлявших искренний интерес к будущему государства. Многое было изменено, усовершенствовано – от внешнего облика аудиторий до учебных программ и новых научных концепций. И очень уж изменилось отношение к себе, слушателей и преподавателей, возросла творческая самоотдача.

Павел Бобровский никогда не искал покоя, всегда находился в круговороте ответственных дел, в общении с крупными интеллектуалами и ни на день не отступал от своих научных изысканий. От многочисленных проблем истории юнкерских училищ, полков, воспитания юнкеров он постепенно переходит к изучению военной истории и истории военного права, в России и за рубежом. Он считал, что русские офицеры должны знать историю своей страны, особенно историю войн, в которых наиболее полно раскрываются духовные и боевые качества людей. Его более всего увлекала эпоха создания регулярной армии, петровских военных реформ, роль Петра I в развитии военного права в России.

Занимая хлопотливую должность начальника Военно–юридической академии, у генерала Бобровского хватало неотложных дел. Но главными все же были «свои» предметы: военно–уголовные законы, уголовное право и судопроизводство. «Правовому развитию нашего военного сословия послужил П.О. Бобровский всеми силами души, – писал Анатолий Кони. –Приняв руководство высшим юридическим образованием в период перехода от заеденной рутинной школы в военно–юридической академии, широко раскрывшей дверь науке, отдался новому для него делу с неослабной энергией». Когда учебно–воспитательный процесс был отлажен, начальник сам засел за научные изыскания и обогатил историко–юридическую литературу новыми книгами.

История войн, которые велись бесконечно, чрезвычайно сложный процесс, полный мужества и героизма, падения нравов и предательств. В своей работе «К характеристике военного искусства и дисциплины» Бобровский приводит бесчисленное множество фактов, но более всего его беспокоит моральный дух и деморализация русской армии. Деморализация выражалась побегами из армии, неповиновением полковникам, неблагоприятными поступками, отказами от службы и, наконец, изменой. Измена приятна врагу, но изменники и ему ненавистны. Бобровский объясняет и начисто отклоняет эту приметку падших: «Измена в войсках – самое постыдное преступление. Начальник, изменяющий своему государю, своей присяге, своему долгу, вдвойне преступен: он наносит бесчестье своему званию и деморализует своих подчиненных. Всякий ненавидит измену, потому что она всем грозит опасностью, особенно она ненавистна в войне...Изменник наносит бесчестье своему имени, своей семье, своему отечеству: он продает свою совесть и свою честь. Это враг, угрожающий интересам, имуществу, жизни и чести своих

соотечественников и товарищей по оружию, и враг более опасный, чем вооруженный неприятель, открыто на нас нападающий, более ненавистный потому, что он знает ваши тайны и для своих личных выгод жертвует интересами всех...»⁷. Прошло более 115 лет, как эти слова были написаны, прошло много войн, но вряд ли изменилась сущность измены, омерзительность которой так хорошо осознает наша современная молодежь. От антипода предательства она легко переходит к святым понятиям преданность и патриотизм, признанные народом как высшие нравственно–политические ценности.

Бобровский хорошо знал из истории, что там, где в армии допускаются злоупотребления, самоуправство, правонарушения, происходит деморализация и измена, «государство лишается спокойствия и силы». Армия – это сила, на которую в минуты опасности опирается народ и ее обороноспособность должна быть надёжной. То, что в связи с этим хотел сказать Бобровский, не лежало на поверхности – оно было результатом поиска, сопоставлений, философских раздумий. Он не согласился с тем, что богатство государства – в количестве золота и населения. В своем крупном труде «Переход России к регулярной армии» /1885/, он пишет: «Сила государства зависит не от обширности страны и о крепости городов, но всего более от хороших законов». Развитию этой мысли он отдал лучшие годы своей жизни. По мнению дореволюционных историков П.О. Бобровский – признанный пионер в «историко–юридической обработке военного права». Он обосновал, что армия должна управляться законами, регулирующими не только отношения между военнослужащими, но и отношения каждого члена к гражданам, своим и чужестранным. Законы помогут утомленной России избавиться от внутренних неурядиц, морализации армии, помогут оживить экономику и образование, улучшить благосостояние народа.

«Право носить оружие» генерал Бобровский считал великой честью всякого гражданина: это право защищать родину. Он не сомневался в достоинстве государей и полководцев, которые не опасались держать солдата постоянно с оружием. Вместе с тем, он показал, что мощь армии не только в оружии, но и в неразрывном единстве армии и народа, в силе характера и духа людей, вскормленных родной землей. Укрепление обороноспособности – важнейший интерес нации и государства. Павел Осипович так и написал: «Каждое государство обязано иметь свое собственное национальное войско, устроенное из лучших людей в возрасте от 17 до 40 лет, здоровых и сильных и, по возможности, неопороченных»⁹. Мы вправе благодарить своего искушенного историка–земляка, который через толщу лет подтверждает правильность того, что в Конституции записали: защита Отечества – «обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь».

И снова, как будто специально для нас, Бобровский подбрасывает вопрос, о котором спорят все, умные и глумливые. Он рассуждает об идее Н.Макиавелли о превосходстве национальных войск перед наёмниками. Безродные, бесчестные, игроки, развратники охотно пойдут в войско, но они неспособны к военному делу, у них меркантильные прожекты. вспомните, что стоило прусской армии XVIII века, где господствовал односторонний взгляд на солдата, как на бездумную машину. А ведь этот порочный взгляд еще раньше в Германии вовсе не принимал

знаменитый полководец Густав Адольф, который не верил в успех сражения без преданного и воспитанного солдата.

Павел Бобровский трепетно относился к Петру I как к великому полководцу и военному законодателю, к его неустанным заботам о внешней безопасности страны. Высоко ценил его за то, что он не ограничился копированием западных военных законов, а внес в то, что заимствовал, немало самостоятельных нововведений и дополнений, изложенных свойственным ему образным языком. Бобровскому импонировало и то, что в отличие от Запада в основание законодательства о дисциплине русский царь положил «признание в солдате человеческого достоинства», что он решительно преобразовал военную науку и состояние в армии. Бобровский поясняет: «Военное состояние, как и каждое состояние в государстве – духовное, гражданское, должно иметь свою особенную военно–законодательную систему – «военное право». Этим правом определяются особенности войскового быта, права и обязанности военнослужащих по отношению к государству, отношения их к прочим сословиям в государстве, ответственность их за нарушения воинских служебных обязанностей и т.д.»¹⁰. Правовые нормы, выработанные знающими людьми, проверенные на собрании сенаторов и одобренные царем, оказывали сильное воздействие на служебную атмосферу и дисциплину в войсках, на поддержания строгого порядка в разных условиях воинской жизни. Они предупреждали всевозможные злоупотребления, нарушения воинского устава, помогали воспитать солдата, обладающего мужеством, ответственностью и человеческим достоинством.

Понять, что правовые нормы вырабатываются медленно, с большими усилиями, что они достойны уважения как исцеляющее средство, и что они не вечны, изменяются в зависимости от политической обстановки /«каждая эпоха облекает известные истины на свой лад»/ – пожалуй, самое ценное в историко–юридических исследованиях П.О. Бобровского. Эти мысли и сегодня не потеряли своей актуальности. Его книги «Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России», «Военное право в России при Петре Первом», «Военные законы Петра Великого», «Петр Великий как военный законодатель» и другие значительно обогатили военно–юридическую литературу и сохраняют добрую память об авторе – усердном труженике науки, заботливом воспитателе юношества. Российская академия наук наградила его Большой золотой медалью имени графа Д.А.Толстого, царская власть – орденом Белого Орла, который обычно выдавался за воинские подвиги. Удостоен воинского звания генерал–лейтенант.

С 1897 года по велению императора Николая I П.О.Бобровский –был сенатором в Правительствующем сенате – высшем судебном–административном учреждении царской России. 3 февраля 1905 года его не стало, похоронен в Мокулях Ковенской губернии.

Золотые зёрнышки идеологии

Павел Бобровский – сын своего времени, воспитанник западно–белорусской униатской элиты и высших военно–учебных заведений. В жизни его все волновало. Его взгляды на общественный прогресс в основном соответствовали либерально–буржуазным концепциям Д.А. Милютина, К.Д. Кавелина, А.Н.Пыпина,

военного историка А.И. Пузыревского. В изучении истории белорусского народа они базировались на идее тесной духовно–политической и военной связи белорусов с Россией и двойственном отношении к социальному опыту западноевропейских стран. Бобровский с тревогой писал: «...Мы не знаем, как взяться за дело и с каким–то лихорадочным трепетом ищем на Западе форм для своей идеи»¹¹. Сможем ли мы сохранить свой менталитет и «развиваться самобытно»? Заслуга ученого в том, что он верил в преобразование общества и делал серьезные попытки прогнозировать будущее, более всего в сфере просвещения, образования и воспитания. «Мы носим в душе идею всеобщего просвещения», – провозгласил он.

Нельзя согласиться с тем, что книга П.О.Бобровского «Гродненская губерния» превратилась в единицу хранения библиотек. В ней столько собрано, высказано столько ценных суждений, многие из которых могли бы войти в сокровищницу мудрых мыслей или научно–педагогических назиданий. Мысли автора извлечены из живого опыта гродненцев, отражают суть его духовного мира. И спустя годы, они оживляют самосознание белорусского народа, в чем–то объясняют нас самих. И самые значимые из них – это сгустки мысли многовековой истории нашего народа, золотые зёрнышки идеологии белорусского государства.

Немыслимо разрушать то, что сделано предшественниками. Это касается всех сфер человеческой жизни. Бобровский пишет: «Сохранить опыты первоначальной деятельности училищ, который будет служить средством выяснения новых вопросов, появление которых столь же неизбежно, как неизбежно развитие всего общественного организма».

Павел Осипович постоянно думал о будущем, о воспитании детей, юнкеров, молодых офицеров, писал об учебно–воспитательном процессе в военных учебных заведениях. Он пояснял: «Нравственность только одна, –нет особой военной нравственности, но есть военная дисциплина; военная же дисциплина, как и дисциплина вообще, слагается из уважения к закону, к личности человека и к исполнению своих обязанностей; без этих начал, которые в военном человеке, несомненно, должны быть развиты в высшей степени, нет военной дисциплины. Эти вечные начала опираются на всю природу человека – его ум, сердце, волю, т.е. на такие основные силы души, правильное развитие которых собственно и составляет предмет воспитания»¹³.

И основу воспитания, и идею существования белоруса Бобровский видит в традиционном труде. Выращивай зерно /хлеб/ в любую погоду, добывай пропитание на бедной земле, оберегая ее от ударов стихии, устанавливая между людьми «союз братства», направляя развитие жизни «к взаимному благосостоянию». Оберегай все живое, что вокруг тебя, особенно домашних животных, учись здоровому патриотизму, чуждому какого–либо национального самовосхваления. Работай находчиво и трезво, не впадая в утопии и уныния.

Западные недоброжелатели издавна упрекают белорусов в пассивности, низкой самоорганизации и даже лени, с чем наши историки и политологи вовсе не согласны. Бобровский глубоко рассуждал о «неблагоприятных условиях» существования, о человеческой жизни, состоящей из одних препятствий, лишений и страданий. В преодолении трудностей, достижении цели /блага/ он видел главное предназначение всякого народа. Он писал: «...Если народ не обладает достаточ-

ными нравственными средствами, чтобы восторжествовать над физическими элементами, неблагоприятными для существования, в таком случае мы позволим себе усомниться в достижении цели, ему предназначенной. Такой народ останется мертвой буквой в азбуке человечества»¹⁴. Да и в понимании сильной личности, политического лидера Бобровский исходит из этих же позиций. Осмысливая роль Петра I в истории России, он заключает, что великий человек вырастает в глазах современников по мере преодоления препятствий на пути его деятельности. Горький, намного позже, отмечал, что он очень рано познал, что человека создает его сопротивление окружающей среде. Препятствия, дебри, противоречия – это те исторически неизбежные барьеры, в преодолении которых человек, общество достигает высот в важнейших показателях жизнедеятельности. Терпенье и труд все перетрут, – поговорка, давно известная всем белорусам.

Видя, как народонаселение губернии доведено «до дикого состояния как гродненский юноша, потерявший свои лучшие надежды, обращается «в хилого, вялого, апатичного мужа», он все же отстаивает человека волевого, стойкого, способного к самоорганизации и выживанию. Несколько в духе абстрактного гуманизма он пишет: «Несправедливо всю вину слагать на свою несчастную судьбу. Каждый в самом себе носит свое счастье. Иначе к чему же даны человеку разум, руки и свободная воля? Зачем человек так резко отделен от прочих органических существ? Неужели он так слаб и ничтожен, что не может предотвратить тягостных бедствий, порожденных окружающей природой? Мало отрадного обещает народ, лишенный чувства самосохранения, этого великого дара. Когда он привык к нечистоплотности, мало заботится о чистоте и удобствах в хижинах... Жизнь есть величайший дар только для того, кто умеет оберегать свое здоровье; кто всегда имеет достаточный запас на случай недостатка, кто может господствовать над собою, чтобы уметь господствовать над случайностями. Труд и просвещение – вот два элемента нашего благоденствия»¹⁵. Длинновата цитата, но до чего внятно напоминает она о сегодняшних неудачниках и «несчастливцах», кого судьба начисто обделила, кому чиновники чего-то не дают, кому преподаватели ставят «неуды». Надо предвидеть угрозу, идущую от самого себя и не допустить саморазложения. А что же сам делаешь, чтобы самого себя поддержать, возвысить хоть как-то осчастливить. Хочешь – добейся, поверь в свои силы, потрудись!

В преодолении препятствий «сильнее возбуждается энергия», быстрее пробивается завязь человеческой талантливости, воспитывается подлинное уважение к себе и другим. В признании этого древнего тезиса – возможно, первоэлемент общественного самосознания нашего народа. Идеи сами по себе не возникают. Они созревают под воздействием определенных условий жизни, в результате многократных попыток удовлетворить потребности людей, помочь им выжить. Важный исток их – история, вечная учительница жизни. Это великолепно понимал Павел Осипович и в своей книге записал как завет землякам: «...Настоящее вытекает из прошлого, которым обуславливаются современные факты и явления. Без знания прошлого, изучение настоящего было бы во всех отношениях темно, неясно и недостаточно. В свою очередь настоящее состояние страны, во всех проявлениях народной жизни, общественных отношений и стремлений, обнаруживает влияние и на будущее...»¹⁶. Сегодня эта верная мысль воспринимается как азбучная, зато возросли проблемы, связанные с иска-

жением и фальсификацией не столь отдаленных периодов отечественной истории. Вы представляете, к каким выводам может привести продажный историк, экономист, политик, основываясь на ложных, недостоверных данных. Вот почему ученый с таким восторгом писал о назначении статистики: «Статистика не есть сборник цифр, а животрепещущая истина, выражающаяся в цифрах. Самые мелкие числа имеют огромное значение, неизмеримую важность в приложении к состоянию человека, семьи, общества и государства в разные эпохи их существования. Неблагодарные труды, тяжкие и кропотливые исчисления статистиков внесли в мир много полезных знаний, раскрыв истину в самых глубоких тайнах, скрывающихся в самых малых причинах. Терпеливая и наблюдательная статистика проникает в эти тайны человеческого существования, показывая народам средства, потребности, преуспевание и все, что может служить их улучшению. Призвание ее высокое, ибо это светильник истины, бросающий свет на все явления человеческой жизни»¹⁷. Что и говорить, образно и мудро писал Бобровский, собирая статистические сведения о стороне между Припятью и Неманом.

Все в корне изменилось в Гродненской губернии, во всей Беларуси, но книги П.О. Бобровского до сих пор остается ценнейшим материалом истории, источником политической мысли. В них немало того, что входит в каркас белорусской идеологии, ценных наблюдений и заветов, имеющих поистине непреходящее значение.

¹ Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский, ученый–славист и ориенталист. СПб., 1889. С.95.

² Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб., 1863. С.3.

³ Там же. С.348

⁴ Там же. С.350.

⁵ Там же. С.351.

⁶ Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С.786.

⁷ Бобровский П.О. К характеристике военного искусства и дисциплины // Военный сборник. 1891. № 10. С.187.

⁸ Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб..1885.С.188.

⁹ Там же. С.34.

¹⁰ Там же. С. 202.

¹¹ Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб. С.468.

¹² Юнкерские училища. Т.2. СПб., 1873. С.1.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб С.353.

¹⁵ Там же. С. 366–367.

¹⁶ Там же. С. III.

¹⁷ Там же.

П.О. БОБРОВСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ГЕОГРАФИИ И СТАТИСТИКИ РОССИ, СОБРАННЫЕ ОФИЦЕРАМИ ГЕНЕРАЛЬ- НОГО ШТАБА. ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

... Ископаемые произведения Гродненской губернии мало исследованы и круг добывания их весьма ограничен. Каково бы ни было количество найденных минералов: глины, извести, соли, железной руды, разыскания никогда не должны останавливаться. К сожалению, обычай ценить только то, что мы имеем и что приносит нам пользу, препятствует дальнейшей разработке богатств, скрываемых землёю, которые если теперь и не имеют цены, то могут её иметь впоследствии...

Значение Друскеникских минеральных вод, обративших на себя с некоторого времени всеобщее внимание, требует лучшего знакомства со свойствами воды и результатами лечения; с этой целью мы составили особую статью, полагая, что собранные нами сведения о Друскениках, характеризующих Гродненскую губернию, не будут лишними в нашем труде, имеющем цель познакомить ближе Россию не только с народом и его деятельностью, но и со всеми явлениями, имеющими прямое или косвенное отношение к свойствам описываемой нами страны. Беловежская пуца, зубр и Друскеникские минеральные воды равно дороги для России. Но прежде описания этих светлых особенностей Гродненской губернии, остановимся на отношении природы этой страны к жизни человека, животных и растений. Мы уже достаточно ознакомились с физическими свойствами поверхности и с явлениями климата; но привольно ли здесь живётся человеку? Перед нами откроются картины и светлые, и грустные, и более грустные, чем утешительные. Мы найдём здесь человека, подавленного тем, что в других местах уже покорено его воле, здесь человек – раб окружающей его природы, безмолвный труженик, работающий веками, но не выработавший себе силы энергии, предусмотрительности и знания.

III. Влияние климата и физических свойств страны на жизнь человека и животных.

Страна, со своими физическими свойствами и с атмосферными явлениями, имеет неотразимое влияние на существа органические. Каждая часть света представляет особенные, ей только свойственные, физические элементы, свою особую природу, свой, так сказать, отдельный мир с бесчисленными видоизменениями в наружном виде, характере и качестве растений и животных. **Физическая организация страны**, т.е. климат, конфигурация почвы и естественные произведения, как продукты, носит свой особый тип, составляет особое целое, более или менее благоприятствующее жизни произведений.

Какая разница между степью и страной с плодородной почвой, перерезанной реками и озёрами? Какой противоположный характер между страной, близкой к полюсу, и страной, лежащей в пределах тропиков? Там отсутствие произрастительности отнимает возможность существования; здесь, напротив, щедрая природа вполне обнаружила свои разнообразные богатства для жизни привольной и беззаботной. Здесь холод всё сковал, отняв у человека даже возможность трудами приобретать средства для своего пропитания; там, напротив, атмосфера и палящее солнце слишком распалют человеческий организм, отнимая энергию к труду.

Плодородность почвы и её бесплодность, при одинаковых обстоятельствах атмосферы, обнаруживают противоположные явления на свойства произрастаний.

Человек только там может жить и развиваться, где находит растение, обеспечивающее его существование. Китай производит рис, Америка – маис, Европа и другие части мира имеют разного рода хлеб, перенесённый и усвоенный нуждою человека. Но в этой же Европе сколько найдётся таких мест, в которых никакие усилия человеческие не заставят расти самые необходимые продукты.

И та же самая страна, в которой с успехом произрастают хлебные растения, в различные годы представляет различные результаты, выражающиеся степенью урожая. Зерно, кинутое в землю, прежде нежели даст ожидаемый плод, подвергается непрерывному влиянию атмосферных изменений. Выпал снег на поле, засеянное озимым хлебом, прежде чем морозы сковали землю, и прекрас-

ные, много обещавшие всходы сопрели. Сухое лето без дождей сушит кормовые травы и хлебные растения и убивает развитие плодов. Хлебопашец приблизился с самыми лучшими надеждами к эпохе уборки хлеба; пошли нескончаемые дожди и обратили все его ожидания в мыльный пузырь. Молодое деревцо, вышедшее уже на свет и обещающее развиться в широколиственное, тенистое и высокоствольное дерево, вдруг может быть уничтожено одним сильным морозом. Это же самое дерево, уже готовое достигнуть периода спелости, может быть выворочено с корнями сильным ветром – буреломом.

Если в такую зависимость от природы, т.е. от почвы и климата, поставлены растения, низшие органические существа, то тем в большей зависимости от неё находятся все высшие тела органические и животные; ибо, кроме свойств почвы и климата, существование их обуславливается массой растительности, которой они питаются и живут.

А человек, это высшее существо, одарённое разумом, словом свободной волей и душой – искрою божественного начала, какая масса сил природы должна соединиться вдруг для него, чтобы он не погиб с голода; сколько должно сойтись благоприятных условий со стороны почвы и атмосферы, чтоб ему можно было расти, развиваться и жить!..

Лав человеку разум и свободную волю, обогатив его Своими щедротами, указав ему места существования, определить срок его жизни, Творец предоставил ему всё – с условием труда, силой и энергией которого человечество существовало десятки веков.

Но мы замечаем, что не все страны, щедро наделены природой, отличающиеся плодородием земли, роскошной растительностью и благорастворённым климатом, пользуются лучшими средствами или тем, что обыкновенно называют физическим и нравственным богатством. Взглянем на карту. Какие страны богаче всего наделены щедротами природы? Индия – это плодороднейшая страна, с почвой, на которой произрастают растения и деревья колоссальных размеров, страна, где живут самые разнообразные животные, эта страна чудес природы, перерезанная реками гигантских размеров. Китай – производящий в изобилии чай, рис, хлопчатую бумагу, сахарный тростник. Персия – со своими дромадерами, стадами прекрасных лошадей, толстохвостых баранов, с бесчисленными коза-

ми и множеством шелковицы. Египет – одарённый богатейшей рекой Нилом. Бразилия – с золотыми и серебряными рудниками, блистающими даже на самой поверхности почвы. Как богаты эти страны, как много в них привольного для жизни человека!.. Как назвать после этих стран Европу, которой природа не дала почти ничего – ни лошади, ни вола, ни осла, ни барана, ни оливок, ни винограда. Здесь всё усвоено, оклиматизированно и привито трудом, этим величайшим рычагом человеческого могущества. Чем были: Голландия, Швейцария, Британия, Галлия, Россия в эпоху начала нашей эры? Чем были они после и что такое они представляют теперь! Не правда ли, что богатством изобилуют те страны, которых природа лишила многого, которые представляют или низменность, заливаемую морем, или высочайшие, покрытые снегом горы, или бесконечные леса и непроходимые дебри, или степи и необозримые равнины; а те волшебные страны, которых так щедро наделила природа, представляют пустоту, бедность, отсутствие жизни и общественного устройства.

Трудно понять этот удивительный феномен, не допустив, что почва и климат сами собою не составляют всего для человека; что элемент физический обращается в ничто, если ему не помогает и его не оживляет элемент нравственный – человек со своим умом и со своей волей.

Природа, т.е. **конфигурация страны, почва**, с естественными богатствами, и **климат**, со всеми атмосферными явлениями, обнаруживая могущественное влияние на человека, в свою очередь могут изменяться его умом, приложением его труда, данной ему от Бога волей, умением извлекать пользу в окружающей его природе. Своими органами человек действует на мир вещественный, и этот мир он познаёт этими же органами; через них, как через открытые окна, ему сообщаются, следуя характеру страны, в которой живёт: свет, теплота, различные впечатления, разнообразные до бесконечности, и всё это передаётся ему бессознательно, непрерывно, неравномерно.

Горец, житель равнины, степи, замёрзших тундр, приречный обитатель не имеют ничего сходного ни в нраве, ни в характере, ни в наклонностях, ни в понятиях. **Итальянец и Сибиряк, Англичанин и Кафр** – те же люди, но какая бесконечная разница в проявлениях, в привычках и в цели самой жизни!

Таково действие природы на человеческую природу; в этом самом различии климата, в его неисчислимых разнообразиях представляется что-то обаятельное, чудесное, божественное. В этом различии свойств почвы, естественных произведений и климата мы подмечаем закон, по которому каждая страна производит продукты, ей только свойственные; вследствие такого закона установилось всеобщее тяготение человека к человеку, одной силы к другой, установился закон, по которому люди соединились в общества; познавая свою природу, усваивая её произведения, разрабатывая силой труда, производя продукты, люди стремятся передать избытки произведений другим, поставленным в иную физическую сферу; между людьми установился вечный торг, союз братства, призывающего к взаимному благосостоянию.

В статье о климате мы сказали, что лучший для развития человечества – климат умеренный, где умеренный холод сменяется умеренной теплотой, где человек подвержен разнообразным ощущениям, достаточным для возбуждения постоянного бодрствования или энергии в труде. Летний жар и стужа продолжительной зимы требуют одежды, свойственной самым крайним изменениям атмосферы; дома, требующие сохранения известной температуры, должны быть прочно устроены, так чтобы холод не проникал в щели избы, предназначенной для жилья.

Хлеб и плоды в этом климате созревают медленно и требуют хорошего ухода и стараний. Человеку является много обстоятельств, разрушающих его надежды, требующих значительных усилий, много труда и многих опытов. Словом, в умеренном климате является множество обстоятельств, разнообразных до бесконечности, посредством которых человеку, можно сказать – без его ведома, сообщается энергия, какая-то выдержанность, привычка к размышлению, предусмотрительность и бережливость – счастливые начала для успеха, вечного движения вперёд. Ибо чем многочисленнее нужды, тем разнообразнее старание, тем сильнее возбуждается энергия для удовлетворения этих нужд.

В таком счастливом климате находится большая часть Европы. Но и в Европе, сколько разнообразных оттенков в природе, в людях и стремлениях! Тут **Нилерланлы**, тут же и наша **Гролненская губерния**. Обе низменны – первая заливаема морем, последняя разливами рек и болот; в обеих странах почва не отличается большим

плодородием, и обе имеют сырой климат; но **Голландия** примыкает к морю; перерезана глубокими и удобными для судоходства артериями, некогда приносившими богатства со всех стран света в её сердце – Амстердам. Голландия населена народом, сумевшим воспользоваться её географическим положением, чтобы увековечить своё имя; в ней живёт народ, сумевший остановить море на своих границах, море – эту буйную, всеокрушающую и никому не повинующуюся стихию!..

А Гродненская губерния? – и она перевязана реками и даже большими, бассейны которых покрыли водною сетью всю её поверхность; в ней есть богатейшие леса с единственным в свете четвероногим животным – **зубром**; в ней есть одна ярмарка, минеральные воды и только ... А между тем значительная часть её поверхности покрыта болотами, во многих местах непроходимыми; стоячая вода этих болот, испаряясь, заражает атмосферу гнилым воздухом; по причине своих болот, страна между Припятью и Неманом сделалась гнездилищем множества болезней, как для людей, так и для животных; на этих болотах произрастает жёсткая трава, трудная для пищеварения животных; эти же болота, вместе с лесами, поддерживая влажность атмосферы, может быть, служат причиной скудных урожаев и беспрестанно повторяющихся неурожаев, этих ужасных бичей, сопровождающихся голодом. А эти вечно гнездящиеся эпидемии: **тиф, кровавый понос, лихорадки и горячки** и в главе их – **холера**, которая одна в два года вырвала из массы населения до 13 тысяч жертв, людей большею частью в полном цвете лет и здоровья; эти постоянные падежи скота: **чума, сибирская язва и воспаление лёгких**, уничтожающие целые стада и отнимающие у трудолюбивого земледельца единственные средства богатства, его неразлучных спутников, с которыми он трудился в поте чела на почве песчаной, каменистой и глинистой, едва-едва вознаграждающей усердного и терпеливого крестьянина!

Взгляните на здешнего крестьянина – бледный, тощий, едва передвигающий ноги, тащится он в поле на своей хилой и тощей, как сам он, лошадёнке; он терпеливо стегает своих костлявых волов, которые едва-едва тащат плуг; он придёт с ними сюда же, на тоже самое поле, в другой и в третий раз, и в вознаграждение своего труда, самого честного, само усердного, получит сам-третей урожая! Счастлив он, если природа ему благоприятствует. А если

нет: если за продолжительную, непостоянную зиму наступит холодная весна, а потом лето без дождей и дождливый июль, когда приспела жатва, тогда пропали ни за что все труды бедняка-труженика: он не получит и зерна для возобновления посева!..

Но осушите болота, хотя бы например лежащие по реке Припяти, и тогда, может быть, природа изменится здесь к лучшему, может быть исчезнет та бледность лица, которая характеризует гродненского крестьянина, напоминая об отсутствии в нём энергии и живой самодеятельности.

Да, природа, нас окружающая, великое дело в судьбах человечества, и если народ не обладает достаточными нравственными средствами, чтобы восторжествовать над физическими элементами, неблагоприятными для существования, в таком случае мы позволяем себе усомниться в достижении цели, ему предназначенной. Такой народ останется мёртвой буквой в азбуке человечества; ему не суждено двигаться вперёд – ему остаётся быть рабом окружающей природы и какой ещё природа – гнилой, сырой, губительной, в которой гнездятся атомы, разрушающие самые лучшие надежды. Убейте в человеке надежду несколько раз сряду, уничтожьте самые усердные его труды сегодня, завтра, послезавтра – и этот сильный и мощный юноша обратится в хилого, вялого, апатичного мужа. Мы не касаемся прошедшего, обходим историю, минуем тяжёлое время самоуправства; мы указываем на одну природу, на бедную природу, с тощей почвой и неблагоприятным, во многих отношениях, климатом, на вереницу эндемических и эпидемических болезней, полагая что одних этих причин достаточно, чтобы довести целое народонаселение до полудикого состояния, ибо к такому именно состоянию следует причислить людей, которые не имеют достаточных нравственных побуждений, чтобы восторжествовать над природными, неблагоприятными для развития, свойствами страны.

Страна, бывшая колыбелью человечества, орошаемая Тигром и Евфратом; страны, бывшие зародышем цивилизации, мореплавания, торговли – Индия, Финикия, Египет, Греция и Италия, как отстали они от стран, бедных по природе – от Англии, Франции, Германии! Если бы влияние климата и физических свойств страны имело неотразимую силу на волю человека, если бы это влияние тиранически господствовало над его умом, тогда бы он остался вечным рабом окружающих его болот и тундр, питался бы наравне

с животными травой и кореньями и, подобно им, подчинялся бы везде и всегда своенравной природе; но тогда не было бы человека: земля лишилась бы своего повелителя.

Если Греция и Италия своим просвещением и развитием обязаны единственно благорастворенному климату, отчего же померкло это просвещение? Отчего, например, Великобритания, со своим пасмурным небом, так далеко оставила за собою эти прекрасные страны, со своими волшебными ночами, прелестными, как во времена Платона и Фидия, Вергилия и Лукреция? Волны и ветер не изменили своей силы и направления со времён Аристотеля; но пароход теперь рассекает эти волны, не обращая внимания на своевольный ветер, приводящий дикарей в смущение и заставляющий рыбу идти в глубь моря. Препятствия, перед которыми останавливаются дикари, которые так деспотически господствуют над животными, теперь уже не остановят образованного европейца; в короткое время, прорыв канал, он обращает низменные пространства болот, гнездилище лягушек и смертоносных миазмов, в прекрасные и плодородные равнины. Америка, волшебною силою человеческого труда, из пустыни обращена в одну из богатейших и самых населённых стран в мире.

Стало быть климат и конфигурация страны, обнаруживают неизбежное влияние на человечество; это влияние тем сильнее, чем менее народ развит, ибо тем медленнее уступают пред ним препятствия, неблагоприятные действия которых он желает остановить, ограничить, ослабить; человеку не всё подвластно в природе; он может применять, только в пределах власти, данной ему свыше, все стихии природы к благу своей жизни. Он может размножать полезных животных и истреблять вредных насекомых, усваивать почве хлебные растения и кормовые травы, заглушающие побеги растений, доставляющих пищу ему и домашним животным, силою которых он пользуется для обработки полей. В его власти истреблять леса, луга и пажити, и распространять оные, осушать болота, обращая их в пастбища, а уничтожением болот, посредством спуска воды в реки, он уничтожает вредные испарения и улучшает свойства атмосферы, устраняет зародыш миазмов и истребляет источник разных болезней.

Но для таких предприятий нужно обладать знанием и энергией, чтобы употребляемый труд достигал желаемой цели. Таким об-

разом, влияние климата на жизнь человека не есть беспредельное, но имеет свои границы; оно тем сильнее, чем менее народ развит, чем ограниченнее его познания. По мере распространения познаний, климат и свойства природы улучшаются или, лучше сказать, устраняется влияние их на существование человека – на его продовольствие, на корм животных и на здоровье.

Словом, человек в самом себе находит средства улучшать недостатки окружающей его природы: но он не в состоянии уничтожить общих физических законов, по которым в этой природе, без его ведома, всё является, растёт, развивается и исчезает. В таком только смысле мы понимаем господство человека над природой.

Во всяком случае, между природой и человеком существует самая тесная связь; в характере человека, в душевных его свойствах, в проявлениях его ума всегда отражается окружающая его природа. Мы находим финна угрюмым, смелым, предприимчивым, храбрым и вместе суеверным, и видим, что он вполне соответствует своей прекрасной Финляндии, с её неприступными скалами, где природа бедна и угрюма, с этими скалами, требующими гигантских трудов для того, чтобы заставить расти хлеб; он суеверен, но между тем прорыл в скалах гигантский Сайменский канал и провёл в них дорогу, бывшие образцом для Европы, соединил озёра протоками, осушил болота ...

ГЛАВА 1 ОБРАЗОВАННОСТЬ

А. Умственная.

Исторический взгляд

Образование ума и сердца под влиянием справедливости и сознания своей самобытности, образование безразличное для обоих полов, образование общечеловеческое и народное – есть главное условие благосостояния как каждого человека отдельно, так и всего общества в его разнообразном составе.

В состоянии невежества, мрака и суеверия – каждый человек представляет собою как бы несовершенную машину: он подобен невозделанной почве, на которой растёт буйная трава, заглушающая посеянный хлеб; но обработайте это поле, дайте ему все средства для развития соков благородных растений – и это поле восхитит вас своими всходами и богатою жатвою. Без образования не

может быть нравственного развития человека; для достижения благосостояния, образование едва ли не нужнее чем успехи в земледелии и улучшения в скотоводстве, ибо без познаний не может быть успеха; только путем науки человечество достигло тех громадных результатов труда, которые приводят нас в изумление. С другой стороны просвещение, образование не достигнут цели, если не научат человека быть довольным самим собою, уметь приобретать многое, чтобы довольствоваться малым, образовывать себя самого, когда минула пора учить нас другим, жить всегда под покровительством своего рассудка, под руководством совестливого сердца и быть проникнутым чувством долга и неограниченной любви к ближнему.

А если они не в состоянии усовершенствовать человеческую природу, если они своим светом не в состоянии развить лучшие стороны этой природы, в таком случае, как человек, так и общество развращаются и клонятся к упадку; но – разврат опаснее самого мрачного невежества.

При текущем состоянии наших материалов, статистика наша может только коснуться некоторых оттенков образования; мы слишком бедны статистическими материалами той важнейшей стороны народной жизни, от совершенства которой зависят успехи всех отраслей и всех сторон общественной и частной деятельности. Мы полагаем, что отечественная статистика принесла бы громадную пользу, если бы могла в надлежащей степени разобрать этот вопрос, распутать эти золотые нити и свить их в клубок, более всего пригодный для дела; теперь, когда сознание о пользе и необходимости образования начинает проникать в среду наших многочисленных соотчичей, когда потребность народного образования коснулась нашей почвы и зашевелила наше общество, мы не в состоянии, мы не знаем, как взяться за дело и с каким-то лихорадочным трепетом ищем на западе форм для своей идеи. Во всех других отношениях мы признаем русский народ способным развиваться самобытно в своих формах, а в деле народного образования мы не в состоянии создать ничего собственного, ничего самобытного, ничего русского. Мы мечтаем об университетах, академиях, высших школах, а между тем отказываем своим меньшим братьям подать благодетельную руку помощи, для поднятия уровня их познаний. Мы говорим о народности, мы носим в душе идею всеобщего про-

свещения, а между тем между нашими познаниями и познаниями крестьянина – лежит бездна. Мы всё желаем идти вперед, без оглядки бежать за западом, не ожидая наших меньших братьев, которые так далёко отстали и теряют уже надежду когда-либо догнать нас! ...

В своих привычках и в обстановке жизни, высшие сословия здесь, в гродненской губернии, усвоили себе более внешнее образование; истинное, действительное образование стоит не высоко. В низшем классе, в сословии крестьян, лежит печать отсутствия всякого образования, как результат векового рабства, которое в этой стране, как мы имели случай заметить, выразилось резче и сильнее, вследствие особых обстоятельств и влияний исторических, этнографических и местных. Простой народ здесь утопает в полном невежестве, руководствуясь во всех важнейших делах своей жизни суеверными обычаями и предрассудками. Дворянство, руководствуясь более идеями своей касты, нежели общечеловеческими потребностями, все еще смотрит на себя как на сословие, призванное для высоких целей, и желает образования народа в смысле достижения этих целей. Сословные предрассудки здесь во всей силе, а потому и низший класс имеет весьма уважительные причины смотреть недоверчиво на образование школ, несвойственных его народности. Религиозное разномыслие устанавливает еще больше преград для устройства школ в стройных и прочных формах, пригодных для образования крестьян. Это религиозно-сословное разномыслие, впитываясь с молоком матери, переходит на скамьи училищ и разветвляется по всем отраслям деятельности, входит в храмы и гнездится в богатых чертогах и бедных хижинах. К тому же, многочисленный народ еврейский, по духу своей религии и по свойству своих принципов, чуждается туземцев, к какому бы классу те ни принадлежали; евреи неохотно отдают своих детей в общие школы и в собственные, так называемые казенные училища; за то они имеют множество своих школ, в которых обращено внимание только на изучение еврейского языка и религии.

Бесперывные войны русских с ятвягами, Литвою и ляхами и нашествие монголов в стране между Припятью и Неманом, препятствовали развитию просвещения в хм, XIII и XIV столетиях. Однако в XV столетии образованность русского народа стояла на несравненно высшей степени, нежели литовцев; последние, под влиянием

соседней Руси, начали усваивать себе их понятия, нравы, отчасти веру и даже язык. Школы в литовской Руси существовали при православных церквях и монастырях; но влияние этих школ на просвещение народа до XVI столетия было ничтожно: цель их состояла в подготовке священно- и церковнослужителей; детей учили грамоте, письму, закону божию и исполнению церковных обрядов. Во всех этих школах учили на церковно-славянском языке; русский язык был господствующим (Лелевель). Политические обстоятельства воспрепятствовали развитию этих школ, которым недоставало прочного органического устройства, ибо они зависели от доброй воли духовенства. С потерей политического значения православного духовенства, эти первые народные школы мало по малу прекращают свое существование или переходят в руки католиков, которые с XV столетия, вследствие этой политики, быстро распространяются. В XVI столетии школы появляются при католических церквях и коллегиях; в них приготавливали учителей и ксендзов, учили грамматике и латинскому языку...

Сделанное нами описание умственного образования, насколько позволили наши источники, показывает:

1. недостаточность реального направления и в особенности наук, потребных для сельского хозяйства, составляющего первую степень народной деятельности.

2. существенные недостатки казенных еврейских училищ и совершенную бесполезность частных еврейских учебных заведений.

3. необыкновенную дороговизну содержания белостокского института и значительную стоимость воспитанника писарско-егерского училища.

4. недостаток школ для образования сельских сословий вообще и необходимость устройства земледельческих школ и практических при них ферм; в подобную школу с фермой может быть преобразовано писарско-егерское училище.

5. на учреждение первоначальных школ грамотности и надлежащее распределение существующих приходских школ предстоит обратить самое пытлиное внимание. Некоторые пожертвования и инициатива со стороны министерства народного просвещения здесь необходимы. Без этого нельзя предвидеть скорого успеха в развитии сельских сословий. Особенное внимание полезно

сосредоточить на распространение русской грамотности в местном русском населении, к которому принадлежат, с малым исключением, все низшие сельские сословия. На покровительство помещиков, из которых избираются мировые посредники, рассчитывать невозможно. Доказательством тому служит несколько нам известных случаев, из которых видно, что мировые посредники употребляют все средства для распространения в сельском населении польской грамоты, и с этой целью распространяют между ними польские буквари с кратким католическим катехизисом, цель их понятна – подорвать русскую народность.

б. полезно было бы учредить в больших; уездных городах – Белостоке и Бресте, женские гимназии, и вообще обратить более внимания на умственное образование женщин.

Печатается по:

Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. 4.1, СПб., 1863. С.34–, 348–355, 467–469, 533.

ФОЙНИЦКИЙ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

(1847—1913)

Как университетский преподаватель И.Я. Фойницкий оставил о себе яркие воспоминания... Лекции его были проникнуты логической стройностью и сжатостью мысли. Но много он требовал от студентов. Он сознавал, что человек, которому закон дает возможность распоряжаться не только своими правами, но и правами других, от знаний которого часто зависят личные и имущественные благо людей, не должен быть дилетантом.

П.И. Люблинский

Во второй половине XIX века о профессоре Иване Фойницком в образованных кругах России говорили как о крупнейшем ученом–криминалисте. Сегодня это имя знают лишь юристы да историки права. Упомянуто оно и в научных трудах, воспоминаниях. В книге «Семья Ульяновых», изданной в 1985 году, отмечается, что по просьбе брата Владимира студентка Ольга Ульянова выслала ему в Самару учебник «Курс русского криминального судопроизводства». Учебник понадобился ему, чтобы подготовиться к сдаче экстерном государственного экзамена в Петербургском университете.

Иван Яковлевич родился 29 августа 1847 года в Гомельском уезде в семье крепостных, принадлежащих графу Федору Паскевичу, женатому на графине Ирине Воронцовой–Дашковой. Жили они в роскошном дворце фельдмаршала–отца, своих детей у них не было. Возможно, поэтому так заботливо относились к чужим, особенно к талантливым. Убедившись, что из крепостного Ваньки выйдет толк, графиня И.И. Паскевич отправила его в Могилевскую гимназию. И не ошиблась: мальчик превзошел все ожидания. Учился лучше всех и в 1864 году окончил гимназию с золотой медалью.

Человеческая доброта не позволяет Ирине Ивановне оставить без внимания способного Ваньку. Она посылает его в Петербургский университет, где он стал учиться на юридическом факультете. И он оказался не только благодарным, но и настойчивым, трудолюбивым. Ему долго казалось, что это сон и что кто–то может его отлучить от лекций, в которые он все более влюблялся с каждым днем. Гомельский юноша (теперь уже ясно, что клочок земли, на котором родился Иван, давно вошел в черту г. Гомеля), отходя от своего провинциализма, с большим интересом входил в юридическую науку, особо привлекавшую к себе молодые силы.

А увлечь студентов, сказать впечатляющие слова о юриспруденции было кому. В то время на юрфаке читали лекции В.Д. Спасович, И.Е. Андреевский, Н.Д. Сергеевский, А.П. Чебышев–Дмитриев и другие видные профессора. Иван Фойницкий внимательно слушал и записывал, тогда еще не было учебников, и ему вместе с лекторами приходилось осваивать новые понятия и учиться мыслить. Глубокий след в его душе оставили выступления профессора В.Д. Спасовича – талантливого юриста и судебного оратора, известного своими теоретическими трудами в области уголовного права и уголовного процесса. Он ярко говорил о роли психологии, логики, риторики, языка в судопроизводстве. Всем своим опытом он утверждал, что юристом–мыслителем родиться нельзя, но им можно сделаться, развив образованием свою природную способность к труду и мышлению.

Первая примета талантливости Фойницкого проявилась в том, что еще, будучи студентом, он смог понять, какие дисциплины ему будут особенно помогать в избранной сфере. Им самозабвенно отдавал все свои силы и основное время. Этих знаний всегда будет не хватать. Вторая – в том, что он не дожидался лучших дней, а сам решил немедленно испробовать себя.

Профессор А.Ф. Кистяковский издал книгу об ограждении свободы личности в судебных установах, изложил в историческом аспекте. Ивана Фойницкого весьма заинтересовал вопрос, и, присмотревшись к нему, он взялся рассмотреть его догматическую (основные положения) и судебную–политическую сторону. Он

сам себе устроил экзамен, который потребовал огромных дополнительных усилий, и вполне проявил нравственно–волевые качества, необходимые будущему ученому. Выполненная им работа была удостоена на юрфаке золотой медали. «Я понял, – писал впоследствии И.Я. Фойницкий, – что именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан, и поэтому научная разработка этих дисциплин может более всего обеспечить господство права».

В 1868 году он окончил университет и сразу принялся за подготовку к магистерскому экзамену по уголовному праву под научным руководством профессора А.П. Чебышева–Дмитриева. Одновременно преподавал уголовное право в Аудиторском училище и писал диссертацию на степень магистра. И вышла у него не обычная диссертация, а целая книга «Мошенничество по русскому праву», состоящая из двух томов. В ней было и системное изложение права, и теоретические изыскания, и полемика с немецким юристом Р. Иерингом, и выяснение способа деятельности в составе преступлений. Фойницкий защитил диссертацию, получил звание доцента уголовного права, и ему безоговорочно была представлена годичная командировка за границу. Полный честолюбивых замыслов, он слушал лекции крупнейших ученых Англии, Германии, Франции, Италии, Швейцарии. Более всего остался благодарен Лондону, где тогда разбирались в судах: дело О. Коннора – обвинялся в покушении на королеву Викторию, и дело Тичборна – обвинялся в незаконном присвоении чужого имени. Фойницкий присутствовал при начальных стадиях расследования их дел, учился мастерскому ведению судебного следствия и, вместе с тем, видел положительные и отрицательные стороны английского уголовного процесса. Ему повезло быть участником первого международного пенитенциарного конгресса, который проходил в 1872 году в Лондоне. Он познакомился с опытом различных европейских стран, с новыми идеями об исправлении преступников, о распределении их на разряды, о тюремном режиме, приговорах и т.д.

Сильное впечатление на Фойницкого произвел личный осмотр английских тюрем, постановки исправительно–воспитательной работы. Он с интересом воспринял систему классификации заключенных и переходных тюрем, патронат, индивидуализирование тюремной дисциплины, организацию ремесленных школ. В то же время его поразили остатки варварства, как смертная казнь и телесные наказания, бедность нравственного воздействия на заключенных. Одним словом, эта поездка в Англию окончательно определила направленность его профессиональной деятельности. Вернувшись на родину, он занимается исключительно вопросами пенитенциарной науки и уголовного процесса. В Петербургском университете И.Я. Фойницкий создает первый не только в России, но и в мире, специальный курс по тюремоведению для всех студентов юрфака.

Заниматься людьми, по которым «тюрьма плачет», преступлением и наказанием или тюремоведением – это, видно, не то, что исследовать любовную лирику Лермонтова. Вряд ли один английский пример увлек Ивана Фойницкого на этот трудный самоотверженный путь. Тут было что–то глубинное, высоконравственное, связанное с историей его семьи, всего белорусского и русского народов. Еще в детстве слово «каторжник» хлестало его угрозой и пустотой. С однокурс-

никами обсуждал книги об извечной борьбе добра и зла. Отмечали, ни один литератор не описал так правдиво и полно психологию преступников, как Ф.М. Достоевский. Изучать, откуда они, что гонит их в дебри зла, как вернуть их к нормальной жизни – удел внешне спокойных людей с горящим сердцем в груди, тех, кому дорог всякий человек.

И.Я. Фойницкий одновременно разрабатывал спецкурс и печатал свои статьи в газете «Судебный вестник» и разных сборниках, в которых поднимались вопросы тюремной реформы. Вскоре он подготовил литографический курс лекций по тюремоведению, позднее дополненный и тщательно переработанный вышел отдельной книгой «Учение о наказании» (1889 г.). Книга вызвала живой интерес у юристов России и Запада как первый серьезный труд в этой области. В ней автор разработал вопросы о субъекте права наказания, о применении наказания и системе карательных мер.

После восстания 1863–64 годов более двенадцати тысяч человек из Беларуси и Литвы были отправлены в Сибирь, превращены в политссыльных. Поэтому ссылка, как один из видов криминального наказания, не могла не волновать Ивана Фойницкого. Ему был открыт доступ в закрытые архивы, и в 1879 году он публикует статью «Наша сибирская ссылка», через год вторую – «Управление ссылки». Он рассматривал политическую ссылку, как отмирающую меру, «непригодную как кара, безнравственную как способ колонизации, противоречащую началам исправления и существу судебной деятельности». Поскольку миссия ссылки в развитых странах снижалась, Фойницкий обратился к западноевропейскому опыту – английскому и французскому. В 1881 году он издал книгу «Ссылка на Западе», представленную на степень доктора уголовного права. Вскоре она была переведена на французский язык и весьма способствовала европейской известности нашего земляка.

Тот год был достопамятным в жизни И.Я. Фойницкого. Он удостоился учёной степени доктора наук, звания экстраординарного профессора по кафедре уголовного права Петербургского университета. Император назначил его членом комитета для начертания проекта уголовного уложения вместе с Н.И. Стояновским, М.Е. Ковалевским, Н.С. Таганцевым и другими. К этому времени он уже был авторитетным ученым в Петербургском юридическом обществе: Н.И. Стояновский – председатель, И.Я. Фойницкий – секретарь, члены – А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, Д.В. Стасов и другие. Известен был и как товарищ (заместитель) обер-прокурора Правительствующего Сената. Он ярко выделялся среди юристов, кто способствовал великим реформам императора, развитию науки уголовного права, честному служению обновленного судопроизводства.

Чего стоил ему только один день, вобравший в себя все самое светлое и самое черное! 1 марта 1881 года Фойницкий вдохновенно произносит речь в Петербургском университете при защите докторской диссертации. Под заглавием «Ссылка или тюрьма?» она опубликована в «Юридическом вестнике» (№4). Он обосновал необходимость отмены ссылки. Коллеги поздравляли, немало было радости. И в тот же день страшная весть, как гром среди ясного неба: убит царь-реформатор Александры. Всю ночь анализировали, как могло это случиться, откуда взялся народоволец Игнатий Гриневицкий, что заставило его пойти на само-

пожертвование ради спасения обездоленных? Понадобилось время, чтобы рассеять душевный мрак и переосмыслить разные стороны разлаженного общества.

На юрфаке в то время работали выдающиеся юристы А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, В.И. Сергеевич и другие. Было с кем порассуждать. Иван Фойницкий дружил с историком права, профессором Александром Дмитриевичем Градовским, который вначале был его учеником, а затем 16 лет сотоварищем по факультетской коллегии. Вспоминались его мысли об идеале в общественной жизни: «Всякий принцип становится действительно практическим мотивом жизни только тогда, когда он соответствует внутреннему настроению человека. Идеал есть определенное настроение наших нравственных сил... Складом нравственных убеждений держатся все учреждения; без него бессильны внешние правила, самые точные и строгие». Эти мысли заинтересовали юриста-академика К.К. Арсеньева, Ф.М. Достоевского, а Фойницкому позволили назвать их автора своим учителем. Несоответствие социальных установок и жизненных обстоятельств становились преградой и на пути правоведческих наук.

По своим политическим взглядам И.Я. Фойницкий был монархистом, не терял веры в обновление царского режима, в прогресс науки. Он буквально горел разработкой материального и процессуального права – отрасли знаний, которая снискала ему репутацию крупного ученого-теоретика. По словам профессора П.И. Люблинского, талант Фойницкого впервые у нас превратил уголовный процесс из прикладной технической науки в одну из отраслей науки политической, выдвинув государственную и правовую роль суда и процесса на первый план. Он говорил о судебной ответственности должностных лиц, о территориальной подсудности суда присяжных, об апеллиационном суде, о вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. И везде его центральная мысль неизменна: сделать отечественный суд более могущественным в укреплении основ социальной правды и ограждении невинности. Перед его взором всегда стояла личность обвиняемого и уважение к его правам, недопущение беззакония.

Иван Яковлевич обратил внимание коллег на внедрение в уголовное право уголовной социологии, тогда еще совершенно не разработанной. Сам он и в работе о мошенничестве, и в курсе уголовного судопроизводства использовал социологический материал, знание реальной жизни. Поэтому и вошел в энциклопедии как представитель социологической школы права.

И.Я. Фойницкий как ученый, по словам его коллеги-профессора М. Чубинского, был признанной и первоклассной величиной, одним из наиболее самостоятельных ученых-криминалистов. Еще в молодые годы он выдвинул идею о личном состоянии преступности, как центральном вопросе уголовного права. Эта идея стала основополагающей всей социологической школы. Она создала новую отрасль знаний – уголовную политику, вокруг которой образовался Международный союз криминалистов во главе с австрийцем Францем Листом и другими. Его капитальные труды «Курс уголовного судопроизводства» (т. 1–2), «Курс уголовного права. Часть особенная – Посягательства на личность и имущество» сразу же становились событием в научной жизни юристов. Он не только глубоко разрабатывал важные стороны истории и теории материального уголовного права, но и чутко отзывался на злободневные потребности общества. В своей книге «На досу-

ге» он писал: «Наука, прежде всего, должна догнать жизнь, подметить новые взгляды, новые начала, уже успевшие пустить корни в мире реальности...Нужны объективные меры изучения преступления и наказания, в противоположность тем абстрактно–субъективным методам, которые господствовали в прежнее время».

Познавая правовую жизнь своей страны, Иван Яковлевич стал непревзойденным знатоком уголовного права Англии, Германии, Франции – это обогащало его научные изыскания в интересах России. Он был своим человеком среди ученых–юристов европейских стран. В 1889 году стал членом Международного союза уголовного права, выступал на съездах в Берне, Брюсселе, Париже, Вене и других городах. В 1895 году организовал русскую группу Международного союза криминалистов и десять лет был ее председателем. Его некоторые труды переведены на немецкий, французский и другие языки.

В какой–то мере фигуру нашего земляка можно рассматривать как универсальную. Он – ученый и публицист, сенатор, тайный советник, воспитатель студенческой молодежи (с 1897 года декан юридического факультета Петербургского университета).

Умер Иван Яковлевич Фойницкий 19 сентября 1913 года в Петербурге от туберкулеза. Похоронен «с большим почетом» на кладбище Александро–Невской лавры.

И.Я. ФОЙНИЦКИЙ

НА ДОСУГЕ

Влияние времён года на распространение преступлений

В заключение да позволено мне будет представить те общие выводы, которые вытекают из предложенного исследования.

Мы видели:

1) что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных;

2) Климатические различия времён года имеют влияние на процент совершённых в данный период года преступлений главным образом по родовым мотивам совершения их (корыстные и некорыстные мотивы); но цифровые данные констатируют также их влияние на способ действия и на исполнимость преступления;

3) Но хотя влияния физической природы в области преступлений несомненны, однако данные уголовной статистики ставят также вне сомнения зависимость человеческих действий от элементов индивидуального самоопределения. Поэтому и индивидуальная мера борьбы с преступлением, известная под именем наказания, не может быть отрицаема обществом; потому же уголовные теории, опирающиеся на право наказания на элементы индивидуального самоопределения, верны в своём основании;

4) Как бы то ни было, преступление зависит не исключительно от элементов индивидуального самоопределения; рядом с ними в совершении его играют весьма значительную роль условия физической природы и общественного уклада. Отсюда вытекают два положения: одно – для определения соотношения между преступлением и наказанием, другое – по вопросу о месте, которое должно принадлежать наказанию в общей системе мер общественно-государственной деятельности, имеющей своею задачей борьбу с преступлением.

а) В первоначальные периоды истории уголовного права соотношение между наказанием и преступлением определялось внешнею объективною мерою: око за око, зуб за зуб. С тех пор карательная деятельность сделала весьма заметный прогресс и существенно изменила критерий тяжести наказания. Она видит его не столько в объективной, сколько в субъективной природе дей-

ствия, и, подвергает деятеля ответственности лишь за те преступные последствия, в которых и насколько он в них участвовал элементами своего индивидуального самоопределения. Приветствуя этот прогресс, статистическая наука, однако, не может высказать своего одобрения тому преувеличенному значению, которое придаётся теперь последним и в виду которого индивид несёт ответственность за все волимое им последствие, притом, по очень внешней системе тальона. Так, например, весьма значительная часть кодексов Европы – Россия дала первый пример счастливого исключения – до сих пор назначают за предумышленное убийство смертную казнь, выходя из той мысли, что смерть жертвы входила в план преступника и что, по принципу «равным за равное», он также заслужил смерть. Этот силлогизм грешит существенным нарушением законов логики, принимая часть за целое. Не подлежит, конечно, сомнению, что если смерть жертвы входила в план преступника, то, применяя указанный принцип «равным за равное», всего логичнее было бы наказать его также смертью, – но только в т-жом случае, если этот его план определяется исключительно элементами индивидуального самоопределения; только под этим условием можно говорить о внутреннем соответствии между карою и виною. Но этого – никогда не бывает. В умышленных преступлениях оспариваемый взгляд вменяет воле деятеля в вину все последствия, забывая, что решимость совершить преступление даже в этих случаях стоит в зависимости не только от элементов самоопределения, но также от физических и общественных условий, и что таким образом индивидуальная причина преступного последствия, часть, а не целое. Идя таким путём, мы рискуем взвести на государство вполне заслуженный упрек в том, что оно назначает кару не по вине, следовательно, кару несправедливую; мы разрушаем этим ту внутреннюю гармонию между преступлением и наказанием, которая в высшей степени необходима для достоинства и силы уголовного правосудия. И если приведённые соображения верны для совершеннолетних преступлений, где есть в личности достигнутый деятелем результат, то сила их ещё очевиднее для покушений, которые, как доказано выше, стоят ещё в меньшем подчинении элементам индивидуального самоопределения и в большем подчинении элементам физическим, чем преступления совершённые. Остережёмся же тех опасных результатов, ко-

торыми грозит рассматриваемый взгляд, и не будем увлекаться внешним соотношением между волею и последствием, помня, что оно во всяком случае определяется не одной ею, но ею совместно с другими весьма сильными условиями.

Я не могу лишиться удовольствия отметить из истории уголовного права тот факт, или, вернее, группу фактов, доказывающих, что защищаемый мною взгляд не есть блудный плод кабинетных мечтаний. Прежде, когда наличность физических и общественных влияний на преступление не сознавалась даже в самых скудных зачатках. Когда высшим законом криминалистов и уголовного законодателя было определение тяжести оказания исключительно тяжестью волимого последствия, – уголовное правосудие старалось быть тогда как можно более верным зеркалом жестокостей преступления: за злою волею законодатель забывал всё другое. Но теперь наказания всё более смягчаются, внешнее соотношение между тяжестью волимого последствия и тяжестью наказания мало-помалу устраняется, и сознание, хотя ещё смутное, о наличности физических и общественных влияний на преступность понемногу проникает даже в уголовные кодексы и в практику уголовных судов. Смертная казнь теряет все больше и больше адептов даже в применении к предумышленному убийству; оценка детоубийства становится гуманнее и принимает в соображение те физические и общественные условия, которые управляют рукой и волей преступною, но вместе с тем несчастной матери; вопрос о вменяемости преступлений с каждым годом получает более полную и более качественную разработку, которая уже успела открыть многие состояния невменяемости, бывшие совершенно неизвестными прежнему времени; каждое преступление оценивается теперь с более широкой и более точной точки зрения, так как оценка его производится теперь не только на основании соотношения между индивидуальными элементами действия и преступным последствием, но расширила свой кругозор и на обстановку преступления, главным образом на вызвавшие его условия. Надеюсь, эти факты с достаточной ясностью указывают, что защищаемый мною взгляд имеет уже корни в науке права, в практике судов и в новейшем состоянии уголовного законодательства.

б) «Кара предупреждает преступления». Так говорили Монтескье и энциклопедисты XVIII века; то же повторила за ними им-

ператрица Екатерина II в своей инструкции о составлении нового уложения. Наказание представлялось им единственною и вполне действительною мерой для уничтожения преступлений в самом их корне; опыт прежних веков, история которых всегда знала весьма тяжкие наказания и рядом с ними чрезвычайно тяжкие преступления, не мог не только убедить, но даже натолкнуть их на противоположную мысль. Эта уверенность в наказании и этот взгляд на него как на единственную меру, годную для борьбы с преступлением, был необходимым и самым логическим выводом из взгляда на преступление, как на результат исключительно злой человеческой воли; преступлению в такой индивидуальной обрисовке необходимо было противопоставить и меру, носящую индивидуальный характер; вера в силу наказания, в его способность, без помощи других мер, уничтожить преступления в их корне.

Но времена изменились. Ныне никто уже не в праве убаюкивать себя мечтою, что будто бы наказание есть единственное действительное средство против преступления и что потому государство и общество могут ограничиться теперь исключительно им одним. Эта невозможность вытекает уже из разрушения иллюзии о преступлении, как о продукте исключительно злой воли. Как скоро в ряду условий совершения его, вместе с элементами индивидуального самоопределения, выяснились влияния физической природы и общественного уклада, как скоро оказалось, что преступник есть продукт собственной личности по большей мере настолько же, насколько он есть продукт природных и общественных условий, и что преступление есть лишь один из путей удовлетворения индивидуальных потребностей, к которому лицо будет прибегать тем чаще, чем более закрытыми являются для него законные пути удовлетворения их; – то наказание должно было утратить то значение первенствующей и даже исключительной меры предупреждения преступлений, которое оно имело прежде и которое за ним, по забывчивости или неосмотрительности, провозглашают кое-где и теперь. В самом деле, наказание, как мера индивидуальная, может служить противовесом лишь для индивидуальных условий преступления; но кроме них есть ещё условия физические и общественные, дающие почву индивидуальным: ясное дело, ни тюрьма, ни даже смертная казнь, недостаточны для устранения их. Борьба с ними требует деятельность другого рода, предполагающую меры

общие в противоположность индивидуальным, рассчитанные на целую группу явлений и на всех граждан, а не только на тот класс их, который идёт в тюрьму и под секиру палача. И так как высшая цель этих мер и наказания одна и та же, так как то и другое имеют свою задачу борьбу с неблагоприятными для общежития условиями, то само собою разумеется, что наказанию должно быть отведено место именно в системе этих мер. Притом, чем скромнее будет его место, чем больше карательная деятельность государства будет ступшеываться за общими государственными мерами, направленными против неблагоприятных для него физических и общественных условий (развитие образованности, торговли, промыслов и т.п., т.е. народное благосостояние путём образования и свободы), тем выгоднее и для государства, и для общества: как ни изменяйте наказание, все же оно останется мерою репрессивною, которая рядом с пользою приносит экономический и нравственный вред личности, через посредство которой эти невыгодные последствия отражаются и на всём обществе. Поэтому-то рациональное разрешение борьбы с преступлением мы получаем только в таком случае, когда ею будут практикуемы меры, направленные к развитию народного благосостояния путём общественной культуры, а к наказанию государство будет обращаться как к самой крайней и к самой нежелательной в ряду их мер.

Я, криминалист по призванию и занятиям, без малейшего смущения подписываюсь под этими строками. Они не только не унижают достоинство уголовного права, но, напротив, поднимают его на степень действительной науки, давая предмету её логическую определённую и цельность, а ей самой – жизненные основы существования. Припомните, в каком печальном положении находится теперь литература этой науки; только разработка отдельных частных вопросов, бесспорно, чрезвычайно важная для науки и делающая честь тем деятелям, которые посвятили себя ей, идёт довольно успешно; но за то от общих вопросов, разрешение которых в высшей степени настоятельно необходимо для уголовного права как науки, новейшая литература её должна была отказаться и принуждена обходить их за отсутствием надлежащей почвы для решения; это мы видим даже на таком основном вопросе уголовного права, как вопрос о вменяемости; предлагаемое исследование, по мере сил автора, сообщает новые данные для утвердительного

разрешения его. Припомните также, как шатки и ненаучны стали теперь определения предмета уголовного права; его определяют преступлением и наказанием, но так как преступление, в свою очередь, определяется наказанием, то уголовное право стало исключительно «наукою» о наказании. Но для чего же наказывается человек? Как объяснить существование этой меры, столь различной по своей природе от других мер государственно-общественной деятельности? Чем оправдать зло, которое кара несомненно причиняет наказываемому? Вы напрасно будете искать сколько-нибудь научного разрешения этого вопроса общим образом в новейшей литературе уголовного права, не исключая, и даже особенно, в немецкой; она занялась тонкостями абстракции, потеряв из виду общие нужды. Предлагаемое исследование, определяя функции уголовного права как один из видов борьбы государства и общества с вредными для них условиями, насколько последние вызываются элементами индивидуального самоопределения, даёт карательной деятельности научное основание, а науке уголовного права – цельность и определённость предмета, столь необходимые для всякой науки. Оно находит для неё, правда, скромное, но всё же очень солидное и прочное место в системе других общественных наук, и потому те изменения в области уголовного правосостояния, которые оно должно иметь своим необходимым результатом (уменьшение числа наказаний и строгости их), должны не смущать, а радовать криминалиста: проигрыш в количестве даёт весьма крупный выигрыш в качестве.

Затем, в ряду общих выводов предложенного исследования, необходимо указать ещё, что, хотя физические влияния на преступность до сих пор оказываются ещё весьма сильными, но цифровые данные ставят также вне спора подчинение этих влияний условиям общественным, указывая зависимость их от хода цивилизации: чем более подвигается последняя, тем сильнее подчинение физических условий общественным, и уже в настоящее время оно дошло в некоторых центрах человеческой жизни до полного преобладания последних над первыми.

Таким образом, в результате нашего исследования получается картина, в высшей степени грандиозная и поучительная. Она развёртывает перед нами колоссальную своими размерами, дивную своими исходами борьбу совершенствующихся общества и лично-

сти с теми условиями внешней природы,' которые задерживают последовательный ход цивилизации. Как ни сильны эти условия, но природа ещё более богата другими условиями противоположного свойства, к помощи которых общество и личность весьма успешно прибегают для парализирования действия первых. Однако эта помощь не даётся им даром; природа не охотно поддаётся в своих влияниях, уступая -- но всё-таки уступая -- каждый шаг не иначе, как ценою долгих и систематических усилий цивилизации.

*Печатается по:
Фойницкий И. Я. На досуге.
Сборник юридических статей. Т.1.СПб., С.367-372.*

Библиотека БГУИР

И.Я. ФОЙНИЦКЙ

ИДЕЯ ЛИЧНОСТИ В СУДЕБНЫХ УСТАВАХ И КОДИФИКАЦИОННОЕ ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Наиболее характерною чертою памятника, 35-ю годовщину издания которого мы собрались чествовать сегодня, обыкновенно признают началом законности, у нас им насажденное. Заслуга уставов в этом отношении бесспорна; нашу жизнь они коренным образом изменили, перенеся нас из прежней попечительно – полицейской системы в систему закономерности и подчинения твердым правовым положениям. Но ведь собственно каждый кодекс, мало того – каждый новый закон, стремится к тому, чтобы определения его исполнялись, вошли в действительную жизнь, не оставаясь мертвою буквою. Представитель царствования, предшествующий давшему нам уставы, неоднократно высказывался в смысле начала законности; к нему стремились и граф Сперанский, и впоследствии граф Блудов, не говоря уже об авторах соборного уложения, судебников и даже русской правды. Значит, было что-то новое в самом понимании начала законности уставами 20 ноября, если последние оказались в силах до такой степени изменить наш внутренний быт, что между 1900 и 1860 гг. историк признает разницу глубже и шире, чем между 1860 г. и веком Екатерины, а, пожалуй, даже Петра I. До такой степени могучим оказалось то свежее веяние, которым потянуло на русскую жизнь с шестидесятых годов. Это новое, составляющее наиболее характерную черту уставов, родственную им с памятником 1861 г. и тем же освободительным потоком мысли вызванное, заключается в *идеи личности*. Она самому началу законности не только сообщила определенное содержание, глубоко отличившее ее от стремления к законности, как оно понималось прежними памятниками, но и обеспечила ему жизненность и широкое, прочное его распространение в нашем отечестве.

Что, в самом деле, представляет собою порядок суда по нашему дореформенному, сводному законодательству? В его окончательном выражении, он сводится к безусловному, принципиальному отрицанию личности и личного момента. Стороны из процесса были изгнаны, места их инициативе при возникновении и движении уголовных дел не было, их почин и личную волю заменяли правила безличного закона. Понятие обвинителя, как ответственной деятельности само-

стоятельного процессуального субъекта, отсутствовало, и в первоначальном моменте его предъявления, заменяясь здесь понятием установленных самим законом поводов для начала уголовных дел (*fundamenta inquisitionis*), и в стадии обличения перед судом, которое вовсе не имело места, заменяясь докладом канцелярии. Еще менее могла быть речь о самостоятельной и свободной деятельности защитительной, за отсутствием самой защиты. Даже процесс пересмотра определялся не жалобами сторон, а предписываемою наперед самим законом сменой инстанции, порядком ревизионных. Не зная самостоятельных сторон, наш свод не признавал и в судьях самостоятельных лиц. Без судей он обойтись не мог, но постарался свести каждый шаг их к составленным наперед предписаниям закона, точным исполнителем которых, и только исполнителем, они должны были стать. Известно, что идеалом судьи рисовалась деятельность того, кто наблюдает за двумя чашками весов, констатирует перевес одной над другою и прикладывает на более легкую количество, нужное для уравновешивания их. Сведете судебной деятельности к подсчету доказательств, сила которых определялась наперед самим законом, считалось с легкой руки Беккариа и Филанджиери, необходимыми для устранения произвола судей и постановления участи подсудимого в зависимость от закона, и только закона. Судейская совесть оказалась упраздненной, ее сменила формальная правда закона. Но отрицание личного момента шло далее, в область самой судебной организации. Судебной власти не существовало, её внешняя и внутренняя самостоятельность отсутствовали; судебная служба строилась по началу иерархической подчиненности; даже представители народного элемента привлекались к участию в суд не во имя их прав личности, а во имя лишь принадлежности их к тому или иному сословию.

Существенно изменяется это положение с изданием судебных уставов. Я отнюдь не хочу, и не буду утверждать, будто бы этим памятником забыто государственное начало. Составителям его упрека не может быть сделано уже потому, что труд их посвящен был делу общегосударственному правосудию. Должно даже отметить, что в редкие периоды нашей истории признание

государственного начала было так глубоко и всеобщее, как именно в начале шестидесятых годов, когда отправною точкою было не одно лишь теоретическое стремление к государственному единству, а убеждение в том, что оно достигнуто, с заботою лишь о практических

способах его осуществления. Для составителей уставов стояло вне сомнений, что реформа суда будет и должна служить одним из лучших способов нивелирования гражданского общества и государственного объединения, различных его частей, как то было в других культурных государствах, напр. в Англии, во Франции, в Германии. Я расхожусь с мнением, только что высказанным вам нашим маститым криминалистом по вопросу о судебном языке: защищаемая им система разноязычия имеет существенные процессуальные недостатки, она не может быть проведена последовательно и существенно колеблет государственное начало, тормозя дело государственного объединения. Это прекрасно понимали составители уставов, и они, не колеблясь, обусловили самое право быть присяжным заседателем для всего русского государства знанием русского языка. Словом, нет никаких данных, чтобы сомневаться в признании составителями уставов государственного начала и в принятии ими государственного объединения за отправную точку при всех их работах. Но характерною для них чертою было убеждение в том, что государственное начало всего лучше достигается на почве признания начала личности, путем допущения личной инициативы и личной энергии при условии ответственности за них; они видели, что возвышенные идеалы инквизиционного процесса, стремившегося к материальной истине, и возлагавшего на всех своих органов обязанность беспристрастия, не получили осуществления вследствие совершенного игнорирования им различия и силы интересов, сталкивавшихся между собою в каждом конкретном уголовном деле; инквизиционный процесс не хотел знать живых людей со всеми их потребностями и способностями, стараясь сделать из них только слепых исполнителей правил безличного закона, и в этом лежала его основная ошибка, главнейшая причина безуспешности его мер и недоверия к ним населения. Потому то уставам и потребовалось, возможно, более широкое введение личного момента в судебное разбирательство. Признание ими состязательного порядка привело к появлению сторон в процессе, а потому и к признанию влияния на процесс их инициативы и самодеятельности. Производство и решение дел судом при непременно условии участия в самом производстве свободно действующих сторон или их представителей стало и у нас одним из коренных признаков судебного порядка: каждая сторона получила возможность действовать в силу своего интереса. Существенно изменилось и положение судьи с отделением от него функций сторон, кото-

рый прежде лежали на нем, и при отправлении которых закон требовал от него полного беспристрастия. Формальная теория доказательств пала, внутреннее убеждение и совесть судьи заняли её место, духовная личность судьи выступила на первый план. Соответственно тому перестроен процесс пересмотра. В нем, с одной стороны, прежний ревизионный порядок заменен порядком жалобы, в пределы которой заключено разбирательство; с другой, пересмотр по существу, как несовместный с провозглашением свободы убеждения и совести судей, главнейшим основанием судебной деятельности, допущен лишь в весьма тесном объеме. Суд получил свободу, ранее несуществующую; заботою об обеспечении внешней и внутренней самостоятельности проникнуты все постановления уставов. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что, порешив в утвердительном смысле вопрос о допущении народного участия в суде уголовном, уставы обратились не к сословиям, а к личности непосредственно. Но, не довольствуясь подъемом личного момента в разных сферах суда и судебной деятельности, уставы в самый свой текст внесли знаменательные ст. 8–11 уст. уг. с, которыми органы суда поставлены на стражу личности и её свободы против всех на нее посягательств. Такое последовательное проведение личного начала в памятнике 20 ноября, впрочем, совершенно – естественно: сам он был прямым плодом эпохи, породившей, с одной стороны свободу тела, экономическую, созданную именно положением 1861 г., а с другой – свободу совести в той сфере государственной деятельности, которая имела в виду уставами 20 ноября. Необходимым дополнением их была свобода мысли и слова, также поставленная на очередь эту эпохою, но работы комиссии о книгопечатании не доведены до конца и не привели к желанным результатам.

Этот законодательный памятник, продукта могучего общего освободительного течения, столь отличного от господствовавшего направления нашего прежнего законодательства, вошел в нашу жизнь также не совсем обычным путем. Судебные уставы появились в виде самостоятельного кодекса, состоявшая из 4 частей и занявшего место подле свода законов, но отдельно, особняком. Из этих двух кодексов, уставы, давая правосудие народу, рассчитаны были на отправление, его посредством самого народа, призывая к тому каждого члена гражданского общества, между тем за сводом установилась крепкая репутация системы правил и постановлены для руководства разных канцелярий, применявших их в четырех стенах; из этих двух

кодексов только уставы имели за себя бесспорный законодательный авторитет, между тем свод, как известно, за исключением разве первого издания его, есть сборник сокращений из законов, делаемых для нужд канцелярий и не имеющих такого авторитета. Понятно изумление русского общества, когда в 1876 г. вдруг уставы пропали, войдя в свод законов и распределившись по соответствующим томам его, с изменением и номенклатуры статей. Поднялся протест настолько сильный, что кодификационное ведомство вынуждено было отказаться от своей попытки, и комиссия, работавшая под председательством сенатора И. И. Полнера для восстановления уставов в их первоначальном виде, была одною из наиболее популярных. Конечно, ей пришлось испещрить текста уставов множеством *prima, secunda* и пр. ввиду новелл, состоявшихся в дополнение и изменение уставов, но с этою двойною нумерацией охотно помирились. Число этих новелл с той поры значительно выросло, изменения, ими произведенные в нашем процессуальном законодательстве, сделали его еще более пестрым, став в коренное противоречие с началами уставов; таковы главным образом новеллы 1889 г. Ввиду всех таких новелл, вторично поставлен вопрос о пересмотре текста уставов во всей его полноте. Едва ли в среде настоящего собрания могут встретиться сомнения о крайней желательности устранить пестроту, в законодательстве нашем оказавшуюся, и привести его в более стройный и однообразный вид. Но следует ли из этого, *даже при возможности устранения её этим путем*, что судебные уставы, как кодекс 20 ноября должны прекратить свое существование и замениться другим кодексом, с иною системою расположения материала, с перетасовкою статей его и иною их нумерацией. Даже отдельные законы, особенно подлежащее постоянному практическому применению в народном быту, рассчитываются на долговечие и должны быть долговечными. Этого требуют интересы населения, страдающее от частого колебания таких законов; этого же требует и авторитета закона, что прекрасно понял и наш великий поэт, сказавший:

«Не изменяй теченья дел.
Привычка – Душа держав. ...
Не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому:
Как звон святой, он должен лишь вещать
Великую скорбь или великий праздник».

Но с большею еще силою применяется это положение к обширным кодексам, как судебные уставы. Их создают эпохи, и только смена эпох может оправдывать их упразднение. Замена их другими кодексами без самой настоящей нужды, а по одним лишь техническим соображениям, не может быть допускаема. Всякое лишнее колебание кодекса, роняя авторитета закона в глазах населения, вместе с тем представляет и многие существенные опасности. Даже к общему пересмотру кодекса нужно относиться с величайшею осторожностью, потому что этим путем могут быть внесены в кодекс изменения, которые не обратят на себя достаточного внимания, и только впоследствии выяснится их огромная важность; пропуск слова, прибавка ссылочной статьи при таком пересмотре могут пройти совершенно незаметно, а последствия этого могут оказаться в высшей степени существенными. Тем опаснее пересмотры, посягающие на самую систему кодекса, с изменением нумерации его статей, т. е. в сущности, стремящейся к замене прежнего кодекса новым.

Содержание каждого отдельного постановления кодекса очень часто определяется не только текстом его, но также положением в системе кодекса и общей конструкцией последнего. Толкования, данные ему, теряют значение и должны очень часто изменяться в силу того уже, что изменился кодекс, хотя самое постановление осталось изложенным в прежнем виде. Потому и материал, как литературный, так и судебно – практический, накопившийся по одному кодексу, неизбежно антиквируется с заменою последнего, творческая работа суда, одним кодексом к жизни вызванная, упраздняется при смене кодексов. А это само по себе составляет уже огромную потерю в правовом богатстве народном. Появись на место судебных уставов другой кодекс, хотя близкий к ним, хотя с тем же названием, но изложенный по иной системе и с иною нумерацией статей, и тот час утрачивают теперешнее значение те продукты умственного труда, которые за истекшие слишком 30 лет даны кассационными департаментами Сената, новыми судебными местами и нашею литературою по разнообразным вопросам применения нашего процессуального законодательства. Умственным же капиталом мы не так богаты, чтобы могли поступать с ним расточительно. Вместе с тем, на судебные места ляжет новый огромный труд, уже раз ими затраченный на то же дело. Потребуется напряжение их сил огромное и лишнее, так как без него можно бы и обойтись. Да притом судебные уставы пользуются уже

прочную репутацией, приобрели высокий авторитет, давший им ряды убежденных защитников; за ними не только достоинства постановлений их по содержанию, но и традиции эпохи их издания. Этой могучей опоры не будет у нового кодекса, который их заменит, и тем легче будет с ним бороться; в борцах же против начала судебных уставов доньше у нас недостатка нет.

Этим я кончаю мое слово. Я не сказал, не хотел и не мог сказать вам ничего нового. В годовщину уставов 20 ноября я только имел в виду сообщая с вами припомнить и констатировать, что всем нам остается дорог этот могучий законодательный памятник по внутреннему содержанию и культурному достоинству начал, внесенных им в русскую жизнь и группирующихся вокруг главной из них, красною нитью проходящего по всей системе уставов, именно начала свободы личности, которое они, прежде всего и больше всего имели в виду. Я хотел прибавить, что судебные уставы остаются нам дороги и как кодекс, в котором всего полнее выразилась идея личности, одухотворявшая собою эпоху шестидесятых годов; что мы скорее готовы мириться с пестротой его, ибо в ней заключается постоянное напоминание о том, с чем нужно бороться, чем с заменой его каким бы то ни было иным кодексом, хотя бы даже превышающим его в некоторых технических частностях.

Кодексы даются эпохами и уступают свое место новым, наполнив задачу, данную эпохой, им поставленную и новым течением явлений антиквированную. Но дух эпохи шестидесятых годов продолжает витать над нами и требует завершения работы, им вызванной. Потому и судебные уставы должны стоять твердо и непоколебимо, и по содержанию начала, им насажденных, и как кодекс, этими началами проникнутый.

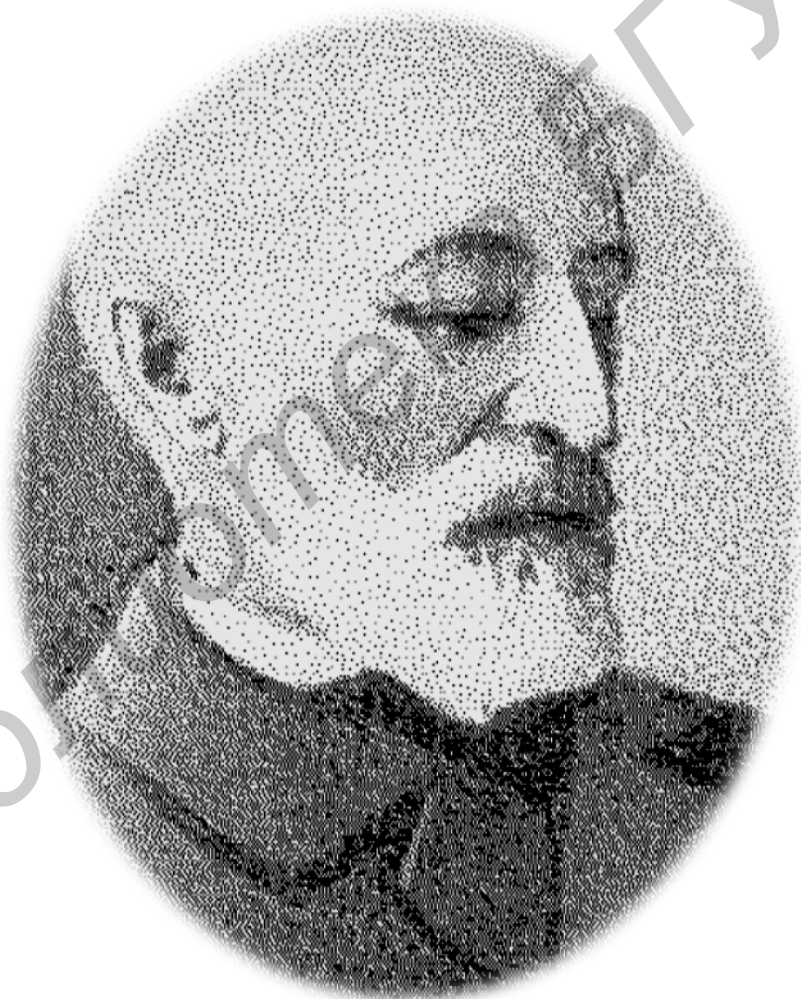
*Печатается по: **Право. 1899. № 48. С. 2283 – 2289.***

СУДЗИЛОВСКИЙ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

(1850—1930)

При прочих равных условиях побеждает тот, кто больше знает. Знание приносит и силу и богатство, невежество — нищету и бессилие.

Н.К.Судзиловский

Жизнь этого человека настолько красочна, оригинальна, богата на события, что ее, пожалуй, хватило бы на десятки увлекательных книг и сериалов. Подобно мифологическому Антею, оторванному от родной земли, он мужественно исколесил всю планету. Не он ли являет собой пример того, насколько разнообразна и неистощима талантливость белоруса, наполненного жаждой поиска и силой духа.

Его разыскивала полиция многих других государств. За границей он скрывался под именем «доктор Руссель». Названный ученым–энциклопедистом, другом несчастных и обездоленных, Николай Константинович Судзиловский был известен в социал–демократических кругах разных стран мира и немало сделал для развития белорусского, русского, украинского, болгарского, румынского, американского, китайского, японского и других народов. Он знал восемь европейских языков, и кроме того, китайский и японский. Его имя, внушающее чувство восторга и доверия, олицетворяет собой образованность, мудрость, доброту, смелость, нерасторжимость международных уз и славянского братства, приверженность к духовно–нравственным ценностям и принципам демократии.

О Судзиловском, революционном народнике и его скитальческой судьбе, написаны сотни статей. Авторов увлекает его жажда деятельности и универсальная талантливость–врач, публицист, философ, географ, этнограф, биолог, химик и т.д. Его научную биографию дает в своей книге рано умерший историк Михаил Иосько «Николай Судзиловский–Руссель». В ней, кстати, отмечено, что в 70–х годах XIX столетия «сотни, тысячи лучших сынов и дочерей России, подобно Николаю Судзиловскому, отказались от служебной карьеры, личного благополучия, почестей и связывали свою жизнь с судьбами революции, пополнив мартиролог мучеников свободы их подвиги в буквальном смысле слова кровью вписаны в историю»¹. Молодое белорусское поколение, пока что запутавшееся в оценках недалекого прошлого, должно знать о своем выдающемся предке, его статьях и книгах. Многие его мысли представляют большой познавательный интерес.

Его круг: Судзилы–Тяньцзинь

Странно, все белорусские энциклопедии пишут, что Н.К.Судзиловский родился в Могилеве. А земляки–краеведы в хронике «Памяць» исправили ошибку: он родился 15 декабря 1850 года в д.Судзилы Климовичского уезда Могилевской губернии². Рос в обедневшей белорусской дворянской семье. Отец был коллежским асессором, работал секретарем Могилевской палаты гражданского и уголовного суда. С детских лет сын знал о судебных тяжбах и житейских затруднениях крестьян, и с юных лет у него пробудилась неудержимая страсть к знаниям. Николай Судзиловский – это человек, который всю жизнь учился, обогащался научным опытом, превратив знание в свое единственное оружие. Он отлично закончил Могилевскую гимназию /1868/, учился и вынужден был бросить учебу на юридическом факультете Петербургского университета. Опасаясь ареста, оставил уже выпускной курс медицинского факультета Киевского университета. В 1875 году в Женеве завершил медицинское образование, написал тезисы докторской диссертации, а диплом врача получил в Бухарестском университете и стал доктором медицины /1877/. Кроме того, он неустанно занимался самообразованием и во многих революционно–пропагандистских кружках.

С гимназических лет зачитывался по ночам художественной и политической литературой, был заражен нигилизмом, идеалами преобразования России. В Киеве увлекался «хождением в народ», книгами английского экономиста Джона Милля, немецкого социалиста Фердинанда Лассаля, «Историческими письмами» Петра Лаврова. Они продвигали его к глубоким раздумьям о пороках и прогрессе общественного развития, о собственном умственном и нравственном самосовершенствовании.

Сильное влияние на формирование взглядов Судзиловского оказали Н.Г.Чернышевский, которого он называл своим «дорогим учителем», а также Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, которые, по его признанию, помогли ему в юности связать воедино мысли и чувства, вызванные пережитым и увиденным. А увидеть ему довелось очень много. Он помнил, как трудно было ему организовать «киевскую коммуну», в которую вошли П.Б.Аксельрод, Е.К.Брешко–Брешковская, С.Ф.Ковалик, С.М.Степняк–Кравчинский, В.И.Засулич и другие революционеры–народники, и как перепугались ее неусыпные жандармы. После разгрома коммуны скрывался в разных городах России. 23 января 1875 года Николай Судзиловский уже выступает в Лондоне, на митинге, посвященном 12–й годовщине восстания 1863 года в Польше, Литве и Белоруссии. Здесь он встретился и познакомился с К.Марксом и Ф.Энгельсом, с Валерием Врублевским и Петром Лавровым.

В Румынии Судзиловский вместе с молдавским народником Н.Зубку–Кандряну и болгарским поэтом–эмигрантом Христо Ботевым руководит подпольной деятельностью местных революционеров. В Бухаресте, Яссах, Галатее создает подпольные кружки, которые вскоре становятся ядром румынского социал–демократического движения. Когда на Балканах развернулось национальное движение за воссоединение Болгарии, Николай Судзиловский вместе с В.Луцким переехал в город Филиппополь /теперь Пловдив/. Как обычно, он быстро изучил язык и местные условия страны, разобрался в ее нуждах и проблемах и принял активное участие в подготовке антитурецкого Апрельского крестьянского восстания в Болгарии. Во время русско–турецкой войны 1877–1878 годов становится военным хирургом, спасает сотни раненых, за что был награжден золотой медалью.

Н.К.Судзиловский исколесил всю Европу, и везде обзаводился друзьями–единомышленниками. В 1881 году в Женеве он познакомился и сблизился с марксистом Г.В.Плехановым, с которым потом встречался в Париже. И живя в разных местах, они сохранили дружеские отношения, поддерживали друг друга. В европейских странах Судзиловский стал ученым, видным публицистом, политическим деятелем международного масштаба.

Усталым и кое в чем разочаровавшимся, Николай Судзиловский в 1887 году уехал в Америку, на правах вынужденного политэмигранта поселился в Сан–Франциско, где занимался практической медициной. Оказавшись вдалеке от русских друзей, он однако не отошел от своей миссии защитника бедных и обманутых, от политической деятельности. Скоро имя «доброего русского доктора» стало широко известным среди обездоленных, старожилков и политэмигрантов. Судзиловский издал несколько книг на медицинские темы, которые принесли ему гонорары, потом начал изучать и разоблачать далеко неблагоприятные общественные порядки в США. В репортаже «По Калифорнии» он откровенно писал, что инди-

видуализм, стяжательство, бешеная погоня за долларами, за прибылью стали нормой жизни для американского общества и «на этой морали воспитывается весь народ». Расплата произошла мгновенно – правдивый репортаж об американской реальности, которую, уже тогда представляли как эталон для других народов, не был напечатан.

После конфликта с русским епископом Владимиром Судиловский переехал на Гавайские острова. Жил в Гонолулу, занимался врачебной практикой по глазным болезням, изучал быт и образ жизни аборигенов. В 1896 году вышла его брошюра «Наша политика здравоохранения», получившая высокую оценку гавайской общественности. Доктор Руссель с гневом писал о проявлении на Гавайях открытого расизма, ставшим основой политики белых плантаторов в отношении к коренному населению. Он показал, что здравоохранение в любой стране обусловлено политическим и общественно-экономическим строем, интересами правящей элиты и тесно связаны с развитием общественной мысли. Автор призывал прогрессивную интеллигенцию бороться за то, чтобы охрана здоровья стала делом государства, чтобы избежать вымирания коренных жителей и покончить с социальными болезнями. Он предлагал радикальные меры: изменить условия жизни, обеспечить рабочих сахарных и кофейных плантаций сносным жильем, и что особенно важно – законодательно закрепить охрану безопасности труда. «Здоровье, – подчеркивал он, – это первое благо, которым цивилизованное общество может и должно обеспечить своих граждан»³. Это было крупным политическим выступлением Судиловского, после чего его имя стало широко известным на архипелаге. В брошюре «Как жить на Гавайях?» он раскрыл необходимость борьбы канаков (местные жители) с американскими колонизаторами, которые грабили и унижали местное население.

Еще из первоначального российского опыта Н.К.Судиловский знал, что оказать помощь обездоленным – значит объяснить положение и собирать силы, создавать партию единомышленников. На Гавайских островах уже были две американизированные политические партии – республиканская и демократическая. Николай Константинович создал третью – партию гомрулеров /независимых/ и стал ее лидером, душой организации. Приближались первые выборы в парламент Гавайской республики, и активисты новой партии предложили доктору Русселю выдвинуть свою кандидатуру в сенат от самого крупного острова Гавайи. Он согласился и вместе с ними объехал густонаселенные места. В конце 1900 года состоялись выборы, и в состав сенаторов был избран Николай Судиловский, воспитанник Могилевской гимназии, 25 лет проводивший на чужбине.

В своей программе доктор Н.Руссель выступил за независимость гавайцев от США, за освобождение бедных крестьян от налогообложения, радикальную реформу здравоохранения, отмену смертной казни, строительство народных школ и канакской консерватории, упорядочение продажи спиртного. В начале следующего года его, доблестного сына земли белорусской, избирают первым президентом сената Гавайских островов. По словам историка Михаила Иосько, произошел беспрецедентный случай – во главе государства стал «нигилист и материалист», революционер, на которого полицией многих стран были заведены судебные дела. Добавим, что это произошло благодаря искреннему признанию доброты и знаний

полюбившегося всем доктора, его могучих интеллектуальных способностей и его умений увлечь людей привлекательными реальными идеями, гарантирующими достойное будущее.

Как президент, Судзиловский действовал продуманно и активно. Содействовал развитию местного самоуправления, созданию демократической республики, выходящей за рамки буржуазной демократии. Добился ликвидации имущественного ценза на выборах. Подготовил к обсуждению в сенате билль /законопроект/ о налогах, встреченный плутократами в штыки. Внес в сенат билль о здравоохранении, предусматривающий на островах бесплатное медицинское обслуживание, вызвавший агонию в умах белых плантаторов и финансистов. Законопроект не рекомендовали. Против президента–реформатора начались интриги, подкупы, заговоры. Американские колонизаторы позволяли себе «поиграть» в демократию до поры до времени. Что было делать Н.К.Судзиловскому, взрослому человеку с чистой душой справедливого юноши? Его философский ум безошибочно понял: там, где в политическую жизнь вбрасываются миллионы долларов, субъекту власти трудно устоять. Он мог бы пустить в ход оружие мысли и знаний, но силы были неравны. Демократически и реально мыслящий Николай Константинович подал в отставку, не испытывая горечи поражения. Он хорошо знал, когда приходить к власти и когда от нее уходить. Втянутый в ситуацию жестокой борьбы между враждующими сторонами, он остался благоразумным и благородным, не способным на жалкое приспособленчество и коварство.

Взволновало доктора Судзиловского поражение русских под Мукденом, напугала цусимская катастрофа. И он немедленно отправляется в Японию, на помощь русским военнопленным. Подружился с матросом Алексеем Новиковым–Прибоем, будущим автором знаменитого романа «Цусима», стал издавать еженедельник для русских пленных «Япония и Россия», где печатал и свои статьи. Собрав их воедино, выпустил сборник «В плен» /1906/. В этой и других книгах, изданных в Японии, он ярко раскрылся как оригинальный политический мыслитель.

После Октябрьской революции доктор Руссель–Судзиловский жил с семьей в Китае. Он помогал китайской партии гоминдан, с лидером которой Сунь Ятсеном он переписывался, и первый раз встретился в Нагасаки. Он создал «Комитет помощи голодающим России», подружился с советским полпредом Львом Караханом, который находился в Пекине. С 1921 года жил в городе Тяньцзинь, где и закончился его жизненный круг – 30 апреля 1930 года Н.К.Судзиловский умер. А мысли его живы, и нам не лишним будет к ним обратиться.

«Что такое демократия?»

В трудный год первой российской революции, вдалеке от родины, в книге «В плену» Николай Судзиловский поставил этот вопрос, о котором должны были порассуждать многие. Ему как будто на роду было написано вечно искать истину, осмысливая многовековой опыт человечества. Он шел к пониманию демократии от древнегреческой литературы, истории развития государств Европы и Америки, исследуя современное взаимоотношение народов и государств. Он лучше других знал перегородки, которые их разъединяют и мешают их единению. Его весьма беспокоили «перегородки, с которыми благоустроенное государство примириться не может, которые оно обязательно и безжалостно должно снести в интересах са-

мого своего существования: таковы все сословные и имущественные различия, рано как и различия естественно и необходимо вытекающие из них: неравенство в образовании и политических правах»⁴.

Как истинный мудрец, Судзиловский начинает рассуждения с неравенства в образовании и развитии, о действительном умственном и нравственном превосходстве одних и счастье простолюдина, если выучиться грамоте в начальной школе. Сынки богачей пробираются в университеты, Пажеский корпус, Училище правоведения, а дети бедноты вообще остаются безграмотными /79 из 100 в России/. По мнению автора, это составляет нездоровое явление, усложнение взаимопонимание между гражданами, роет глубокую пропасть, через которую трудно перекинуть мост. «В таком государстве, – пишет он, – злоумышленным проходцам очень легко воспользоваться невежеством народных масс, восстановить их против образованных классов и устроить гражданскую бойню, могущую повести к распадению государства»⁵. Эти слова оказались пророческими и дважды подтвердились.

Политические различия – это отношения к власти, роль человека в государственном управлении. Н.К.Судзиловский поясняет, что сын толстосума даже при поверхностных знаниях при помощи влиятельных связей или подкупа, сразу пробирается на видные места в штабах, министерствах, при дворе, а оттуда очень быстро в губернаторы, сенаторы, члены Государственного совета. А 21% грамотных будут волостными писарями, приходскими священниками, народными учителями, политическое значение которых в госуправлении столь же ничтожна, как и самого мужика. Власть сосредоточена в абсолютном меньшинстве, которая всецело занята собственными интересами. А какой демократии здесь можно говорить? И Судзиловский с горечью пишет: «Таких чудовищных перегородок распределения власти никакое современное государство вынести не может: оно должно или реформироваться или исчезнуть с географической карты»⁶. И оно исчезло дважды. Значит, был пророк из сыновей своего Отечества, и его голос тогда доносился из далекой Японии.

Судзиловский ударил в вечевой колокол, и его звон прокатился по всей России: «Отечество в опасности!». Надо было говорить о демократии как о вопросе главном, стержневом, поставившем под сомнение полноценность власти и будущее государства. Он предсказывал, что человечество неуклонно идет и неизбежно придет к торжеству демократии и что XX век будет веком общественной и политической реконструкции. И мы уже видим, что изменилось к лучшему, а что еще больше усложнилось и стало угрожающим. Тогда же белорусский мыслитель, хорошо знавший положение людей разных стран, правильно утверждал, что экономика – фундамент, основа всестороннего развития любого народа и что свобода, республика и демократия не мыслимы без свободы.

К.Маркс ввел термин «материальная демократия», означающий совместное владение трудящимися средствами производства, их реальное участие в управлении производственно-экономическими процессами и распределении материальных благ, результатов своего труда. В книге Н.К.Судзиловского находим понятие «демократическое воспитание», задача которого сформировать сознание необходимости демократии. По его мнению, только сам народ может быть инициатором

и орудием осуществления демократических начал. Поэтому может показаться странным и нелогичным «насаждение» демократии узкой политической группой, частью правящей политической элиты, и тем более не выражающей интересы широких народных масс.

Какие же «перегородки», недостатки общественного строя мешают народу идти к демократии? Незрелому экономическому развитию соответствовали и незрелые политические отношения. Отсталая промышленность и рутинное сельское хозяйство не удовлетворяла повседневные потребности людей. Не хватало продуктов питания, одежды, жилья, школ, книг. Еще предстояло мобилизовать огромные национальные ресурсы, а это маловероятно без приобщения людей, в первую очередь, талантливых специалистов, в систему государственного управления. По мнению Н.К.Судзиловского, самодержавный строй России изжил себя и держался только на насилии. Его беспокоили не столько крайности, в которые бросались царские чиновники, сколько отсутствие научной мысли, истинного образования. «Политическое самосознание, политическая мысль среди народа и общества еще были очень несовершенны», но именно в знаниях он видел силу и богатства государства. Только такое государство может предоставить хоть какие возможности самоуправления, творчества и демократии.

Наш земляк завоевал всемирное признание и любовь миллионов, видимо, потому, что сам был истинным демократом по духу, мысли и действию. Он признавал эволюционный путь развития, недооценивал роль партийности, но всегда восхищался политической миссией народа – творца материальных и духовных благ. Как и другие образованные люди, он считал, что нет аристократов и демократов, а есть трудящиеся и дармоеды. Противоречие и борьба между ними – извечная тенденция мировой истории. Мы обязаны естественному ходу вещей, но и без людей, их усилий ничего в мире не делается, и человека–лидера нельзя забывать. И Судзиловский подводит черту: «Главным деятелем, понятно, является сам народ, предводительствуемый легионами лучших своих сынов, которые в самую темень полярной ночи не теряли веры в его великое будущее и поддерживали еле мерцающий светильник свободы среди всеобщего холопства и пошлости;.... Тверда была их вера. Честь им и слава. Честь и слава тому народу, который был способен выдвинуть их. У такого народа есть будущее»⁷. Он был не согласен с идеалистической концепцией «героев и толпы», созданной Н.К.Михайловским, согласно которой история создается отдельными историческими личностями, без участия народных масс. Народ не слепо следует за «героями», а сознательно идет за «легионом лучших», выразителями народных дум и забот. Ведь он, народ, – источник свободолюбия и власти, справедливости и правосудия. Исторический исход решают знания и дела широких народных масс. И дороже всего признание не лидера, даже не партии, а всего народа.

Демократия – понятие чрезвычайно важное и всеобъемлющее. Оно охватывает интересы всех и множества проблем, касающихся всех. В период первой российской революции оно было центральным в политическом творчестве Н.К.Судзиловского. и в книге «На политические темы» /Нагасаки, 1907/ он излагает свои взгляды о демократии, над которыми следовало бы поразмыслить современным студентам. Общество не может развиваться без управления, являюще-

гося сущностным элементом демократии. А кто и кем должен управлять? Мыслитель рассуждал: «Истинно образованные люди с действительно широким горизонтом сознают ничтожество своих познаний, Сократы, древние и нынешние, откровенно признаются, что «знают лишь то, что ничего не знают». Благодаря этому, действительно ученые и образованные люди не берутся управлять другими, находят это сложною, невозможною задачей. Они думают, что всякий должен управлять собой, относя эту аксиому, как к отдельным людям, так и к целым народам. В этом есть альфа и омега демократии»⁸. В наше время находим множество фактов, когда к управлению рвутся невежды, злоумышленники, грабители и даже преступники. Судзиловский подчеркивал, что жизнь людей, демократия во многом зависит от «климата общественного», от развития культуры, и с грустью заключал: «Чуть ли не все наши нынешние личные беды и несчастья зависят от нездоровья общества и государства»⁹.

В разделе «Устой истинной демократии» Судзиловский рассматривает важнейшие права граждан для того, «чтобы государством управлял народ». Назовем некоторые из них, которыми непременно надо наделить одинаково всех, без различия национальности и веры:

1. Право на землю, на общее ее владение. Земля – общенародное достояние, распоряжаться ею должна демократическая земельная община. Она не может быть частной собственностью отдельных лиц. «Пока существует право частной собственности на землю, рабство остается. Собственность – лишь то, что человек произвел сам».

2. Право на долю капитала /в общем владении/, на орудие производства /поле, сад/. Экономическая свобода предоставляет человеку «полную свободу почина и действия».

3. Право на знание, то есть на духовное наследство, оставшееся от прошлых поколений. Право на образование. Духовное вооружение. «Где есть свет, там не может быть тьмы; где есть демократии, там невозможно рабство ни в явных, ни в прикрытых холстинками формах». Народовластие полнее утверждается там, где больше людей образованных, культурных, демократически мыслящих.

4. Право голоса на выборах во все общественные и государственные учреждения. Управление через выборных народных представителей ведет к упразднению продажной бюрократии и торжеству демократии. Однако остается опасность, когда от имени народа с помощью «всякого рода хитрой механики» управляют богачи и чиновники.

Судзиловский полагал, что на этих китах, гранитных устоях покоится истинное народовластие. Но эти права или основные требования не могут быть «даны», их надо «взять». Так думал практический революционер в начале XX века. Важнейшим слагаемым демократии он считал уважение к человеку труда, забота о его повседневных потребностях, возможности его образования и вера в его творческие силы. Кроме того, демократию он связывал с духовно–нравственными качествами управленца, с его умением властвовать и проявлять способности доброты и самопожертвования, жить во имя интересов людей и общества.

Откуда берутся народные идеалы?

Российская революция пошла на спад, но тяготение Николая Судзиловского к идеалам народовластия, равенства, братства не ослабели. Там же, в Японии, он издает оригинальное исследование "Последовательная демократия" (Нагасаки, 1907). В нем ученый рассматривает многие вопросы общественно–политической жизни, от вечных форм правления, господства "большой дубины", истоков русской демократии до условий создания демократического государства. Особенно интересными нам показались его мысли о сущности народного идеала, о взаимосвязи идеологии и экономики. Они звучат весьма актуально и кое–где даже словесно совпадают с нашими современными рассуждениями. Какое бы временное расстояние нас не разделяло, почему бы не послушать белорусу мыслителя–белоруса. Мудрое слово никому не помешает, а студентам тем более.

Судзиловский напоминает молодым, что современное государство – сложное явление общественной жизни, самый спутанный клубок взаимно проникающих друг друга и переплетающихся разнородных нитей, в котором разобраться трудно. Столетиями люди шли ощупью, с завязанными глазами, руководствуясь скорее инстинктами чем разумной сознательностью. "Пока господствовала стихийная эволюция общественной жизни, – пишет ученый, – пока история человеческая шла, так сказать, сама собою, пока никто и не мечтал о возможности сознательного вмешательства в этот стихийный процесс, распутывать клубок не представляло практической потребности"¹⁰. А теперь берись за научные знания, мировой опыт, за свой разум.

Оказывается, современному студенту трудно понять, откуда берутся политические идеи, народные общественные идеалы. Конечно, нельзя их воспринимать как что–то таинственное, мистическое. А разве можно считать, что идеалы есть нечто абсолютное, ни из чего другого не вытекающие? Обществоведы разных эпох стремились объяснить этот сложный а, может, и несложный вопрос. Знающим повседневную жизнь и потребности людей, нетрудно было разобраться, что возникшие идеи не упали с неба, что они – духовный продукт человеческой деятельности. Ф. Энгельс, с присутствующей ему ясностью, писал: «Все идеи извлечены из опыта, они – отражение действительности, верные или искаженные». Итальянский философ Антонио Лабриола показал, что идеи формируются при определенных обстоятельствах, тогда в достаточной мере созрели условия для их появления, и непременно под влиянием человеческих потребностей.

Белорусский политический мыслитель Н.К.Судзиловский, пожалуй, не менее полно изложил свой ответ. В книге «Последовательная демократия» он пишет: «Мы можем сказать, что идеалы, как народные, так и личные, суть лишь более или менее осознанных выражений экономических и других интересов, нужд, возникающих из внешних условий среды». Судзиловский исходит из глубокого знания реальной жизни и ее неизбежных противоречий, из того простого понимания, что людям надо и что не надо. Человек не будет мечтать о том, что ненужно или невозможно, что не поможет выжить. Поэтому «все, что входит как основная часть, даже в самый отдаленный идеал, несомненно, исходит из императивов объективных условий, из вызываемых ими нужд и потребностей». Каждая среда вызывает разные потребности: материальные, духовные, политические и т.д. Человеку необходимо реальное право на жизнь, труд, образование, свободное приобретение жизненного блага. Нужда обостряет желание, пробуждает мысль.

В изменениях мира, внешних условий, как физических, так и политических Н.К.Судзиловский видел основную причину всякого прогресса, в том числе и прогресса в человеческой психологии. Непрерывные изменения внешнего мира, без которого невозможно развитие, нарушают более–менее установившееся равновесие между миром внутренним и внешним, составляющее человеческое благополучие. И далее мыслитель заключает: "Всякое такое нарушение ощущается человеком как зло, как более или менее интенсивное страдание и, следовательно, как потребность так или иначе восстановить нарушенную гармонию. Таким образом, с одной стороны возникают новые потребности, новые нужды, а с другой пробуждается мысль, принимающаяся работой над задачей: как удовлетворить этим нуждам, каким образом восстановить равновесие?" Во всяких недостатках, несчастьях интенсивнее работает человеческая мысль, возникают замыслы, пробуждается творчество. И уже несколько веков живет испытанная народная мудрость: безвыходных положений не бывает. Там, где человек знающий, сильный, способен творить, он выше обстоятельств и побеждает зло. Там, где человек бессилён, он порождает уныние, восстановить равновесие жизни ему понадобится гораздо больше усилий и времени.

Для чего человеку политические идеалы и какова их роль в жизни? Без знания экономики, истории, психологии к этой проблеме невозможно подступиться. Исследуя ее, Н.К.Судзиловский вступает в научную полемику с материалистами, которые, по его мнению, несколько упрощенно представляют себе возможное возникновение политических форм, и смешивают человеческие идеалы с классовыми. Они рисовали общественные идеалы будущего лишь как отрицание идеалов прошлого и настоящего. Не согласившись с ними, наш мыслитель полагал, что отрицательный идеал, хотя бы и нечто туманное, уже намеченное в общих чертах. А будущее – не есть идеал, как разрушение старой постройки не есть создание новой, кроме того угрожает еще один подход – остаться совсем без крова. В начале Судзиловский рассуждал об идеалах как проекциях будущего, могущих увеличивать "сумму" человеческого счастья, надежные показатели курса жизни, а потом заключает: "Идеалы представляют те творческие архитектурные планы, по которым строятся будущие здания". Отметим, что его весьма интересовали не только условия появления достойных идей, но и их "знаменосцы", образованные добродетели и сильные социальные инстинкты, обладающие высоким интеллектом и способные выдвигать новые общественные идеалы, – от Конфуция до Льва Толстого, от Архимеда до Маркса.

Николай Константинович одобрительно принял определение Чернышевского идеала прекрасного: "жизнь, какую мы хотели бы вести". Однако замечает, что автору следовало бы сказать, как изменяется жизнь в соответствии с требованиями условий среды. И только тогда в сфере эстетической он выразил бы все, что одинаково применимо и к другим сферам экономической, политической, нравственной. После этого делает глубокий вывод: "как психологическое выражение требований необходимости, идеалы могут и должны служить верховным, решительным, авторитетным и безапелляционным показателям курса. Компетентность их не подлежит сомнению, как не подлежит сомнению в нормальных условиях указания магнитной иглы. Сообразно с ними каждый народ должен направлять сознательно свою историю, на сколько такое сознательное вмешательство возможно".

А чтобы вмешательство в стихийный процесс было разумным и действенным необходимо разобраться в последовательности главных явлений, их причинной связи, оставляя в стороне второстепенные взаимодействия. Главным всегда было и есть усовершенствование орудий производства и увеличение производительных сил. Разбуженная мысль, обогащенная накопленными знаниями и опытом, приводит к новым открытиям и изобретениям. Новые орудия труда и методы производства производят важные изменения в сфере производства и распределения, существенно изменяют экономические формы жизни. Все это позволило Н.К.Судзиловскому утверждать, что изменения экономических оснований неизбежно влекут за собой соответствующие изменения юридических, политических и социальных форм: "Вслед за ними с органической медленностью изменяются мировоззрение, общественные и политические идеалы".

В неравномерности и разнообразии экономического развития Судзиловский видел причину того, что даже в одном обществе приходят к различным политическим идеалам, к "разнообразию направлений мысли в областях политики, нравственности и религии". Именно поэтому всякий класс или всякая группа, в силу установившихся особенностей экономического и политического положения, "вырабатывают свои особые классовые идеалы, часто на столько противоречивые, что столкновение делается неизбежным". Демократически мыслящий ученый считал, что идеал, определенный народом, есть "надежный законный показатель курса". Он назвал его идеалом большинства.

Как и сотни других мыслителей, всю жизнь он искал путеводную звезду, ведущую народы мира к спасению и счастью. И через множество преград и заблуждений, долгих раздумий пришел к выводу, что для западной Европы более всего подходит "идеал пролетариата". Иначе говоря, идеал знаний, труда, справедливости. Именно его провозглашают земледельцы, рыбаки, слесари, механики, учителя, врачи, ученые, – все, кого называют солью земли, совестью нации.

В переводе на современный язык это означает, что народ – творец своей истории, он же творец своего идеала и своей собственной судьбы. А тот, кто создает материальные и духовные ценности, должен быть причастен и к политической власти, к управлению государством.

Есть нужные знания – управляй

Мрачная отпугивающая действительность, назревшие потребности народов России и других стран, скитания по континентам, переписка с революционерами и деятелями культуры питали политическую мысль Н.К.Судзиловского, заставляя его страдать о будущем человечества. Его разум, организованный великой идеей миллионов от бесправия, невежества, деспотизма, был постоянно включен в творческую деятельность. Обширные познания, жизненные наблюдения, писательское зрение помогли ему видеть неотложные проблемы и выразительно излагать на бумаге. Его не покидал девиз человеческого ума, подсказанный Гербертом Уэллсом: "жизнь служит для приготовления устройства будущего". Мучительно долго шел он к пониманию прогресса, справедливости, демократии, управление государством и других нравственно правовых ценностей жизни. Но то, что обретал и становилось его убеждением, дорожил и отстаивал, пропагандировал в своих статьях и книгах.

В 1910 году, в японском городе Нагасаки вышла новая книга Н.К.Судзиловского "Мысли вслух", в которой он подводил итоги своих творческих поисков и делал попытку охарактеризовать мировое развитие в целом, показать его единство и разнообразие, противоборства Востока и Запада. Естественно, в первую очередь заговорил о путанице в умах ученых, сдерживающей прогресс науки и ее влияние на развитие человечества и развития отдельных стран. Его весьма беспокоило то, что отыскать желанный компромисс между Востоком и Западом мало вероятно – на это потребуется время, радикальное изменение восточной психологии, пропаганда положительных знаний и передача современных орудий производства. Не меньше его беспокоили внутренние проблемы, ведущие к хроническому отставанию страны. Дурная наследственность, манголизация, алкоголизм, проституция, бродяжничество, обломовщина, бездуховность, непоследовательность и т.д. Душа человека представляет из себя поле битвы между непримиримыми началами. Все это великолепно описано в произведениях Л. Андреева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, Г. Успенского. Взволнованный автор предлагает читателю: "Вспомните их героев и отыщите, что в них общего, что проходит красной нитью через всю их психологию? Вечная душевная борьба с самим собою, вечное ковыряние в собственной душе и, как результат, – бессилие и поразительная неуравновешенность, нечто глубоко трагическое и патологическое. Разве они знают, чего хотят, разве у каждого из них не семь пятниц на неделе". К удивлению, подобных героев сколько угодно можно найти в современной жизни, особенно в сфере духовной и управленческой.

Н.К.Судзиловский был убежден, что человеку нужна власть, чтобы управлять стихией, и природной и общественной. Именно поэтому ему нужны глубокие знания естественных и политических наук. Понимание зависимости отдельной личности от общественного строя привело к созданию социологии – области знания, рассматривающей гражданское общество в единстве с государством и его политикой. Николай Константинович отмечает возрастающую роль общественных наук в рациональной организации жизни, в преодолении экономических и политических кризисов. Он пишет: «Современные положительные общественные науки дают власть над стихией общественной в той же мере и в той же степени как физика, механика и химия над природой». Прошло сто лет, возросло влияние политической науки на развитие современного мира, однако эту, казалось бы, очевидную истину понимают далеко не все. Даже в некоторых ВУЗах заметно уменьшено количество часов на изучение философии, политологии, социологии, истории.

Подзаголовок «Верьте в себя» можно принять как достойный завет нынешней молодежи. Как будто сквозь толщу ста лет мыслитель смотрит на нас и иронически восклицает: «Будьте добренькими и веселенькими! А все остальное само собою приложится». Это то, что мы часто слышим сегодня по радио и телевидению. А чему, собственно веселиться, когда многое в жизни нас огорчает и пугает. И верить в себя не всегда получается, то не знаешь во что, то воля отсутствует. Вот и Судзиловский нам строго подсказывает: «Нельзя верить в себя, будучи голым и слабым, нельзя верить в себя и в свою силу, которой нет, когда стихия хлещет вас на все лады, гоняет ветрами как перекаати–поле». Разве это не о наших бомжах, тунеядцах, алкоголиках, наркоманах разных неудачниках? Где взять властвование над собой, веру в себя? Нешуточная это проблема, переходящая из одного поколения в другое. Она разрешима

только для тех, кто вооружается современными знаниями, помогающими человеку развивать мысль, определять вид занятий и цели, постоянно ощущать давление окружающей среды и правильно оценивать взаимодействие с государством: «Только положительное знание общественной жизни и управляющих ею законов», когда люди начинают понимать, что «моя хата не с краю».

И уж как горький упрек ныне живущим политикам и лжеученым разрушителям прозвучали слова Судзиловского о понимании смысла жизни, человеческой истории, прошлого и будущего. По его мысли, будущее подобно еще не появившейся на экране кинематографической ленты, столь же определенно, реально и индуктивно познаваемо как и прошлое. Образованнейшим политикам открывается всякая тайна, возможность не интуитивного творчества, а научного предвидения. Будущее не за злоумышленниками, «принимающими историческую рябь» вроде экономического спада за конец света. Оно за теми, кто отчаялся, растерялся, запутался, изменил идеалам существования. Наш пророк стоял на своем: «Будущее останется за теми, кто более кратким и легким путем поведет нас к новым завоеваниям стихии, к новым этапам развития». Кажется, никто этого оспаривать не будет. И, кажется, мы сегодня так и поступаем.

Вскоре после выхода книги из Могилевской губернии в Японию пришло письмо от родной сестры Евгении Судзиловской. Она откровенно сообщала: «В «Мыслях вслух» я нашла много своего, но моя аргументация проще и научно беднее». Особенно импонировали ей мысли брата о далеко не безнадежном будущем России.

В политическом творчестве Николая Судзиловского содержится немало выверенных нестареющих истин, мудрых полезных советов, звучащих и сегодня свежо и актуально. Они могут нам пригодиться, заставить думать о дне сегодняшнем и завтрашнем. Предоставляем вам небольшую подборку, извлеченную только из одной его книги «В плену»:

–Век наш – век острого, неустанного соперничества и между отдельными людьми и между народами. При прочих равных условиях побеждает тот, кто больше знает. Знание приносит и силу, и богатство, невежество – нищету и бессилие [с.46–47].

–Мы не националисты, именно потому, что уважаем национальность, признавая за каждой из них право свободно развивать особенности своего гения. Мы не националисты, потому что считаем национальные, как и религиозные, различия несущественными в жизни современного государства, частным делом отдельных лиц [с.52].

–Настоящие и будущие движения затрагивают самую двигающую пружину механизма. Сознательное понимание экономических, классовых интересов поддерживает эту пружину в постоянном напряжении. Мысль – есть свет неугасимый, то вспыхивающий, то потухающий [с.96].

–И все же не мешает напомнить всем и каждому, что недостаточно завоевать свободу, а надо уметь и сохранить ее, отстоять от всяких новых посягательств. Сохранить же свободу можно лишь будучи вечно на стороже своих человеческих и гражданских прав, другими словами, свобода требует постоянного бдения [с.96].

–Если знание необходимо во всяком деле, то более всего и в самой высшей степени, оно необходимо в управлении государством [с. 101].

–В демократическом государстве каждому гражданину приходится управлять не только собою самим, что нетрудно, а и всем государством. Ему приходится прямо

или через представителей решать самые сложные экономические, политические и социальные задачи [с. 101].

–Недостаточность образования суживает не только умственные, но и нравственные горизонты. Невежественные управители неизбежно вносят в жизнь всего государства нищету своей идеологии, придают и ей свойственный их духовной личности пошлый мещанский колорит, в котором, как в океане, тонут более возвышенные и более человеческие стремления отдельных единиц [с. 102].

Жизнь Николая Судзиловского – явление историческое, неповторимое, и всегда будет интересной как история духа и самопознания, как ступень развития человеческой природы. Сын земли белорусской творчески познавал духовно–нравственные ценности страны, достоинства мировой политики, и в любой ситуации все свои силы подчинял идее, стремясь действовать, писать, достигать результатов. Он принадлежал к той третьей силе России, которая, по словам Петра Лаврова, мыслит и чувствует, отзывается на мысль человеческую, европейскую науку, народную потребность. Николай Константинович чутко прислушивался ко всем голосам из России, Белоруссии, ссылаясь в своих сочинениях на М.Горького, Ф. Достоевского, И.Крылова, А.Радищева, Л. Толстого, Н. Чернышевского, блестяще раскрывающие пороки российской деятельности, пробуждающих веру в созидательные силы своей страны. Ему хотелось сделать жизнеустройство лучше, устранить социальные пороки на планете, утвердить в обществе науку, культуру и законность, гуманизм и демократию. Возможно не до всех доходил его голос, поскольку шел издали и приглушенно, но звучал он как живой отголосок его собственной, отечественной и всемирной правды. А сегодня дошел до всех: "Мы с негодованием отрицанием, будто бы славянская раса и русский народ, в особенности, по своей истории и народному характеру неспособен к самоуправлению. Всякий народ одинаково способен к самоопределению и самоуправлению".

Для новых поколений Н.К.Судзиловский стал зеркалом нашей интеллектуальной силы, наших способностей к серьезной политике, к бескомпромиссной конкурентной борьбе на мировой арене. Его опыт помогает понять взаимосвязь между народами, государствами, между естествознанием и историко–политическими науками. Он понимал, что постоянно растущее число страдальцев не спасет его милосердие и благотворительность: он помогал политзаключенным, военнопленным, голодающим, – это капля в море. Надо существенно перетряхивать верховную власть, приобщать массы к строительству нового общества. Еще предстояло мобилизовать национальные ресурсы, а это мало вероятно без приобщения людей, в первую очередь ученых, специалистов, в систему образования, управления, социально–экономического развития.

Свет его мыслей, как свет далекой звезды, доходит до нас разыскивающих все ценное новаторское. Нам вбирать в себя его дух исканий и величия жизненного пути, его несокрушимую волю и советы мудреца. Странствующий политик–просвятитель, с отзывчивым сердцем и демократическим мышлением обогатит всякого.

1. Иосько М.И. «Николай Судзиловский–Руссель», Мн., 1976, с.9
2. «Памяць. Клімавіцкі раён», Мн., 1995, с. 129
3. Иосько М.И. «Николай Судзиловский–Руссель», Мн., 1976, с. 164

4. Доктор Н.Руссель «В плену», Сборник. Кобе, 1906, с.39–40
5. Там же, с.41–42
6. Там же, с.43
7. Там же, с.55
8. Доктор Н.Руссель «На политические темы». Нагасаки, 1907, с. 12
9. Там же, с.56–58, 78
10. Руссель Н. «Последовательная демократия». Нагасаки, 1907, с.1

Библиотека БГУИР

Н.К. СУДЗИЛОВСКИЙ

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Жизнь современного государства представляет самое сложное из явлений природы, почему в классификациях наук науки социальные и политические и ставятся всеми в самый конец эволюции человеческого значения. Это самый спутанный клубок взаимно проникающих друг друга и интимно переплетающихся разнородных нитей, в котором разобраться, отыскать начало и конец, причину и следствие, отделить существенное от второстепенного во все не легко. Пока господствовала стихийная эволюция общественной жизни, пока история человеческая шла, так сказать, сама собою, пока никто и не мечтал о возможности сознательного вмешательства в этот стихийный процесс, распутывать клубок не представляло практической потребности. Теоретически все сваливалось на судьбу, на миф, на мудрое провидение, перст которого неисповедим. Оптимисты довольствовались верой, что все идет к лучшему всем наилучшем из миров. Практические политики, управители и «делатели» истории ограничивали свои цели и задачи узкими личными, династическими, классовыми или национальными пределами, да и в этих пределах шли ощупью, с завязанными глазами, руководствуясь скорее инстинктами, чем разумной сознательностью.

Так, может быть, продолжалось бы во веки веков, если бы стихийный рост того, что мы называем обществом, не достиг стадии, когда и слепому становится ясна интимная и строгая зависимость личных интересов и судеб всякого не от личных усилий, а от общественного и государственного строя. Муравей заметил, наконец, что как его горе, так и радость почти целиком зависят не от него самого, а от состояния всего муравейника.

С развитием культуры и цивилизации все больше и больше уменьшалась зависимость человека, как единицы, от условий внешнего мира, от «климата» естественного, если под климатом понимать всю сумму внешних условий. Благодаря знанию, власть людей над стихийными силами природы росла и, наконец, дала возможность руководить ими, направлять их в человеческих интересах. Но, по мере того как эмансипировался человек от внешних

физических условий, все больше и больше росла его зависимость от условий общественных. При нынешнем состоянии общества условия эти доминируют над жизнью всякого, независимо от личных усилий определяют долю счастья или несчастья каждого во все периоды личной жизни.

Такая связь не замедлила обратить на себя внимание всех мыслящих людей. Как всегда, практическая потребность обеспечить за собой хоть некоторую долю счастья явилась стимулом к изучению общественных явлений. Если вера в связь судеб отдельных личностей с движениями небесных светил породила сначала астрологию, потом научную астрономию; если вера в философский камень, жажда обогащения, желание превращать все в золото, родили алхимию, а потом химию, то зависимость судьбы отдельного человека от общественных условий, не призрачная, а действительная, родила социологию.

К счастью подвигавшееся вперед гигантскими шагами (особенно во второй половине XIX столетия) знание других, менее сложных явлений природы, дало материал, так сказать, приготовило людей науки к изучению и пониманию явления самого сложного – общественной жизни.

Не одна любознательность руководила ими. В проблему входило распутать клубок, найти законы, управляющие общественной жизнью, для того чтобы пользоваться ими в человеческих интересах; научиться направлять общественные силы подобно тому как направляем мы другие стихийные силы, использовать знание в этой области как используем мы его в других, менее сложных явлениях. Другими словами, человек решил сам сознательно делать свою историю.

Дело в том, что стихийная история и стихийная эволюция общества, подобно всем стихийным процессам, имеет большие неудобства: она сопряжена с слишком большими затратами энергии, требует огромных периодов времени и в конце концов приводит к не всегда желательным, и, во всяком случае, к сравнительно бедным результатам с нашей, человеческой, точки зрения. Уменьшить трение, ускорить и облегчить процесс, увеличить результаты – такова задача сознательного, разумного, основанного на знании, человеческого вмешательства.

Архимед утверждал, что если ему дадут точку опоры и соответствующей длины рычаг, то он перевернет земной шар. Может ли современное человечество сказать, что, опираясь на экономические интересы, как точку опоры и, пользуясь знанием социологических законов как рычагом, оно может сознательно направлять свою историю?

Мы далеки от мысли, что наши современные познания в области общественных наук достаточно полны и глубоки для этой цели. Нам кажется однако, что законы общественной жизни в общем довольно выяснились, чтобы не бледнеть перед такой задачей. Нам кажется, что практическим политикам пора вспомнить слова Маркса, что «философы на разные лады истолковывали мир; теперь пришло время его изменить». Нам кажется, что уже вполне определилась точка компаса, куда они должны направлять судно; что для них достаточно известны как относительная сила их машин, так и характер воздушных и морских течений, чтобы сознательно управлять курсом, а не блуждать по воле ветров. Для тех, кому сознательное делание истории не представляется мечтой, прежде всего возникает вопрос о курсе, о направлении, о том: куда идти?

Что вопрос именно в этом, а не в создании какого либо определенного, на веки нерушимого порядка, на котором бы можно было застыть и успокоиться, ясно как день из установившихся ныне понятий наших об эволюции, как о проникающем всю вселенную в целом и частях ее процесс. Эволюция общества открывает нам целый бесконечный ряд последовательных общественных форм, целую перспективу незаметно переходящих друг в друга систем, как в прошедшем, так и в будущем. Чем дальше пытается проникнуть взор, тем туманнее и неопределеннее рисуются они, пока совсем не исчезают за горизонтом. Если принять этот эволюционный курс, – (а не принять его нельзя при нынешнем научном мировоззрении), – то и периоды кажущегося застоя (действительного в природе нет и быть не может) и даже периоды инволюции, т.е. обратного развития, представляются лишь рябью на поверхности волнующегося океана, отдельными, частными моментами того же грандиозного процесса созидания. Отдельные общества и государства, подобно химическим молекулам, могут умирать, распадаться, входить в новые соединения, но общество как целое неизменно следует своему

эволюционному курсу. Только существенные геологические и астрономические изменения могут остановить его или дать ему, как целому, обратное направление.

МИР И ЧЕЛОВЕК

Чем же обуславливается этот эволюционный норд компаса? Не стихийной ли эволюцией внешнего мира, макрокосмоса, объективных условий, условий среды, одним из существенных элементов которого является и стихийное развитие форм производства и экономических отношений?

Так утверждает объективная школа, школа материалистического понимания истории с Бэклем и Марксом во главе.

Или может быть курс вытекает из эволюции человеческой психологии, мира субъективного, микрокосма, из того сложного фактора, который принято называть прирожденным гением народа, его духом, народными идеалами?

Так утверждают субъективисты, субъективная школа.

По ее мнению идеалы эти в более или менее бессознательной форм представляют нечто данное в самом начале. Осуществление в жизни совершается по мере проведения их в сознание.

Что оба элемента, объективный и субъективный, взаимно влияют друг на друга, не отрицают даже крайние последователи обоих направлений. Вопрос лишь в степени, характере и способах влияния, которые различны в разные периоды той же истории, а также в том: который из двух факторов представляет исходную точку, первопричину?

Нельзя не видеть, что история всякого народа слагается из двух периодов: первого, когда его могучий, свежий, юношеский идеализм преобладает над средой, приспособляя ее к своим субъективным требованиям. В этом периоде такой народ оставляет на окружающих условиях более или менее глубокую царапину, как алмаз на стекле. Второго – периода старческого одряхления, когда народный гений изнашивается, среда вступает в свои права и выливает душу нации в свои собственные формы.

Объективное направление грешит недостаточной оценкой субъективного фактора. Никакие формы общественной жизни, даже и формы экономического производства в частности, невозможны без соответствующего нравственного и умственного уровня

народной массы. Из гнилых яиц – яичницы не сделаешь, говорит английская пословица. Из orangutanов и даже папуасов и бушменов, вместо культурных рабочих, не создать не только тред-юниона, но не организовать и железнодорожного или стеклянного завода. Английская армия, составленная из босяков и выродившегося городского пролетариата в англо-бурскую войну, оказалась совсем другой армией, чем английская армия под Севастополем, состоявшая из фермеров и крестьян. Наша собственная армия с 70% безграмотных, отученных вековой опекой от всякой самодеятельности, крестьян, при всех остальных хороших качествах, оказалась ниже армии японской после полувека школьного и общественного прогресса.

Известный уровень нравственного и интеллектуального развития представляет необходимое условие для возможности возникновения соответствующих ему экономических, общественных и политических форм: условие, а не причину. Так известная температура служит условием брожения, хотя сама по себе и не производит брожения. Все это, конечно, признается материалистами, но, в качестве знаменосцев идеи материалистического происхождения человеческой психологии вообще, в том числе и общественных инстинктов, привычек и идеалов, они смотрят слишком механически просто на взаимные отношения двух факторов. Они упускают из вида органический, эволюционный характер субъективного фактора и вытекающую из этого сложную роль его в процессе.

Для них это только орудие и средство, побуждение к созданию новых общественных форм; орудие, в случае переживания, имеющее даже обратное действие, т.е. задерживающее прогресс. Ни в каком случае не видят они в нем законного и надежного показателя курса. Показателем курса для них являются какие то неуловимые выводы из законов эволюции, фактора объективного, проецированные на экран будущего. Может быть такие проекции и возможны, но существенным их недостатком всегда будет то обстоятельство, что при некоторых условиях они могут не увеличивать, а уменьшать наличную сумму человеческого счастья. Даже, оказываясь строго верными, безупречно научными выводами, так сказать, предвосхищающими будущее счастье, они, вследствие отставания органического развития как физики, так и психологии человека, для счастья настоящего окажутся неудовлетворительными.

Недостатком такого истолкования значения субъективного фактора материалистами является и чисто отрицательный по их мнению характер человеческих идеалов, которые они слишком то-ропливо стараются отождествлять с классовыми. По их мнению, этические и общественные идеалы будущего суть лишь отрицания идеалов прошедшего – настоящего. Положительного в них нет ничего. С этим очень трудно согласится: отрицательный идеал, идеал не противопологающий прошлому нечто, хотя бы и туманное, но намеченное уже в общих чертах, будущее – не есть идеал; как разрушение старой постройки не есть ещё создание новой. Разрушив старое, возможен ведь ещё один исход – остаться совсем без крова или предоставить созидать его стихийным силам. Идеалы представляют те творческие архитектурские планы, по которым строятся будущие здания.

Отождествление общенародных и общечеловеческих идеалов с классовыми слишком натянуто и пахнет искусственной подделкой под временные настоящие условия.

Это, по-видимому, чувствуют и сами материалисты. Так, Каутский в своей «Этике», (См. К. Каутский: Этика и материалистическое понимание истории. Изд. Тов. «Знание» перевод Луначарского СПб стр. 134) говорит: «тем не менее, новый нравственный идеал может возникнуть не из одних только классовых противоречий. Среди консервативных классов могут встречаться отдельные индивидуумы, которые в общественном отношении только внешне связаны со своим классом и у которых не развито классовое самосознание. При этом им присущи иногда сильные социальные инстинкты и добродетели, которые заставляют их относиться с отвращением ко всякому лицемерию и цинизму; они бывают иногда наделены высоким интеллектом, дающим им возможность ясно осознавать противоречия между традиционными моральными положениями и общественными потребностями. Такие индивидуумы должны прийти к необходимости выработать для себя новые нравственные идеалы. Но будут ли эти идеалы содержать в себе общественную силу или нет, это зависит от того, вольются ли они в русло классовых идеалов».

Сколько исключительных условий нужно было придумать Каутскому, сколькими добродетелями наделить этих людей, для того чтобы объяснить не подходящее под прокрустово ложе классовых

противоречий, возникновение такой простой вещи, как идеалы общечеловеческие! Да и то результат поставлен в зависимость от «русла классовой борьбы».

Нет, значение субъективного фактора гораздо сложнее и авторитетнее! Это нечто гораздо большее, чем «побудительная сила классовой борьбы».

С другой стороны субъективное направление, утверждая, что субъективный фактор, особенно нравственные условия, представляют главную движущую пружину в создании новых общественных форм, очевидно принимают хвост за голову, или, по английской пословице, ставит телегу впереди лошади.

Таким образом, возникает общераспространённое воззрение, общее всем религиозным учителям и пророкам от Конфуция, Будды и Христа, до Льва Толстого, что формы жизни могут быть изменяемы проповедью нравственного самосовершенствования.

Если бы даже и возможно было при помощи проповеди повышать нравственный уровень, и тогда создавалось бы лишь одно из условий для осуществления высших общественных форм, а не самих форм. Мы не отрицаем значение проповеди как одного из элементов воспитания и внушения, но его влияние слишком мимолетно, кратковременно в сравнении с главными элементами воспитания – условиями окружающей жизни, так сказать обнимающими личность, как атмосферный воздух, со дня рождения и до самой смерти. В свою очередь это воспитательное влияние окружающих условий жизни, – особенно то, как человеку приходится добывать свой хлеб, – составляет лишь небольшую величину в сравнении с наследственным фактором.

В то время как религиозные и воспитательные внушения суть лишь слова и звуки, раздающиеся в лучшем случае в течение нескольких школьных лет, – условия жизни представляют действия и факты, часто очень грубые, которые ни в коем случае не могут быть ни игнорированы, ни забыты; они воздействуют всю жизнь, со дня рождения до того момента, когда человек испускает последний вздох, и оставляют в душе глубокий, прочный след. Но и этот, господствующий, могучий фактор воспитания как мы уже сказали, есть лишь малая величина тех влияний жизненных условий, которые испытывало множество предшествующих поколений, то есть наследственного фактора.

Не признавать этого значит утверждать, что часть может быть больше своего целого.

Вкратце всё это можно выразить так: как внутренний мир человека, так и внешний мир окружающих его физических и общественных условий суть непостоянная, а вечно изменяющееся, согласно законам эволюции, величины. Эти измерения представляют два параллельных, отдельных, хотя и интимно связанных между собою процесса развития. Это эволюция курицы и параллельная ей эволюция яйца.

Двигательной пружиной прогресса общественных форм однако является не нравственность и не субъективный фактор вообще, а условия окружающей среды, эволюция объективного мира. Чтобы произвести прочные изменения во внутреннем, например, нравственном мире человека, и таким образом содействовать прогрессу общественных форм, нужно начинать с проповеди нравственности, не с самосовершенствования, для которого нет опоры, а соответствующего изменения вышеупомянутых условий среды; прежде всего – форм общественной жизни и форм производства. Обращаться прямо непосредственно к нравственному самосовершенствованию, значит ожидать от человека, что он перескочит через забор, потягивая за ушки своих сапог. Не со слова надо начинать, а с дела.

Ещё более слабым местом учения субъективистов является то что они не указывают откуда берутся народные общественные идеалы и почему они лишь постепенно переходят, в сознание? Выходит, что идеалы эти есть нечто абсолютное, не из чего другого, подобно другим явлениям в природе, не вытекающее. Выходит, что и сам переход их из сферы бессознательной или подсознательной в освещенное ярким светом сознания поле, представляет какое-то таинственное, мистическое явление. Вдумываясь ещё глубже в вопрос о роли объективного и субъективного факторов в истории вообще и в процессе смены одних форм жизни другими, нельзя не усомниться в том, что оба фактора представляют явления разных порядков. Можно усомниться не только в их противоречии, противоположности друг другу, но и в самом различии. Это сомнение может распространиться ещё шире, до сомнения в основательности противоположения и различения «объективного» от «субъективного» вообще.

Ведь с одной стороны то, что мы называем «объективным», в сущности не есть объективное. Настоящего объективного, «вещей в себе», вещей, как они суть на самом деле, так называемых «ноуменов» мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. То, что мы знаем, и называем объективным, представляет лишь сумму многообразных, воспринятых через все органы чувств, и затем координированных, проверенных, так сказать, «переваренных в головном мозгу» впечатлений. С другой стороны «субъективное» есть подобный же продукт более непосредственных, воспринятых более ограниченными механизмами, недостаточно контролируемых, недостаточно координированных в подсознательной или сознательной области, впечатлений. Это очень сложная область ощущений разных порядков, начиная от самых простых, свойственных всякому, даже неорганическому веществу, до очень сложных общественных инстинктов вроде «совести», «стыда» и т.п.

Чтобы не увлечься слишком в сторону, мы ограничиваемся утверждением, что «субъективное» и «объективное» представляют не явления разных порядков, а лишь два разных способа познания одних и тех же явлений.

Возвращаясь к частному случаю объективного и субъективного направлений в социологии, мы можем сказать, что идеалы, как народные так и личные, суть лишь более или менее осознанные выражения экономических и других интересов, нужд, возникающих из внешних условий среды.

Как ощущение света есть непосредственная форма познания вибрирующего эфира, так и идеалы жизни суть формы познания фактора объективного: требований окружающих условий как физической, так и общественной среды.

Общественные и политические идеалы суть лишь отражения, проекции объективного фактора в психологии народов. С этой точки зрения всякое противоречие между идеалами и интересами, между субъективным и объективными факторами, исчезает или превращается в простое недоразумение.

Ни ненужное, ни невозможное не могут входить в идеалы ни человека, ни народа. Никто не может мечтать о том, чтобы носить луну в кармане. И наоборот, все, что входит как составная часть, даже в самый отдаленный идеал, несомненно, исходит из импера-

тивов объективных условий, из вызываемых ими нужд и потребностей.

Ближе всего к этой мысли подошел Чернышевский в своем определении прекрасного: «прекрасно все то, что напоминает нам жизнь, какую мы хотели бы вести», говорит он. (См. Чернышевский: Эстетические отношения искусства к действительности)

Если к этому прибавить: – А жизнь, которую мы хотели бы вести, есть та, которая вполне соответствует требованиям условий среды и изменяется параллельно с изменением их, – то в сфере эстетической, он выразил бы все, что одинаково применимо и к другим сферам: экономической, политической, нравственной и т.д.

Как психологическое выражение требований необходимости, идеалы могут и должны служить верховным, решительным, авторитетным и безапелляционным показателем курса. Компетентность их не подлежит сомнению, как не подлежат сомнению в нормальных условиях указания магнитной иглы. Сообразно с ними, каждый народ должен направлять сознательно свою историю, насколько такое сознательное вмешательство возможно.

Чтобы вмешательство в стихийный процесс было разумным и действительным, прежде всего необходимо отличать причины от следствий, начало от конца; другими словам и, – необходимо разобратся в последовательности главных явлений, их причинной связи, оставляя в стороне второстепенные взаимодействия. В общих чертах связь эта представляется нам в следующем виде:

В изменениях великого мира, внешних условий, как физических, так и общественных, надо усматривать основную причину всякого прогресса, в том числе и прогресса человеческой психологии, мира внутреннего, субъективного. Если бы каким-либо чудом эти измерения остановились и мир застыл в неподвижных формах, – застыло бы и всякое дальнейшее развитие мира внутреннего. Беспрестанные изменения внешнего мира нарушают уже более или менее установившееся равновесие между миром внутренним и внешним, составляющим человеческое благополучие. Всякое такое нарушение ощущается человеком как зло, как более или менее интенсивное страдание и, следовательно, как потребность, так или иначе, восстановить нарушенную гармонию. Таким образом, с одной стороны возникают новые потребности, новые нужды, а с другой пробуждается мысль, (См. М. Горький: «Человек», где значение

мысли в этом смысле выражено очень рельефно и художественно) принимающаяся работать над задачей: как удовлетворить этим нуждам, каким образом восстановить равновесие?

Восстановить его можно только двумя путями: или приспосабливая свой организм и свою психологию к новым условиям, или, производя соответствующие изменения в самой среде и, таким образом, приспосабливая ее к своим субъективным требованиям. Возможно и одновременное приспособление обоими путями. И в первом случае могут в результате получиться прогрессивные изменения, но приспособляемость человеческого организма, как продукта страшно долгой стихийной эволюции, крайне ограничена и ни в каком случае не может поспевать за быстрыми и радикальными изменениями, получившими в последние века такое значение, общественной среды.

Чем дальше, тем больше приходится рассчитывать на второй путь, – изменения самой среды, как физической, так еще более общественной, прогрессивный курс и значение которого не может подлежать сомнению.

Дальнейшая причинная связь явлений на этом пути представляется нам в следующем виде:

Разбуженная, принявшаяся за работу мысль, пользуясь уже накопленными знаниями, производить новые открытия и изобретения. Всякий, даже незначительный шаг вперед, даже в областях, в которых работа, провидимому, не имеет никакого практического значения, ведет к новым, более важным и несомненно практическим завоеваниям. Главная роль выпадает на усовершенствование орудий производства, следовательно, и увеличение производительных сил. Новые орудия и методы производят важные изменения в экономической сфере, в сфере производства и распределения, изменяют более или менее существенно экономические формы жизни. Изменения же в экономических фундаментах неизбежно влекут за собой соответствующие изменения форм юридических, политических и социальных, форм общественной жизни, как целого. Вслед за ними с органической медленностью, изменяются мировоззрения, общественные и политические идеалы, нравственные системы и (с расширением умственных горизонтов) даже религиозные верования.

Видя в условиях внешней среды первоначальную причину измерения форм общественной жизни и, выдвигая на первый план огромное значение общественных и экономических условий в последнюю эпоху в сравнении с условиями чисто физическими, мы, тем самым, даем объяснение одновременному сосуществованию в одном и том же обществе столь различных классовых идеалов; разнообразию направлений мысли в областях политики, нравственности и религии. Всякий класс, всякая, более или менее значительная группа, в силу установившихся на продолжительный период особенностей своего экономического, общественного и политического положения, вырабатывает свои особенные классовые идеалы, часто настолько противоречивые, что столкновение делается неизбежным.

Помимо различия идеалов классовых в современных, особенно больших государствах, выступают и различия идеалов расовых и национальных, как продуктов своеобразных условий многовековой стихийной жизни различных рас и национальностей. Между ними есть и такие, которые значительно отстали от современной культуры и цивилизации, или выработали цивилизации своеобразные. Пока значение общественных условий достигнет и у них той степени, какую оно имеет среди народов нашей цивилизации, пока европейская цивилизация не преобразит и их экономическую и общественную жизнь по своему плану, пройдет много времени и до той поры с их идеалами придется считаться.

Прейдя к заключению, что народный идеал есть единственный надежный и законный показатель курса, в виду такого разнообразия классовых и расовых идеалов, мы должны спросить себя: что же составляет идеал народный для данного государства? На этот вопрос можно ответить без колебаний: народный идеал есть идеал большинства как в расовом, так и в классовом отношении. Для западной Европы таким идеалом большинства все более и более делается идеал пролетариата.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Для России народным идеалом является идеал славянского крестьянства, составляющего не менее 70% населения. С прибавлением к нему крестьянства финских племен, которые и по духу своему и по

экономическому и социальному положению мало чем отличаются от русского, процент этот возрастает еще больше.

К счастью классовое положение крестьянства мало разнится от положения пролетариата, почему можно надеяться на более или менее полное слияние этих двух народных масс в одном экономическом и политическом курсе. Современные события все больше и больше подтверждают основательность такой надежды.

Если исключить более или менее уродливые идеалы сравнительно небольшого класса людей, выросших поколениями в паразитных условиях оранжерейно – классовой жизни; идеалы, не только противоречащие, но и несовместимые с идеалом крестьянства пролетариата, – останется не мало народов (говоря о России) с более или менее отличным курсом. Что же делать с ними? Неужто подводить их насильно под формулу большинства?

– Конечно нет. Их идеалы столь же законны и единственны для них, как и общенародный идеал для большинства. Не они виноваты, что тысячелетиями жили и еще живут в других условиях. Если некоторые из них отстали или уклонились от общеевропейского курса, – им надо дать время и средства догнать нас. Даже если бы насильственное поведение...

...Немецкой буржуазии нужен наш рынок, немецкому дворянству и бюрократии наша земля. Все они дорожат уже приобретенной русской короной.

Только слепые кроты в подполье могут не видеть этого.

Что значит очутиться юнкерско-немецкой колонией знает всякий, кто дал себе труд проследить поведение этих узкобых рыцарей стального кулака в познании, прибалтийских губерниях, африканских, азиатских и тихо-океанских колониях, хотя бы по периодически повторяющимся дебатам в рейхстаге, в которых роль прокурора играет героическая фигура старика Бебеля.

Но, если в виду этой реальной опасности, отчленения чуждых или уклонившихся от общенародного русского идеала, национальностей несвоевременно, если подведение их под наш собственный знаменатель нелепо, что же остается?

Останется одно: найти, выработать такую формулу, которая не только не расчленяла бы и не вносила розни в русское государство, а, наоборот, снесла бы все обветшалые и искусственные перегородки, слила бы его в еще более твердый и закаленный стальной

кулак, чем кулак немецкого юнкерства; такую формулу, которая обеспечивала бы навеки свободное самоопределение всех, составляющих Россию народов, волю и простор каждому следовать своему нарушая крепкого государственного единства. Только одна формула вполне отвечает всем этим требованиям:

Последовательное демократическое союзное государство.

Такое народовластное государство противопоставляется всем формам государственного устройства, построенным сверху и основанным на власти единиц (самодержавие), классов (бюрократы, плутократия) и кого бы то ни было кроме самого народа.

От буржуазной демократии оно отличается последовательным проведением демократического начала не только в экономическом отношении, но и в отношении физической силы.

Оно совмещает в себе демократизацию не только форм но и самих фундаментов.

Отправной, исходной точкой его служит автономная, самоопределяющаяся человеческая единица, которой возвращается право управлять собою единолично во всем, что не касается интересов других единиц. Во всем же затрагивающем интересы нескольких или многих, право судить и решать коллективно со всеми заинтересованными на основании прямой, тайной и равной подачи голосовать. Пропорциональное представительство, право отзыва представителей, во всякое время, право наказа им, прямое народное законодательство (референдум), по мере усовершенствования техники голосования и демократического воспитания масс, входят в его программу как существенные и необходимые коррективы выражения коллективной воли.

Признание человеческой единицы автономной, признание за нею право ведать самой все лично до нее относящееся, устраняет все, уже отжившее свое время и тем не менее вносящая рознь и смуту в среду граждан, перегородки: национальную и религиозную. Как перед судом, так и перед последовательным демократическим государством, граждане всех национальностей и религий равны, так как религия и национальность есть дело частное, дело личности.

Последовательное демократическое государство есть государство наднациональное и надрелигиозное.

Из демократического начала логически вытекают следующие пять основных требований, обеспечивающих личности каждого гражданина ее автономность:

1. Право политического голоса (демократизация власти).
2. Право на власть над землей (демократизация земли).
3. Право на долю распоряжения экономическим наследством; материальными богатствами, оставшимися от трудов прошлых поколений (демократизация орудий производства).
4. Право на наследство духовное, – всеобщее обучение, – (демократизация знания).
5. Право на равную долю физической силы, – всеобщее вооружение, – (демократизация военной силы).

Не следует воображать, однако, что все эти требования находятся в одной плоскости. Осуществление каждого из них полностью потребует времени, и времени не одинакового по различным статьям; не потому чтобы все это не могло быть осуществлено на практике в самом непосредственном будущем, а потому чтобы все это не могло быть осуществлено на практике в самом непосредственном будущем, а потому что для реализации как каждого в отдельности так и всех вместе требуется сознание необходимости всем народом – демократическое воспитание. Необходимо же такое сознание уже потому что только сам народ может быть инициатором и орудием осуществления таких начал. Если бы нашлась вне народа, на земле или на небесах, какая-либо внешняя благодетельная сила, которая декретировала бы и принудила ввести их в жизнь, и тогда известная часть их или осталась бы мертвой буквой, или повела бы к отрицательным и нежелательным результатам вроде Вандеи и русских картофельных бунтов.

Что касается чисто объективных препятствий в частности, например невозможности одновременной с землей демократизации промышленных средств производства, которая единогласно допускается всеми партиями, они кажутся нам сильно преувеличенными...

Что бы не вытекало естественно из основных начал, не представляло логически научного вывода из одной общей идеи: идеи народовластия. Это своего рода строго выдержанная, отвечающая всем требованиям современного государства, система динамического равновесия для миллионов человеческих суверенных единиц

и их сочетаний, для молекул и атомов. Экономически, политически и юридически это ряд демократических, республиканских организаций разных категорий, обнимающих друг друга. Ядром, клеткой, минимальной величиной, является община или промышленная артель, находящаяся в самом центре. Ее окружает волость, в свою очередь, обнимаемая уездом, губернией и, наконец, союзным государством, Это – ряд заключающихся друг в друге концентрических колец или сфер, построенных по одному плану, каждая с соответствующей, определенной юрисдикцией коллективных интересов.

Главное достоинство системы – в ее эластичности, растяжимости, следовательно, в приспособляемости ко всяким условиям как времени, так и места и в способности к правильному органическому росту и развитию по мере прироста населения.

Здесь нет опасности окаменения формы, в которой бы задохлось содержимое – жизнь, каковы бы ни были ее объем и количество. Система одинаково применима как к единичной общине или артели, состоящей из сотни – другой семейств, так и к целой отрасли промышленности, к отдельной стране (России, Германии) и даже ко всей Европе. По этому, а не другому плану выстоятся раньше или позже как Россия, так и общеславянский, общегерманский, общелатинский, а позднее и общеевропейский великий Союз.

Система эта, будучи наднациональной и надрегиональной, не только вмещает с одинаковым удобством всякие этнографические единицы, обеспечивая за ними полностью право самоопределения, но в некоторой, небольшой пропорции может принять в себя и демократически недовоспитанные области и народности, постепенно, так сказать, переваривая их в своем здоровом демократическом желудке. Такие народности постепенно приучаются к демократическим идеалам на практике. Вначале они могут быть выделены в особую группу «территорий», с назначаемыми центральным союзным правительством губернаторами, удовлетворяющими монгольскому вкусу получать директивы свыше. Постепенно и эта, центрально-местная власть может быть поставлена в зависимость и ответственность перед народом своей территории.

Не менее эластичной окажется система и относительно прироста населения.

Между густотой населения и формами экономической, политической и общественной организации существует известное от-

ношение. Чем больше число людей, живущих на данной территории, тем совершеннее должна быть эта организация, чтобы удерживать человеческие атомы в удовлетворительном состоянии динамического равновесия. Трудно представить себе число людей настолько большое, которое не могло бы устроиться на известной территории удовлетворительно при достаточно совершенной организации и даже нынешних только, уже превосходящих потребление силах. А силы эти ведь всё растут и растут и по мере накопления знания, усовершенствовании орудий и методов производства, равно как и организации человеческого общества.

Размножение населения пока составляет явление стихийное, стоящее вне человеческого разумного воздействия. Экономические и общественные формы должны следовать за ними шаг за шагом, чтобы избежать социальных бедствий и катастроф вроде голода, войны, поварных болезней и т. п.

Когда приходится кормить двоих или троих там, где раньше кормился один, волей-неволей надо задуматься не только об увеличении производительной силы, но и улучшении общественного строя.

Таким образом, при нормальных условиях размножение населения является важным фактором и главным стимулом прогресса общественных и экономических форм жизни.

Каким образом некоторым странам, например Франции, удаётся остановить рост своего населения, ещё далеко не ясно, но во всяком случае – (вне последовательно демократической формулы) – это единственный выход из затруднения; единственный способ примирить необходимость застоя с относительным благосостоянием, когда по тем или другим причинам, улучшение общественных форм встречает временное или постоянное затруднение.

Не так в Китае, Индии, России, где население продолжает увеличиваться более или менее быстро. Что делать с приростом населения, неумещающим на данной территории и при данных, застывших общественных формах?

Все другие системы государственного устройства: феодально-полицейская и капиталистическая неизбежно поставлены в следующую альтернативу:

Или расширять территорию эмиграцией, военным или экономическим завоеванием (рынки), или – отдавать страну в жертву пе-

риодическим катастрофам: голоду, войне, эпидемиям, уничтожающим избыток населения.

Только последовательно демократическая система, освобождающая из цепей опеки творческий гений и силы целого народа, повышением производительности труда и усовершенствованием общественной организации, способна обойти все эти беды: как территориальные завоевания, так и стихийные катастрофы. Благодаря бесконечной эластичности своей формулы, она может, без понижения культурного уровня уместить практически неопределённое количество населения на той же территории.

Только в последовательно демократической формуле исчезнет разница между обществом и государством, общество сольётся с государством, потому что государственная власть сделается общенародным достоянием.

КОРНИ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Но где же те данные, на основании которых можно верить, что демократические начала представляют идеал славянского крестьянства, что это будет нормальной формой политического уклада русской жизни?

Примеры Сечи Запорожской, Некрасовских Казаков, поселившихся на турецкой территории, Желтухинской республики, сектантских общин, не говоря уже об общерусской сельской общине и промышленной артели, указывают, что всякий раз, когда русский человек очутится вне сферы влияния опекающего его начальства, когда. По воле судеб, ему представляется возможность творить самому, он, подобно бобру, строящему свою плотину всё по одному плану, подобно птице, одинаково устраивающей своё гнездо, неизменно возвращается к началам демократической республики.

Одним из самых неотразимых аргументов против политического самодержавия в глазах крестьян является перенесение идей наследственной неограниченной власти в сферу земледельческой общины.

– Представьте себе, говорит им современный пропагандист, что старшина у вас не выборный, а назначенный начальством. Представьте себе, что его воля – для вас закон; что он может делать с вами что хочет. И ещё представьте себе, что не только он сам не

сменяем, но что ему в должности старшины наследует его сын, а сыну внук? Как вам это понравится?....

И этого достаточно. Больше никаких доказательств не требуется, так как при перенесении той же идеи абсолютизма из практически неведомой и мало интересной общегосударственной области в яркое поле, освещённых демократическим сознанием, близких, реальных и непосредственных интересов общины, идея эта каждому крестьянину представляется во всей своей чудовищной нелепости.

Но главным основанием нашему верованию в демократические идеалы русского крестьянства является первоначальный вечеровой уклад русской жизни. Когда народ русский ещё был свободен сам создавать формы своей общественной жизни, чувство гражданского равенства, гражданской справедливости выразилось именно в вечеровых, республиканско-демократических, а не других началах. Эти чувства и вытекающие из них принципы являются унаследованными, преемственными, нормальными и основными для русской национальности. Республиканская форма – единственно естественной, соответствующей совести, инстинктам и понятиям русского человека.

Разбор вопроса откуда, при каких экономических условиях, при каких условиях среды вообще, развились эти демократические чувства среди славянского крестьянства завёл бы нас слишком далеко в сторону. Мы увидели бы, что образчиком, прототипом государственного устройства при нормальных условиях является патриархальная, связанная узами кровного родства, семья: «задруга», «братство» (у южных славян), «вервь», (у русских), в которой представитель, хозяин – выборный и не всегда старший. Что высшая власть в такой семье принадлежит однако не ему, а общему собранию всех взрослых членов, включая и женщин. Этому собранию хозяин отдаёт отчёт и представляет решение наиболее важных вопросов.

Мы увидели бы, что такая коммунистически хозяйственная, родственная, демократическая единица вовсе не представляет привилегии славянского племени, а является общей начальной формулой жизни, если не всех, то очень многих народов: немцев, кельтов, американских индейцев и проч. И проч.; что это просто первый естественный этап развития человеческого общества, за

которым, на тех же началах, возникают следующие, всё более и более крупные организации: род, племя, союз племён и, наконец, государство.

Фр. Энгельс (Фр. Энгельс: Происхождение семьи, собственности и государства. стр. 90 немецкого издания 1892 г.) выражается об родовой организации на этих началах следующим образом:

«При всей своей детской простоте, какая это чудная организация! Ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, ни дворянства, ни королей, ни заместников, губернаторов и судей. Без тюрем, судебных процессов всё идёт своим установленным обычаями порядком. Все споры и недоразумения разрешаются сообща теми, кто в них заинтересован: род или племя или союз племён. ... Все равны и свободны, даже женщины».

И весь секрет успеха заключается в последовательном, хотя и стихийном, применении демократической, описанной выше формулы, в строительстве снизу вверх, а не сверху вниз.

В патриархальной семье, роде, племени и союзе племён, обнимающих подобно концентрическим сферам друг друга, нельзя не видеть той же описанной выше системы, где ядром является община, которую обнимает волость, затем уезд, губерния и, наконец, союзное государство. Вся разница лишь в различном масштабе и в том, что здесь основой организации является не кровное родство, а гражданская, территориальная солидарность.

Почему же демократически-родовая система, бывшая точкой отправления общественной организации почти повсюду, где жили и живут люди, в организацию политическую перешла лишь отчасти и лишь в немногих государствах: Швейцарии, Соединённых Штатах Америки. Причины её падения в дальнейшие периоды надо искать не в изменении народных идеалов, не в субъективном, а в объективном факторе, во внешних условиях чисто стихийного характера, которых народ оказался не в силах ни обойти, ни превозмочь.

Стихийное развитие условий и требований среды опередило органическую эволюцию человеческой психологии

Демократические начала одинаково применимы как при родовой, так и при гражданско-территориальной связи, как при простом, так и при сложном строе общества. Если бы люди сознательно направляли свою историю, устраивали свою жизнь по своей во-

ле, не было бы ничего легче как приложить те же начала и к новым условиям.

В процессе стихийном это оказалось невозможным.

Непосредственные причины разрушения родового быта и родовых связей, а с ними и родовой демократии у разных народов были различны. Между ними можно указать на усложнение общественных отношений, требовавшее более сложной и совершенной представительной системы, демократической машины, которая ещё не была, так сказать, изобретена; могла выработаться лишь путём долгой последующей эволюции. Увеличение производительных сил, накопление богатств, появление денег замена натурального хозяйства товарным; другая новая дифференцировка: появление классов, неизвестных при родовом быте. Наконец, – завоевания внешние (чужеземцам) или внутренние (одних племён и классов другими).

Анализ всех этих явлений увлёт бы нас слишком далеко в сторону. Поэтому удобнее будет ограничиться примером России и сузить вопрос:

Почему демократически-вечевая Россия не превратилась, путём естественного развития и последовательного проведения народных идеалов, в современную, союзно-демократическую республику, на манер Соединённых Штатов Америки?

Отношение Вечевого строя к современному демократическому можно уподобить отношению цветовой почки к развитому, совершенному цветку. Во всякой такой почке в зародыше, в недоразвитом состоянии заключатся все элементы цветка. Ей, при стихийном развитии, необходимы только время и соответствующие физические условия: свет, влага и питание, чтобы превратиться в цветок. Однако далеко не все цветочные почки делаются цветками. Очень многие погибают, не распустившись ещё, в зачаточном состоянии, благодаря враждебным условиям среды: холоду, недостатку питания, гусеницам и другим паразитам.

Вечевое устройство не есть современная демократическая республика. В нём нет ни сложной системы выборов, ни парламентов, ни ответственных министерств; одним словом, нет той сложной, вырабатывавшейся веками представительной системы, характеризующей современное демократическое государство. Нынеш-

ний представительный механизм, подобно паровой машине или ткацкому станку, есть продукт долгой эволюции.

ИСТОРИЯ БОЛЬШОЙ ДУБИНЫ

Посмотрим же кем, как и когда естественное развитие вечевых форм в демократическую республику было нарушено в России.

Стихийная история всякого народа в главных чертах уже наперёд определяется физическими, топографическими и географическими условиями страны, в которой ему приходится жить.

Россия вечаемого периода представляется громадной равниной, лишённой естественных резких границ и открытой как с Запада, так и с Востока. Население очень редкое, разбросанное, пути сообщения самые несовершенные, главным образом – реки. Внутри нет естественных твердынь и крепостей, где бы люди могли отстаивать свою свободу от внутренних и внешних хищников. При таких условиях всякое поселение живёт своей собственной, местной жизнью. Его связь с другими очень слаба. Обмен и общие интересы крайне ограничены. Живые сношения не только невозможны, но и не нужны. Коллективной мысли и тем паче коллективного действия практически не существует.

Как целое, такой народ беззащитен. Всякая организованная сила, всякая «большая дубина», откуда бы она ни появилась, извне или изнутри, легко делается хозяином положения, так как без труда может одолеть сопротивление по частям, одно за другим. К этому ещё надо прибавить родовую и племенную междоусобицу. По условиям родового быта «своим» ведь считались только свой род и своё племя. Всё, что стояло за этими границами, было или чужим или враждебным. Между различными племенами от времени до времени устраивались с определённой, всего чаще военной целью, союзы. Другими словами:– России, как политической, цельной единицы ещё не существовало. Большой дубине даже не было надобности «разделять», чтобы «повелевать». Народ был уже разделён и вследствие географических и физических условий, равно как и условий родового начала,– неспособен к быстрому объединению и энергичному сопротивлению в целом. Большая дубина явилась в XIII столетии в виде монгольского завоевания и хозяйничает в России и по сие время.

Освободиться от монголов можно было только одним способом: выставив против них их же оружие – централизацию власти.

Только централизованная власть могла объединить Россию и противопоставить её, как целое, уже деморализованной и распавшейся Золотой Орде.

Объединение совершено было московскими великими князьями; монголы изгнаны, но большая дубина осталась; она только перешла в руки этих самых князей. Из их рук она не выходила до половины XVIII столетия, до той поры, когда Петру I-ому вздумалось пересадить на русскую почву немецкую бюрократию, даже не переодев её в русское платье. У кормила русского корабля не только утвердилась немецко-юнкерская династия, но и высшая бюрократия из юнкеров Голштинии и остзейских баронов. Так как бароном всегда управляют лакеи, то и эта свора придворных льстецов и холопов скоро сделалась фактическим хозяином положения. Окружив царей тесной толпой, они заставили последних на всё смотреть своими глазами и всё делать их же руками. Да это и не трудно было: сами цари были немецкими юнкерами, плоть от их плоти и кровь от крови их.

Уже при Анне Иоановне Россией управлялся конюх и любовник Бирон, канцлер Остерман, Фельдмаршал Миних и министр двора – Левенвальд. Уже при ней слышится вопль русских: «все ныне овладели иноземцы. Бирон взял силу и государыня без него ничего не сделает. Немцы почитают нас хуже собак. Пропавшее наше государство».

В 1761г. выписывается из Голштинии и вступает на русский престол под именем Петра III-го КАРЛ-УЛЬРИХ ГОЛШТИНСКИЙ – формальный основатель ныне царствующей династии якобы Романовых. Он ни слова не знает по-русски и ненавидит Россию. Тотчас по вступлении приступает к выполнению своей любимой мысли: окружить себя немцами и ввести в ненавистной ему России немецкие порядки. На русских он смотрит как на прирождённых холопов, с которыми стесняться нечего. Он отдаёт назад прусскому королю все завоеванные у него русскими области. По случаю заключённого им же обидного для России мира, устраивает во дворце торжественное празднество. Во время праздника он падает на колени перед статуей прусского короля и заявляет, что как Голштинский принц он считает себя его верным слугой. Надевши

на себя прусский мундир, переодевает в прусские мундиры всю гвардию и назначает фельдмаршалом русских войск своего дядю Голштинского принца Георга. Затем объявляет поход всей русской армии в Данию, чтобы отвоевать у неё для Пруссии спорные Голштинские земли.

Неизвестно чем бы всё кончилось, если бы собственная жена этого Голштинского выроodka не придушила его рукою своего любовника Орлова. Эта жена была немецкая принцесса София Фредерика Августа, вступившая на престол русский под именем Екатерины II-й.

И так продолжалось при Павле, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III, вплоть до неблагополучно царствующего ныне Николая II-го с его министрами: фон Плеве, фон Витте, Ламзфордом и проч. Фон Плеве ещё недавно позволил себе выразиться что «в России нет ни общества, ни общественного мнения, а есть русский народ, который, как стадо, пойдёт туда, куда его погонят и ещё спасибо скажет».

И так стихийная «большая дубина», разрушившая русский вечерней демократический строй, явилась из Азии, из монгольских рук. От них перешла к московским царям, которые и передали её в руки немецкого юнкерства. В этих руках находится она и по сие время.

За эти восемь веков, вопреки народным демократическим идеалам, были внесены в русскую жизнь два чуждых ей начала: монгольско-азиатское самодержавие и немецкий бюрократизм, как естественное и неизбежное к нему дополнение, для управления сверху всё более усложнявшимся внутренними отношениями растущего государства.

Идея централизованной единичной власти, монгольский идеал, был навязан русскому народу не прямо, а непосредственно. Россия, как мы видели, была вынуждена к централизации необходимостью освободиться от иностранного нашествия. Раз возникшая централизованная власть не обнаруживала, конечно, никакой тенденции ликвидировать само себя. Ликвидировать её мог только сам народ своим коллективным дружным почином и действием, основывающимся на коллективной мысли и естественном стремлении следовать своему собственному демократическому курсу. Но те же условия разбросанности и редкости населения, при прими-

тивных путях сообщения и отсутствии представительной системы, которые допустили монгольское завоевание, делали невозможной и эмансипацию низов от узурпировавших власть верхов.

Выше мы уже высказались, что изменения объективных условий в широком смысле, т.е. включая и размножающееся население и установившиеся стихийно изменяющиеся формы общественной жизни, являются начальным фактором прогресса, что субъективные идеалы, потребности и мысль следуют за ними, а не предшествуют. Здесь мы можем прибавить, что вследствие органической структуры человеческой природы и вытекающего из этого консерватизма и инертности её, особенно резко выражающейся в народных массах, субъективный фактор не только следует, но и имеет склонность отставать от изменяющихся условий среды. Приспособляемость человеческой природы, как тела, так и духа очень ограничена. Как продукт длительной эволюции, человеческий организм не может и естественно не хочет быстро и радикально изменяться, как этого иногда требует радикальное изменение условий. Время и постепенность представляются существенными для органических изменений, для перехода объективных требований среды в субъективные идеалы.

В этом мы видим основную причину возникновения строительства сверху вниз путём насилия; причину возникновения так называемого государства среди общества, отдельной от воли народа, стоящей вне его государственной власти. Наиболее выдающиеся энергетические, талантливые люди, люди почина, сначала по доверию и молчаливому согласию, берутся за дело требуемой объективными условиями организации, позднее, опираясь на уже организованную машину, они представляют себе эту временную и условную власть как неотъемлемое и даже наследственное право. В дальнейшем своём курсе они перестают руководствоваться общим благом и подставляют на его место своё собственное, личное, семейное, династическое, классовое. Требуются долгие периоды пока обнаружится эта подмена, пока ложь и общественный вред нового курса не дадут себя остро почувствовать всему народу, пока логическое развитие ложного начала и построенной на нём ложной системы не приведут её к естественному банкротству. Государство перерастает и садится на шею обществу; вместо органа делается целым, вместо вспомогательного орудия превращается в

вреднейшю и опаснейшю помеху дальнейшему общественному развитию. Хвост начинает махать собакой и собака чувствовать, что «так дальше жить нельзя».

Тогда снова выступают на сцену во всей их непримиримости два начала: низы и верхи, строительство снизу и строительство сверху, планы и курс которых диаметрально противоположны друг другу.

Таково именно положение нынешней России.

Влияние монгольского завоевания на русский исконный родовой строй к сожалению не ограничивалось вышеизложенным. Монголы оказали и непосредственное воздействие на самые народные идеалы. Этнографическое смешение, особенно в соседних с территорией Золотой Орды и Крымского Ханства областях монголизировало славянское население, а, следовательно, и наследственные политические идеалы. Нам кажется, что идеалы эти столь же наследственны как и выдающиеся скулы и косые глаза. Нынешние черносотенцы, а именно искренний, не подкупленный личными и классовыми интересами, элемент их, – кровные потомки и родственники монгольских завоевателей, хотя и называют себя «истинно-русскими людьми». Мы уже не раз высказывались в том смысле, что если бы нарисовать карту России в два цвета, изображающие с одной стороны области с преобразованием искреннего черносотенного элемента, а с другой с монголизированным населением, то обе карты оказались бы тождественными.

Нынешнее столкновение монархических и демократических идеалов в народе есть в значительной степени лишь этнографическое столкновение двух различных рас.

Итак, в эпоху монгольского завоевания мы находим объективные условия: редкость и разбросанность населения по огромной территории, невозможность мыслить и действовать сообща, одинаково неблагоприятные как для отражения внешнего врага, так и для дальнейшего самостоятельного роста и организации демократического общества.

С другой стороны в психологии русского человека мы видим демократические начала господствующими, демократический идеал, выросший на вечевом устройстве, свежим и могущественным.

Дальнейшая история России представляет обратный процесс: чем дальше (особенно с XVIII столетия), тем благоприятнее для де-

мократического государства слагались объективные и тем хуже субъективные условия.

Чем дальше, тем больше росло и концентрировалось в городах население, улучшались пути сообщения. Условия, общественная связь и интересы всё увеличивались, возникала постепенно почва для общественной мысли и коллективного действия. С Екатерины II-й темп этого роста общественной солидарности и мышления получает новый толчок в возникновении печати – (явление огромной важности). С возникновением печати видим и первые жертвы её конфликта с деспотическим государством:– Новикова и Радищева.

За печатью следуют: почтовая организация, шоссейные, а позднее и железные дороги, телеграфы,– новый важный этап благоприятных условий для коллективной мысли и не русской только, а общеевропейской.

Жизнь всё усложняется, коллективная мысль и демократическое движение растёт. Оно выражается в постоянно повторяющихся заговорах, неизменно кончающихся неудачами. Число жертв освободительного движения из царствования в царствование всё растёт.

В последние два царствования к этому прибавляется факт быстрого роста крупного машинного производства, объединяющего пролетариат под крышами больших заводов. Очутившись в наиболее благоприятных для единения, для мышления и действия сообща, условиях, этот класс быстро занимает передовую позицию в борьбе за демократические начала. Его поддерживают такие же пролетарии железнодорожной, телеграфной и почтовой службы. После неудачной японской войны коллективная мысль окончательно утверждается. Союзы профессиональные, политические, экономические растут как грибы после дождя и организационные способности русского народа дают себя знать в грандиозной всеобщей забастовке. Экзамен демократической правоспособности был сдан блестяще. В первый раз за 800 лет были реализованы условия для действительного гражданского и политического единения самых низов. Организованный в единую, одушевлённую общим демократическим идеалом силу, народ выступает лицом к лицу с узурпировавшей его права, вооружённой большой монгольской дубиной, бюрократией.

Для того, кто понимает грозную стихийность этого многовекового процесса, не может быть сомнений на чьей стороне окажется победа.

Параллельно с кратким учётом изменений объективного фактора сделаем и учёт изменений субъективного: массовой политической психологии русского человека за долгий период господства большой дубины.

В эпоху монгольского нашествия Россия в сущности была «государством» в объёме населявших русскую территорию славянских и финских племён. Это был скорее агрегат не только отдельных никакими общенациональными или общетерриториальными интересами не связанных между собой племён, но и зачастую находившихся во враждебных отношениях. Племенная связь была родовой, основанной на родственном происхождении, родовом начале. Всё, что было вне данного племени, уже рассматривалось как чужое и даже враждебное. Отсюда междуплеменная междоусобица, бесконечные споры и частые войны, основой которых были не столько столкновения действительных интересов, сколько простое желание поживиться насчет соседа в форме продолжительного взимания дани. Чувство племенной солидарности было максимум общественного чувства в смысле количества обнимаемых им человеческих единиц. Внутри самого племени связь между отдельными родами и составляющими их общинами была тоже слабая. Как и в западноевропейских феодальных государствах всякая община жила своей собственной жизнью и только внутри её чувство общности интересов достигало высшего выражения.

Как ни интенсивно было то чувство и выросшие из него демократически-вечевые начала в качественном отношении, – в количественном они были очень ограничены и, как уже сказано, не распространялись дальше пределов времени.

С монгольским завоеванием и вызванной им организацией государства возникшие впервые междуплеменные, областные и общегосударственные интересы сразу узурпируются князьями. Они являются единственными хозяевами в этой области. Не общины и племена ведают эти интересы на демократических основаниях, а состоявшие из князей и их приближенных верхи.

За князьями малыми следуют великие, за ними московские цари и петербургские императоры с их бюрократией, но власть по-

литическая, межобщинная, областная и общегосударственная остаётся неизменно изъятой из ведения самого народа. Ему оставляют его демократию до некоторой степени в самой общине (да и ту всё больше и больше урезают до пределов нынешней общинной юрисдикции), всю же остальную ревностно оставляют в своих руках.

Только неудачная Крымская кампания заставляет расширить (да и то на короткий период и больше формально чем действительно), демократическую юрисдикцию народа до губернского земства, включительно. Таким образом, над русским народом устанавливается и в течение восьми столетий сохраняется самая строгая политическая опека. Он до некоторой степени свободен знать и ведать свои личные интересы, интересы своей семьи, своей общины, но ни шагу дальше. Во всей остальной жизни ему предоставляется только право жечь плошки, совершать молебны и аплодировать действиям начальства, каковы бы они ни были. Знать и ведать всё остальное, исключительная привилегия начальства.

Откуда же при этих условиях могло бы взяться чувство не только общегосударственное, обнимающее все, прикрытые крылом хищного двуглавого орла области и народы, но даже простое, здоровое, национальное общерусское чувство? Всякое чувство основано на тех или других интересах. Чувство солидарности на солидарности интересов. Раз эти интересы изъяты из области не только нашего воздействия, но и нашего ведения и отданы в распоряжение кому-то другому, откуда может взяться то, что называется патриотизмом, национальным ли или общегосударственным? Недостаток этого чувства среди русских в сравнении с другими народами к несчастью представляет явление несомненное.

Русский думает и заботится о себе, о своей семье, о своём селе. Уже свой уезд и губерния являются для него чем-то неясным, недостаточно определённым, понятие же о России как о целом ... слишком отвлечённое для сердца понятие. Да и с какой стати отводить какой-нибудь Бухаре или Манчжурии место в этом сердце? Уж не потому ли что бюрократии угодно было пристегнуть их к Русскому государству? Если в некоторых слоях национально-русское и общегосударственное чувства сохранились, то лишь вопреки вековой политике верхов, благодаря школам, печати, возникшим в новейшую эпоху,

несмотря на враждебное к ним отношение правительства. Но много ли русских людей находятся под их влиянием?

В понятиях большинства общегосударственные и национальные интересы отождествляются с теми институтами и лицами, которые их ведают. Как поп и церковь сделались воплощением религии, так Царь, Казна, Начальство – воплощением национальной и общегосударственной идеи.

Таким образом, господство большой дубины помешало естественному росту демократических идеалов и чувству солидарности вширь, из общинно-родовых и племенных в национальные и гражданские общегосударственные. Сужение сферы самоуправления в самой общине, передача важных общинно-демократических функций помещикам и администрации не могла не повлиять и в глубь, не отразиться на самой интенсивности демократических идеалов и на способности к самопомощи. На таком узком поле они не могли пустить не только широких ветвей, но и глубоких корней.

Веками воспитанная привычка ожидать всякого почина в общественных делах сверху внесла гражданский и политический разврат в массы населения всех народностей.

Всякое естественное единение низов всегда было кошмаром для верхов. Последние не только мешали ему изъятием всех общих интересов из сферы веления народа, но сознательно или бессознательно старались всячески разъединить, чтобы иметь возможность легко натравлять одну часть населения на другую. Какие перегородки не разделяют нынешнюю Россию? Национальные, религиозные, сословные, классовые, образовательные, имущественные, вплоть до табели о рангах! Бюрократия так пеклась о собственном благе, что позабыла о существовании соседних государств, в столкновении с которыми такая Россия вместе с царями и министрами осуждена на гибель.

Если, при всех этих ужасных условиях, демократические идеалы ещё живы, если способность к объединению через все перегородки, способность к самопомощи и организации низов ещё не иссякла, этим мы обязаны только глубине и прочности фундаментов, заложенных в душу славянского крестьянства до-монгольским родовым демократическим строем.

Таким представляется нам нынешнее положение, в связи с прошлым. Мы видим, что объективные условия крайне благопри-

ятствуют превращению России в союзное, последовательно-демократическое государство. Более того,– мы увидим, что чем дальше, тем благоприятнее делаются эти условия.

Что касается субъективного фактора– психологии основного элемента населения, славянского крестьянства и вышедшего из него промышленного пролетариата, то, несмотря не многие века уродливых условий, он ещё достаточно свеж и крепок, чтобы не только не служить тормозом возникновению демократического строя, не только играть роль могущественного побудительного фактора в его создании, но и оставаться верным показателем курса.

Но кроме точки зрения прошлого, есть ещё точка зрения будущего. И она составляет самое главное. Не потому только Россия должна быть последовательной демократией, что к этому ведёт её прошлая эволюция объективных условий и народной психологии, а ещё и, притом главным образом, потому что будущее государство мыслимо и возможно только как последовательная демократия. Россия, каково бы ни было её прошлое, должна удовлетворить требованиям будущего. Те требования представляют категорические императивы в международной борьбе за существование.

– Или приспособляйся, или погибни, потому что все неприспособленное обречено на гибель, говорят они.

Печатается по:

Др. Николай Руссель. Последовательная демократия. Ногасаки.1907.

ЗАВИТНЕВИЧ ВЛАДИМИР ЗЕНОНОВИЧ

(1853 – 1927)

Степень и характер влияния личности на ход истории обуславливается объёмом и характером его дарований, силой проявленной энергии и главное всего – сферой жизни, в которой проявляется его деятельность.

В.З. Завитневич

Имя археолога и историка Владимира Зеноновича Завитневича долгое время было неизвестным в Беларуси, его знали лишь историки. В последнее десятилетие оно вырвалось из закрытой сферы церковного служения и стало предметом исследования. Ему посвятил свои статьи профессор–историк В.Н. Черепица, о нём издана книга экономиста и краеведа В.Н. Киселёва, в которой освещена его биография и многогранная творческая деятельность, в основном в церковно–религиозной сфере. Автор, видно, не ставил своей задачей показать Завитневича как политического мыслителя, однако затронул исследуемую им социальную проблематику. А ведь его статьи, отражающие важнейшие проблемы политической истории, сделали его имя особенно значимым и популярным.

В.З. Завитневич живо интересовался положением народа, интеллигенции, исторической судьбой страны, развитием государства на разных этапах, деятельностью государей и учёных. Приходится лишь удивляться, откуда у него, богослова, такие глубокие и всесторонние познания политики, русской и европейской культуры.

Судьба Владимира Завитневича непохожа на судьбы многих образованных белорусских юношей второй половины XIX века, мечтавших жить по высоким нравственным идеалам, быть нужным своему народу и обществу. У него был свой жизненный путь между Сциллой и Харибдой, между религиозной философией и светской наукой, между прекрасными порывами и мрачной действительностью. Преодолевая социальные и мировоззренческие трудности, поднявшись к вершинам общеевропейских знаний, он оказался способным осветить и осмыслить многие вопросы международной жизни, российской истории, политики, деятельности государства и его императоров, затронуть такие струны идеологии и нравственно–духовного состояния народа, которые и сегодня болезненно звенят, угрожая мирозданию.

Владимир Зенонович Завитневич родился 2/14/ апреля 1853 года в деревне Литвяны Минского уезда, теперь Узденского района Минской области в семье потомственного священнослужителя. Жизнь нашего земляка впечатляет своей значимостью человека научного поиска, самобытностью своей религиозно–философской и политической мысли конца XIX– начала XX столетий в России.

В наше сложное и противоречивое время мы не случайно обратились к идейно–теоретическому наследию В.З. Завитневича: с одной стороны, он – видный церковный деятель, пропагандист духовно–нравственных ценностей, а с другой – талантливый учёный–историк, проявивший неослабевающий интерес к вопросам политической жизни и государственного управления России, исконно русским и западноевропейским политическим идеологиям.

Несомненно, от него можно ожидать искренности, непредвзятости, научности и состоятельности суждений. А это представляет огромную ценность.

Детство Владимира до семи лет проходило в Литвянах, а потом в местечке Койданово, куда отца перевели в Покровскую церковь. В этих тихих местах в сердце мальчика входили белорусские слова и сказки, красивые образы родной природы, настроения и грустные песни местных крестьян.

Отец усердно, бескорыстно служил церкви, православию, прихожанам, был удостоен ордена св. Владимира 4-й степени, что давало право на сопричисление его и потомков к дворянству, к учебным заведениям. Мальчик всей душой тянулся к священнописанию и книжным светским знаниям. В Койданово он закончил низшую школу и поступил в Минскую духовную семинарию, где изучал литературу, логику, философию, церковную и гражданскую историю. Семинария обогатила его знаниями, способствовала раскрытию его умственных способностей и придала уверенность в своих силах. После её окончания Владимир Завитневич поступил в Петербургскую духовную академию на церковно-историческое отделение, где преподавали многие талантливые учёные. Ему очень повезло, что его учителем стал известный историк публицисту профессор Михаил Осипович, уроженец Гродненской губернии, превосходный педагог, знаток научной школы западно-русизма и славянофильства. Несомненно, профессор вызвал у него интерес к истории России, Беларуси, западноевропейских стран, а это в его будущем слишком много значило.

В 1879 году Завитневича направили в Польшу, учителем Варшавского духовного училища. Весьма многому научился он на Неве, теперь процесс познания продолжался на Висле, а вскоре, ещё более интенсивно, на Днепре. С юных лет всеми фибрами своей души он почувствовал, что знания ему нужны не сами по себе, не для аттестата, а для того, чтобы развить свои творческие способности, правильно мыслить и создавать свои аналитические труды: чтобы быть подобным на дерево, приносящее плоды.

В 1883 году В.З. Завитневич, успешно защитив магистерскую диссертацию, был избран доцентом кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии, с 1899 года – экстраординарным профессором. Одновременно преподавал историю в Киевском институте шляхетских девиц. Завитневич быстро освоился с новой обстановкой, разработал учебные лекции, обзавёлся друзьями. В Киеве он вошёл в группу белорусской интеллигенции: М.В. Довнар-Запольский, Е.А. Ляцкий, Д.М. Мейчик и другие, которая группировались вокруг газеты «Минский листок», изучала историю и этнографию Беларуси, экономическое положение белорусов. Он состоял членом исторического общества Несторо-летописца, Московского археологического общества и других.

Владимир Завитневич постоянно читал и анализировал произведения художественной литературы, правдиво и глубоко отражающей русскую действительность. Особенно хорошо знал творчество А.С. Пушкина, Адама Мицкевича, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя и других. Его не мог не заинтересовать гоголевский Хлестаков, пустой бесшабашный авантюрист, принятый в обществе за важного человека во власти. Историк написал статью «Религиозное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни», в которой показал состояние страха писателя перед будущим России.

Владимир Завитневич был уравновешенным, справедливым, глубоко мыслящим, способным передать свои знания, мысли словом, по ходу лекции студентам и на бумаге в форме статьи в журнале «Труды Киевской Духовной академии». Он всегда тяготел к самопознанию и осмыслению политических событий в быстро изменяющемся мире, в первую очередь в своей стране, в своей академии. Он

не остался равнодушным к тому, что происходило в стенах их учебного заведения. Анализировал борьбу «левых» студентов, требующих пересмотра академического устава. Он возглавил группу профессоров, пожелавших выйти на беседу с «бастующими». Он исходил из того, что основа воспитания молодёжи – неподдельная жизнь, такая как есть, и каждый поступок рассматривал с учётом социальных условий, места и времени.

Во время работы в академии В.З. Завитневич накопил множество разнообразных впечатлений, замыслов, связанных с учебным процессом, воспитанием учащейся молодёжи, преподаванием. Наш земляк учился и на житейском и интеллектуальном опыте. Он увлечённо изучал труды А.И. Герцена, А.Н. Радищева, М.Е. Салтыкова–Щедрина, В.И. Семевского, М.М. Сперанского, Н.М. Карамзина, французских учёных Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро и других. Эти историки, философы, писатели, к идеям которых он постоянно тянулся, во многом определили направление его политической мысли, несомненно, прогрессивной и самобытной. Вскоре он стал известным в научных кругах России.

С одной стороны, как учёный–археолог, исследовавший около 700 курганов дриговичей в 82 могильниках в Мозырском, Речицком, Бобруйском и других уездах, изучавший древне–русскую историю, В.З. Завитневич не мог не обогатить свои обширные познания элементами исторического материализма. А с другой, будучи профессором духовной академии, воспитателем будущих церковнослужителей, он не мог быть безразличным к идеализму. Он достойно служил Богу, православной церкви, осмысливая многие вопросы с позиции веры, любви к всевышнему. Он в чём–то следовал духовно–религиозным традициям, в русле которой мыслили С.Н. Булгаков, Н.М. Минский, В.С. Соловьёв и другие деятели культуры. Противоречия во взглядах историка Завитневича не случайность, а отражение тех невероятно сложных условий, в которые была поставлена российская общественная жизнь на рубеже двух веков. Поэтому в его трудах органически сочетается идеальное и реальное, и эти идеологические ценности не мешали ему вторгаться в мир жизненной правды.

Более всего в Завитневиче поражает его непрерывное тяготение к актуальным вопросам политики, жизнедеятельности государства и его правителей, развития просвещения и культуры. И на этом благородном поприще он вошёл в историю как неутомимый труженик, глубокий мыслитель–представитель гуманистических традиций, научной совести. Будучи собирателем политической идеологии, олицетворяющей мудрость социальной нравственности, он хотел вооружить народ путеводной звездой, несущей свет знаний и добра, творчества и полноценного блага. Нельзя укорять его, если у него не всё получилось.

Миропониманию В.З. Завитневича и всем его мыслям характерен дуализм, который признаёт идеальное и материальное двумя самостоятельными началами. Это раздвоение стало его способом восприятия жизни. Он не следует мрачному постулату поэта–философа Н.М. Минского «примириться с сумерками противоречий, для которых нет рассвета, и вкусив покой бессилия и смерти, оцепенеть душой»¹. В.З. Завитневич стремился разрешить многообразные жизненные противоречия, познавая научные знания и политическое пространство.

Существовая с Богом внутри, он не мог жить без общественно–политического движения, светского знания, общений с людьми, без собственной мысли. Владимир Завитневич – один из немногих белорусских мыслителей того времени, который оказался способным так глубоко говорить на политические темы. Он делает это на основе энциклопедических познаний, в русле духовно–исторической традиции, искренне и выразительно, и ему безоговорочно веришь. Веришь потому, что прикасаешься к выверенной оригинальной мысли, вытекающей из добросовестного анализа прошлого и настоящего, тех проблем, которые волнуют всех. Его мудрые идеи воспринимаешь как современные, его самобытная мысль становится как бы твоим знанием и твоим сознанием. И многое из его научных выводов вовсе не устарело, а подтвердилось, и будет служить людям нашего времени.

Свои убеждения В.З. Завитневич черпал не только из религиозной философии, но более всего из всей совокупности общественных отношений, из всего контекста жизни и собственного опыта. Поэтому в его обширном творчестве немало объектов исследования, значимых для России, европейского сообщества, всего человечества. Его оригинальные статьи высоко ценились, поскольку они тщательно разрабатывались, систематизировались и опирались на факты текущей политической жизни и достижения мировой политической мысли. Как истинный историк–мыслитель, он изучал сложные проблемы общественно–политических и международных отношений. Важнейшие из них: цель и смысл человеческого бытия, значение народа и личности в истории, западничество и славянофильство, понимание политики, государства и его деятелей, роль истории и историка в жизни общества, духовное состояние человека, банкротство ложных идей, роль идеала в воспитании людей и т.д.

Уже в своих первых трудах В.З. Завитневич обратился к истории, народной памяти, государственным деятелям и их оценке. В исследовании «Владимир Святой как политический деятель» (1888г.). Он показал огромную роль киевского князя Владимира в объединении русских земель, развития просвещения, разных форм жизни. При нём Киев был застроен каменными зданиями, проведено крещение Руси, введено в качестве государственной религии христианство и единое управление. Многие до сих пор не забыто. Завитневич считает, что с многовековой традицией нельзя не считаться. Не зря же в древних былинах князь назван Красное Солнышко. За то, что «мудро сумел Владимир примирить и объединить в жизни вселенское, общечеловеческое начало христианства с частным началом русской народности». Автор подводит нас к мысли, что заслуги политического деятеля следует измерять его умением понять нужды людей и управлять ими, объединить для благотворящей цели, и более всего улучшением настроения и качества жизни своего народа.

В статье «Значение царствования Александра III в общем ходе нашей исторической жизни», написанной в 1895 г., вскоре после его смерти, В.З. Завитневич, превосходно знающий историю России, своеобразие её внутренней и внешней политики, закрепляет мысль о значимости правления государственного лидера. Оценивая роль Петра Великого, отмечает, что он пробился к берегам Балтийского моря, по необходимости вёл войны, ввел Россию в систему европейских государств и определил к ним своё отношение. Автор заключает: «Этой своей полити-

кой великий государь раз навсегда завещал своему народу, что единственным мотивом как для ведения войн, так и для заключения союзов с европейскими народами должна быть ясно осознанная польза государства»².

Однако этот испытанный принцип оказался замысловатым для некоторых преемников Петра I. Завитневич отмечает то, что произошло с нами более ста лет тому назад: «Мы, часто без всякого смысла и толку, пустились в политику приключений, не сознавая того, что нам нужно и к чему мы должны стремиться, и получая в результате раздражение и ненависть Европы, и своё собственное разорение»³.

В.З. Завитневич осмысливает один из характерных пороков правления Екатерины II – непродуманность и непостоянство внешней политики, неумение оценить событие. Это приводило к усложнению отношений с Францией, Англией. Чем объяснить легкомысленное непостоянство российской политики? А как решался вопрос в тогдашней дипломатической переписке? Историк–мыслитель отвечает: «Там вы встретитесь с широкими планами проявлениями любви к человечеству и т.д.; там вы не встретите только одного: ясного понимания интересов своего государства и той роли, какую оно должно играть в отношении к Европе»⁴. Какими реальными причинами это можно подтвердить и кто не смог предотвратить кровопролитную Крымскую войну? На эти вопросы автор отвечает словами военного историка, адъютанта М.И. Кутузова А.И. Михайловского–Данилевского: «Россия являет единственный пример в мире, где дипломатический корпус состоит большею частью из иностранцев (73 человека), из которых только пятнадцать русских имён ... Они много знают о России, но ничего не чувствуют к России. Ум их и память обогащены познаниями, но душа их и сердце не напитаны истинною любовью к отечеству, привязанностью к престолу и уважением к русским нравам и обычаям»⁵.

Так какую же роль сыграл Александр III в системе европейских держав, и какую память оставил в сердцах людей после своей смерти? Кроме того, что император отменил подушные подати, понизил выкупные платежи крестьян, Завитневич указывает на его «загадку», о которой всюду говорит и сегодня наше население. Вот как он её объясняет: « Не упуская из виду Европы, он главное внимание устремил на развитие внутреннего благосостояния своего народа, а чтобы этой работе не помешала дерзость какого–нибудь искателя приключений, он выдвинул сильную армию, всегда готовую дать отпор тому, кто бы осмелился помешать его мирному труду»⁶. Император создал условия всякого культурного преуспевания, тринадцать лет держался желанный мир – это был замечательный результат, которого он достиг, не поступившись «ни честью, ни материальными интересами своего народа».

Почему политические статьи В.З. Завитневича и спустя более ста лет воспринимаются свежо, с интересом и их идеи вовсе не потеряли своей актуальности. В конце сентября 2009г. Президент Дм. Медведев опубликовал письмо «Россия, вперёд!» – тревожное обращение к своему народу о помощи. Дела обстоят скверно, страна зашла в тупик, и он просит помочь модернизировать экономику, исправить структуру управления, покончить с коррупцией и бюрократизмом, духовным кризисом и т.д. А мы давайте перечитаем статью нашего земляка «К вопросу об

историческом призвании русского народа», изданную в 1893 году. В условиях современных суверенитетов может показаться странным упорство Завитневича, с которым он пишет о русском народе. Однако же он рассматривал национальный русский, белорусский и украинский характер как славянский, т.е. не с националистических, а с исторических позиций. Не мог же он, историк и человек со святой душой, не думать о благополучном будущем своей любимой родины да и о счастье Украины, принявшей его в лоно служение Богу, науке, людям. Его употребление «русский» тождественно понятиям славянский, «российский». В названной статье Завитневич резонно замечает, что какие-то научно-теоретические вопросы решает сама жизнь в своём действительном течении. Однако разумный человек не может отказаться от размышления над ними: они «устремляют его в мир принципов, в мир идеалов: а стремление к идеальному есть насущная и притом благороднейшая потребность человеческого духа». Так может ли человек, тем более государственный деятель, отказаться от лучших намерений, благородных порывов, и погружаться в мир грубой житейской прозы? С этих рассуждений автор поднимает вопрос об историческом призвании русского народа, который в свою очередь вызывает множество других вопросов. «...во имя какого права мы совершим захват огромной территории, составляющей почти $\frac{1}{6}$ часть всей суши земного шара, и во имя какого права мы десятки миллионов людей, отличающихся от нас этнографически, хотели бы заставить отказаться от культурной и политической самобытности и желали бы превратить их в простой этнографический материал для усиления и без того сильной своей народности?»⁷ Конечно же, он имеет в виду не то право силы, которым руководствовались завоеватели, начиная с древних времён. Он громко заявляет о праве, во имя которого культурный человек подчиняет себе отсталого, «неся ему благо цивилизации», более высокий уровень материальной культуры и политического развития. В.З. Завитневич убеждён, что именно в этом истинная задача, высокая благородная, достойная великого народа, к осуществлению которой никогда не перестанет стремиться русский человек. Но поскольку правитель не всегда осознаёт противоречия развития общества, особенно цивилизаций, он предупреждает: «На пространстве веков не мало можно было бы указать примеров того, как отдельные народы, бодро выступавшие на арену исторической жизни и даже успевшие дать блестящий расцвет своей гражданственности, быстро сходили с исторической сцены, потому что не сумели понять смысла своего бытия, не сумели уразуметь, возложенные на них условия задачи»⁸.

Однако, чтобы понять смысл бытия и перспективу развития, политику необходимо жить в сфере идей и народного духа, постоянно стремясь понять потребности людей и увидеть новые пути созидания. России, несмотря на её огромную территорию, богатую несметными дарами природы, талантливость народа, не всегда удавалось находить источники, обновляющие материальный и духовный процесс. Её правители забывали о том, что в её недрах духа «хранятся необъятные силы, которых слишком много для того, чтобы они были целиком истрачены на усвоение чужого достояния». Положительные науки запада много дали развитию человечества, но является ли европейская цивилизация последним словом земного существования? Этот вопрос неизменно волновал В.З. Завитневича и многих др.

историков и философов, теперь же он будоражит весь просвещённый мир, особенно современную Россию и её руководителей / они–то и ждут ответа от добросовестных учёных/. А в конце XIX века нашего белоруса огорчало то, что западноевропейец с его эгоистическими порывами укрощает человеческий дух, а в его интересах общественного блага люди встречают не менее опасного врага, чем самые грозные явления природы. Завитневич делает вывод: «Вот пред нами «народ мыслителей», давший человечеству Канта и Гегеля, Александра Гумбольда и Нибура, Шиллера и Бетховена и массу других славных деятелей, имена которых всегда с благоговением будут вспоминаться потомством. Взгляните же, чем теперь занят он, куда направлены его мысли и чувства, на что тратит он свои духовные силы и материальные средства? Оказывается, что «народ мыслителей» почти тем только и занят, что льёт пушки, куёт мечи, prepares бездымный порох, мучится над изобретением брони для себя и всепроницающих средств разрушения для других, от времени до времени оглашает воздух бранными кликами, словом, душою и телом предан делу, имеющему целью истребления людей»⁹. Вряд ли кого может восхитить этот угрожающий итог: это что – критерий европейской цивилизации или возвращения варваров? Завитневич с грустью предлагает мыслящему человеку отвернуться от этих полуодичавших, нравственно огрубевших людей, готовых ради своих корыстных интересов в любую минуту «залить кровью всю Европу». Этот итог породил систему правления, где все политические деятели от министра до последнего газетного репортёра – «все продажны, все способны привести на алтарь мамоне и свою гражданскую доблесть, и свою честь, и свою совесть».

В чём же, по мысли В.З. Завитневича, выражается историческое призвание русского народа? Прежде всего в объединяющей и направляющей силе народа и государства, в рациональном использовании своего природного интеллектуального, культурного и духовного богатства, не отказываясь от «усвоения» чужого достояния». В понимании смысла своего бытия и стремлении к своему идеалу, который историк видел, в совершенствовании любви к Богу, православию и своей земле, – идеал, который притягивает «к себе человеческую волю» и которого нет на Западе. В преобладающем настроении народа как культурно – исторической общности, в непоколебимой вере в свою культурную и политическую самобытность, свою судьбу и будущее человечества, в торжество высших нравственных идеалов.

Кроме того, русский народ призван приобщать к науке, искусству, культуре, благам цивилизации другие народы, прежде всего являющиеся его составной частью. Он живёт, доказывая миру, что именно, культурный, духовно–нравственный, сострадающий человек есть тот тип личности, который полон любви и оптимизма, жажды познания и творчества, духа милосердия, жертвенности и душевной красоты. В противовес западному пессимизму и эгоизму человеческого духа Запада, где «человечество мельчает, стареет, вырождается». И в этом призвание России – достигать сильного международного влияния, используя, «завидное положение», которое она занимает на земном шаре, талант народа и мудрость дипломатов. В.З. Завитневич убедительно показал, что без социально–нравственной цели развитие науки и политики не этично и ущербно: «беда не в

анализе мысли, а в её направленности». Здесь же он проявил великолепные способности предвидеть исторические события.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Полилась людская кровь на европейских полях – аналитик Завитневич взялся за перо. Познания истории европейских стран, особенно Германии, сформировали в нём интеллектуала, который во многих фактах прошлого и настоящего находил научно–политический смысл и на основе глубокого анализа делал рациональные выводы. Он понимал свою миссию исследователя современности и терпеливо изучал проблемы, подсказанные ходом событий. Его статью «Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации», написанную вскоре после начала Первой мировой войны, можно назвать венцом его политологической мысли.

Через 20 лет Завитневич снова вернулся к своей душевной боли – взаимоотношению европейских стран, прежде всего соперничеству России и Германии. Он с тревогой следил за событиями, которые происходили в Западной Европе и почти пророчески предвидел приближение катастрофы. «Теперь не на словах, а на деле видим, – пишет он, – что Европа действительно залита человеческой кровью... Как могло случиться, что столь блестящая культура дала столь отрицательные плоды?»

Ответ на этот непростой вопрос историк искал не только в современной ему жизни но и в фактах истории глубокой древности. Он анализирует национальные черты немецкого характера, зародившиеся во времена варваров, у истоков появления народности. Он поясняет, что идея народности требует объединения в одно целое разрозненных частей одного этнографического целого. Если соединение совершается свободно, без насилия, оно способствует созданию, народной мощи, материальной и духовной. «К сожалению, – подчёркивает автор, – при объединении народностей германского племени это благоразумное уважение к свободе не было соблюдено, и допущенный в объединительном процессе акт грубого насилия не замедлил принести свои отрицательные результаты»¹⁰.

В.З. Завитневич остроумно выдвигает тезис: «Господствующее начало жизни всегда даёт себя знать в том конечном идеале, к которому стремится народ» и снова ставит вопрос: «В чём же заключается конечный идеал германского народа, которому принадлежит доминирующая роль в истории европейской цивилизации»? Будучи широко образованной личностью, он находит объяснение этому идеалу в мифе о Валгалле, в палатах бога Одина, куда стекаются души героев после смерти. «Каждое утро выезжают они в сопровождении Одина на бой, делятся на партии и рубят друг друга, сколько хватит сил. К вечеру отрубленные части срастаются, раны заживают с тем, чтобы назавтра снова можно было заняться тем же упражнением. Всякая борьба всегда ведётся с какой–нибудь определённой целью; даже хищные звери терзают друг друга, чтобы утолить голод. Какую же цель преследуют герои Валгаллы? Никакой другой, кроме самой резни, в которой содержится весь смысл жизни, всё её блаженства»¹¹. Завитневич заостряет своё внимание на том, что, очевидно, мы имеем дело с профессиональными разбойниками, с истинными головорезами, которым на человеческом языке даже трудно придумать настоящие название.

Вера в своё оружие, свои силы, утверждающееся в жизни германцев в самом начале их выхода на историческую арену красной нитью проходит через всю их историю. Оно стало основным смыслом веры германцев, которые всякую науку старались «втиснуть в свои логические категории». А закончилось тем, что у них появилось учение о «сверхлюдях» Великой Германии, истинно чистой немецкой расе. Они объявили себя народом культурным, славянские– некультурными и вычёркивали из списка индоевропейских, развитых. В связи с этим профессор В.З. Завитневич пишет: «Самым блестящим показателем того, как германская мысль становится жертвою научной тенденциозности, может служить недавняя декларация немецких учёных, выступивших на защиту мысли, что германская культура для своего поддержания нуждается в германском милитаризме. Как в самом деле могло случиться, что люди, несомненно учёные, прекрасно знающие, что всё, что есть истинно ценного в германской науке, в германской культуре, берётся нарасхват людьми других национальностей, как они могли серьёзно говорить о том, что их наука, их культура нуждается в поддержании огнём и мечом и что без поддержки насилем эта культура погибнет?»

Работая в духовной академии, В.З. Завитневич постоянно изучал духовное состояние общества, которое не бывает неизменным. Как и славянофил А.С. Хомяков, в европейской культуре он видел крупный недостаток в её односторонности, в чрезмерном рационализме, в отсутствии живой веры и "полноты сил духа". Выяснение идеала – духовного, нравственного, политического, его роли в воспитании человека, – стержневая проблема профессора и, пожалуй, самая близкая его сердцу. Он затрагивал её почти во всех своих трудах. "Идеал, – писал он, – есть воспринятая сознанием идея, перешедшая в акт воли. Где нет воли, там не может быть ни возвышенных идеалов, ни прочных и глубоких убеждений, ни вообще здоровой философии"¹². Он пояснял, что стремление к идеальному есть благородная потребность человеческой жизни. Отказаться в ней – значит подавить в нём все лучшие и прекрасные порывы и погрузить в мир грубого житейского прагматизма. Ему хотелось укротить человеческий эгоизм, жадность, дурные инстинкты. Устремляясь к идеалу, к нравственному развитию, человеку легче "перевоссоздать своё внутреннее несовершенство". Идеал есть определённое настроение наших нравственных сил и убеждений, на которых держаться все учреждения, без которых слабы внешние правила, маловероятна хорошая действительность.

Исходя от желаний лучшего, формируется нравственный идеал человека. Жаль только, что желания людей, находящихся в разных условиях жизни и негативных воздействий, на разных уровнях образования и культуры, бывают также разными. Завитневича интересовал идеал отдельного человека и идеал политический, являющийся ныне одним из вопросов курса политологии. Политический идеал – это наилучший образец политического и государственного устройства общества, чаще всего разработанный умом учёных и отвечающий важнейшим потребностям существования и развития данного народа и его государства. Он опережает действительность, побуждает массы, личность действовать сообща, в направлении созданного образца. Человек, нравственная жизнь которого освещена высоким идеалом, может многое вынести, побороть трудности и победить. Он

обретает такую духовную опору, которая даёт ему уверенность, надежду, служит источником энтузиазма и радости.

Глубокое признание вызывают мысли В.З. Завитневича о месте и роли истории и историка в обществе, политической жизни. Он понимал, что могущественное историческое знание неотразимо проникает во все сферы общественного сознания. Сегодня, когда озлобленные политиканы и фальсификаторы, стремятся превратить историю в инструмент мести и политического давления, искажают и подделывают её в угоду политической конъюнктуры, – это не только важная, но и сверхактуальная проблема. Полагаем, что для всякого вдумчивого образованного человека до очевидности ясно, что такая нелепая мысль в головах учёных людей могла явиться только плодом старой немецкой тенденции доказать, что германский народ–народ исключительный, народ избранный, что он призывается историей сказать человечеству последнее слово абсолютной истины и что поэтому его веления должны стать законом для всего мира, хотя бы для достижения этого пришлось поднять из могил старых вандалов. Когда несомненно учёный немец невежественно утверждает, что Рафаэль, Шекспир, Коперник, Ньютон были немцы, то вы чувствуете, что это он делает потому, что по его убеждению всё великое может быть только немецким. Нужно помнить, что этот зазнавшийся национальный эгоизм, этот болезненный эгоцентризм идут рука об руку с аморализмом новейшей немецкой истории права, заброшившей принцип свободы воли и выдвинувшей в новейшей реалистической школе начало пользы, начало корысти, наживы»¹³.

Гегеля наш земляк называет типичнейшим выразителем немецкого философского ума, он создал грандиозную систему – здание без фундамента, не соответствующее реальной действительности. Да и Фридрих Ницше был «выразителем немецкой учёной тенденциозной прямолинейности и аморализма», наделавшей много шума. Ницше заявил, что мораль сострадания есть плод физиологического старения и вырождения человечества, и что люди, которых называют преступниками, злодеями, не должны быть жертвами понятия о нравственности, и что понятие о чистой совести должно быть изгнано со света. Завитневич великолепно понял, что такие фрукты, как Ницше, не растут в пустыне, что у них есть свои корни, что они выросли на военной морали, гласящей: «пленных не берите, врага не щадите». Это – ягоды одного поля, все они сродни героям Валгаллы. Он просит не смешивать, однако, этот аморализм с общеевропейской христианской культурой. Германия стала заражать своими миазмами нравственную атмосферу Европы – позже это назовут ростками озлобленного фашизма. А историк–мыслитель предугадывает: «И легко представить себе, чего могло бы ожидать человечество, если бы германцам удалось утвердиться в той мировой роли, какую они в последнее время стараются играть на земном шаре»¹⁴.

В условиях оскуднения, «овеществления» западной культуры и возникает идея о поиске потерянной духовности и нравственности среди других представителей человеческой цивилизации. Взгляды многих выдающихся мыслителей «атомного» века стали обращаться в сторону славян и России как мощного источника богатства души, братского доброжелательства и милосердия. Именно в это время, по словам Завитневича, взоры многих в Европе обращаются на Россию, как бы в преддверие старого афоризма «свет с востока», на страну, где, как говорил Клемансо, «хранятся

непечатые залежи идеализма, открывающие для человечества необъятные перспективы». В этих словах французского политического деятеля передаются оттенки того, что высказал в характеристике Ивана Тургенева и Адама Мицкевича французский писатель Жозеф Ренан. Наш земляк согласен с Ренаном, который признал славян людьми «полными первобытных соков», которые «в одно время и новы к жизни, и древни по своему существованию», полны оптимизма и веры в будущее.

Новые правители России намерены выстроить политическую систему по западноевропейскому образцу. Но ведь у россиян всё своё – мироощущение, религия, нравы, история, традиции, иными словами, другая цивилизация. Объективные публицисты сетуют на то, что в последнее время появилась мода на историческое враньё: пишут и переписывают по-разному об одних и тех же именах советского периода. А Завитневич изучал научные и этические основы исторического процесса, помогая объяснить его тенденцию, причины, его незримую "работу". Он пишет: "Не отдельные события и лица, а основные течения жизни и законы, управляющие этими течениями – вот, говорят, предмет, достойный внимания современного историка."

В речи В.З. Завитневича "Памяти А.С. Пушкина. К вопросу о значении личности в истории", произнесённой им 28 мая 1899 года в Киевском институте благородных девиц, осмысливается немало в то время расхожих взглядов о роли человека в истории. Уже тогда он не соглашался с теми, кто произвольно ставил себе задачи и свободно осуществлял их, вычёркивая факторы исторической эволюции, преувеличивая роль отдельной личности. И уж вовсе отклонял мнение тех, кто, говоря о главном двигателе истории, разрешал интересы материальной культуры (изобретатель прядильного станка, первооткрыватель железной дороги) или интересы желудка, понынешнему: деньги, карьеризм, роскошь. Но "Пушкин действительно был у нас тем первым ключом, который, пробившись сквозь кору иноземной подражательности, развился в могучую реку, пронесшую свои живительные воды по всем необъятным пространствам русской земли"¹⁵. Велик он уже тем, что был властителем дум народных и призывал к новой жизни.

Нет, Завитневич не умалял славы подвигов, могучей воли великих личностей, прежде всего военно-политических деятелей, учёных и писателей. Но слишком различен взгляд на прошлое толпы, непросвещённого человека и мыслящего историка. Анализируя события и имена прошлого, мыслитель, по словам Завитневича, ценит их настолько, насколько они оставили после себя следы в жизни, насколько взволновали человеческую душу, насколько двинули её по пути разумного прогресса, словом, насколько способствовали торжеству сознательного над бессознательным, духа над материей. Он полагал, что, оценивая так исторических деятелей, историк нередко приходит к результатам, совершенно неожиданным для обычного представления.

Рассуждая о месте и роли историка в обществе, В.З. Завитневич употребляет словосочетание "вдумчивый историк", что означало глубокомыслящий, образованный, правдивый. Ярким примером такого историка были для него А.С. Хомяков, Н.М. Карамзин, Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский, М.П. Погодин и другие. Жизни и творчеству Хомякова он посвятил свою докторскую диссертацию и книгу в двух томах, которые вышли в 1902 и 1913 годах в Киеве. В его представлении это – человек феноменальных дарований, глубокий знаток, не только русской, но и всеобщей

истории, знакомый с плодами современной европейской культуры не по книжкам только, но и путём непосредственного знакомства с Европой.

В.З. Завитневич выступал против вольного обращения с фактами политической жизни, их фальсификацией или ложным толкованием. В начале XX века он высказал мысль, которая сегодня просто бесценна: "История – это целое безбрежное море; на её страницах, особенно при лёгком обращении с фактами, можно найти оправдание всяких точек зрения"¹⁶. Сам же он, как историк, считал недопустимым произносить обвинительные или оправдательные речи. Завитневич предпочитал на каждом этапе исторического пути глубоко исследовать события и факты, объективно и непредвзято осмысливать, "отыскивать утраченные исконные начала своей народности", точно взвешивать на весах Немезиды – богини возмездия. Прежде всего, обращаться к началам, то есть источникам развития, к тому, что порождает явление, процесс: "Только начала вечны, а формы изменчивы". В назидание историк делает вывод: оценивать значимость государственного деятеля, лидера следует в соответствии со степенью политического развития общества, естественного хода событий, учитывая "жизненные интересы целых общественных классов". Он опасался за историографов, позволяющих себе "допустить неисторичность в оценке исторического деятеля – для всего есть время".

Нашим современникам следовало бы прислушаться к мыслям объективного историка–богослова, как он оценивал Великую французскую революцию: "...Было бы непониманием истории отрицать, что выдвинутые ею начала порождены были истинными потребностями жизни, и поэтому, взятые под покровительство историей, они существенно обновили Европу, вдохнув в неё новую жизнь. Вот почему бороться с этими началами – это значило идти против истории"¹⁶. А вот в январе 1995 года думская фракция ЛДПР предлагала признать Октябрьскую революцию в России незаконной. А с каких позиций пишут сегодня о советских государственных деятелях?

Язык статей Завитневича яркий, духовно озарённый, нередко представляющий собой слитки человеческой мудрости. Приведём его несколько свежо звучащих образцов суждений, которые могут обогатить речь любого оратора или письменное произведение:

- Теперь в ходу крылатые слова "переоценка ценностей". Благородные металлы никогда не могут потерять своей ценности.

- Вообще же нужно признать, что основная мысль, движущая человеческим прогрессом, всегда была одна и та же – достижение политической свободы.

- Материальная культура, взятая сама по себе, уже перестаёт быть целью, а становится средством для осуществления высших интересов духа.

- Одного публициста спросили: "Зачем он в своей статье допустил заведомую ложь против своих политических противников?" На это он хладнокровно ответил: "Этого требует тактика партии... "

- Зачем нам пускаться в мистические толкования того, что легко объясняется из существующих налицо реальных причин?

- Анализ – великая сила науки: он ведёт к расчленению и уяснению понятий, а следовательно и к уразумению истины.

- Идеал есть воспринятая сознанием идея, перешедшая в акт воли. Где нет воли, там не может быть ни возвышенных идеалов, ни прочных и глубоких убеждений, ни вообще здоровой философии.

- Идеалы никогда не воплощаются в жизни во всей своей полноте.

- Народная масса всегда и везде составляет малоподвижную инертную силу; творческая же сила в ходе исторического прогресса принадлежит более культурному слою народного организма, а этот слой в данном случае более всего и подпал иноземному влиянию.

- Определить закон развития личности в истории науки не удалось; но именно то, что тут главную роль играет сама сила жизни, самобытно развивающаяся из своих первооснов. Для успешного развития силы жизни всегда нужны благоприятные условия, играющие роль света, теплоты и т.д. Таким условием в данном случае является образование.

- Антиисторично думать, что многовековая жизнь народа осталась бесследною для его будущего.

- Требуется такт и историческое чутьё.

Человек как уникальное творение природы и истории всегда был и остаётся предметом изучения, острых споров и разочарований. Он познаёт и преобразовывает мир, творит добро и зло. Обществу вовсе не безразлично, как он это делает, что помогает и что мешает ему быть подлинным гуманистом, двигателем общественного прогресса. В.З. Завитневича, как историка–мыслителя, воспитателя студенческой молодёжи всю жизнь волновали проблемы духовно–интеллектуального развития и нравственного воспитания человека, его потенциальные возможности. Он стремился постичь разумность всемирно–исторического, политического и образовательного процесса.

В.З. Завитневича увлекали нравственные идеалы в политике, а воспитание людей в духе любви, патриотизма, высокой культуры он считал высшей целью общества. Ключевыми словами его статей, рассуждений являются: "история", "народ", "знание", "цивилизация", "государство", "идеал", "духовность", "нравственность", "личность", "воспитание", "культура", "самобытность", "любовь" и т.д.

В.З. Завитневич, как деятель церковной науки, глубоко понимал общепризнанную мысль о том, что самый сильный человек в мире тот, кто любит. Поэтому весьма резонно утверждал, что "только та философская система в состоянии будет вполне удовлетворить души русского народа, которая будет построена на любви, как на высшем начале жизни, проникающем весь строй мироздания". Владимир Зенонович был согласен с философами, которые считали: нельзя обновить мир, презирая его.

И чтобы преобразовать природу, и чтобы воспитать достойного человека–творца, и чтобы обогатить государство, нужна любовь. Вот почему профессор В.З. Завитневич учил людей любви, духовности, добродетели – превосходным качествам, выражающим красоту, надёжность и творчески–созидательную силу человека. Он имел ввиду не просто любовь к противоположному полу, а всеобъемлющую любовь, которая помогает преодолеть в своей душе пороки и воспитать не только самолюбие, но и чувство дружелюбия, гуманизма и собственного достоинства. Любовь он понимал как состояние души, как вечный поиск истины, как "способность любить всё истинно великое и святое", и непременно делать добро. Она помогает человеку во всех проявлениях жизни.

Познакомившись со статьями В.З. Завитневича, убеждаешься, что его политические мысли не просто культурно–теоретическое наследие, а весьма актуальны,

поучительны и необходимы. Он раскрыл неизбежно возникающие противоречия между наукой и жизнью, между развитием и кризисом, и предупредил об их опасности, которая, к сожалению, нас не миновала. Мы с благодарностью воспринимаем его оперативное разоблачение ложных идей и банкротства германской культуры, особенно его бесценные мысли о воспитательном смысле идеала и позитивной науке, несущей гуманизм, плоды творчества и народное благо. Его идеи – истинно наши, к ним не надо привыкать, их следует развивать и вобрать в свой духовный арсенал. Они вселяют веру в нравственно–политические идеалы белорусского народа, в совершенствование принципов государственного управления.

¹ Минский Н.М. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., 1890. С.170.

² Завитневич В. Значение царствования Александра III // Труды Киевской духовной академии. 1895. №1. С. 4.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 8-9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Завитневич В. Об историческом признании русского народа // Труды Киевской духовной академии. 1993. №3. С. 342.

⁸ Там же. С. 343.

⁹ Там же. С. 347.

¹⁰ Завитневич В. Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации // Труды Киевской духовной академии. 1915. №1. С. 47.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² К вопросу об историческом признании русского народа // Труды Киевской духовной академии. 1893. №3. С. 355.

¹³ Завитневич В. Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации // Труды Киевской духовной академии. 1915. №1. С.52–53

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Завитневич В. Памяти А.С. Пушкина. К вопросу о значении истории // Труды Киевской духовной академии. 1899. Кн. 6. С. 205-206.

¹⁶ Там же. С. 218.

В.З. ЗАВИТНЕВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ РУССКОГО НАРОДА

Есть вопросы, точное научно–теоретическое решение которых заведомо невозможно; невозможно потому что по своему существу они принадлежат не теории, а практике: их обычно решает сама жизнь в своем действительном течении. Тем не менее человеку, как разумному существу, очень трудно отказаться от размышления над ними; трудно потому, что вопросы эти своею идеальной стороной открывают наше сознание от грубой действительности и устремляют его в мир принципов, в мир идеалов; а стремление к идеальному есть насущная и притом благороднейшая потребность человеческого духа. Отказать человеку в удовлетворении этой потребности – это значит подавить в нем все лучшее, все благороднейшие порывы и погрузить его в мир грубой житейской прозы, среди которой очень трудно бывает устоять на той нравственной высоте, какая требуется от человека обязательным для него нравственным идеалом. На одном из таких вопросов я и хочу остановить внимание читателя. Имею ввиду вопрос об историческом призвании Русского народа. В моем сознании вопрос этот выступает в такой формулировке.

Мы, русские люди, включили в район своих владений территорию пространством свыше 400,000 квадратных миль, на которой живет свыше 100 миллионов жителей. Из этих 100 миллионов около 40 миллионов таких, которые не принадлежат к русскому племени, но которые тем не менее вынуждены подчиняться нашей власти и совершать путь своего исторического развития знаменем нашей народности. Спрашивается: во имя какого права мы совершили захват огромной территории, составляющей почти 1 /6 часть всей суши земного шара, и во имя какого права мы десятки миллионов людей, отличающихся от нас этнографически, хотели бы заставить отказаться от культурной и политической самобытности и желали бы превратить их в простой этнографический материал для усиления и без того сильной своей народности? Ставя этот вопрос, я имею ввиду не то право, какое в свое время предъявляли

человечеству такие варвары как Атилла, Чингисхан, Тамерлан, словом не право сильного. Такое право у нас несомненно есть, и если бы кто-нибудь позволил себе усомниться в нем, мы легко могли бы доказать ему свою правоспособность в этом отношении. Нет, я не говорю о том праве, во имя которого древние Греки, руководимые своим великим Александром, доходили до берегов Инда, во имя которого древние Римляне подчиняли своей власти пространство от Атлантического океана до берегов Ефрата, и во имя которого, наконец, современные западноевропейцы распространили свои колонии почти по всем уголкам земного шара. Словом, я имею ввиду то право, во имя которого культурный человек подчиняет себе варвара, неся ему блага цивилизации. В данном случае не важно то, что цивилизация названных народов не всегда отличалась высокими качествами, а деятельность её пионеров не всегда носила на себе печать чистого бескорыстия и поэтому не всегда давала в результате лишь одно истинное благо. Важно то, что каждое поступательное движение вперед, хотя бы например, классического Грека, влекло за собой распространение его науки, его искусства, его гражданских понятий; словом, было торжеством просвещения над темнотой, духа над материей; а этого одного уже достаточно для того, чтобы оправдать проявление завоевательских стремлений, хотя бы, например, того же Александра Македонского.

Надеюсь для каждого ясен истинный смысл такой постановки настоящего вопроса. Такая постановка вводит в наше сознание понимание того, что какую огромную задачу взял на себя русский народ и какая тяжкая ответственность падет на него в случае неисполнения этой задачи. На пространстве веков не мало можно было бы указать примеров того, как отдельные народы бодро выступавшие на арену исторической жизни и даже успевавшие дать блестящий расцвет своей гражданственности, быстро сходили с исторической сцены, потому что не сумели понять смысла своего бытия, не сумели уразуметь возложенной на них историей задачи. А что на русский народ историей возложена великая задача, в этом едва ли может быть сомнение. «Стоит только взглянуть на карту земного шара, скажем словами Надеждина, чтобы исполниться святого благоговения к судьбам, ожидающим Россию. Неужели этот колосс, восклицает он, воздвигнут напрасно мудрой миродержавной десницей? Нет! Он должен иметь великое всемирное

назначение»... Итак, в чем же заключается это великое всемирное назначение русского народа?

При поверхностном отношении к этому вопросу, отвечать на него трудно. Громадная территория нашей государственной области все еще представляет собой страну сравнительно дикую, но богатую несметными дарами природы; а миллионы живущего на ней русского народа все еще составляют темную, но способную к просвещению массу. Культивировать страну, просветить темную массу, доставить ей благо цивилизации – вот, казалось бы, истинная задача русского человека. Конечно, задача эта высокая, благородная, вполне достойная великого народа, и к осуществлению её никогда не перестанет стремиться русский человек. Но вопрос в том, о какой культуре, о какой цивилизации здесь может быть речь? Древний Грек, куда бы он ни являлся, всюду нес свое собственное, его неподражаемым гением созданное, искусство, свои глубокие философские понятия; древний Римлянин, усвоив плоды греческого просвещения, прибавлял к ним свое блестящее, неведомое древнему миру, право с его благородным влиянием на жизнь; современный западноевропеец, стараясь отстать от классического мира в том, что создано гением последнего, всюду несет за собою им самим открытую положительную науку, своею мощною силою подчиняющую человеку законы физической природы. Словом, каждый из названных народов внес в сокровищницу человеческого духа что-нибудь крупное, чем объясняется и оправдывается его право на стремление к господству над окружающим миром. Что же дал или по крайней мере собирается дать человечеству русский народ, чем можно было бы оправдать то блестящее, поистине завидное положение, какое он занимает на земном шаре? В ответ на этот вопрос можно было бы указать на то, что оригинальность культурного творчества не составляет необходимого условия полезного служения человечеству. Ведь существуют же на свете люди, которые, сами ничего не производя, всю жизнь свою служат простыми передатчиками того, что изобретено другими, и, тем не менее, никто не сомневается в плодотворности их деятельности. Почему же и русскому человеку не ограничить задачи своего служения человечеству усвоением, дальнейшей разработкой и перенесением на берега Волги, Оби, Енисея, Лены, и т.д. – того, что производится на берегах Шпрее, Сены, Темзы? Все это совершенно верно. Но в таком

случае воспользуемся образом древнего Баяна – зачем же русский народ, высоко севши на своем златокованом столе, подпер горы Угорский своими железными палками, заступив королевы путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены через облака, суды рядя до Дуная...; зачем грозы его по землям текут, зачем он стреляет сотнями злата стола Салтана за землями? В самом деле, там, на Западе, где впервые открыты и по настоящее время хранятся первоисточники науки, составляющей основу современной культуры, где так пышно расцветала блестящая цивилизация, стремящаяся теперь охватить собою весь земной шар, где проявлено столько силы, энергии, бодрости духа, ищущих себе новой почвы для своего применения, там, на небольшом сравнительно клочке земли, скучена масса людей, почти задыхающихся от тесноты и не знающих, куда направить и свои силы, и свою энергию. В то же время здесь на Востоке, на обширном пространстве сравнительно мало заселенной земли, привольно раскинулась наша матушка Русь, та самая Русь, которая сначала ряд веков провела, по-видимому, в духовной дремоте, а теперь, проснувшись от этого многовекового сна, в своем ленивом поступательном движении, не в состоянии, по-видимому, справиться ни со своими духовными, ни со своими материальными силами и средствами. Не есть ли это явное нарушение высшей правды и поэтому не следует ли нам, отведя от западных границ свои „железные полки" и открыв путь нашим соседям, дать им возможность на деле осуществить то вожделенное *Drang nach Osten*, о котором они мечтают во сне и наяву? Если весь смысл нашего исторического бытия состоит лишь в насаждении на востоке начал западноевропейской цивилизации, то на каком же основании мы так ревниво оберегаем восток от истинных пионеров этой цивилизации, которые, как действительные создатели её, должны гораздо глубже понимать её внутреннюю сущность, а поэтому могут оказаться и более умелыми её проводниками? Словом, если мы созданы лишь для служебной роли, то почему же нам и на деле не стать рабами тех, которые созданы быть господами? А между тем такой вывод способен возмутить все существо русского человека, который готов костью лечь за свою свободу, за свою самобытность, за каждый клочок своей родной земли. Почему же? Да потому, что его внутреннее самочувствие подсказывает ему, что он не создан быть рабом, что в недрах его духа хранятся необъятные си-

лы, которых слишком много для того, чтобы они целиком были истрачены на усвоение чужого достояния, что он так же, как и древний Грек и древний Римлянин, и современный западноевропейец способен к самобытному, оригинальному творчеству, что ради этого самобытного творчества он в течении целых веков не дремал, как это может показаться при поверхностном наблюдении, а усердно работал над закладкой фундамента для того грандиозного здания, за сооружение которого он теперь принялся. Вопрос лишь в том, не слишком ли много времени он потратил на эту предварительную работу и не сделано ли уже другими то, что он так долго собирался делать? Другими словами: не есть ли современная, несомненно, блестящая, европейская цивилизация последнее слово, которое суждено произвести на земле человеку в области развития его духовных сил, не есть ли это тот идеал, выше которого человек не способен подняться и в осуществлении которого следует видеть конечную цель его земного существования?

Нет сомнения, что успехи, которых достигло современное человечество в борьбе с физической природой, изумительно велики, и если бы древний Грек, гордый своими блестящими успехами в области философии и искусства, мог воскреснуть и взглянуть на то, чего достигло, и еще собирается достигнуть в будущем, наше время при помощи своей положительной науки, то он ни на одну минуту не усомнился бы отвести современному человеку одно из почетнейших мест на своем священном Олимпе. Но, открыв тайну победы над физической природой, владеет ли современный европеец такой же тайной укрощать человеческий дух с его бурными эгоистическими порывами, в которых интересы человеческого блага встречают не менее опасного врага, чем самые грозные явления физической природы? Самая легкая справка предоставит нам возможность дать на этот вопрос ответ вполне категорический. Чтобы не ходить далеко за примерами, остановимся на первых, бросающихся в глаза, фактах.

Вот пред нами „народ мыслителей“, давший человечеству Канта и Гегеля, Александра Гумбольдта и Нибура, Шиллера и Бетховена и массу других славных деятелей, имена которых всегда с благоговением будут вспоминаться потомством. Взгляните же, чем теперь занят он, куда направлены его мысли и чувства, на что тратит он свои духовные силы и материальные средства? Оказывается,

что „народ мыслителей" почти тем только и занят, что льет пушки, куёт мечи, приготовляет бездымный порох, мучается над изобретением непроницаемой брони для себя и всепроницающих средств разрушения для других, от времени до времени оглашает воздух бранными кликами, словом, душою и телом предан делу, имеющему целью истребление людей.

Если вы серьезно мыслящий человек, если в вашей душе есть хоть капля христианского идеализма, вы с грустью отвернетесь от этих полуодичавших людей, обнаруживающих следы несомненного нравственного огрубения и ради удовлетворения своих эгоистических стремлений каждую минуту готовых залить кровью всю Европу. Но вот пред нами другой западноевропейский народ, который по всей справедливости может быть назван народом гениев, который в течении веков шел впереди всего человечества, столица которого была столицею всего цивилизованного мира и у которого столько всеми желанной свободы, представляющей, по-видимому, ряд блестящих условий для проявления всевозможных видов гражданской доблести. И что же оказывается? Народ гениев еще так недавно всецело погружен был в свое панамское дело, которое гласит, что тут все общественно-политические деятели, начиная от официально поставленного министра, оканчивая последним газетным репортером, все продажны, все способны принести на алтарь мамоне и свою гражданскую доблесть, и свою честь, и свою совесть. Да что же это такое? спрашиваете вы. Неужели таковы и в самом деле должны быть, представители истинной цивилизации, претендующей на последнее слово в человечестве? Ведь это воры и разбойники, скажете вы, которым место в дремучих лесах, на большой дороге, а не там, где благо ближнего должно быть поставлено центром человеческих стремлений. Нет, отвечу я вам, это не воры и не разбойники, а самые блестящие представители современной западноевропейской цивилизации, которую кое-кто хотел бы поставить в пример для подражания и нам русским!

Представляя эти печальные факты в такой резкой форме, я не хочу преувеличивать их значение и тем более не расположен делать из них какие-нибудь искусственные выводы, в роде того, что „Запад гниёт", „Запад разлагается" и т.д. Нет. Я хочу только сказать, что западный человек, устремив свои силы на понятие законов физической природы, слишком мало сделал для понятия основ чело-

веческого духа, а поэтому он и оказался не в состоянии справиться с эгоистическими стремлениями последнего. Изучая формы животной жизни и встречаясь там постоянно с фактом борьбы за существование, западноевропейец возвел его в закон, и признал его естественной нормой и для человеческих отношений. А чтобы узаконение такой нормы, противной самым элементарным требованиям истинной нравственности, не довело произвола человеческой личности до полной разнузданности, современный европейец, но примеру древнего римлянина, обставил эту личность формально юридическими узаконениями, думая в этом внешнем формализме найти и прочное основание для благоустройства человеческого общежития и действительное средство для разумного воспитания человеческой воли. С торжеством в жизни формально-юридического начала нравственное начало неизбежно должно было иссякнуть. Вот почему на западе есть много высокообразованных христиан, но там слишком мало истинно-христианского духа: высокий идеализм и жизненная теплота христианской любви уступили там место в теории – безыдейному и беспринципному альтруизму, а на практике – сухому, мертвому, грубо практическому, утилитаризму; искренность и сердечность христианского братства заменена там основанной на чисто коммерческих началах ассоциацией. Фальшь такого положения вещей непосредственно очевидна. Высшие дисциплинарные мероприятия всегда нужны; но ими одними вы можете воспитать в человеке сдержанность, внешний лоск, известный, требуемый модой, приличия; но вы никогда не победите в нем эгоизма, который, будучи до поры до времени сдержан, при первом удобном случае прорвется и покажет себя во всей своей грубой и пошлой наготе.

Человеческому духу присуще стремление к идеалу, по совершенству которого он мог бы пересоздавать свое внутреннее несовершенство. Если вы хотите не дрессировать только человека, как дрессируют животных, а действительно воспитывать его, дайте ему этот идеал, и поставьте дело так, чтобы в самом этом идеале была сила, притягивающая к себе человеческую волю. Только проникновение таким идеалом и живое общение с ним может удерживать человека на известной нравственной высоте. А между тем такого именно идеала западноевропейский человек и не нашел, не смотря на все свои усердные поиски. Усомнившись в данных от-

кровенной религии, он стал проверять их путем логического мышления. И в этом сомнении, и в этом стремлении к логическому пониманию откровенных истин нет ничего преступного, так как, с одной стороны, философское сомнение не есть что-нибудь такое, что зависело бы от нашей доброй воли, с другой стороны, и разум дан нам не для того, чтобы непременно вводить нас в обман. Тем не менее, все попытки европейской мысли, сделанные в этом направлении, окончились крайне печально: они разрешились рядом философских систем, давших в результате или грубый материализм, или идеалистический пантеизм. Того же, что именно следовало найти человеку, т.е. такого мировоззрения, которое в основу всего сущего ставило бы начало личное, разумное, сознающее и желающее, по абсолютному совершенству которого человек мог бы настраивать свое собственное несовершенство, такого мировоззрения он не нашел. Возвратиться после этого к вере предков было уже не возможно: беспощадным анализом мысли она была или совершенно вытравлена, или настолько парализована, что потеряла все свое жизненное значение. Оставшись, таким образом, без религиозного идеала, человек остался и без действительной нравственной основы.

Правда, отвергнув христианскую любовь, как принцип нравственной деятельности человека, европейская философия поспешила заменить её альтруизмом, т.е. верой в силу естественного, бессознательного, чисто инстинктивного стремления к добру, важнейшей формой проявления которого является сострадание. Но насколько альтруизм может заменить христианскую любовь, видно уже из того, что тот же Шопенгауэр, который выступил одним из первых проповедников альтруизма, явился вместе с тем и основателем самого отчаянного, самого безотрадного, в полном смысле слова безысходного пессимизма, который, кстати сказать, сделался самой модной философией в Европе. Для всякого, надеюсь, ясно, что там, где царствует истинная христианская любовь, там нет места пессимизму; эти понятия несовместимы. А между тем один раз встав на такую шаткую почву, европейская мораль уже не в состоянии была удержаться от своего полного падения. И вот в результате мы имеем возмутительную философию морали злополучного бывшего базельского профессора, Фридриха Ницше, который с циничной беззастенчивостью заявляет, что мораль со-

страдания есть плод физиологического старения, измельчания и общего вырождения человечества, что то, что на обычном языке называется добродетелью, в сущности есть подлая „трусость“, „жалкая дряблость“, „бабья мораль“, что люди, которых принято называть безнравственными, преступниками, злодеями и т.д., не должны быть приносимы в жертву обычному понятию о нравственности и что самое понятие о чистой и нечистой совести должно быть изгнано со света.

Во имя чего же, спросите вы, делается подобное возмутительное, поистине чудовищное, словоизвержение? Оказывается, что все это проповедуется во имя идеала усовершенствования отдельных представителей человеческой породы. Человечество мельчает, стареет, вырождается, и чтобы спасти его от окончательного разложения, нужно дать полную волю людям силы, жизни, энергии, хотя бы это были отчаянные злодеи, никакими законами несдерживаемые преступники. А что же будет с остальными людьми? спросите вы. Остальные люди, как нечто стадное, мелкое, жалкое, презренное, должны послужить пьедесталом для возвеличения этих гениев, без которых вся остальная масса человечества сама по себе ничего не стоит. Слушая эту философию, решительно забываешь, о ком здесь идет речь: о людях ли, или о стаде животных, в котором лучшие экземпляры сохраняются для разведения, а остальная масса отдается на убой. Напрасно стараются ослабить истинный смысл этой морали, утверждая, что она есть безумный бред сумасшедшего. Мораль Фридриха Ницше находится в самой тесной внутренней связи с общим духом европейского мировоззрения, как оно сложилось в последнее время. Не трудно понять, что мораль эта есть не что иное, как перенесение в область человеческих отношений хорошо известного Дарвиновского учения об эволюции вида путем естественного отбора на почве борьбы за существование. Любопытно то, что Фридрих Ницше развил свою философию морали путем критики воззрений Шопенгауэра, так что на его мораль можно смотреть как на, своего рода, лекарство против пессимизма. Страшно становится за людей, которые, страдая такими болезнями, вынуждены прибегать к подобным лекарствам. После этого нужно удивляться не тому, что в Европе царствуют милитаризм и панамщина, а тому, что там люди еще не переели друг друга. Впрочем, динамитная система все сильнее и сильнее всплывающей

наружу социальной борьбы заставляет опасаться, как бы там и на самом деле не случилось чего-нибудь подобного.

Итак, повторяю: западноевропейец, выказав величайшее могущество в деле подчинения себе сил и законов физической природы, оказался совершенно бессильным в деле понимания основ человеческого духа. Вот та проблема, пред которой остановился западный человек и в деле решения которой он фактически доказал свое полное духовное банкротство. Когда степной кочевник, всю жизнь свою проводящий в набегах, убивает и грабит своих соседей, вы называете его диким варваром, и этим все объясняется. Но когда культурный человек, давший неоспоримые доказательства блестящего развития некоторых сторон своего духа, обнаруживает те же инстинкты, вы имеете полное право назвать его нравственным банкротом и нет ему другого названия. А между тем законы нравственности так же непреложны, как и законы физические, и если нарушение их не влечет за собой непосредственно кары, то это еще не значит, что она и никогда не последует. И горе тому народу, который, принеся их на алтарь личному эгоизму, во время не опомнится и не совершит надлежащей искупительной жертвы. Что от современного человечества требуется такая искупительная жертва, это едва ли нужно доказывать. Кругом чувствуется, что без такой жертвы и без разрешения указанной проблемы, жизнь человека, поднявшегося на такую высокую ступень культурного развития, становится невозможной. Пока человек покоился, так сказать на земле, пока его воля была сдерживаема нравами и обычаями доброй старины, он стоял твердо, потому что под ногами у него была хотя грубая, но прочная точка опоры. А раз он поднялся над землей и прежние устои стали шататься, ему предстоит одно из двух: или он должен отыскать тягу, прикрепляющую его к небу, или он должен рухнуть и рассыпаться, как рухнул и рассыпался древний языческий мир в лице целого ряда своих, не редко очень блестящих, представителей. После всего сказанного не трудно понять, что такую тягой может быть только возвышенный нравственный идеал, который бы, овладел всем существом, человека, вызвал бы к жизни все лучшие, все благороднейшие силы его духа, доставил им возможность одержать верх над не в меру расходившимся эгоизмом личности. Не трудно, надеюсь, понять также, что такой идеал может возникнуть только на почве религиозной и что он уже давно

дан человечеству в христианстве. Но легко, также понять и то, что возвращение к прежнему, непосредственному отношению в вопросах веры для представителей современной европейской мысли уже почти невозможно. Где работает мысль с неразлучным спутником анализом, там неизбежно идет разрушение; а что разрушено анализом мысли, то может быть восстановлено только его синтезом. А между тем единственный положительный результат, которого достигла европейская философия в основных пунктах своего учения, состоит, в том, что она тщательно разрушила все, во что прежде верил человек; все же созидательные попытки её творчества /дали в результате почти один только пустоцвет; так что руководящий мыслями слой европейского общества, имеющий громадное влияние и на все общество и даже на народную массу, остался теперь и без философии (т. е. без общепризнанной философской системы) и без религии. И нет сомнения, что если и мы, русские люди, будем слепо следовать за Европой, то и с нами случится тоже. Но в тоже время остановить работу анализа мысли мы не можем. Да это и не нужно: беда не в работе мысли, а в её направлении и в её отношении к остальным силам духа. Здесь нет необходимости пускаться в подробный анализ современного состояния европейской мысли; достаточно отметить следующий факт, ни для кого не составляющий теперь новости. Вследствие долгого, преобладающего, почти исключительного упражнения логической мысли, последняя не только заняла центральное значение между остальными способностями души, но и произвела парализующее действие на развитие некоторых из них, что прежде всего следует сказать о воле, Измельчание типов, невозможность появления сильных характеров, которыми изобиловала старая Европа, общая дряблость, на которую жалуется современная Европа, все это служит несомненным доказательством упадка воли, что некоторые не без основания ставят также в причинную связь с общим оскудением жизненной энергии. В самом деле, присмотритесь к тому, что делается в Европе, и вы увидите, что её деятельностью руководят три фактора: логическая мысль, сильная своими прочно установившимися методами; навык, приобретенный долгим упражнением, и чувство, переходящее нередко в необузданную страсть; могучей, же воли, – этой двигающей силы духа, которая создала современную Европу, теперь там мало видно. А между тем теперь все сильнее и сильнее

начинает сознаваться мысль, что воле принадлежит центральное значение не только в деле веры и практической жизни вообще, но и в области познания, и что важнее всего, – без воли не возможно возникновение идеалов. Что такое идеал? Идеал есть воспринятая сознанием идея, перешедшая в акт воли. Где нет воли, там не может быть ни возвышенных идеалов, ни прочных и глубоких убеждений, ни вообще здоровой философии. Полный упадок в современной Европе метафизики, господство позитивизма, не требующего ни глубины, ни энергии мысли, поразительная шаткость мнений в решении вопроса о нравственной деятельности человека, сильный успех пессимизма, все это служит несомненным доказательством упадка воли, и вообще – жизненной энергии. Люди, знакомые с историей философии, легко могут припомнить, что нечто аналогичное происходило в древней Греции, когда сошли со сцены три великана греческой философской мысли, Сократ, Платон и Аристотель, и когда наступило господство мелких школ, бесплодно мучившихся над решением разного рода практических вопросов.

Итак, беда не в анализе мысли, а в её направлении, в её односторонности, а может быть, и в её современном бессилии. А между тем, никогда, кажется, не чувствовалась в такой степени, как это теперь чувствуется, необходимость в такой философской системе, которая бы, удовлетворяя непреодолимой потребности современного человека в логическом обосновании всякой истины, в тоже время оказалась бы в согласии с истинами откровенной религии. Что Запад нуждается в такой системе, это непосредственно очевидно; но что потребность в ней начинает чувствоваться и у нас на Руси, это видно, во-первых, из ряда появившихся у нас и позднейшее время работ по философии известного направления, во-вторых, из того успеха, каким пользуются в известном кругу нашего интеллигентного общества плоды недомыслия разного рода непризванных проповедников, в роде, напр., "яснополянского пророка".

Итак, утвердить ослабевшую и расшатавшуюся мысль на прочном основании, примирить её с данным в откровении религиозно-нравственным идеалом и водворить, таким образом, в душе гармонию её силы, способностей и стремлений, воспитать по этому идеалу человеческую волю так, что бы она, отказавшись от эгоизма личности, благо ближнего поставила центром своих стремлений и в этом благе нашла один из главных источников своего личного

счастья, – вот та великая, поистине славная, но в тоже время необыкновенно трудная, задача, которую поставила история цивилизации будущего. Освещая эту задачу с исторической точки зрения, можно представить себе её так. Древний мир освободил человеческий дух из-под гнета материи и дал ему самостоятельное бытие. В новейшей европейской цивилизации освобожденный дух все свои силы устремил на понимание законов порабоцевавшей его материи и достиг того, что сам заставил последнюю служить своим интересам. Осталось выполнить еще третью и последнюю задачу: отыскать ключ к пониманию законов человеческого духа и заставить последний служить тому высшему идеалу, для осуществления которого создан человек. Велики заслуги современной цивилизации, одержавшей столько славных побед над законами физической природы; но они побледнеют пред заслугами той цивилизации, которая сумеет победить эгоизм человеческого духа и доставить человечеству тот вожделенный мир, о котором оно так давно и так напрасно мечтает.

Но возможно ли это? Не есть ли это несбыточная мечта, созданная воображением человека для усаждения тяжких минут горькой действительности?

Нет сомнения, что в наше время, которое принято называть временем акций и облигаций, железнодорожных концессий, и банковых крахов, временем динамитных взрывов, панамщины и грубого милитаризма, в такое время не много можно встретить людей, которые, вместе с великим ветхозаветным пророком поверили бы, что настанет время, когда люди „перекуют мечи свои на орала, и копыя свои на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать" (Ис. II, 4), и когда вообще люди „не будут делать зла и вреда", потому что "земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море" (XI, 9). Можно с уверенностью утверждать, что для громадного большинства людей нашего времени, претендующих на право практической рассудительности и здравомыслия, подобный идеализм покажется несбыточной утопией, плодом детской, наивной мечтательности. Мы, однако ж, позволим себе спросить, на каких данных, на каком логическом основании утверждается подобный скептицизм? Ни история человеческого прогресса, представляющая факты, хотя и неравномерного, и не всегда устойчивого, но все же несомненного развития всех

сторон человеческого духа, ни понятие о человеческой личности, содержащей в своей природе необходимые условия для высокого нравственного совершенствования, ни текущая жизнь, представляющая примеры отдельных личностей, глубоко проникнутых истинной христианской любовью и высокими благородными стремлениями, – ничто не дает права для такого скептицизма. Такой скептицизм утверждается на грубом практицизме века, на общем упадке духа нравственного идеализма и на вере в могущество эгоизма, в борьбе с которым ходячая мораль оказалась совершенно бессильной. Конечно, было бы наивно предполагать, что поворот к предполагаемому нравственному возрождению человечества произойдет под воздействием какой бы то ни было морали. Чтобы современный человек вышел из состояния своей нравственной апатии, чтобы он твердо решился вступить в борьбу со СВОИМ эгоизмом, чтобы душа его загорелась порывами к высокому идеализму, необходимо, чтобы жизнь предварительно дала ему серьезный урок в этом отношении. Когда эгоизм личности, заручившись всеми усовершенствованиями современной техники, поощряемый проповедниками, подобными Фридриху Ницше, в своей разнузданности дойдет до крайностей, тогда, скажем словами поэта.

...Опомнится наш век,
Погибнет царство Эпикура,
За ум возьмется человек.

Само собой разумеется, что для того, чтобы современное человечество могло вывести на своих плечах такую грандиозную реакцию и не пасть в ней, а нравственно возродиться, необходимо, чтобы оно в минуту катастрофы могло выдвинуть на сцену жизни богатые, еще совершенно свежие стихийные силы. Этому учит нас исторический опыт. На памяти история Европы уже раз переживала аналогичное состояние. Известно, что когда с трибун нравственно разлагавшегося греко-римского мира стала раздаваться призывавшая к духовному возрождению проповедь сначала языческих, а потом и христианских проповедников, то этот призывной голос в известном смысле остался бесплодным и не в состоянии был спасти рушившегося ветхого здания. Почему? Потому, что греко-римский мир уже не способен был к обновлению, так как он к этому времени уже успел израсходовать весь запас своих стихийных сил и обновиться, ему было нечем. Но и выступавший на смену

юный Германо-Кельтический мир тоже не мог в надлежащей степени воспользоваться этой проповедью, по той простой причине, по какой не знающий жизни юноша не может воспользоваться жизненным опытом старца. В ином положении находится современная Европа. Правда, трудно поверить, чтобы запад, совершивший такой огромный подвиг и потративший на него такую массу сил, мог взять на себя новую, еще более грандиозную, еще более трудную задачу. К тому же голоса, служащие показателем внутреннего самочувствия на западе, начинают звучать в позднейшее время все более и более минорным тоном, а это дурное предзнаменование.

Народный организм, где могут пользоваться успехом проповедник мрачного пессимизма, сулящего в результате почти полную индийскую нирвану; где, с другой стороны, могут раздаваться голоса, которые, как бы возбужденные предсмертной агонией, для спасения угасающей жизненной энергии, могут предлагать такие отчаянные средства, с какими выступил Фридрих Ницше; где, наконец, в середине между этими крайностями помещается остальная масса, одинаково равнодушная и к добру и к злу, и всецело отдавшаяся интересам плоти, – такой организм едва ли способен к полному всестороннему обновлению. И в этих проявлениях данного организма и в его неровном пульсе, опытный диагност увидит зловещие симптомы, мало подающие надежд на выздоровление. Но едва ли это же можно сказать о славяно-русском мире. Правда, интеллигентный класс нашего народного организма давно уже живет жизнью запада и в рассматриваемом отношении не только не лучше, но, пожалуй, даже хуже его. Но болея болезнями Запада, мы зато опытни и его опытом. Критикуя Запад, мы критикуем и себя, предлагая лекарство для излечения Запада, мы предлагаем его вместе с тем и для себя. А раз диагноз поставлена и лекарство определено, то исход болезни зависит частично от ухода за больным, я главным образом – от собственных сил организма: чего не перенесет старик, то может перенести юноша. Тут то и заключается наше преимущество пред Западом.

Загляните в паше захолустье, особенно в пункты, удаленные от культурных центров, и вы встретите там миллионы людей, которые своей первобытностью перенесут ваше воображение ко временам Владимира и Ярослава. И если вы поживете с ними и

глубже присмотритесь к их внутреннему миру, то, не смотря на свое огромное превосходство в умственном отношении, вы почувствуете себя пигмеем пред этой, в течении веков окрепшей, совершенно непочатой, стихийной силой. Такое же впечатление русский человек производит и на иностранцев, которые ближе и внимательнее к нему присмотрелись. Известный ученый Вогюэ, познакомившись с группой русских монахов на Аеоне, замечает: „здесь нет и речи о каком-нибудь упадке сил, о разложении; напротив того, приходится иметь дело с поколением новым, нетронутым, которое хотя и уносит нас в средние века, но в средние века Запада". Но особенно любопытны в этом отношении отзывы, по своему, знаменитого Ренана, которые он высказал, между прочим, – в характеристиках Тургенева и Мицкевича. Как бы комментируя наше народное верование, что могучая богатырская сила зреет в долгом бездействии и что гений „почти всегда есть результат долгого предшествовавшего сна", он признает славян людьми, „полными первобытных соков", которые „в одно время и новы в жизни, и древны по своему существованию" и „появление которых па первом плане мира составляет самое неожиданное явление нашего века". Ренан, затем, верит, что будущее откроет ряд неожиданностей, хранящихся в этом, как он выражается „изумительном славянском духе, с его пламенной верою, с его глубокою проницательностью, с его особенным пониманием жизни и смерти, с его потребностью мученичества, с его жаждою идеализма", с его упорным оптимизмом, с непоколебимой верой в будущее человечества.

Думаю, что ни один истинно русский человек не станет отрицать верности этой характеристики. А если так, то какие же еще другие качества нужны для народа, призванного решить выше указанную проблему? Народ, богатый нетронутыми природными силами и полнотою первобытных соков, народ, дух которого с пламенной верой и жаждой идеализма соединяет потребность претерпеть мученичество за свои идеалы, народ, который в своем упорном оптимизме непоколебимо верит в будущее человечества, – да этот именно народ и способен подавить эгоизм духа и доставить торжество в жизни высшим нравственным началам. Внешние условия вашего существования как нельзя лучше этому благоприятствуют. С одной стороны, мы достаточно сильны, чтобы не питать в душе злобы, свойственной мелкому бессилию, с другой сто-

роны, мы достаточно богаты, чтобы не развивать в себе зависти, свойственной нищете. Словом, в нашем внешнем существовании нет условий, часто способствующих воспитанию низких, пошлых инстинктов.

Обобщим все вышесказанное. С тех пор, как появился на земле человек, коренной потребностью его духа всегда было стремление к благу. Но в этом своем стремлении человек всегда встречал двух главных врагов: физическую природу и свой собственный эгоизм. Считая первого врага важнейшим, борьбу с ним человек повел энергично и его труд увенчался блестящим успехом: современный человек может с гордостью сказать, что ключ к пониманию законов физической природы в его руках, а вместе с тем и торжество над ней частично уже достигнуто, еще больше (частично), можно надеяться, будет достигнуто в будущем. Но борьба с первым врагом не только не ослабила второго, но даже усилила его, дав в его распоряжение средства, выработанные в борьбе с первым врагом. Правда, для борьбы с эгоизмом духа могущественное средство даровано человеку в христианстве с его благодатными силами. Но девятнадцативековой опыт показал, что результаты воспитательного действия на людей христианства слишком далеки от своего идеала. Почему же? Потому, что христианство в своем основании выходит из факта признания свободной воли человека, которому предоставляется право свободного участия в своем совершенствовании и насилие над которым не допускается. Причина зла, таким образом, коренится не в бессилии христианства, а в самой человеческой природе, в порочных наклонностях воли.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы человечество до этого времени мало заботилось об усовершенствовании своей воли. Наоборот, у всех культурных, особенно христианских, народов всегда преобладало стремление довести волю человека до согласия с более или менее возвышенным нравственным идеалом; но все эти стремления обыкновенно разбивались об их собственное бессилие. Коренная же причина этого бессилия лежит в незнании законов духа. Путь к победе над эгоизмом человеческого духа тот же, что и к победе над физической природой, т. е. понимание законов, по которым совершается жизнь духа. Воля человека свободна; но это не значит, что она случайно произвольна в своих проявлениях. Нет: она так же закономерна, как и все то, что выходит из рук Верхов-

ного Законодателя; хотя законы духа бесконечно сложнее законов физической природы, а поэтому и понимание их несравненно труднее. Но несомненно то, что пока человек не отыщет ключа в понимании законов духа и не найдет средств к прямому воздействию на него, до тех пор он, в жалком бессилии, не перестанет повторять вслед за великим апостолом; „не еже хощу доброе, творю, во еже не хощу злое, сие содеваю" (Римл. VII, 19), т.е. он не в состоянии будет вполне воспользоваться благодатными силами христианства и до известной степени всегда будет оставаться рабом своих страстей, своей греховности; а жизнь, согласная с идеалом, навсегда останется уделом натур исключительных, людей избранных. Только понимание законов духа в широком смысле этого слова может открыть человеку верный путь к победе над эготизмом, точно так же, как понимание законов физической природы открыло ему путь к победе над её враждебными силами.

Итак, открыть ключ к пониманию законов человеческого духа и привести его стремления в согласие с данным в христианстве нравственным идеалом, вот, в конце концов, та великая, бесконечно трудная, но в тоже время высоко-благородная задача, к осуществлению которой призван великий славяно-русский народ. В ответ на это могут заметить, что ключ к пониманию законов духа уже дан человеку в откровенной религии. Да, он дан. Но разве вся глубина данных откровенной религии уже вполне сознана и раскрыта человеческим пониманием? Первобытный дикарь и глубочайший философ могут рядом жить и спастись в недрах христианской Церкви; но разве степень понимания христианских истин у того, и другого одинакова? Не следует ли из этого, что путь к пониманию данных откровенной религии, идущий через самоуглубление человеческого духа в акте самосознания, бесконечен? По мере того, как человеческое сознание путем самоуглубления будет продвигаться вперед в деле понимания законов духа, и степень понимания данных откровенной религии, определяющих цель и смысл человеческого бытия, будет становиться все выше, все яснее. Вот в этом-то поступательном движении в деле понимания законов духа, ведущем к более глубокому пониманию и воплощению в жизни данных откровенной религии, заключается истинный смысл того нравственного прогресса, о котором здесь, идет речь, возможность и необходимость которого здесь доказывается.

Но почему же именно русский, а не какой-нибудь другой народ призван осуществить на земле эту поистине завидную задачу? Прежде всего не потому, что народ этот обладает как бы какими то необыкновенными, ему одному присущими, дарованиями, что он лучше других народов, что он народ избранный, призванный Провидением для осуществления на земле какой-то чрезвычайной миссии,.. Если бы все это было и верно, то во всяком случае подобное самохвальство не должно исходить из уст людей, принадлежащих к племенному типу, который не без основания некоторые называют „типом женским“, „типом смиренным“. Нет, не потому. А потому, что вышеуказанная задача ясно признана и с практической принудительностью выдвинута жизнью как раз в тот именно момент, когда русский народ, достигнув в своем политическом могуществе необходимых гарантий, обеспечивающих свободу и безопасность мирного труда и сознав необходимость освободиться от рабского подчинения чужому влиянию, еще совершенно юный, бодрый, полный свежих сил, стал на путь свободного, само-бытного развития.

Великие народы, в подобные моменты своего бытия, всегда чувствуют потребность в такой задаче, которая бы, объединяя и направляя их богатые дарованиями силы, в тоже время указывала бы исход и давала бы внутреннее удовлетворение идеальнейшим стремлениям их духа. Что мы, русские люди, в настоящее время чувствуем потребность в такой именно задаче, это доказывается всеобщей жалобой у нас на отсутствие идеалов, а что эта задача уже указана нам текущей жизнью, это, надеюсь, достаточно доказано. Западное человечество в своей науке о человеке пришло к признанию своего ближайшего непосредственного родства с животным, а поэтому, не противореча себе, конечною целью своего бытия оно легко может ставить факт всестороннего удовлетворения, разнообразным потребностям своей животной природы. Русский народ имеет мужество признавать, что он создан по образу и подобию Божию, и горячо верит, что этот образ в своем чистейшем, в своем идеальнейшем, виде воплощен на земле в исторической личности нашего Божественного Спасителя, Вот его единственный идеал, не воображаемый только, а такой же живой, такой же действительный, как живо и действительно все реально существующее. Западное человечество, согласно с указанным направлением

своей мысли, создало себе много кумиров и всякого рода подобий, а поэтому там и много культов, служение которым рассеивает внимание человека и мешает ему сосредоточиться на чем-нибудь определенном. У русского народа один Бог, а поэтому он может и должен отдаться ему всецело, без остатка, горячо, искренно, со свойственным нашему племени идеализмом. Что же касается того, останется ли он в этом своем стремлении одинокими или найдет поддержку среди других народов, это другой вопрос, которому здесь нет места.

В заключение, во избежание всякого рода недоразумений, считаю нужным заметить, что, говоря об условиях осуществления указанной задачи, я касаюсь этого вопроса настолько, насколько решение его зависит от сознательного стремления свободной воли человека. Кроме свободной воли человека на процесс исторического развития человечества влияют, конечно, и другие факторы, но это другой вопрос, касаться которого здесь не вижу необходимым. Не касаюсь также и тех начал, которыми характеризуется наша народность и последовательное развитие которых составляет лучшую гарантию успешного осуществления вышеуказанной задачи. Что дух общности в социально-экономическом быту и начало соборности в области религии служат лучшим условием для подавления эгоизма личности и воспитания в человеке духа христианского альтруизма, эта мысль блестяще развита у нас славянофилами и повторять ее здесь было бы излишне.

Печатается по:

Завитневич В.З. К вопросу об историческом призвании русского народа. Труды Киевской духовной академии. 1893.

№3.С.341-365.

В.З. ЗАВИТНЕВИЧ

БАНКРОТСТВО НАЧАЛ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИДЕАЛ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Начало: « Мировая история знает не мало таких моментов, изучение которых оставляет у историка осадок какой-то горечи, тяжелой нравственной боли. Таковы времена всех этих много шумевших в свое время, пронесшихся грозным ураганом по земле, диких варваров, как, например, Аттола, Чингисхан, Тамерлан, вызывавших у современников чувство страха и настоящего ужаса. И тем не менее деяния этих и их подобных варваров бледнеют перед тем, что твориться в наши дни в Культурной Европе.....»

Это маленькое сравнение – показывает какая разница между дикарями старых времен и современными просвещенными вандалами. Варвары старых времен были суровы, жестоки, часто кроваважны; но они были необразованы, и это их невежество, естественно, с одной стороны, суживало порывы их воображения, с другой стороны, ограничивало технические средства их разрушительной деятельности и, вообще, полагало границы тем формам, в которых проявлялась их ярость. Теперь не то. Плоды высокой многовековой культуры, блестящие успехи области науки и искусства, открытия в области пара, электричества, авиации, – теперь это все пущено в ход истребления людей. И все это особенно ужасно потому, что для многих является, совершенно неожиданным. Ведь еще так недавно никто из нас и в мысли не мог допустить, что та культура, которою мы восторгались, которою мы гордились, от которой мы ожидали всевозможных благ для человечества, что эта именно культура принесет нам такие страшные плоды, что она поднимет руку сама на себя. Да, эта истребительная, война, особенно та почти невероятная жестокость, с которою ведет ее германское племя, и от которой во изумление приходит все остальное человечество, – все это для многих является большою неожиданностью, но только для многих, но не для всех.

Люди, знакомые с историей имели возможность задумываться над теми началами, которые положены в основу современной, евро-

пейской образованности, уже давно с тревогою следили, за тем, что творится в Западной Европе и почти пророчески предвидели настоящую катастрофу. Первые следы такой тревоги с широкой, всесторонней критикой начал европейской образованности появились у наших идеалистов 40–50 годов прошлого столетия.

Хомяков первый у нас громко заговорил о том, что европейская образованность, несмотря на весь свой внешний блеск, страдает одним крупным недостатком, – именно односторонностью положенного в ее основание начала. Эта односторонность, по его убеждению, проявилась: в области теоретической, – в чрезмерном развитии формально–рассудочного начала (рационализм) на счет начала живой веры, понимаемой в смысле полноты сил духа; в области практической – в торжестве формально–юридического начала над началом нравственным. Эта двоякая односторонность в дальнейшем своем развитии породила: в сфере религиозно–церковной – замену идеи вселенской соборности (общественности), идеей римского панизма (монархического абсолютизма), вызвавшего крайности протестантизма; в сфере социальной – замену христианского начала любви язычески–стихийным началом борьбы за существование, возведенной в закон жизни. Все это вместе взятое, при необыкновенном успехе материальной культуры, повело к тому, что европейское просвещение, так сказать, овеществилось; овеществилось не в том смысле, чтобы там интересы духа, совершенно иссякли, а в том смысле, что интересы вещественные взяли первенство над интересами духовными. И в самом деле, если бы над всей Западной Европой воздвигнуть одну общую крышу и на ней выставить одну вывеску, то самую подходящую на ней надпись было бы: банки, мастерские, фабрики, заводы.

Несомненно, что в некоторых отношениях: современный европейский человек достиг изумительных успехов. Особенно велики его успехи в области положительной науки, доставившей ему возможность побеждать законы природы.

И если б древний грек, гордый своими успехами в области философии и искусства, мог взглянуть на то, чего достигло и еще собирается достигнуть в будущем наша культура при помощи своей положительной науки, то он ни на одну минуту не усомнился бы ответить современному человеку место на своем священном олимпе. Но открывать тайну побеждать физическую природу, владеет ли совре-

менный европеец такой же тайной укрощать человеческий дух с его буржуазными эгоистичными порывами, в которых интересы человеческого блага встречают не менее опасного врага, чем самые грозные явления физической природы?

Этот вопрос уже давно заострял на себе внимание людей вдумчивых, в последнее время стал принимать особенно острый характер. Вот что я писал по этому вопросу двадцать лет тому назад "Пред нами – говорил я тогда «народ мыслителей», давший человечеству: Канта и Гегеля, Александра Гумбольдта и Нибура Шиллера, Гете и Бетховена и массу других славных деятелей, имена которых всегда с благоговением будут вспоминаться потомством". Взгляните чем же теперь занят этот народ, куда направлены его мысли и чувства, на что тратить он свои духовные силы и материальные средства. Оказывается, что «народ мыслителей» почти тем только и занят, что льет пушки, мечи, приготовляет бездымный порох, отравляет воздух бранными криками и только и занят тем, что потребляет людей. Если вы серьезно мыслящий человек, если в вашей душе есть хоть капля христианского идеализма, вы отвернетесь от этих одичавших людей, которые ради удовлетворения своих нравственных побуждений готовы залить кровью всю Европу.

Эти строки, писанные двадцать лет тому назад, как показывает время оказались почти пророческими предсказаниями. Теперь не на словах, а на деле видим, что Европа действительно залита человеческой кровью. Как же это случилось? Как могло случиться, что столь блестящая культура дала столь отрицательные плоды?

Сложные исторические явления вызываются сложными причинами. Но ближайшие исторические обстоятельства, породившие современный милитаризм, хорошо известны они у всех на глазах. Новейшая современная история, как известно, выдвинула идею народности, которой суждено было играть не последнюю роль в жизни европейских народов. Под воздействием этой идеи в Европе совершилось многое: объединение Италии, могущество Германии.

Идея народности сама по себе мирная и при разумном применении ее к жизни она может дать только положительные результаты, но при злоупотреблении ею, она может принести много вреда. Дело в том, что идея народности требует объединения в одно органическое целое разрозненных частей одного этнографического целого. Если

это совершается, свободно и не сопровождается насилием, то оно выражает народную мощь.

К сожалению, при объединении народностей германского племени это благоразумное уважение к свободе не было соблюдено, и допущенный в объединительном процессе акт грубого насилия не заставил долго ждать своих плодов.

Имею ввиду факт насильственного захвата Пруссией у Франции Эльзаса и Лотарингии. Хотя они провинции немецкие, но в течении долгой совместно жизни с Францией стали ее частью. Присоединение их Германии оказалось насилием и над Францией тоже. Результатом этого насилия во Франции явилась мысль реванша, а у Германии мысль о предупредительной войне. Боясь возмездия, Германия усиленно стала к нему готовится, превратившись в разбойное гнездо. Вот ближайший источник современного милитаризма :все боялись, а потому все готовились. Обычная в жизни стран и народов экономическая борьба усиливала действие этой главной причины: это было масло подливаемое в огонь. Но как могло случиться что старая умудренная опытом Европа, понимавшая все результаты возможной общеевропейской войны не нашла средств к ее устранению? Полагаю, что для ответа на этот вопрос необходимо от ближайшей причины современного милитаризма обратиться в глубь истории. Он лежит в особенностях Германской народной стихии. При решении этого, ввиду сложности жизненных явлений легко запутаться, и случайно принять за существенное. Но есть средство помогающее избежать этой ошибки. Господствующее начало жизни всегда дает себя знать в том конечном идеале, к которому стремится народ. Пресловутая восточная лень и апатия к деятельности нашли свое выражение в учении о буддийской нирване, азиатская в учении о магометанском рае, христианство нашло свое выражение в учении о вечном нравственном совершенствовании в загробном мире. В чем же заключается конечный идеал германского народа, которому принадлежит доминирующая роль в истории европейской цивилизации? Он нашел свое выражение в учении о Валгалле. Валгалла– это чертоги бога Одина, куда стекаются души героев после смерти. Каждое утро выезжают они в сопровождении Одина на бой, делятся на партии и рубят друг друга, сколько хватить сил. К вечеру отрубленные части срастаются, раны заживают. Всякая борьба всегда ведётся с какой-нибудь целью, даже хищные звери терзают друг друга, чтобы утолить голод.

Какую же цель преследуют герои Валгаллы? Никакой другой – кроме самой резни. Здесь мы имеем дело с разбойниками. Учение о валгалле находится в тесной связи с общими воззрениями германской мифологии, как это отразилось в Эдде. Мир, по этому воззрению, создан из крови и трупа великана Импера, которого убил Один с 12 Азами. Он начал борьбу с великанами, которая служила прелюдией к настоящей борьбе, имеющей наступить при конце мира. В бой вступят все силы природы, воздух и огонь вышлют своих враждебных друг другу демонов и наступит последняя война, в которой погибнут люди, боги и сам Один. Небо в каждой мифологии есть, говорят, отражение земли. Если когда-то, именно в нашем случае эта истина имеет свое полное применение. Вспомним похождения норманнов, ужасы которых потребовали от Церкви сочинения особой молитвы об избавлении от них; вспомним неистовства Берсеркеров, приходивших в опьянение при виде трупов и крови и пойдем, в какой полной гармонии находилось небо терманий с землей. "Какой ты веры?" – спросили одного нормана "я верю – ответил он только своему оружию, своей силе, своей храбрости". Вот первый и основной символ веры истинного германца.

Это начало борьбы, вернее, резни, ярко отмеченное в жизни германцев, с самого начала выступления их на историческую арену, потом красною нитью проходит через всю их историю, то, смягчаясь под воздействием христианской культуры, то опять пробиваясь наружу во всей своей наготе.

В этом отношении особенно кстати вспомнить эпоху так называемого кулачного права, когда буйные рыцари превратили свои замки в настоящие разбойничьи притоны, нагло насмехаясь над всяким правом, над всякою законностью.

Нужно помнить, что учение о Валгалле находится в тесной связи с общими воззрениями германской мифологии.

В каждой мифологии небо есть отражение земли.

Любопытно то, что когда даже Церковь задумала вступить в борьбу с этим злом, то она выдвинула так называемую „Святую Фему“, символом которой служили кинжал и веревка. При наличии таких фактов уже не трудно понять, каким образом на Западе, где германской народной стихии, как сказано было, принадлежит доминирующее значение, выдвинутое И. Христом начало любви было подменено началом борьбы, возведенной там в закон жизни. И когда

в наши дни император Вильгельм в своем ораторском словоизлиянии говорил о своем старом союзнике Боге, то, очевидно, он имел в виду по христианского Бога, Бога любви и мира.

Примесь крови кельтской, романской, славянской и литовской, даровитость самого германского племени, особенно мощно выступившая в германской философии, все это долго боролось с отрицательными сторонами чисто Германской национальной стихии. Но в позднейшее время под влиянием сложившихся обстоятельств, эта стихия восторжествовала, проникла даже в область чистой мысли и отравила ее. Последнее обстоятельство совершилось тем легче, что германская мысль, как свидетельствует история европейской науки, всегда отличалась односторонностью, ей всегда недоставало того, что можно назвать чутьем действительности. В этом отношении особенно любопытно наблюдение, произведенное Н. Я. Данилевским, в книге "Россия и Европа". Этот ученый задался целью проследить, какое влияние на развитие науки оказали национальные особенности психического строя тех ученых, которые участвовали в ее разработке. Сообразно со своей задачей, он намечает четыре стадии в процессе разработки естественных наук, составляющие ступени, посредством которых каждая наука восходит на следующую высшую ступень развития: 1) сведение накопившихся фактов в искусственную систему, то есть объединение их на основании какого-нибудь искусственного начала, 2) возведение науки на степень системы естественной, отвечающей действительной природе вещей, 3) открытие частных эмпирических законов. 4) открытие общего рационального закона. Не трудно понять, что пока наука находится на степени системы искусственной, она вращается в "ложном кругу", и ее истинно научное движение вперед невозможно; но когда эта трудная ступень пройдет, то возведение ее на следующие высшие ступени сравнительно трудно. Оказывается, что немцы, давшие огромный процент работников науки вообще, ни одной науки не ввели за период естественной системы, и в то же время были главными участниками в искусственной систематизации знаний, и это потому, что умозрительный ум немца, говорил Данилевский не обходится без предвзятой идеи. Когда ученый другой национальности, поставит науку на правильную дорогу, немец, благодаря своему трудолюбию и настойчивости двигается по этой дороге с успехом. Но стоит его скинуть с дороги он назад не вернется. А пойдет по ложному пути до конца.

Известно, что Гегель, этот выразитель немецкого философского ума, только тогда, когда довел свою грандиозную систему до конца, почувствовал, что этой системе чего-то недостает, но сам так и не догадался, что ей недостает одной маленькой вещи-соответствия реальной действительности, что его система-это здание без фундамента.

Но самым блестящим показателем того, как германская мысль становится жертвою научной тенденциозности, может служить недавняя декларация немецких ученых, выступивших на защиту мысли, что германская демультура, для своего поддержания нуждается в милитаризме. Как могло случиться, что люди ученые, знающие, что всё что есть истинно ценного в германской науке и культуре берется нарасхват людьми других национальностей. Как они могли говорить, что их наука и культура нуждается в поддержке огнем и мечем. Полагаю, что для каждого мыслящего человека ясно, что такая мысль могла придти в головы ученым посредством старой немецкой тенденции, доказать, что их народ избранный, и что его законы должны стать законом для всего мира. Когда, несомненно, ученый немец утверждает, что Рафаэль, Шекспир, Коперник, Ньютон были немцы, то вы чувствуете, что это он делает потому, что по его убеждению все великое может быть только немецким. Нужно, помнить, что этот зазнавшийся национальный эгоизм, этот эгоцентризм, идут рука в руку с аморализмом новейшей немецкой теории права, забросившей принцип свободы воли и выдвинувшей начало пользы, начало корысти, наживы. Но едва ли не самым блестящим представителем немецкой ученой тенденциозной прямолинейности и аморализма служит Фридрих Ницше, наделавший столько шуму своей философией морали. Направляя речь против христианского сострадания, Ницше, с истинно немецкой последовательностью, заявляет, что мораль сострадания есть плод физиологического измельчения и общего вырождения человечества, что-то, что называют добродетелью, есть подлая "трусость", "жалкая дряблость", "бабья мораль", что люди, которых принято называть безнравственными, бандитами не должны быть жертвами обычного понятия о нравственности. Кто хоть немного знаком с народной психологией, им не трудно понять, что такие фрукты, как Ницше не одиноки. Он сравним с людьми кричащими, пленных не брать. Все они похожи на героев Валгаллы, все они поклонники одного бога Одина.

Разве от людей такого нравственного склада можно ожидать иного отношения к другим людям, чем-то, какое проявили немцы в этой войне! Но проявленный теперь, ими полный аморализм никоим образом не может быть признан плодом обще – европейской христианской культуры. Об этом свидетельствует единодушный протест против поведения немцев всех других народностей Европы. Наброшенная под воздействием христианства, и нацкультур тонкая пелена альтруизма при благоприятно сложившихся обстоятельствах быстро слетела с германца и обнажила полуизогнувшийся труп старого берсеркера, который и стал заражать своими миазмами нравственную атмосферу Европы. И легко представить себе, чего могло бы ожидать человечество, если бы германцам удалось утвердиться в той мировой роли, какую они в последнее время стараются играть на земном шаре. Временный успех германской стихии необходим, видимо, для того, чтобы во всем обнажилась ее отрицательная сторона. Во всяком случае, уже со всех сторон слышатся голоса, выражающие веру в нападение германца и в наступление новой эры. А между этим взоры направляются на Россию в подтверждение афоризма “свет с востока”. Вероятно, всем памятни слова французского деятеля Клемансо, еще давно указавшего на Россию, как на страну, где хранятся непочатые залежи идеализма, открывающая для человечества необъятные перспективы. В этих словах Клемансо слышатся как бы оттенки того, что в свое время высказал в характеристике Тургенева и Мицкевича знаменитый Ренан. Как бы комментируя наше народное верование, что могучая сила зреет в долгом бездействии и что гений есть результат долгого сна. Ренан, затем, верит, что будущее откроет ряд неожиданностей, хранящихся в этом, как он выражается, изумительном славянском духе с его пламенной верою с глубокою пронизательностью, с его особым понятием жизни и смерти, с его потребностью мученичества, с его жаждою идеализма, с его упорным оптимизмом, с непоколебимою верою в будущее человечества”. Можно было бы привести аналогичные заявления и других иноземных наблюдателей, например англичан. Что русский народ проникнут идеализмом, что он верит в будущее – это едва ли нужно доказывать.

Почти вся наша поэзия проникнута дымкой меланхолии, неумолкаемой тоской. Как развился в душе русского человека этот высокий идеализм с его разветвлениями, для историка это совершенно понятно. Вынужденный от самой колыбели своей больше

страдать, чем наслаждаться, русский народ, с одной стороны на собственных страданиях научился, понимать страдания других людей и сочувствовать им, с другой стороны, изнемогая под гнетом горькой действительности, он привык в горестном положении своем искать утешения в вере в другую лучшую жизнь, где царствует одна правда, любовь. Здесь источник его упорного оптимизма при печальной действительности, его своеобразного взгляда на жизнь и смерть, его высокого идеализма, его горячей веры в лучшее будущее. Эти качества души русского человека нам самим не бросаются в глаза просто потому, что они для нас составляют заурядное явление, потому что они наши. Но иностранцев безпристрастно наблюдающих быт нашего народа, они приводят прямо в удивление. В этом отношении особенно заслуживает внимания признание известного англичанина Вильяма Пальмера, посетившего Россию в половине прошлого столетия. „Я – искренно сознается он – был очень удивлен в первое время моего пребывания в России, насколько значительнее народный характер (здесь) носит отпечаток смирения, братской доброжелательности, теплого чувства и почитания к святым вещам и вере, чем у нас в Англии. Я знал и прежде, что нас справедливо обличают в гордости и эгоизме, но раньше, чем я увидел здесь противоположное, я не имел представления о степени зла". И так, смирение, братская доброжелательность, теплое чувство, почтительное отношение к святыне веры – вот те качества, которые с удивлением открыл в душе русского народа вице-президент коллегии Марии Магдалины в Оксфорде, этот сын гордого Альбиона. Смее думать, что мы, русские люди, от этих своих качеств не станем отрекаться, не станем за них краснеть. Они составляют коренное свойство нашего славянского духа, мы носим их в своей душе от самой своей колыбели, они составляют характерную особенность русского народа уже в самый первый момент, выступления его на историческую арену. Древнейшие иноземные летописцы, знающие наших предков под их собственным именем, единогласно, как бы сговорившись, отмечая внешнее дородство и физическую силу славян, подчеркивают ту мысль, что это были люди мирные, кроткие, добродушные, благожелательные. По словам Прокопия, у славян, не было, «ни зложелательства, ни коварств».

Император Маврикий и Гельмгольд особенно отмечают, их благосклонное и гостеприимное отношение к чужестранцам; Гельмгольд свидетельствует, что у них не встречалось ни бедных, ни ни-

щих и что они отличались особенно сердечным отношением к родным. Те же летописцы свидетельствуют об добродушном отношении к пленным и арабам. Что же касается их отношения к войне, то в этом отношении особенного внимания заслуживает следующий факт, передаваемый у писателя VII века Феофилакта Симокаты, когда Маврикий, говорит он, отправлялся во Фракию готовиться к войне с аварами, спутниками императора задержаны были три человека, не вооруженные ни мечами, ни другим оружием, но только носят кифары. В ответ на предложенные им вопросы они, между прочим, сказали, что они славяне, что жилища их у Западного океана, что они потому носят кифару, что не умеют обращаться с оружием, ибо в земле их нет железа. Допустим, что это легенда; но уже одно то обстоятельство, что эта легенда сложилась относительно славян, при наличии других вышеприведенных свидетельств, показывает, что война не была профессией славянина.

Но особенно выпукло эта сторона народного характера выступает в нашем былинном эпосе. Любимейший народный богатырь Илья Муромец, этот типичный выразитель русского народного духа, отправляясь в богатырскую поездку, просит у батюшки своего родительского благословения, и отец напутствует его следующими словами:

Я на добрые дела благословение дам,

А на худые дела благословения нет.

Поедешь ты путем и дорогою,

Не помысли злом на татарина,

Не убей в чистом поле христианина.

Другой русский богатырь, Добрыня Никитич, сетует на свою матушку за то, что она, родивши его, не спустила в сине море:

Я бы век, Добрыня, в море лежал,

Я не ездил бы, Добрыня, по Чисту полю,

Не убивал бы, Добрыня, не повинных душ,

Не пролил бы крови я напрасные,

Не слезил бы, Добрыня, отцов, матерей,

Не вдовил бы, Добрыня, молодых жен,

Не пускал бы сирот малых детушек.

Вот как рассуждают русские богатыри; а ведь это люди, так сказать, по самой профессии своей военные, ибо задача их оберегать русскую землю от врагов. Исторические обстоятельства заставляют

их братья за оружие; но они делают это не охотно, ибо идеал их не здесь:

А я ржи напашу, до во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу;
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиков напою.

Вот о чем мечтает русский богатырь Никула Селянинович. И это понятно: по своему внутреннему складу он прежде всего «мужик-деревенщина», т.е. он – мирный труженик земли; около этой его деятельности вращаются все его мечтания, все его идеалы. Упражнения героев Валгаллы для него так же противны, как противна всякому мирному человеку профессия разбойника. Само собой понятно, что и для обитателей Валгаллы стремления и помыслы русских богатырей должны были казаться по меньшей мере недостойной истинного героя сентиментальностью. Разные птицы – разные песни.

Представленный тип русского богатыря никоим образом не должен быть рассматриваем как позднейшая идеализация реальной деятельности. Это есть несомненно верное отражение этой действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в наши древние могильные курганы языческой эпохи и сравнить их с такими же германскими курганами. Оказывается, что в то время как германские курганы переполнены оружием, в наших курганах оно почти совершенно отсутствует. Германцу клали оружие потому, что он мечтал воспользоваться им в загробной жизни, в чертогах Одина, в Валгалле. Но трудно представить себе, какое применение оружия мог бы сделать на том свете русский витязь с его своеобразным взглядом на жизнь и смерть, с его идеалами, заставлявшими мечтать под конец жизни об искуплении грехов путем паломничества в святые места, а то и о постижении в схиму.

Такой же резкий контраст получается при сравнении женских типов, созданных древнейшей литературой. Сравним, например, выступающий в "Слове о полку Игореве" образ княгини Ярославны – мягкой, нежной, сердечной, горько оплакивающей своего возлюбленного Ладу, – с образом «варяжской жены» язычницы Ольги – сухой, злой, коварной норманки, жестоко мстящей Древлянам за смерть князя Игоря, и в этом отношении много напоминающей своих сестер

по национальности – Брунегильду и Кримгильду, этих героинь «Песни о Нибелунгах». Опять: иные птицы–иные песни.

Представленные качества души русского народа, ярко окрашенные началом альтруизма, исторически развиваясь под воздействием христианства, естественно должны были создать свой особый народный идеал. И этот идеал действительно создан русским народом; он нашел свое выражение в одном слове: «Святая Русь». Само собою, разумеется, что русский народ назвал себя Святою Русью не в смысле безгрешности своих членов. При наличии той скромности, того «смирения», которое бросается в глаза даже иностранцам, наш народ не мог дойти до такого самообольщения: святою Русь назвала себя в смысле святости того идеала, который лелеет в своей душе русский народ и хранителем которого, по его представлению, является Православная Церковь. Сущность этого идеала русский народ всегда видел в смиренном подчинении греховной воли человека святейшей воле Божьей; а свое понятие о Боге он выразил в одном слове: Бог есть любовь. Полагаю, что совершенно излишне было бы разъяснять ту элементарную истину, что в душе целого народа, как и в душе отдельной личности, бывают приливы и отливы; бывает просветление и потускнение идеала, что вообще идеалы всегда выше действительности. Речь идет не об исторических случайностях, а о том преобладающем настроении народа, которым характеризуется его общий этнографический облик, благодаря которому народ выступает как особый культурно–исторический тип, которым и определяется его место в мировой истории, или что то же – его историческое призвание.

Наша история свидетельствует, что под влиянием неблагоприятно сложившихся обстоятельств, особенно под воздействием иноязычных влияний, на поверхности русского народного организма появились налеты, по временам сильно изменявшие его внешний облик; но эта же история показывает, что эти отрицательные влияния никогда не опускались внутрь народной души и слабо касались ее глубин. Небольшая историческая справка легко иллюстрирует эту мысль. Так, на первых страницах нашей истории, когда влияние иноземных стихий было еще не велико, на челе русского народа выступает Владимир Мономах, подлинный выразитель русского народного духа, умевший как–то своеобразно, истинно по–русски, совместить в себе одновременно военно–политическую мощь с самым

глубоким альтруизмом чувства: этот «братолюбец, и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю», по словам летописца, умел, с одной стороны, заставить трепетать своего имени «все страны», будучи особенно «страшен поганым», и в тоже время он был жалостлив и милостив паче меры». И народ оценил этого близкого его сердцу человека: когда он умер, его оплакивали не только близкие ему люди, но «и все люди плакались, как дети по отцу или по матери», а позднее, из благоговения пред его именем ни один город не решался поднять руки на Владимирово племя. Так было в самом начале нашей истории. Шли века. Казалось бы, что под воздействием исторического прогресса этнографический тип русского народа будет улучшаться и совершенствоваться. Что же оказывается: в половине 16 века на престол Владимира Мономаха садится человек, «в мастерстве софизма не уступающий никакому византийцу, а в кровожадности – никакому татарину». Народ снисходительно называет его «Грозным», а новейшие историки не находят слов в русском лексиконе, чтобы достаточно сильно охарактеризовать тип этого «цельного, этого художественного изверга». Как же это случилось? Загляните в историю и там увидите, как постепенно, шаг за шагом, русское правдолюбие Мономаха вытравливалось и заменялось византийской софистикой, а его братолюбие – татарской кровожадностью. Но значит ли это, что и вся душа народная извращалась под византийско-татарским влиянием? Совсем нет. Прошло полвека и на русском престоле оказался «тишайший» Александр Михайлович, который по своему братолюбию и милосердию, словом, по высокому благородству своей души всецело может быть признан истинным потомком Владимира Мономаха. Но вот у этого тишайшего царя является сын Петр. По богатству всевозможных дарований, по идеализму и самоотверженности стремлений, это истинный былинный богатырь, это настоящий потомок Ильи Муромца. И народ за все его добро, за все благие его деяния не задумался назвать его «великим». Но, по воле истории, этот великан русского народного духа, прежде чем отправиться на свой богатырский подвиг, окунулся в струях немецкого моря и вышел из этой ванны с сильным налетом немецкого капрала. И вот народ, не узнав под этим густым иноземным налетом своего родного детища, назвал его «немцем» и отвернулся от него. Когда же из посеянных Петром на «Табели о рангах» семян стала произрастать

позднейшая бюрократия, то народ назвал ее «крапивным семенем», чем показал, что он умеет различать пшеницу от бурьяна.

Эту небольшую историческую справку можно было расширить и углубить; но и сказанного достаточно для понимания существа вытекающего отсюда вывода. Под влиянием разного рода исторических воздействий на поверхности народного организма могут появляться разного рода налеты, способные временно изменить его внешнюю физиономию; но опуститься вглубь народного духа они никогда или почти никогда не могут, особенно когда речь идет о народе великом; ибо там, на дне народной души, есть своя непроницаемая броня, сквозь которую проникнуть этим воздействием очень трудно. Эту непроницаемую броню составляет покоящийся в недрах народного духа идеал, который в большинстве случаев не столько сознается, сколько постигается каким-то своеобразным художественным чутьем. Это чутье и является тем высшим регулятором, который направляет жизнь народа в его историческом процессе. Под влиянием внешних обстоятельств этот идеал, это чутье часто бледнеют и тускнеют, но радикально они редко изменяются. Сколько разного рода исторических обстоятельств влияло на изменение германского народного типа: тут влияли и воздействие иноязычных стихий— кельтской, романской, славянской, литовской, и могущественное воздействие христианства и возвышенная философия, и общая широкая образованность: но все это оказалось бессильным изменить те устои, которые заложены были в глубины германского народного духа еще в эпоху Валгаллы, и поэтому временно уступивший кроткому Христу свирепый бог Один, вырвавшись из временного плена, теперь опять вступил в свои права и заговорил своим старым языком. Точно также и наш народный идеал, который русский народ олицетворил в понятии о своем Боге, не смотря на отрицательные воздействия истории, существа своей основы не утратил, и чем дальше, тем дает о себе знать все шире, все глубже. Ведь не германская, а русская история выдвинула таких исторических деятелей, как царь «Благословенный», призывавший в идее «священного союза» человечества построить международные отношения на началах евангелия, царь «Освободитель», царь «Миротворец», наконец ныне благополучно царствующий Виновник мирной гаагской конференции и пр. Для вдумчивого историка все эти явления одного порядка,

все это плоды одного дерева, корни которого питаются соками одного и того же русского народного духа.

Итак, повторяю: высший идеал русского человека, как он выразился под воздействием христианства, это есть смиренное подчинение греховной воли человека святейшей воле Бога, который есть любовь. Легко понять, что только та философская система в состоянии будет вполне удовлетворить души русского народа, которая будет построена на любви, как на высшем начале жизни, проникающем весь строй мироздания. И попытка построения такой системы у нас уже сделана. Опять построение такой системы принадлежит А.С. Хомякову. В противоположность старой немецкой нантепстической системе, Хомяков строит свою систему на начале живом и личном; это начало, это «Сущее», как называет его Хомяков, есть Бог; а Бог есть любовь, следовательно, существо по преимуществу нравственное. Любовь есть начало всякой активности в Боге, дающей, так сказать, направление движению Его воли, Его разума; в любви по преимуществу выражается внутренняя жизнь Божества, Единого по существу, но троичного в Лицах; в любви заключается истинная причина (импульс) творения Богом мира и в венце его созданных для блага разумных тварей, законом жизни которых поставлена любовь к Богу и взаимная любовь между собою. Падение человека было временным торжеством в мире эгоизма; но за то последовавшее потом искупление рода человеческого было новым, высочайшим проявлением любви Божьей. Спаситель мира с Его страданиями за людей и крестной смертью есть как бы воплотившаяся на земле любовь Божья; основанная Им Церковь – есть духовный организм, жизненную, объединяющую силу которого составляет также любовь, укрепляемая благодатью Св. Духа, живущего в любовном единении душ; сообразно с этим и Церковь определяется как единство в свободе по закону любви. Данная Христом первая и наибольшая заповедь, на которой утверждаются закон и пророки, есть заповедь о любви; сообразно с этим постоянно совершенствование в любви есть высшая и конечная цель существования человека, который движимый этим святым чувством, должен и всю свою волю и весь свой разум настраивать по строю совершеннейшего Существа – Бога, который, как сказано, есть сама любовь.

Чтобы отчетливо понять значение указанных основоположений мировоззрения Хомякова для нашего времени, необходимо помнить,

что, по мысли Хомякова, его философская система должна была заменить систему величайшего из немецких философов Гегеля. По этой системе мир есть проявление абсолютной идеи, которая для своей реализации в каждый отдельный исторический момент избирает свой излюбленный народ, каковым на этот раз объявлен был народ германский. Неизбежным следствием этого явилось презрительное отношение Гегеля, а затем и всех немцев к народам других национальностей и в частности к нам, славянам. Система Гегеля под ударами ученой критики уже давно пала; но ее практические выводы, подкрепленные идеями нищестанства и по настоящее время живут в Германии. Когда император Вильгельм, одержимый, очевидно, манией величия и признающий в себе нечто вроде воплощения ницшианской идеи сверхчеловека, с презрением относился не только к нам, русским, но даже и к французам и англичанам, называя их «дикарями» и «торгашами», то он, несомненно сознательно или бессознательно, платит дань идее самообожания, которую в той или другой степени одержимы и все немцы. Военная мощь, при несомненно блестящих успехах в области материальной культуры, лишь способствует росту этого самообожания. Ясно, что если человечество хочет положить предел этому беспримерному в истории национальному эгоизму, этой дьявольской гордости с их разрушительными действиями на жизнь других людей, оно должно общими силами поразить этого грубого исконного насильника и отвести доминирующее место в культурной жизни тем народам, которые являются носителями других начал, именно — начал альтруистических, т.е. людям смирения, сострадания и братского доброжелательства.

Мы видели, что многие на Западе, ожидая наступления новой эры в мировой истории, указывают на Россию, как на непочатый угол идеализма и альтруизма. Мы видели также, что наше народное самосознание не мешает нам верить в духовную мощь русского народа и его правоспособность в деле осуществления тех великих задач, которые на него возлагаются. Вопрос лишь в том, хватит ли у нас «мягкотелых славян», достаточно той упругости, той кремнистости, без которых проведение в жизнь никаких идеалов невозможно. Не нужно забывать, что строить дредноуты и сверх-дредноуты и лить чудовищных размеров пушки несравненно легче, чем обуздать эгоистически настроенную волю, чем насаждать любовь и братство на земле; об этом наглядно свидетельствует история наших

дней. Итак, как же быть с нашею мягкотелостью, прямее говоря с нашим слабоволием, с нашею неустойчивостью в стремлении к осуществлению своего идеала, к достижению раз намеченной цели? Чего, в самом деле, стоит человеческий идеализм, когда для осуществления своего идеала человек не хочет или не может, как говорится, ударить палец о палец?

Вопрос этот очень сложный, а поэтому и неизбежно трудный для решения. Но, не задаваясь целью полного его решения, важнейшие моменты в его решении наметить можно.

Прежде всего, необходимо заметить, что репутацию «мягкотелых» славяне, несомненно, заслужили всем своим историческим прошлым. История свидетельствует, что при столкновении с другими народами славяне почти всегда им уступали. Пытаясь понять причину этого обстоятельства и останавливаясь над уяснением типических особенностей славянского племени сравнительно с германцами, некоторые наши историки утверждали, что в то время, как у германцев развито «глубокое чувство личности», «начало личности у славян не существовало» (Кавелин), а где нет личности, там нет и личной воли, там неизбежна дряблость, слабоволие, «мягкотелость». Пусть такое мнение о славянах представляет действительно в преувеличенном виде: но нет дыма без огня; даже ученые, отрицательно относящиеся к такой утрировке факта, не отрицают того, что, в общем, факт подмечен верно. Слабое развитие отдельной личности можно было бы наверстать созданием прочной общественной организации, т.е. созданием мощной коллективной личности: но тут мы встречаемся с новым уже несомненным недостатком славянской природы, именно – с поголовным почти отсутствием у славян способности к единению; об этом единогласно свидетельствует все древнейшие летописцы. «Эти народы, говорит Прокопий, – я говорю о славянах и антах, – не подчиняются одному мужу, а искони живут в народовластии». «Народы славянские и антские, говорит император Маврикий, живут одинаково и под одними обычаями, и так дорожат свободой, что их никаким способом нельзя уговорить служить или повиноваться». Дух славянской дезорганизации прекрасно характеризует и наш летописец, когда говорит: «не будет в них правды и встанет род на род, будучи на усобице, и воевать начнут сами за себя». Неудивительно поэтому, что сила славянская почти всегда никла пред силой других народов, и, славяне, в конце концов, попадали в

рабство— где германцам, где татарам, где венгерцам, где туркам. А те из них, которым сначала удавалось избежать этой участи, как, например, поляки, после временного политического расцвета, умирали для самобытной политической жизни естественною смертью, разъедаемые внутри ядом пресловутой «золотой вольности». Казалось бы, что славянам при таких условиях придется навсегда отречься от самобытной культурно—политической жизни и превратиться в простой этнографический материал для усиления других народностей. Так действительно смотрели и в настоящее время продолжают смотреть на славян немцы, стараясь оправдать эту свою излюбленную тенденцию научными данными. Так, сначала они пытались вычеркнуть имя славян из списка индо—европейских народов, заявляя, что «славяне — народ восточный решительно новый, появившийся только в конце 5 столетия в Европе, неизвестно откуда и как»(Паррот), а те, которые оказались похрабрее, прямо утверждали, что славяне «народ монгольского племени» (Шюц). Когда же истинная наука, особенно лингвистика, доказала всю нелепость этой тенденции, немцы ухватились за другую гипотезу: опираясь на данные краниологии, они стали делить человеческие племена на длинно—головых и коротко—головых, объявляя первых народами историческими, культурными, а вторых неисторическими, неспособными к высшей культуре. Само собой разумеется, что славяне оказались коротко—головыми и следовательно неисторическими, некультурными (Ретцуис). Но каков же был конфуз, когда точные научные изыскания показали, что между немцами коротко—головых оказалось не меньше, чем между славянами, преобладающим признаком которых явилась среднеголовость. Тем не менее, эта неудача немецких ученых нисколько не смутила. Мало того, чем дальше, тем становится яснее, что все эти ученые экскурсии ими делаются только для отвода глаз, для соблюдения внешнего приличия. Истинная же причина старания немцев низвести славян на степень низшей культурной расы коренится не в преследовании высших научных интересов, а в простом желании отыскать рабов, руками которых можно было бы обделывать свои делишки. Эта мысль с циничной беззастенчивостью проводится в статье Карла Ленча, помещенной в августовской книжке журнала *Politish—Antrooplogische Revue* за 1902 г. Сущность этой мысли можно передать в нескольких словах. Рост населения в Германии требует расширения территории для обитания. Такого

расширения можно достигнуть путем приобретений колоний в океанических областях европейских стран. Но этот способ решения вопроса во многих отношениях неудобен, да и не нужен, когда тут же, под руками находится огромная и богатая страна, заселенная диким варварским народом, который не умеет пользоваться ее богатствами и который поэтому должен уступить свое место народу культурному. Эта страна есть Россия. «Господь Бог, говорит Ленч, вручил человеческому роду землю для надлежащего пользования и, если какой-нибудь народ, так плохо распорядится, что сам гибнет и губит вверенную ему землю, то более сильный соседний народ, для которого его земля стала слишком тесной и который в состоянии создать на той почве счастливую жизнь и высокую культуру, нравственно обязан исторгнуть владение и господство над землей неспособного соседа», и такая обязанность лежит на «каждом культурном народе по отношению к соседним варварам и дикарям». Правда, этот благодатный край находится в руках России, которая именуется «великой державой»; но это название одна пустая форма, которая не может закрыть Германии путь к российской равнине, а затем в Малую Азию, Сирию, Вавилонию, куда откроется полный доступ после разгрома России, а вместе с тем и верный путь к созданию Новой Великой Германии. В связи с идеей «Великой Германии» в разгоряченном воображении К.Ленча рисуется и картина нового общественного строя. Современные условия культурной жизни требуют от всякого народа выделения из своей среды целого класса людей на тяжелую, рабскую, в идейном отношении непроизводительную работу. Ленч находит преступным принуждать к такой работе германцев, людей «благородной расы», когда для этого существует целое море славян, самую природою обреченных для этой холопской роли, представляющих – «малоценный человеческий материал», но в то же время составляющих вполне пригодное «слепое оружие» для осуществления великих культурных замыслов людей благородной германской расы. Нахождение в соседстве с восточными славянами, этими «прирожденными рабами», ставить германцев в исключительно хорошее положение. «Для этих славян – серьезно уверяет Ленч, – передача в германское попечение было бы сущим благодеянием и полуосвобождением, так как средний немец по своему добродушию, добросовестности и гуманному настроению далеко превосходит, как представителей польского дворянства, так и русской аристократии». Предусмотрен-

тельный немец предупреждает лишь своих соотчичей не допускать ассимиляцию славян с немцами: онемечивать славян это значит делать их людьми, а между тем интересы благородной германской расы требуют оставить их навсегда, «подчиненными рабочими животными».

Указанная точка зрения наглядно показывает, как зазнавшийся эгоизм избалованного судьбою народа ведет к национальному самообольщению, нравственной наглости и умственной тупости. Но нельзя не сознаться, что вина за такое направление немецкой мысли в значительной степени падает на нашу славянскую мягкотелость. Привыкши искони видеть в славянах людей уступчивых, податливых, немцы искренно думают, что так и всегда будет. Избалованные, отуманенные нашею мягкотелостью, а нередко и политической близорукостью, они не хотят понять, куда направляется истинный ход исторической эволюции: они как бы не видят, как в позднейшее время, с легкой руки Москвы, сначала, мы, русские, а за ними и другие славяне мало по малу стали освобождаться от своего старого первородного греха и выступать на историческую арену в такой роли, какой раньше никто от них не ожидал. Современная действительность особенно ярко показывает, что под мощным напором мягкотелых славян начинают гнуться железные полки самых жесткотелых немцев. Ясно, что мягкотелость славян была лишь историческим моментом, который, как и все в истории, своевременно проходит. Но самым сильным показателем нашего возрождения и на этот раз уже не внешнего, а внутреннего, служит следующий факт. Известно, что мы в течение веков, начиная от самой своей колыбели, как это, засвидетельствовал еще св. Владимир, отравляли себя алкоголем, отлично понимали вредоносное значение этой пагубной страсти, и тем не менее долго не находили в себе достаточно силы воли, чтобы удержаться от этого страшного саморазрушения. Но современная действительность опять-таки свидетельствует, что и с этим тяжким грехом мы можем справиться. Этот поворот является настолько неожиданным, что для многих представляется прямо катастрофическим. Для истинного же историка в нем нет ничего катастрофического, потому что историческая наука катастроф вообще не признает: как наша военно-политическая мощь накоплялась постепенно, проявляясь постепенно в созидании огромного государства, так и наше теперешнее внутреннее возрождение в рассматриваемом отноше-

нии явилось результатом долгого постепенного накопления моральных сил, которые теперь, под воздействием вызванного обстоятельствами высшего подъема духа, только вышли из своего скрытого состояния и проявились во вне.

Так всегда было в нашей истории, начиная со времен героических. Наш богатырь долго спит сном непробудным; но когда просыпается и проявляет накопившиеся вовремя сна мощные силы, он творит чудеса. И это естественно: огромному телу трудно раскачаться; но раз оно раскачалось, одним взмахом оно сделает то, что какому-нибудь жалкому микробу не сделать во веки веков. Но для великого подвига русскому человеку нужна великая идея. Грубой наживой, мелкой корыстью его не соблазнишь и на подвиг не поднимешь. В этом заключается одна из особенностей нашего народного типа. Но затроньте идеал русского человека, его Бога, его святая святых, о, он тогда велик и в своем величии страшен, ибо он идеалист. Западной Европе известен институт инквизиции, которая защищала своего Бога тем, что возводила людей на костер и не безуспешно; когда же эту благочестивую операцию, по иноземному образцу, попробовали было применить у нас, наши старообрядцы не стали дожидаться, а сами массово пошли на костер. Не забудем, что и Иоанн Гус был тоже мягкотелый славянин. Для вдумчивого историка это что-то значит. Да, за свой идеал, за своего Бога русский народ, особенно взятый в массе, на все решится. За то без веры в благословение Божие он ни за что и не возьмется. И если теперь наша кровь льется не даром, если Бог благословит наше оружие, то это будет значить, что Он благословляет нас и на великий подвиг христианского просвещения, которое ждет от нас человечество. Но при этом нам никогда не нужно забывать, что славянский Бог не бог Валгаллы, не бог крови и насилия, а Бог любви, Сам проливший кровь для счастья человечества. А в союзе с таким Богом, победивши царство свирепого Одина с его Азами, уже можно будет приняться за борьбу и с человеческим эгоизмом, со всеми его порождениями.

Внешние условия нашего существования этому вполне благоприятствуют. Территория нашей государственной области занимает 1/6 часть всей суши земного шара; на этом огромном пространстве живет свыше 170 миллионов людей, из которых около 40% таких, которые не принадлежат к одной с нами вере и народности, и которым поэтому труднее проникнуться теми идеалами, носителям ко-

торых является русский народ. Вот та среда, в которой господствующая русская народность прежде всего должна осуществить свой идеализм, свой альтруизм, свое братское доброжелательство. И только тогда, когда мы с этою задачей справимся у себя дома, когда мы своим инородцам дадим почувствовать превосходство своей не материальной только культуры, а культуры духа, когда мы победим их не своими пушками и пулеметами, а своей христианской любовью, своим уважением к их правам, к их интересам, словом, когда мы у себя дома докажем превосходство своих начал, тогда и только тогда мы в состоянии будем с полной надеждой на успех выступить и на мировую арену с проповедью преобразования человеческих отношений на новых началах. Убедившись воочию в негодности начал германской культуры, истерзанное ужасами современного милитаризма, человечество невольно отвернется от бога Валгаллы, бога Ницше, и охотно преклонит свои колени перед славянским Богом, Богом мира и любви, а русский народ, предоставив безвозмездно в общее пользование свои «непочатые залежи идеализма», послужит объектом исполнения великих слов мудрого изречения: «великому кораблю – великое плавание». Но для осуществления этого идеала нужны не самовосхваление, не самопревозношение, а смиренный самоотверженный подвиг христианской любви, того именно братского сострадания, которое так резко, так грубо, так чисто по-немецки, осудил Фридрих Ницше.

Эти строки уже были написаны, когда нам подвернулся под руку текст известного адреса английских писателей к русским, показывающих тот факт, что наши чаяния не есть плод лишь нашего личного воображения. «... Отметив тот факт, что русская «литература для англичан последних двух поколений» была «источником неиссякаемого вдохновения», как характерную особенность этой литературы, английские писатели указывают «неизменное тяготение к ценностям духовным в обход материальным».

Признавая вместе с нашими старыми славянофилами, что «материалистическая европейская цивилизация обнаруживает лживость своей сердцевины» и выражая надежду на создание «новой лучшей цивилизации на развалинах той, которая готова рухнуть», английским писателям верят, что России «суждено внести в эту работу нечто свое».

Основанием такой веры для английских писателей служит «прежде всего то неизменно присущее духу русского народа, глубоко человеческое, что запечатлелось в произведениях его искусства, литературы и науки». Полагаем, что человечность, которая должна быть положена в основу истинно человеческой цивилизации.

Печатается по:

Завитневич В. Бонкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации. Труды Киевской духовной академии. 1915. №1. С.44–74.

Библиотека БГУИР

ОСТРОГОРСКИЙ МОИСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

(1854—1919)

В марте 1906 года М.Я. Острогорскому повезло дважды: был избран депутатом первой Государственной думы от Гродненской губернии и приглашен занять кафедру политических наук Кливлендского университета США.

Перед ним встал непростой вопрос: надо ли срываться пополнять отток ученых из России или своим интеллектом послужить родному Отечеству? Для Острогорского это было настолько ясно, что о приглашении он скоро забыл.

Гродненские друзья и знакомые – а их немало было у депутата – тепло провожали его в Петербург, давали наказы. Моисей Острогорский (1854–1919) родился в Гродненской губернии, окончил гродненскую гимназию.

В 1875 году Острогорский блестяще закончил юрфак Петербургского университета со степенью кандидата права и нашел свое место под солнцем. В 21 год его приняли на службу в законодательное отделение департамента Министерства юстиции. От помощника столоначальника до редактора отделения – прошел он ступени служебной лестницы. И проявил редкие способности соединять правовые знания с судебной практикой. Острогорский разработал несколько законопроектов по вопросам первостепенной важности, выпустил пособия: «Настольная справочная книга для судебных деятелей», «Кассационная практика за 1878 г.» и другие. Он участвовал в работе комиссии по народному образованию и в свои молодые годы оставил след в учебно–педагогической литературе. Его книга «История России», написанная увлекательно и содержательно, завоевала широкую известность, выдержала более тридцати изданий.

И все же Острогорскому не удалось избежать конфликта с самодовольными слугами царизма, и он оказался без работы. Кроме того, в начале 80–х годов у него возникла дерзкая мысль поближе познакомиться с политической жизнью западноевропейских стран, с их конституциями и партиями, разными формами демократии. И уроженец Гродненщины покинул город на Неве, чтобы овладеть французским и английским языками, послушать в Париже лекции по правоведению и политическим наукам. Это было не бегство с тонущего корабля, а скорее неукротимое желание увидеть свою Россию на расстоянии и непременно помочь ей идеями и политическим опытом наиболее развитых стран мира. Его книга «Демократии и политические партии» поставила его имя в ряд виднейших обществоведов своего времени.

Петербург встретил Острогорского весенними каплями дождя и смутными мыслями о возможных переменах, о которых здесь все говорили. 27 апреля 1906 года в Таврическом дворце состоялось открытие первой Государственной думы. Ее председателем избрали юриста С. А. Муромцева, профессора Московского университета. Во вступительном слове он сказал: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей жизнью за освобождение дорогой нам всем Родины (гром аплодисментов). Все тюрьмы в стране переполнены (продолжительные аплодисменты), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв. Мы просим мира и согласия».

Правоведу Острогорскому хотелось убедиться, что первая дума заявит о себе как о полномочном законодательном органе, способном самостоятельно решать большие вопросы истерзанного общества. Но туманные речи не позволяли этого сделать. И вскоре скрестились шпаги левых и правых, радикальных кадетов и умеренных либералов. В этом хоре все же были услышаны крики души о мучениях крестьян. Острогорского изумило ясное выступление депутата от Оршанского уезда Василия Коренькова: «Для наших крестьянских нужд есть еще широкая строка, на которой можно поместить все наши желания, которые для нас, как для больного лекарство. Первая нужда—земля, вторая нужда – образование». Еще больше поразило его выступление депутата от Витебской губернии ксендза Франца Трасуна: «Мы, господа, забыли о карательных отрядах, мы забыли о нагайках – позоре русского народа, –которые гуляют по спинам мужиков. Я приехал из той губернии, где именно эти карательные отряды действуют. Кровью обливаются крестьяне, бьют их без всякой вины. Мне самому приходилось бывать в тюрьмах, где 400 человек заключенных получают содержание по 6 копеек в день, столько, чтобы не умереть с голоду». В такое сейчас трудно поверить, да разве усомнишься в словах достопочтенного священнослужителя!

Моисей Острогорский в думе был активен и деловит. Выступал с поправками, 4 мая – по проекту конституции. Он согласился с видным ученым–юристом и социологом Максимом Ковалевским в том, что в конституционной стране должно быть гарантировано право народного представительства на установление и изымаение налогов, и оно «должно быть оговорено с первой же минуты конституционного режима». Через четыре дня Острогорский выступил с докладом, в котором, ссылаясь на опыт германского рейхстага и французского сената, излагал выборное производство, суть парламентских комиссий и задачи экспертов. В последнем выступлении, ярком и взволнованном, он осудил кровавый еврейский погром в Белостоке, где пострадала часть его избирателей. Как бы возражая скрытым оппонентам, он рассуждал: «Если бы неприязненные отношения между христианским и еврейским населением Гродненской губернии существовали, то я не был бы здесь. Я явился сюда избранником не только евреев, выставивших мою кандидатуру, но также избранником крестьян. Крестьяне сознательно и свободно дали мне голоса свои, не возбуждая никаких вопросов о различии веры и народности, нас разделяющих ... Я оставил Гродно с отрадным чувством, что согласие и единение между национальными группами, без которых обновленная Россия была бы звуком пустым, что это единение не мечта, не благочестивое пожелание, а действительность ... Но вот разразились ужасы белостокского погрома». Этот погром, спровоцированный жандармами, взволновал всех депутатов. Он стал предметом острых политических дискуссий в Думе.

В Таврическом дворце Острогорский встречался с известным русским юристом и социологом Максимом Ковалевским, другом К. Маркса. По кругу проблем это были разные люди, но очень похожей судьбы. В 1887 году профессор Ковалевский был уволен из Московского университета за «опасные» взгляды, после чего он долго жил за границей. Моисей Острогорский также пережил изгнание и научное скитальчество. Он раньше уехал в Париж, где стал учиться в политической школе и печататься в научных французских журналах. В 1890 году жюри парижского юридического факультета отметило представленное им на конкурс исследование по ис-

тории и сравнительному законодательству первой наградой. Через два года эта работа была переведена на английский, немецкий, польский и другие языки.

Работая в думе, М.Я. Острогорский переписывался с английским бароном Эстунель-де-Констаном, обсуждал с ним идею парламента мира. А 30 июня 1906 года председатель зачитал телеграмму из Лондона— это было приглашение прислать делегатов на межпарламентскую конференцию в Англию. Первым слово взял Острогорский, чтобы выразить чувство радостного волнения, вызванного приветствием из страны, известной своим старейшим в мире парламентом. Оратор говорил: «Мы, ныне борющиеся за утверждение в нашей стране господства закона и за права человеческой личности, тем самым обращаемся через расстояние времени и пространства к той великой исторической борьбе, к тому непреклонному духу, который привел борцов Англии к победе... мы глубоко тронуты приветом, к нам обращенным, и видим во взаимных чувствах, одушевляющих членов старейшего парламента в мире и членов самого юного парламента, новый залог мировой свободы и человеческой цивилизации». Его предложение направить делегацию от Госдумы поддерживали М. М. Ковалевский, И. В. Жилкин, видевшие в предстоящей межпарламентской конференции первый шаг новой громадной системы, которая произведет «мирное переустройство всех государств».

Тайным голосованием дума избрала депутацию из шести человек. В нее вошли: ученый-обществовед профессор Максим Ковалевский, доктор права Моисей Острогорский, лидер трудовиков Алексей Аладьин, земский деятель Федор Родичев, казанский депутат Александр Васильев и черниговский депутат Алексей Свечин. 9 июля российская делегация прибыла в Лондон. В пути на конференцию на них, как гром с ясного неба, свалилась страшная весть о роспуске царем первой Государственной думы. Делегат А.В. Васильев вспоминал: «Нужно ли говорить, какое впечатление произвело роковое известие на оторванных от своих товарищей и друзей представителей Думы, какими зловещими предчувствиями обменивались мы между собой, какие черные тучи залегли в наших сердцах? Мы поспешили возвратиться в наш отель и быстро пришли к единодушному решению не принимать участия в заседаниях конференции и возможно скорее ехать на родину». Депутация все же решила, что завтра в начале заседания М. М. Ковалевский сделает на английском языке от имени всех заявление, текст которого поручила составить заявителю и М. Я. Острогорскому.

Утром депутация Думы с грустным настроением отправилась в здание английского парламента, прошла мимо статуи Оливера Кромвеля, видного деятеля английской буржуазной революции XVII века, напомнившей о мужественной борьбе англичан против деспотизма. Зал бурно и сочувственно встретил посланцев Петербурга. После яркого выступления Ковалевского делегация покинула английский парламент и вскоре выехала на родину.

Членам депутации было стыдно за столь опрометчивое действие царизма. Они поехали в Англию учиться парламентаризму, мировому опыту и вдруг оказались отрезанными ото всего, ненужными и опозоренными.

Во вторую думу М. М. Ковалевский не прошел, с 1909 года стал собственником и редактором известного журнала «Вестник Европы». Моисей Острогорский се-

бя в депутаты не выставлял, преподавал в петербургских учебных заведениях и выпускал ежегодно «Юридический календарь», начатый им еще в 1877 году.

По дружескому настоянию М. Ковалевского Моисей Острогорский предпринял новую поездку в Англию, чтобы написать серию статей для «Вестника Европы». Для этого пришлось изучить «большие дороги конституционной истории» и «узкие тропинки истории парламентского права», популярные труды В. Беджгота и Э. Мейо, историю зарождения буржуазии, лишенной политических прав. Острогорский обратил внимание на то, что Беджгот уже тогда великолепно объяснил различие между теоретическим (формальным) положением и политической действительностью.

Близкое знакомство с политической жизнью страны помогло ему лучше понять абсолютизм русского политического режима, который легко игнорировал политическую действительность. В той ситуации очень важно было проникнуть в глубь общественных проблем, не оставаясь на поверхности видимых явлений.

Вдалеке от родины Острогорский закончил свою вторую книгу «Конституционная эволюция в Англии». Что же в ней самое характерное? Автор поясняет: «В ней изучается, между прочим, одно из любопытнейших явлений новейшей конституционной эволюции – возвышение исполнительной власти за счет законодательной, после того как в течение последних веков, начиная с великого французского учредительного собрания 1789 года подчинение и даже унижение исполнительной власти считалось необходимым условием гражданской свободы». Впервые рукопись книги была опубликована в 1913 году, в «Вестнике Европы», в четырех последних номерах. Спустя три года автор готовил ее к изданию отдельной книгой. Еще не были дописаны последние строки, как он получил печальное известие о смерти М. М. Ковалевского, своего учителя и друга. В предисловии книги Острогорский писал: «Оплакивая в его лице тяжелую личную потерю, составляющую также незаменимую утрату для всего русского общества, я могу ныне доставить себе лишь скудное и скорбное удовлетворение – посвятить свою работу памяти М. М. Ковалевского».

Книга и сегодня остается актуальной для тех, кто занимается историей и современными задачами конституционализма. Мы же возьмем из нее всего лишь одну мысль, которая может заинтересовать тех, кто слишком уповает на создание профессионального парламента. Как бы предупреждая нас, М. Я. Острогорский выясняет, что знаменитая реформа 1832 года стала гранью, отделяющей старую Англию от новой. До этого госуправление прикрывалось парламентскими формами и всецело находилось в руках земельной аристократии. «Парламент был всемогущ, но представлял не нацию, а небольшое число территориальных магнатов». В обеих палатах были представлены знатные фамилии, попавшие сюда благодаря своим покровителям. Против феодалов–«профессионалов» интенсивно работала политическая мысль Адама Смита и Иеремиа Бентама, французских просветителей. И наш земляк заключает: «Понижение заработной платы и вздорожание жизни, вызванные наступившим после наполеоновских войн экономическим кризисом, и репрессии реакционного правительства создали в народных массах революционное настроение, выразившееся не столько в эксцессах, сколько в конституционном требовании парламентской реформы, с которой рабочие связывали самые радужные надежды на улучшение своей судьбы» [Острогорский М.Я. Конституционная эволюция в Англии.–Пг., 1916. с.13].

Вторая книга о конституционализме не стала крупным приобретением автора. А первая двухтомная книга «Демократия и политические партии», впервые изданная в 1898 году на французском языке в Париже, а в 1903 году – на английском в Лондоне и Нью-Йорке, вошла в классику политической литературы и стала настольной для многих социологов, политиков и юристов.

Вряд ли следует удивляться, что этот серьезный труд Острогорского был мало известен в Гродно, да и во всей России. (Впервые на русском языке он увидел свет только в 1927 году.) Отсталой во всех отношениях стране было не до демократии и политических партий. Она еще не знала школы суровых революций, и ее не коснулись бури политических преобразований. Но величие мысли ученого в том–то и состоит, что он оказался истинным провидцем истории и уже тогда понял: России не помешает путь демократии, пройденный передовыми странами, иначе не избежать ей жестких кризисов и переворотов, изматывающих душу потрясений. По своим политическим взглядам М. Я. Острогорский был демократом и, естественно, оппозиционером царскому государственному строю. Он внушал людям нравственность политики, поясняя, что она покупается очень дорогой ценой. Ученые должны были помочь своей стране, и его вовсе не прельщали кафедры западных университетов. Он не позволил себе продавать свой талант и обогащать чужие страны. Именно с думой о России, о ее потребностях в настоящем и будущем, Острогорский добросовестно изучал политическую жизнь Франции, Англии, Шотландии, Норвегии, США. Он анализировал идеи зарубежных теоретиков Макса Вебера, Роберта Михельса, Алексиса Токвиля об источниках демократии, становлении парламентаризма и конституционализма, субъектах власти, генезисе партии, лидерстве и т.д. Все эти познания должны были прийти на его родину и произрасти новыми плодами на российской почве, помочь людям понять изменчивость и противоречивость политических процессов, находить те формы правления, которые бы обеспечили жизнь без страха, с хлебом и школами, без уродливых потрясений.

Имя, политическое и юридическое наследие М. Я. Острогорского до сих пор неизвестно в Белоруссии. Только сейчас, изучая биографии депутатов первой Государственной думы, удалось установить, что Острогорский – наш земляк, воспитанник Гродненской гимназии. В России он был близок с видными представителями либерального направления, такими как М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, П. И. Новгородцев, Л. П. Петражицкий, которые были его политическими единомышленниками. Все они, свободно владеющие французским и английским языками, хорошо знали основной труд Острогорского «Демократия и политические партии», получивший всеобщее признание в западных странах, где о нем и поныне не стихает добрая молва. Прежде всего потому, что в нем он смело отошел от привычных рассуждений об идеальном состоянии общества и даже от нормативного подхода к явлениям политической жизни, а вплотную занялся изучением реальных процессов.

Известно, что политические партии, как элементы политической системы, оформились во второй половине XIX века. Общее представление об их роли в обществе мы находим в трудах Дж. Милля, А. Токвиля, Ф. Лассаля, К. Маркса и других мыслителей. На чем же Острогорский сконцентрировал свое внимание? Ответ на этот вопрос дает сам автор: «Я заявил с первых строк, что задаюсь изучением не политических форм, а политических сил. Формула эта была приветствована мировой

критикой точно великое открытие. На самом деле эта формула не была открытием с моей стороны, содержащаяся в ней идея носилась уже, так сказать, в воздухе задолго до меня». Как видим, автор скромно оценивает свой труд, в котором он вместе с остроумным историческим и юридическим анализом эволюции партий и партийных программ проводит интересную политическую мысль. По его мнению, все движение, осуществившее государство демократии, было борьбой многих против узурпации немногих, и конституционные гарантии, по существу, являются системой средств для обуздания власти меньшинства. Теперь многое изменилось, и там, где демократия победила, это значение конституционных гарантий лишается смысла, и нужно искать новых – опор против организованной власти большинства.

Первые строки книги для нынешнего читателя звучат укоризненно: «Пришествие демократии разрушило существовавшие рамки политического общества. Иерархия классов и их внутреннее соотношение были уничтожены, и традиционные социальные узы, соединяющие индивида с коллективом, порвались. Встал вопрос, какие новые рамки создавать для общества, чтобы обеспечить его существование». Уже тогда проницательный ум ученого понимал, что воцарение численного большинства в государстве, демократическое правление еще более усложнило проблему. Возникал непростой вопрос, как люди, старые и молодые, образованные и невежественные, богатые и бедные, случайно соединившиеся, провозглашенные распорядителями своей политической судьбы, будут выполнять новую функцию «суверена»? Попытки некоторых демократов разрешить этот вопрос завершились неудачей под давлением обстоятельств. Решение состояло в необходимости планомерной организации избирателей внепарламентским путем, при помощи постоянных, строго определившихся партий. Этот опыт, получивший распространение в англосаксонских странах Европы и Америки, стал предметом изучения уроженца Гродненщины. Он стал выяснять, в каких условиях этот опыт возник, каковы этапы его развития, каково его влияние на политическую жизнь и т.д. Он считал: «Ответ на эти вопросы не менее интересен для историка, чем для политического мыслителя и мыслящего политика. Как историку для более точного выяснения вопроса, так и политику, чтобы полнее его охватить, нужно прежде всего отдать себе точный отчет во всех данных проблемы в ее последовательном развитии».

Демократия, народовластие... В чем их истинный смысл? Об этом люди спорят с давних времен. М. Я. Острогорский первым увидел проблему там, где многие считали все решенным. «Он, – отмечает современный французский ученый П. Розанваллон, – показал, что демократия – это скорее проблема, чем решение». Демократия для него – это нестатичное состояние и непрерывное развитие, которое выражается в постоянном столкновении противоположных интересов, социальных слоев, групп, а потом и партий. Автор показал, что партии представляют собой формальные организации, имеющие свои особые законы возникновения, становления и функционирования. Вот почему понять всякую демократию можно лишь путем анализа политического поведения индивидов, разных социальных групп, находящихся за пределами структур власти, иначе говоря, политических партий, ведущих борьбу за власть. Появление партий означал выход на историческую арену широких неоднородных масс, необходимость защиты различных, нередко противоположных интересов, которые нуждались в особом представительстве. Их появление стало возможным в условиях

развития демократических процессов, стремления к всеобщему равенству, потребности мобилизовать людей на решение непрерывно возникающих проблем.

В самом начале века новизна и оригинальность книги Острогорского были высоко оценены. Наряду с немецкими политологами М. Вебером, Р. Михельсом, он был признан одним из основателей учения о политических партиях, механизме их образования и деятельности. Наш современник, московский историк Андрей Медушевский, отмечает: вклад Острогорского в политологию объясняется во многом тем обстоятельством, что он подошел к изучению партий в сравнительной перспективе. Он не выяснял, что представляют из себя американские партии или как работает политическая система Англии. Ответы на эти вопросы давались во многих трудах зарубежных и русских ученых. Острогорского прежде всего интересовал вопрос о том, каковы общие характеристики партии в условиях демократии и политического равенства. Он хотел выяснить, изложить систематизированную теорию партийной организации – в этом его весомый вклад в политическую социологию. И еще одну особенность Медушевский верно подметил: «Тот факт, что идеи Острогорского сформировались и нашли развитие преимущественно на Западе, не должен ставить под сомнение влияние на него всей предшествующей русской либеральной традиции, а также той политической практики, которую сделала возможной эпоха революций и войн. Более того, на наш взгляд, есть все основания заключить, что теория Острогорского, разработанная исключительно на западном материале, представляет собой в то же время тонкий синтез как западной, так и русской политической практики. Она может быть поэтому интерпретирована как своеобразная попытка путем анализа европейских политических партий найти ответ на те вопросы, которые поставила русская политическая жизнь с ее традициями народнических и марксистских подпольных революционных организаций, феномен которых получил впоследствии характерное название партии "нового типа"».

Двухтомник М. Я. Острогорского надо читать и перечитывать, чтобы яснее понять, как развивались и видоизменялись политические партии и что произошло с ними в наше время. На опыте XIX века он показал, как на разных этапах может меняться положение партии и лицо ее руководителя и к каким последствиям это может привести. Идеологическое и моральное принуждение рядовых членов партии, распоряжение партийной кассой, избавление кандидатов в депутаты от материальных затрат и даже заполучение средств к существованию дают возможность лидерам партии реализовать свою власть как внутри партии, так и за ее пределами. Эта власть способна менять положение руководителя, может привести его к диктату. Если раньше он выступал как первый среди равных, то теперь – как главнокомандующий армией. Он едва советуется со своим главным штабом, состоящим из нескольких приближенных, которым он доверяет. В партии господствует дух почти суеверного послушания и почитания по отношению к верховному вождю. Что и говорить, знакомые нам картинки, которые с болью в сердце вспоминают ветераны.

Наша партия тешила себя мыслью, что она достигла единства в своих рядах и полной солидарности с народом. Однако она оказалась неспособной своевременно избавиться от «ложных друзей», которые уводили ее в сторону от истинного назначения, и не смогла оценить накопление скрытых сил, относящихся к ней агрессивно и враждебно. Она совершенно забыла старую истину, что всегда в чьих-либо глазах

будешь реакционером. Партия, недооценившая проблемы собственного саморазвития и непрерывного обновления общества, не принявшая «мер предосторожности», непременно приходит в упадок или состояние кризиса. Это – тоже из политологического наследия Острогорского, которое было (или могло быть) известно поколению 20 – 30 годов. Ведь первый том книги «Демократия и политические партии» был допущен в качестве учебного пособия в высших учебных заведениях страны, его читали преподаватели и студенты. Однако вскоре, в связи с изменившейся политической обстановкой, труды и имя юриста и политолога были надолго забыты.

А Запад все лучшее помнит, ценит и собирает. Там книга Острогорского неоднократно переиздавалась. Его исследования получили дальнейшее развитие в трудах немецкого ученого В. Михельса, французского политолога П. Розанваллона, американского социолога С. Липсета и других политических мыслителей XX века.

Моисея Острогорского, основателя российской политической социологии, знала и знает не только Европа, но и Америка, старая и современная. В России его книга воспринималась по-разному, но в основном как труд по политической социологии, в котором дается более или менее удачная критика буржуазной демократии. Примерно так понимал его и лидер бельгийских рабочих Эмиль Вандервальде, который обильно использует ее содержание в своей работе «Социализм против государства». Читая книгу бельгийца, В.И. Ленин обратил на это внимание: «Вандервальде подробно пересказывает Острогорского насчет того, сколько обмана, насилия, подкупа, лжи, лицемерия, притеснения бедных прячется под цивилизованной, прилизанной, приглаженной внешностью современной буржуазной демократии» [Ленин В.И. Поли. собр. соч. т. 37. с. 338].

Наблюдения и мысли ученого–подвижника, объездившего многие страны, не будут лишними для молодого современника, изучающего сложный механизм политической жизни и партийной организации и ее власти, новое пробуждение гражданской совести, будущее демократии. Уже тогда он увидел, что экономические изменения колеблют устои партии и под воздействием прогресса просвещения ее связи ослабевают. Общество сделалось более чутким к добру и злу, число ревностных поклонников возрастания роли партии уменьшилось. М. Я. Острогорский понимал, что это само по себе не устранилось, что зло может уменьшить только активное продуманное сопротивление.

Зная, что Россия находится на более низкой стадии демократии и общего развития, ученый определил колоссальную задачу, которую предстоит выполнить. Он писал: «... надо вернуть гражданину власть над государством и восстановить действительные цели этого государства; надо уничтожить разделение между обществом и политической жизнью и аннулировать разрыв между политикой и моралью; нужно, чтобы гражданская индифферентность уступила место бодрому и бдительному общественному сознанию; нужно, чтобы сознание гражданина было освобождено от формализма, который его поработил, чтобы избиратели и высшие обладатели власти подчинили свою политическую деятельность существу дела, а не условности фраз; нужно, чтобы превосходство характера и ума, иначе говоря, истинное управление лидеров, вытесненное политическим машинизмом, было восстановлено в своем праве возглавлять собою управление республики; в политическом обществе необходимо

восстановить авторитет так же, как и свободу, узурпированную людьми, которые торгуют общественным благом под флагом партии и именем демократии».

Хорошо писал Моисей Острогорский более ста лет тому назад! Как будто специально для наших сегодняшних людей и политиков, взхлеб и бездумно болтающих о демократии и с тревогой говорящих о партиях.

Теперь книга Острогорского, ее содержание неожиданно приобрело исключительно актуальный характер. Несомненно, пришло время, чтобы этот известный за рубежом ученый вернулся на свою родину, переживающую не лучшие времена, чтобы наши студенты и исследователи могли свободно читать и использовать труды политолога и юриста, выросшего на берегах белорусского Немана, русской Невы и французской Сены.

1 Острогорский М.Я. Конституционная эволюция в Англии. Пг. 1916. С.16.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т.37. С.338.

М.Я. ОСТРОГОРСКИЙ

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

КНИГА ШЕСТАЯ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I

Если мы одним взглядом окинем ряд явлений, последовательно нами рассмотренных, и попробуем ориентироваться, сначала получится полная неясность. Обращаясь к исходной точке, мы увидим государство в руках одного класса и общество, воплощенное в этом правящем классе, господствующем над индивидуумом, отягощающем его всей тяжестью религиозной, политической и социальной условности. Но эта тройная тирания отступает и ослабевает под давлением различных сил как морального, так и материального порядка. Стихийно проявляющийся энтузиазм религиозной веры, торжество утверждающегося критического разума, новая промышленная техника – все это способствует освобождению индивидуума от его оков. Автономный индивидуум окончательно провозглашен самодержцем в государстве, и, гордый своей новой властью, он стремится непосредственно свести к себе как к источнику все взаимоотношения публичного порядка, конституционные и внеконституционные. Но, странное явление, чем больше он продвигается вперед, тем больше он приближается к своей исходной точке. Действительно, можно констатировать, что роль индивидуума в государстве сведена к минимуму: он пользуется лишь видимостью самодержавной власти, которая ему преподносится столь же торжественно, сколь и лицемерно; в действительности же он не пользуется никакой властью в деле выбора людей, которые управляют от его имени и его авторитетом; правительство является монополией; оно находится в руках класса, который, не составляя отдельной касты, является особой группой в обществе; часто даже оно олицетворяется в одном человеке, который опирается на этот класс и пользуется властью автократа, несмотря на республиканские формы государства. Большая масса общества терпит это иго с безразличием или пассивностью, как в прежнее время, когда обществу было запрещено заниматься общественными вопросами под

страхом быть объявленным мятежником. Правительство служит частным интересам в их предприятиях, направленных против общего интереса; законодательство и администрация продаются и покупаются; даже государственные должности неофициально продаются с публичного торга. Бесспорно, было бы трудно найти в истории человеческого общества более потрясающую драму крушения стольких великодушных стремлений, благородных усилий, стольких обещаний и стольких надежд. Но трагическое величие этого зрелища, вызывающее возгласы скорби или радости, не может остановить исследования научного наблюдателя. Виденное им внушает ему лишь ту простую мысль, что если общество, идущее к осуществлению нового идеала, находится у своей исходной точки, очевидно, что оно шло по ложному направлению. Что же касается самой цели, то она ни осуждена, ни оправдана опытом: к ней повернулись спиной.

Чтобы прийти к практическому решению, нужно прежде всего исследовать пути, на которых заблудилось общество в преследовании нового идеала, и затем наметить тот путь, который, по видимому, должен более верно привести к цели. Наше обстоятельное исследование дало лишь возможность собрать отдельные элементы, которые помогут нам в настоящем общем обзоре различать как те, так и другие пути.

Сначала мы видим общество, стремящееся к «наибольшему счастью наибольшего количества людей», вставшее на путь избирательного режима, на который его толкала старая традиция борьбы против абсолютной власти. Представительство для подданных являлось средством обеспечения безопасности их благосостояния и их личности, и каждый шаг, сделанный в этом направлении, знаменовал собой новую победу в области народной свободы, до тех пор пока, окончательно укоренившись, избирательный режим не сделался наконец синонимом режима свободы. Благодаря этой политической эволюции создано убеждение, приписывающее как бы мистические свойства самому избирательному принципу как таковому и превращающее в аксиому то положение, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Общество, стремясь довершить свободу, распространило всеобщее голосование, в частности в Соединенных Штатах, на возможно большее количество государ-

ственных должностей и даже на область неофициальных политических влияний. Но тогда избирательная техника сделалась до такой степени сложной, что политическое общество должно было обратиться к услугам избирательных посредников. Посредничество между народом и его многочисленными уполномоченными третьего сословия, выбор которых он лишь утверждал, свело до минимума ответственность избранных перед их, так сказать, доверителями и отдало действительную власть в руки избирательных агентов и их руководителей, которые, под предлогом приведения в порядок общественного мнения, сделались таким образом хозяевами положения.

Из этого следует сделать заключение, что действительность избирательного принципа в управлении, в противоположность общепринятому убеждению, является ограниченной; что, если однажды его границы перейдены, он уподобляется слишком натянутой пружине, неспособной дать нужного импульса, и разрушает механизм. Слишком развитая избирательная система является лишь чисто формальным атрибутом демократии, она приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти распыляет ее: непосредственная ответственность перед народом, которую он стремится установить по всей линии, рассеивается, и, в то время как она должна царить всюду, ее в действительности нет нигде. Чтобы непосредственная ответственность по отношению к народу была реальной, необходимо, чтобы она была сконцентрирована, чтобы она распространялась только на определенные, твердо установленные обязанности государственной власти, на законодательные функции и, во вторую очередь, на местное самоуправление. Всякое распространение избирательного режима за эти границы, на административные посты или судебные должности, может быть допущено лишь как меньшее из двух зол, например, в странах, которые еще находятся на низшей или промежуточной ступени политического прогресса, как, например, Россия или дат же Германия. Там выборная администрация и правосудие могут помочь установить права и свободу, до сих пор неизвестные бюрократии, выросшей среди произвола и коррупции; они могут послужить обществу средством гражданского просвещения; они могут пробудить и поощрить интерес к слабо развитой общественной жизни; или же, наконец, служить примером для честной и способной, но заносчи-

вой и своевластной бюрократии, представители которой легко вообразают, что они сделаны из особой глины. Мы снова приходим к тому, что прогресс политического общества не столько зависит от развития избирательного права, сколько от того, в какой мере оно может себе позволить его ограничить и без опасения доверить администрацию и правосудие постоянным чиновникам. Когда политическое общество достигло настоящей свободы, когда общественное мнение, сделавшись самодержавным, удерживает в своих руках законодательную власть, источник всякой власти располагает свободой печати, свободой ассоциаций и свободой собраний, избирательный способ, примененный к администрации и правосудию, перестает служить ему так, как он служил ему в годы роста и борьбы, и, оставшись без полезного применения, даже обращается против политического общества: он заставляет его растрачивать свои силы в избирательных маневрах, которые уже стали излишними и не имеют больше другой цели, как только растрачивать и утомлять его внимание, притуплять его моральную энергию и в конечном счете отвлекать общественное мнение от его настоящей задачи, заключающейся в том, чтобы наблюдать и контролировать органы управления.

II

К ошибочному убеждению, приписывающему избирательной системе безусловную силу, присоединилась еще другая, не менее важная, ошибка, состоящая в предположении, что применение этой системы может осуществляться само собой. Эта точка зрения непосредственно воспринята от XVIII столетия, когда охотно верили, так сказать, в автоматическое и универсальное действие моральных идей. Никому не приходило в голову, что народные выборы требуют установления предварительного согласия очень большого количества людей, согласия ума и воли. Разве всеобщее избирательное право не укоренилось в демократии с тем свойством, которое оно еще сохраняет и до сих пор и которое составляет один из самых крупных, если не самый крупный из его недостатков, а именно с присущим ему синтезом без предварительного анализа. Ошибка была тем менее заметна, что представительная демократия была совершенно новым явлением, опыт которого надо было

еще пережить. Воспоминания о древних республиках, овладевшие умами мыслителей, так же как и государственных деятелей, не давали указаний по этому поводу. Сами основатели американской республики, которые так подробно исследовали все опасности и трудности демократического правления, казалось, никогда не задумывались над вопросом о том, как народные избиратели приступят к своим обязанностям и как они достигнут соглашения для того, чтобы выполнить окончательный акт, облакающий полномочиями их избранников. Вероятно, узкий горизонт маленьких республик, где жили авторы американской конституции, так же как и социальная иерархия, господствовавшая еще в общественной жизни, затемняли эту проблему в их сознании. Но по мере того, как ограниченное избирательное право расширялось и потребность в создании особой организации для выборов делалась все более необходимой, на сцену выступили свободные организации, создавшиеся на партийной основе. В Соединенных Штатах, а позднее и в Англии, они захватили всю предварительную и заключительную процедуру выборов с губительным результатом для общественной жизни. Будучи в течение долгого времени равнодушным зрителем, государство Соединенных Штатов было в конце встревожено растущими злоупотреблениями и сделало попытку урегулировать деятельность той в нелегальной организации, которая была введена в политический механизм. Оно поставило первичные собрания и конвенты под наблюдение публичной власти и наконец привлекло ее непосредственно к их операциям, заставив официально руководить политическими партиями. Партии, большие партии, были, таким образом, соединены с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами. Партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно не противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группировки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штамповать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штампель может быть наложен. Ни в одной свобод-

ной стране не было попыток к подобному вмешательству. Только в России недавно решили установить «легальные политические партии». Прижатое к стене русское самодержавие было вынуждено в 1905 г. согласиться на видимость конституционного правительства. Но когда свобода, которая была у него вырвана в момент его слабости, вызвала к жизни политические партии, правительство решило их отсортировать путем признания безвредных для него партий и запрещения враждебных. Было создано полицейское бюро, у которого каждая партия должна была добиваться «легализации». Но русское правительство было по крайней мере последовательным: преследуя «нелегальные» партии, оно предоставляло утвержденные партии самим себе. Американское государство не подавляет ни одной партии, но все их регламентирует. В другом месте я пытался доказать, что это вмешательство государства не могло быть оправдано с точки зрения американского конституционного права и что оно было мало осуществимо. Но если даже отвлечься от этих соображений, то это вмешательство было глубоко ошибочным потому, что оно стремилось подвести под организацию всеобщего голосования такую базу, которой не могли использовать не только государство, ограниченное в своих правах, но даже свободные усилия граждан, а именно источенную червями базу традиционных партий с строгими и определенными рамками, сложившимися до появления демократии.

III

Этот старый метод, который навязывался новому обществу, одновременно противоречил как логике фактов, так и логике разума. Он был основан на теологических и экклезиастических концепциях. Принципы или программа партии являлись верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правоверности и иноверия. Присоединение к партии должно было быть полным, нельзя расходиться с партией ни в одном из пунктов ее символа веры, так же как нельзя принимать по выбору отдельные догматы религии. Подобно тому, как церковь берет на себя заботу о всех духовных нуждах человека, партия целиком захватывает всего гражданина. «Соответствие» (conformity) с кредо партии являлось единственным правилом политического поведения; подобно религиозной

вере, оно распространяло должную милость на всех настоящих и будущих ее членов. Ни одно действие партии, ни одно преступление, совершенное ею, не могло ни разрушить или подорвать ее действительной благодати, ни предать ее противоположной партии: она управлялась теологическим принципом наследственного достоинства или недостойности.

Основываясь на этих взглядах, столь противоположных современным понятиям, система партий с момента появления демократии не имела уже рационального оправдания в фактах. Неприемлемые противоречия, разделявшие общество на два враждебных лагеря, стерлись после окончательного завоевания основных свобод. Новые проблемы не могли разделять умы целых поколений и создавать на стороне каждой из борющихся партий такие же постоянные связи, как раньше. В то же время проблемы сделались бесконечно более многочисленными и разнородными: эмансипация индивидуума и дифференциация социальных условий более сложной цивилизации вызвали всюду, в идеях, интересах и стремлениях, разнообразие в единстве и своего рода непрерывное движение по сравнению с застоем былых времен. Более многочисленные проблемы, естественно, вызвали большее число разделений, которые не могли сводиться, как раньше, к двум группировкам, но которые смешивались и взаимно скрещивались в умах тем легче, что связи, созданные прежними делениями, были ослаблены.

Это противоречие не могло быть разрешено теорией естественного дуализма человеческого разума, которую выдвигали защитники этой системы, теорией, согласно которой человеческий род естественно разделяется в соответствии с двумя тенденциями – тенденцией сохранять вещи такими, как они есть, и тенденцией их изменять, откуда следует, что всегда будут существовать две постоянные партии. Без сомнения, всякая проблема может рассматриваться с двух противоположных точек зрения: одной, высказывающейся за, и другой – против. Но разве естественно, что одни и те же лица во всех случаях держатся всегда отрицательного взгляда, а другие – положительного? Разве благоразумно допустить, что человек, желающий сохранить установленную церковь, фатально должен сохранить грязь на улицах и на площадях, как это считал Чемберлен в то время, когда он принадлежал к радикальной партии?

Приемы, которыми была введена система постоянных партий, настолько же искусственная, как и иррациональная и устарелая в своем принципе, неизбежно должны были носить такой же характер. Так как проблемы, занимавшие общественное мнение, были многочисленны и разнообразны, было необходимо приспособлять проблемы к определенным группировкам людей, вместо того чтобы группировать людей в соответствии с проблемами. Для этой цели противоречивые вопросы были подняты на уровень системы, собраны в универсальные программы и наложены друг на друга; их тасовали, как карты, вынимая то те, то другие, и, в случае надобности, выкидывали те из них, которые вызвали непреодолимые расхождения во взглядах. И после того, как «страна высказалась», точно не знали, что же она сказала; это часто давало право оспаривать смысл голосования, так как, какое бы важное значение ни имел определенный вопрос для общественных дел, – к его решению, данному в «народном вердикте», всегда примешивались посторонние соображения. Ввиду того, что нельзя было легко установить единства в понимании сущности проблем, стремились объединить избирателей вокруг наименования партии, вокруг ее знамени и ее старой репутации. Дабы легче овладеть их симпатиями, стремились преимущественно воздействовать на их чувства, чтобы не сказать – на их страсти. Дабы заставить функционировать режим, который, казалось, должен был бы быть режимом разума, – менее всего действовали на разум.

Проникновение в партийную систему современных форм народного голосования и свободной ассоциации далеко не ослабило недостатков метода, а лишь их усилило. Прежде всего, они замаскировали реакционные тенденции этой системы. Партийная система, облеченная в формы народного голосования и ассоциации, появилась в ослепительном блеске демократических принципов. Во-вторых, распространение выборов и ассоциаций на внелегальные политические отношения потребовало от граждан новых усилий: кроме многочисленных выборов, предписанных законом, которых было совершенно достаточно, чтобы сбить с толку граждан, появились выборы для назначения уполномоченных партии; кроме наблюдения за действиями конституционных представителей народа избиратели должны были еще обсуждать действия большого числа партийных представителей. Граждане не могли

справиться с этой задачей, и слишком натянутая пружина выборного управления еще больше ослабла, вновь и еще более убедительно доказывая, что значение выборного принципа ограничено.

Принцип свободной ассоциации ни в коей мере не мог искоренить этого недостатка, так как он, в свою очередь, встретил границы, которые не мог безопасно перейти. Ассоциация, положенная в систему партий, не имела также определенных границ, она являлась как бы «интегральной» ассоциацией, похожей на ту, при посредстве которой некоторые социальные реформаторы пытались и теперь еще пытаются организовать экономическую жизнь с целью уничтожения нищеты. Я не буду здесь спорить о том, возможна ли универсальная ассоциация, в которую человек войдет со всей своей экономической индивидуальностью для того, чтобы осуществить цели своего материального существования; но в политической жизни, основанной на свободе, аналогичная ассоциация не может функционировать с пользой. Ассоциация с целью политических действий, которые являются комбинацией усилий, преследующих материальную цель, предполагает всегда наличие добровольного и сознательного сотрудничества ее членов. Как бы незначительно ни было персональное участие члена ассоциации в ее деятельности, как бы это участие ни приближалось к простой связи, – нужно, чтобы эта связь была непрекращающейся и постоянно возобновлялась в его сознании, а отнюдь не капиталом, вложенным в ассоциацию в виде, так сказать, мертвого вклада. Также необходимо, чтобы, принимая установленное общее направление, каждый член ассоциации был бы всегда в состоянии понимать ее цель и различать пределы тех обязательств, которые эта цель на него налагает.

Между тем интеллектуальный кругозор и внимание среднего человека очень ограничены, он не имеет возможности проявить их в широком масштабе или на перспективе, пересекаемой различными точками зрения; он может лишь охватить действия, либо ограниченные узкой сферой, как, например, городом, либо действия, хотя и ограниченные более широкой сферой, но зато имеющие всегда лишь один-единственный и видимый всем объект. Если он переходит эти границы, его взор затуманивается, его внимание рассеивается и утомляется, и если он будет продолжать следовать в указанном направлении, то он это будет делать совершенно пассивно. Не являются ли также члены политической группировки,

преследующей различные цели, всего лишь противопоставленными друг другу единицами? Сведенные к пассивному сотрудничеству, они черпают свои силы не в разумной ассоциации, которая возвышает души и, объединяя, сливает их, но в корпорации, в этой низкой форме солидарности, объединяющей путем исключения, в которой скрепляющим цементом в меньшей степени служит взаимная привязанность, чем презрение или ненависть к другим, или, по крайней мере, фарисейское удовлетворение быть непохожим на них; такое объединение не столько развивает коллективное сознание, сколько гордость и коллективное самолюбие, руководящее всеми поступками и преобладающее над всеми другими соображениями, не исключая забот о правде и справедливости. На всем протяжении нашего исследования партийная система постоянно являлась непрерывной демонстрацией конкретных результатов универсальной ассоциации в области политической деятельности.

IV

Демократизированная лишь с виду, партийная система свела политические отношения к чисто внешнему единообразию. Этот формализм дал возможность усилиться слабостям, присущим демократическому управлению, и уменьшил его силу.

Первым признаком демократического управления является участие в нем большой массы граждан. Однако большая масса, естественно, пассивна. Положение Монтескье, который приписывает демократии в качестве «принципа» или «пружины» добродетель, совершенно ни на чем не основано в действительности. Во всех демократиях, малых или больших, добродетель является лишь идеалом, понятие о котором усвоено более или менее ясно, но который нигде не господствует на практике; и совсем незаметно, чтобы его осуществление было близко или даже возможно. Построенное довольно убедительно на основе механической ассоциации идей – республика, античность, Плутарх, добродетель, – положение Монтескье не стало более правильным в той исправленной формулировке, которую он дал, сводя добродетель авторов «моральной добродетели и христианской добродетели» к «политической добродетели» или, как мы скажем на современном языке, к общественному сознанию. «Политическая добродетель» должна

заклучаться, по последнему определению Монтескье, в любви к родине, т. е. в любви к равенству. Но если она достигает высокой степени интенсивности, то одно чувство «любви к родине» не может «привести в движение республиканское управление». Самый подлый гражданин может позволить себе роскошь питать любовь к родине. Доктору Джонсону не нужно было жить в наше время, когда «патриотизм» сделался, по выражению Нордау, «условной ложью цивилизации», для того чтобы определить его как последнее убежище негодяя. Не в большей мере способна также и «любовь к равенству» дать народному сознанию пищу, которой могла бы жить демократия. Демократия не может быть спасена одной только верой, подобно тому, как спасаются верующие некоторых религий; первенствующее значение имеют дела. Общественное сознание должно быть деятельным, т.е. воинствующим: гражданин должен быть всегда на страже, со взглядом, устремленным на общественное дело, и готовым отдать ему без всякой заинтересованности свое время и свои усилия. Но этого общественного сознания не хватает всем демократиям, которые мы знаем, и, вероятно, даже они глубоко не способны постоянно проявлять его, поскольку, по крайней мере, это касается демократических обществ англосаксонской или латинской расы. Общественное сознание пробуждается в них лишь порывисто и спазматически; это – приступы внезапной и часто бурной гражданской добродетели, подобные тем вулканическим извержениям, которые извергают огонь и пламя, но оставляют после себя лишь лаву и остывшую грязь.

Можно было бы даже сказать, что из всех недеспотических режимов демократический режим менее всего способен к пробуждению народного сознания в условиях современной цивилизации. Последняя, все более и более усложняя жизнь, сделала частные интересы, заботы и развлечения как материального, так и нематериального порядка более многочисленными и напряженными. Точно так же и гражданин, который является прежде всего человеком, естественно побуждается своим эгоистическим инстинктом приносить в жертву поглощающим его заботам о своем собственном существовании и другим личным потребностям интересы государства, которые представляются ему более отдаленными и менее необходимыми, если только вообще эти заботы не являются для него совершенно безразличными. Чем большее количество людей при-

влекается в современном обществе к государственным делам, тем меньше интерес к общему благу, и платонический интерес выигрывает только в смысле своего распространения. Гражданин едва хочет и может отдавать государственным делам свое свободное время. Наоборот, режим просвещенного абсолютизма, опирающийся на образованную и честную бюрократию или на такую парламентскую аристократию, как та, которая так долго управляла Англией, находится в более благоприятных условиях для развития гражданского сознания. Закон разделения труда, который препятствует развитию гражданского сознания в демократии, способствует этому развитию при недемократическом режиме. Здесь он дает возможность тем, кто на том или другом основании осуществляет власть, свободно отдаться государственным делам и слить свои интересы, свое самолюбие и свои моральные стремления с желанием возможно лучше выполнить свой общественный долг. Им даже не нужно вдохновляться чистым сознанием долга: занимаются ли они общественными делами потому, что считают это призванием высшего социального класса и видят в этом дело своей чести, делают ли они это из дилетантства или же, наконец, из бескорыстной любви к спортивным переживаниям, более или менее широко понятый общественный интерес не остается в пренебрежении.

К экономическим и социальным условиям, отвлекающим внимание гражданина от общественных дел и усыпляющим его бдительность, в демократиях присоединяется еще крайняя доверчивость, внушенная обладанием неограниченной власти. Будучи членом самодержавного народа, каждый гражданин, сознательно или бессознательно, относит к самому себе несокрушимую силу народа, которая делает излишними все заботы об общественном благе. Он воображает, что сможет всегда своевременно вмешаться, чтобы внести порядок в дела, если это понадобится. Он себя убеждает в том, что ему достаточно, как римскому императору, стукнуть ногой об землю, чтобы оттуда вышли легионы, или же он повторяет более современную фразу оратора трибуны, которую мы уже знаем: «когда американский народ поднимется в своем могуществе и в своей величии». У рассудительного или благочестивого властелина или господствующего класса увлечение властью может быть умерено боязнью того, что в один прекрасный день народ, оби-

женный в своих интересах или в своих правах, начнет сопротивляться. Но при демократии властелины и народ составляют одно целое. Как бы ни была тягостна мысль об отсутствии в демократии деятельного общественного сознания, – нужно откровенно признать этот факт и учесть его в политической организации с тем, чтобы его по возможности исправить, благоприятствуя всему тому, что помогает развитию общественного сознания, и избегая всего того, что ему мешает. Таким образом, первой проблемой, которая встает в демократической практике, является: как организовать политическую деятельность таким образом, чтобы развить непосредственную и регулярную деятельность у граждан, чтобы возбудить индивидуальную энергию и не дать ей заглухнуть? Партийная система дала разрешение этой проблеме: граждане должны выбрать партию, отдаться ей навсегда, предоставить ей все полномочия, и она позаботится о том, чтобы им дать желаемый импульс! Будучи предложено гражданам со всей видимостью политического благочестия, это решение имело у них успех, и они смогли со спокойной совестью погрузиться в свою обычную апатию. Их эгоизм, усиленно питаемый промышленной цивилизацией нашего времени, нашел себе, так сказать, оправдание в их собственных глазах и мог прикрыться маской общего интереса. Отдавшись более или менее сознательно этому чувству, они распространили в окружающей атмосфере политическое лицемерие, при котором искренняя преданность общественному делу блекнет и погибает. В особенности это произошло с тем классом общества, который является рассадником всякого лицемерия: с буржуазией или *better element*, как говорят в Соединенных Штатах. Она возвела политическое безразличие в добродетель, и эта пассивность, наряду с невежеством народных масс, повела к уничтожению сознания общественного долга.

V

В то время как условное понятие партии усыпляло гражданское сознание, которое должно заботиться о государстве, оно овладело силой социального запугивания, которое является высшей силой демократии. Эта сила, заключающаяся в том, чтобы принуждать всех к выполнению своих обязанностей силой закона, так же

как и силой общественного мнения, является регулирующей силой всего управления. Проявлять власть – это нечто иное, как только запугивать, применять моральное принуждение для того, чтобы заставить себе повиноваться. Деспот применяет ее так же хорошо, как и республиканский министр: его материального могущества было бы недостаточно, так как оно свелось бы к его мускульной силе. Сила запугивания, управляющая политическим обществом, является полной только тогда, когда она господствует над всеми его членами, над управляющими так же, как и над управляемыми. Она действует самой идеей силы, которой она обладает, силы материальной или моральной, без того, чтобы было необходимо ее реальное выявление. Ее эффективность зависит в первую очередь от значительности той силы, которой она располагает или которую она собой представляет. Но она не может быть чисто материальной, даже когда дело идет о грубой силе: число рук, на которые опираются, является существенным, но не решающим, так как сами эти руки подчиняются сознанию и рассудку, и надо, чтобы этот рассудок и это сознание поддались запугиванию. Из всех режимов демократическое управление является тем, которое в наибольшей степени соединяет в себе эти условия, по крайней мере, поскольку это касается политических форм. Так как все граждане призваны к управлению государством и так как власть непосредственно исходит от всей нации, то она имеет в своем распоряжении максимум грубой и моральной силы.

Демократический режим и режим, при котором наилучшим образом может укорениться власть социального запугивания, являются, таким образом, эквивалентными понятиями. То, что условились рассматривать в качестве демократических принципов, в действительности является лишь применением в организации общественного порядка принципа социального запугивания. Участие всех граждан в управлении не имеет другой реальной базы, кроме необходимости предоставления каждому члену общества защиты его личности. Если имеется категория граждан, лишенных права участия в управлении, как могут они заставить уважать себя тех, которые пользуются правом управления государством и которые могут повернуть это право против них? Этого рассуждения достаточно, чтобы признать в принципе политическое избирательное право за каждым гражданином. Бесполезно искать оправдание

этому в естественном праве или в каком-либо другом мистическом праве народа. Пользуясь словами Лапласа, я скажу: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе». Когда речь идет о переходе к применению всеобщего голосования в данной социальной среде, я спрашиваю только, способны ли личности, о которых идет речь, запугать управителей? Если это дети или взрослые, которые еще находятся в состоянии политического младенчества, ответ ясен: сколько бы им ни предоставить избирательных прав, можно будет играть ими с абсолютной безнаказанностью.

Если говорят, что народ не способен к самоуправлению и что, следовательно, поэтому всеобщее избирательное право и парламентаризм являются абсурдом, то я готов согласиться с первым пунктом, но нахожу, что вывод, который из него делается, совершенно ошибочен: политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей. Действительным вопросом в данном случае является вопрос о том, способны ли они запугивать и в какой мере они на это способны. Что массы в большинстве современных демократий способны серьезно запугивать управителей, это вне всякого сомнения. И именно благодаря этому мог быть осуществлен серьезный прогресс в обществе; плохо ли, хорошо ли, но управители вынуждены считаться с народными нуждами и стремлениями. Большим затруднением теперешнего политического положения является то, что еще мало образованные и недостаточно сознательные массы недостаточно запугивают политиков. Таким образом, широко распространенное массовое образование и способность масс к высказыванию своего мнения имеют в политической жизни в меньшей степени непосредственное значение, – исключая, разумеется, их значение для более сознательного выбора своих уполномоченных, – и в большей степени необхо-

димы для лучшего запугивания тех, кто управляет от имени народа и спекулирует на недостатке его проницательности. Эти управители будут вести себя иначе, если им придется иметь дело с более образованными избирателями; они их будут больше запугивать. Вот почему вдвойне важно в демократии поднимать интеллектуальный и моральный уровень масс: вместе с ним автоматически поднимается моральный уровень тех, которые призваны стоять выше масс.

То, что было сказано в отношении всеобщего голосования, не менее правильно также и в отношении других принципов современного государственного строя. Все политические свободы: свобода печати, право собраний, право ассоциаций и гарантии индивидуальной свободы, на которые опирается всеобщее голосование и которые рассматриваются как гарантии свободы, являются лишь формами или орудиями власти социального запугивания, защитой членов государства против злоупотребления силой. Так же обстоит дело с основными принципами организации государственной власти: выборной системой назначения на руководящие должности в государстве, разделением властей, публичностью действий государственной власти, начиная с парламента и до низших судебных органов и т. д.

Однако эта власть социального запугивания была подорвана со всех сторон политическим формализмом, введенным партийной системой, и этот формализм мешает ей укорениться со всей своей силой. Вообще можно сказать, что партийная условность вырвала у граждан оружие морального принуждения и повернула его против них самих. Они покорно голосуют за «желтую собаку» потому, что она носит цвета партии; они пассивно терпят беспорядки общественной жизни потому, что эти беспорядки покрыты флагом их партии. Пиратам, которые их причиняют и которые ими пользуются, приходится лишь размахивать перед правоверными членами партии пугалом политического иноверия. Вместо того чтобы запугивать, члены самодержавного народа сами запуганы. Без сомнения, в любой момент народ может проснуться от своего гипнотического сна и, вернув себе путем простого применения демократических установлений свою власть, заставить почувствовать ее непреодолимую силу. Но не является ли первым условием реального проявления власти ее постоянство? И если она проявляется лишь периодически, то очевидно, что она этим очень ослабляется. Самый

характер действия этой власти является очень изменчивым: она проявляется только после какого-либо толчка, а это значит, что она, скорее, карает, чем запугивает. Мы могли это констатировать, в частности, в Соединенных Штатах, при рассмотрении условий, при которых действует общественное мнение. Точно так же я должен был установить разницу между репрессивной и предупредительной властью общественного мнения и показать, как эта последняя, способная осуществлять идеал демократии, – именно потому, что она использует высшую степень социального запугивания, очень часто оказывается поставленной в такое положение, когда она не может проявить себя.

И когда власть социального запугивания сводится только к репрессии, к народному гневу, которого надо бояться, власть социального запугивания оказывается ослабленной не только, так сказать, количественно, но также и качественно, и с ней вместе уменьшается также могущество демократического режима. И действительно, различные политические режимы отличаются друг от друга по характеру того страха, который внушает эта власть. В противоположность теории Монтескье, который определяет страх как «пружину» или «принцип» деспотического управления, он является регулирующим принципом всякого управления, так как всякое управление основано на принуждении. При деспотическом управлении, в котором царит произвол, страх, внушаемый властью, формально является грубым страхом перед наказанием и материальными лишениями, в то время как при управлениях, в которых царит закон, страх этот способен постепенно облагородиться до такой степени, что превращается у избранных в страх перед моральным падением в случае неудовлетворительного выполнения своего долга в отношении общественного блага. Такая эволюция чувства страха в отношениях между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, заменяет собой общий прогресс политического общества и цивилизации. Демократический способ управления предоставляет наиболее благоприятные условия для такой эволюции. Но она задерживается, когда отношениями между народом и его уполномоченными управляет грубый страх, и в таком случае сила общественного мнения в условиях полной демократии имеет тенденцию оставаться преимущественно в состоянии грубой силы.

VI

Но не представляет ли тогда эта сила, необлагороженная и неморализованная и все же освященная демократическим строем, постоянной угрозы для каждого гражданина и вне области управления, в самой общественной жизни? Не угрожает ли это моральной свободе гражданина, пользующегося, благодаря универсальности власти запугивания, максимумом материальной свободы? И так как внешнее принуждение в государстве опирается в конечном счете на общественное мнение, то не находится ли, в свою очередь, под угрозой также и сама материальная свобода гражданина? В этом заключается слабость, скрывающаяся за властью социального запугивания, слабость, которую демократическое управление проявляет с той же интенсивностью, с какой оно проявляет свою силу.

Наиболее передовые демократические общества еще очень далеки от того, чтобы достичь настолько высокого морального и интеллектуального уровня, чтобы преодолеть эту слабость. Таким образом, можно видеть, как свободно проявляется грубое давление общественного мнения и каким тяжелым бременем оно ложится на всех. Человек, имеющий смелость отстаивать свое мнение, очень редко встречается в демократии, нужно, чтобы он был почти героем для того, чтобы противопоставить себя толпе: она так многочисленна и так захватывает; где он может укрыться, у кого просить помощи и защиты против нее, ведь каждый является ее частицей? Пока речь шла о внешнем принуждении, которое угрожало гражданину в отношении его личности и его имущества, все были его союзниками, связанными с ним очевидной тождественностью их интересов. Но как только встает вопрос о принуждении общественного мнения, эта тождественность рассеивается в глазах большой массы, и индивидуум остается перед нею в одиночестве. Никто не имеет смелости выступить с высоко поднятой головой в общественной жизни, и каждый жметя к стенке. В демократии не найдется никого, кто бы мог обратиться к самодержцу на языке арагонских кортесов, которые приветствовали каждого нового короля словами: «Мы, которые стоим того же, что и вы!..» Каждый выдаст себя друг перед другом за скромного, очень скромного слугителя народа.

По правде говоря, моральное давление большинства проявлялось везде и всегда, с тех пор как люди живут в обществе. Помимо установленных властей, создалась власть общественного мнения с такими неограниченными полномочиями, что оно стало почти неуловимым и распространилось не только на действия, но также и на проявления мыслей индивидуума. Грубая сила численности, которую она собой представляла, была настолько внушительна, что вызвала в нем одновременно покорность и глубочайшее уважение. Не довольствуясь преклонением перед ее властью, стали восхищаться ее добродетелью, приписывать ей моральное и интеллектуальное превосходство, признавать за ней не только такое грубое качество ума, как здравый смысл, «элементарный здравый смысл», но даже такие тонкие качества, как «разум». Век, который выше всего ценил «разум», не усомнился признать, что господин «все» (*tout le monde*) обладает им в большем количестве, чем господин Вольтер¹³³. Это – демократия без науки, грубая демократия, «теория равенства в приложении к уму», по выражению Токвиля. Когда в государстве установилась демократия, то фактическое господство, которым пользовался этот господин «все», получило легальное освещение и укоренилось в политической жизни с тем большей силой, что это господство ослабло в социальной жизни, где разложение старых связей ослабило тиранию «среды». Каждая среда и каждый порядок социальных отношений, отношений светских, экономических и религиозных, являлись как бы крепостями, в которых общественное мнение как бы держало свои гарнизоны. Когда прогресс индивидуальной свободы заставил его полностью или частично эвакуировать свои позиции и передать их в область индивидуального сознания, оно устремилось со всей грубостью своих сил на более строго ограниченную почву политической жизни. Таким образом, например, в то время как религиозный культ, недавно являвшийся опорой и цементом государства, все более и более переходил в область личных симпатий, культ родины и все относящиеся к нему чувства, дела и поступки были поставлены под ревнивую, неумолимую власть общественного мнения, которая внушает настолько же неограниченный страх, как неограниченны численность и политическая власть толпы.

С другой стороны, перед лицом возросшего могущества общественного мнения индивидуум оказался ослабленным и уничтоженным. Ему приходилось выдерживать уже не натиск частной среды, но давление совокупности общественного мнения, которое является обширным целым, неопределенные границы которого ускользали из-под власти его воображения. К тому же, в то время, когда он жил под давлением узкой «среды», он укрывался за ней, как за оградой, для того чтобы избежать всякого внешнего давления; но, разрушив эти крепости, он должен был в политической жизни, как бы в открытом поле, один столкнуться лицом к лицу с общественным мнением. Увеличилась ли при этом естественная тенденция индивидуума ступенькаться перед большой толпой? Каким бы предприимчивым и отважным ни был гражданин демократии в частной жизни, в политической жизни он делается скромным, безынициативным и, вообще говоря, трусливым.

Из всех граждан демократии наиболее боязливыми являются те, которые обладают политической властью. Они зависят от первого встречного; их судьба находится в руках человека с улицы. Они стараются ему нравиться, унижаясь до него; но так как они совсем не знают его чувств, то из боязни просчитаться они их расценивают возможно ниже и приспособляются к этому. Всякий, кто облечен частицей государственной власти, или тот, кто к ней стремится, этим самым уже лишается человеческого достоинства. Человеческое достоинство понимается лишь как верноподданническая покорность, которая падает ниц перед самодержавной толпой. «Таковы мои убеждения, – заключил с пафосом один из ораторов трибуны в Соединенных Штатах, – и если вы их не одобряете... я их изменю». К низким типам человеческого рода, от Каина до Тартюфа, век демократии прибавил еще новый тип: политика. И это не наименее подлый. В преступлении Каина и в его искуплении есть какое-то мрачное величие, определенное величие есть даже в Гарпагоне, всем своим существом прикованном к своей единственной страсти, как Прометей к своей скале. Ничего подобного нет в душе политика, как в душе Арлекина, она состоит из тысячи мелочей, которые объединяются одной общей чертой: трусостью.

Состояние боязни у подчиненных вызывается несколько другими причинами, чем у представителей публичной власти: оно не вызывается грубым личным интересом, который воодушевляет

последних и не представляет собой такой гнусной картины; но страх тех и страх других одной и той же природы, и они дополняют друг друга в их деморализующих результатах.

В этом заключается один из главных пороков демократического управления, и все же столь многочисленные критики демократии до сих пор почти не обращали на него внимания. Они преимущественно занимались его более очевидными недостатками, они изучали в нем прежде всего его внешнее функционирование, наперебой друг перед другом обнаруживая недостаток устойчивости демократического режима, слабость его деятельности, обычную посредственность его руководителей, влияние демагогов, которое они оказывают на управление, подавление меньшинства большинством, легкомыслие и коррупцию в использовании народной казны. Даже те из критиков демократии, которые зондировали наиболее глубоко ее раны и исследовали те способы, при помощи которых демократическое управление оказывает влияние на человеческую душу, а также мотивы поведения человека в обществе, едва проникали за пределы мотивов, вытекающих, так сказать, из самого определения демократии, из ее уравнивательной природы, потворствующей таким страстям, как ревность и зависть, приводящей к уравниванию людей и вещей и стремящейся к принижению превосходства ума и характера и к установлению равенства в распределении богатств. Правда, Токвиль, выявив с большей силой опасности, угрожающие демократии со стороны всемогущества большинства, обнаружил то моральное давление, которое оказывает масса; он описал его в незабываемых страницах; но он не отличил его достаточно определенно от законного права принуждения, которым пользуется большинство и которым оно склонно злоупотреблять, и не установил тех последствий, которые оно влечет за собой в политической жизни. Всякий раз, как он, так сказать, приближается к предмету, он тотчас же от него отклоняется, чтобы вернуться к проблемам законного всемогущества большинства и чтобы в конечном счете прийти к заключению о необходимости устранения опасности путем лучшей организации государственной власти. Рассматриваемая проблема ни в какой мере не относится к законодательству, и самая лучшая организация государственной власти в демократии не может оказать никакого влияния на моральное состояние масс и на то влияние, которое оно оказывает на

управляющих и управляемых. Главные пороки, присущие демократическому управлению, – всеобщая посредственность, влияние демагогов, отсутствие сознания общественного блага, слабое действие законов – либо происходят от трусости граждан, либо являются ее разновидностями. Как их избежать? В этом заключается одна из кардинальных проблем демократии.

Условное понятие партии лишь поддерживает и развивает такое положение. Ритуальный культ, которым это условное понятие окружает «большинство», «партию», придает квазиконкретную форму тому неопределенному могуществу множества, которое потрясает воображение индивидуума и овладевает его волей. Оно устанавливает внешний критерий его политического поведения. Он может быть застигнут на месте преступления первым встречным; все взоры устремлены на него, чтобы следить за тем, идет ли он в указанном направлении; ну как же ему не идти по указанному пути? Партийная жизнь, следовательно, представляет собой лишь длительную школу рабского подчинения. Все уроки, получаемые в ней гражданином, являются лишь уроками трусости; она прежде всего учит гражданина, что для него нет спасения вне постоянной партии, и подготавливает его ко всякого рода отречениям и смирению. Те, которые не рассчитывают на политическую карьеру, пассивно усваивают эти уроки, между тем как те, которые добиваются общественных постов, изучают их как науку или как искусство, и к концу учения их душа исковеркана и приучена ко всякого рода извивам, подобно телу акробата.

VII

Без сомнения, грубое давление большинства встречает противодействие в самом общественном мнении. «Общественное мнение» не является чем-то единым, оно составляется из многочисленных и различных мнений, которые могут взаимно противодействовать друг другу и проявлять моральную силу, способную обуздать или утратить грубую силу. Даже мнение одного человека, вооруженного разумом и справедливостью, может оказаться убедительным для многих, и сила количества подчинится ему. Но, чтобы этот результат мог осуществиться, необходимо, чтобы все мнения пользовались полной свободой; это необходимо не венных

пошлин; они должны будут бороться под своим собственным флагом.

Новый метод, таким образом, внесет всюду больше света и потребует больше откровенности, больше искренности даже от продажных дельцов и партийных эксплуататоров. Добросовестные граждане не должны будут больше поддерживать этих людей из политического благочестия, после того как отпадут заботы о сохранении партии. Условная политическая мораль потеряет один из своих существенных источников. Словом, новый метод будет способствовать повышению морального уровня как избирателей, так и уполномоченных народа, как управляемых, так и управителей...

Значение нового метода так велико потому, что он основан на жизненном принципе того порядка вещей, который вышел из демократической революции, т. е. на принципе «союза, заменившего единство». Старый порядок, единый и нераздельный, погиб вместе с обществом, которое служило ему основой. И так же невозможно восстановить этот порядок, как невозможно воскресить это общество. Ни в религиозной сфере, ни в обществе, ни в государстве единство больше невозможно с тех пор, как началась эра свободы, когда идеи и интересы стремятся укорениться во всем своем разнообразии. Различные социальные элементы не могут поддерживаться в единстве иначе, как путем тирании, будь то тирания, вооруженная мечом, или моральная тирания, которая началась с теократии и продолжается в форме социальных условностей. Как только абсолютная власть меча или традиции ослабевает, гармония элементов, составляющих общество, может быть восстановлена только путем согласия волею, только путем союза. Но так как в освобожденном обществе сталкиваются стремления и интересы беспредельной сложности и многочисленности, эта гармония уже не может являться универсальной и постоянной гармонией, основанной на неподвижной базе. Точно так же согласие волею не может установиться раз навсегда и по всем вопросам, постоянно изменяясь и возобновляясь, в зависимости от изменяющихся отношений, фактов и идей. Подобно постоянному обмену веществ, который поддерживает в равновесии органический мир и постоянно возобновляет в нем жизнь, союз волею, проявляясь в изменяющихся и последовательных сочетаниях, призван обеспечивать гармонию элементов, из которых составляется общество.

Новый социальный синтез, необходимый освобожденному обществу, заключается в этом свободном союзе волей. Если его не находили, то потому, что его искали в прошлом, одержимые идеей единства, воспринятой таким образом, что невольно возникает воспоминание о Калигуле¹⁴⁰. К тому же мечта сумасшедшего цезаря была менее безрассудной; он хотел, чтобы человечество имело одну-единственную голову, чтобы легче было его умертвить, в то время как современные унитаристы мечтают о том же для того, чтобы облегчить его жизнь. Единство, которое стремятся восстановить, может быть лишь механическим единством; ему всегда будет недоставать жизненной связи. Эта последняя не может основываться на чувстве и не может быть заменена организацией. Не существует больше «политического кредо, могущего захватить душу не на живот, а на смерть», – о котором мечтала молодая Англия, – безразлично, отмечено ли это кредо печатью реакционной традиции или же оно происходит от революционного мистицизма. Наиболее централизованная организация, будет ли она цезаристской или якобинской, сможет дать лишь бесплодную видимость единства. Для того чтобы в новом обществе, которое более не скрепляется ни чувствами, ни привычками, социальная связь была эффективной, она должна основываться прежде всего на сознании общих интересов, поднимающемся над разнообразием социальных стремлений, и на сознании прав и обязанностей по отношению к общественному делу. Это двойное сознание приводит к союзу волей, развивает его и создает таким образом внутреннюю силу нового социального синтеза. Благоприятные условия его функционирования обеспечиваются самим демократическим порядком, который вызвал необходимость в новом синтезе, так как демократия явилась для того, чтобы одновременно и разрушить и создать. Уничтожив старые рамки, она разрушила барьеры, разделявшие граждан на классы или замкнутые группы; она разрушила крепости господствующего класса, властвовавшего над чернью, которая копошилась где-то внизу; благодаря одному этому факту уравнивая почва должна была сделаться почвой для встреч и сближения членов общества. Так как все они оказались поставленными на равную ногу, они могли – что им было недоступно ранее – вступить в контакт, узнать друг друга, и сговориться о том, что их объединяло, среди того, что их разделяло. Таким образом, демократия, далекая

от того, чтобы расчленив общество на атомы, «натравить класс на класс», как это считали сторонники контрреволюции, приводила различные социальные интересы к взаимному согласованию и одновременно указывала им в некотором роде способ действия, наиболее подходящий для этой цели: уничтожая устойчивые границы классов, срывая Капитолий, так же как и Авентинскую гору¹⁴¹, она делала устарелой ту борьбу, которая, подобно гражданской войне, разделяла общество на два лагеря; она побуждала соперников к тому, чтобы они, вместо того чтобы костенеть в неразрешимой непримиримости законченной политической или социальной системы, смягчали взаимные противоречия, раздробляя их, так сказать, и соединяя их с практическими нуждами и возможностями момента. Так как обращение к грубой силе было исключено, это сделалось единственно возможным путем для разрешения проблем общества, и в особенности тех, которые представлялись наиболее важными и наиболее сложными, так как одинаково невозможно, чтобы социальный порядок мог сохраниться без изменений или полностью преобразовался в одно мгновение; жизнь общества является лишь последовательным рядом частичных и предварительных мировых сделок.

Теоретические принципы современного управления не имеют другой базы. Доктрина народного суверенитета, социального договора, общей воли – эти в такой степени обесславленные и закритикованные теории служат непоколебимой основой современного государства, если оно скреплено принципом союза, заменившим единство. С тех пор как не признают больше божественного права, верховная власть осуществляется во имя права индивидуума или класса. Носительницей этой власти может являться лишь совокупность нации, и деятельностью этой власти не может руководить никакая другая воля, кроме общей воли. Если для того, чтобы придать закону силу, необходимо одобрение граждан, то, следовательно, взаимоотношения между государством и гражданами и членами государства между собой опираются на базу, тождественную той, которая в праве называется договорной. Не признали сам сэр Генри Сумпнер Майн¹⁴², один из наиболее строгих критиков демократии, что договор является конечным достижением современной цивилизации в социальных отношениях? Не были ли также люди XVIII века совершенно правы, когда провозглашали

свои принципы; они лишь сделали ошибку, понимая их осуществление в политической жизни под метафизическим углом зрения единства. Они брали индивидуума в его абстрактном одиночестве (как я это показал в первых главах этой книги), и они так же абстрактно рассматривали общество. Эта ошибка их погубила, она исказила все выводы, которые они делали из своих принципов.

«Общая воля» Руссо, в которой сосредоточивается суверенитет народа, является постоянной волей «морального существа», имеющего собственное существование помимо и над частными волями и облеченного абсолютной властью единой и нераздельной. Как же она может быть постоянной, единой и всегда тождественной самой себе, когда она является, как указывает сам Руссо, лишь равнодействующей частных волей, волей, по самому своему понятию подлежащих изменению? Одно из двух, либо она не является равнодействующей этих волей, либо она не обязательно идентична сама с собой; но и в том и в другом случае она больше не «общая», и тогда суверенитет народа повисает в воздухе. Иначе говоря, единство «общей воли», согласно чистой логике, превращается в ничто. На практике получается тот же результат. Чтобы «общая воля» могла существовать, чтобы она была живой, нужно, чтобы частные воли были принесены ей в жертву; так как если хотя бы одна из них будет существовать и утвердится хотя бы на один момент, общая воля не будет уже полной, е. не будет существовать. Точно так же в ассоциации, организованной согласно «социальному договору», каждый член ассоциации обязан, в силу самого факта конституции данной ассоциации, передать обществу все свои права; таким образом, ассоциация получает над ним безграничную власть, государство является новым хозяином имущества всех своих граждан, их убеждений и даже самой их жизни.

Обязана ли ошибка, приведшая к этому чудовищному результату, влиянию политических идей древности, которым следовал Руссо, или же она происходит из другого источника? Она зависит исключительно от того, что он рассматривал общую волю как сущность, тогда как в действительности она не представляется, как сказали бы философы, существом, но представляется явлением; она есть выражение взаимоотношения между существами, проявлением частных волей, стремящихся к общей цели, или, пользуясь

уже приведенным выражением, равнодействующей частных волей, направленных на объект общего интереса.

Это значит, что, будучи далёкой от того, чтобы олицетвориться в логическом фантоме и застыть в нем навсегда, общая воля принимает в живом обществе столь различные и многообразные выражения, сколь различны и многообразны движения частных волей, вызываемые объектом общего интереса. Это исправленное понятие общей воли, однажды заменившее собой понятие, послужившее исходной точкой для рассуждений Руссо, полностью сцепляется с доктринами народного суверенитета, общей воли и социального договора с такой же строгой логикой, какой нам представляется логика Руссо. Несообразности, которые в ней накопились, исчезают, и критика, выдвинутая против этих доктрин, сводится на нет.

Общая воля, такая, какой я ее только что определил, не обладает больше абсолютной властью, попирающей «субъекта»; она содержит в себе ограничение себя самой, так как она является лишь проявлением волей, направленных к определенным целям, достигающих своего результата с достижением этих целей, и так как этот результат может даже быть аннулирован новой комбинацией частных волей, подобно тому, как судебный приговор может быть аннулирован судом высшей инстанции. «Полное присоединение каждого члена со всеми его правами» с этого момента теряет свой смысл.

Представительство, которое Руссо считал несовместимым с суверенитетом народа, перестает быть таковым или казаться таковым, как только перестают рассматривать общую волю в качестве абсолютной сущности. «Суверенитет по своему существу заключается в общей воле, воля же не может быть представлена, – говорит Руссо, – она может быть либо той, либо иной, середины быть не может». Следовательно, представленная общая воля уже не является общей, она уничтожена, и там, где народ слишком многочислен, чтобы действовать персонально, он уже не может больше проявлять своих суверенных прав; другими словами, он не может быть свободным, «если государство не очень мало». Все это диалектическое нагромождение рушится при простом замечании, что общая воля не является постоянной волей «морального существа», а лишь выражает состояние частных волей, встречающихся на почве «объекта общего интереса». Представители, следовательно, лишь

представляют это состояние, но отнюдь не сами эти воли, которые остаются точно такими же, какими они были до этого, способными свободно проявляться в новых формах, т. е. проявлять общую волю в бесконечно новых условиях. Если бы согласие между общей волей и ее представителями предполагало постоянное согласие, можно было бы с полным правом сказать вместе с Руссо, что «самодержец может заявить: я хочу в настоящий момент того, чего хочет такой-то человек, или по крайней мере того, о чем он говорит, что он этого хочет; но он не может сказать: я захочу завтра того, чего захочет этот человек, так как абсурдно, чтобы воля закабаляла себя на будущее». Сущность общей воли в соответствии с ее исправленным понятием заключается именно в том, что она никогда не сможет сказать: «Я захочу того, чего захочет завтра этот человек», так как «завтра» уже предполагает новое согласие воли. Следовательно, сказать, что «воля закабаляет себя на будущее», отдаваясь представителям, было бы неточно. Без сомнения, представители могут перейти границы, в которых они должны держаться, но это является простым вопросом предосторожности, зависящей от политического искусства, и ни в какой мере не затрагивает самого принципа представительства.

Принцип союза, заменивший единство, уничтожает. таким образом, губительные и абсурдные последствия, к которым приводит у Руссо доктрина суверенитета народа. В то же время он дает возможность извлечь из этого суверенитета желаемые результаты, которые Руссо тщетно старался установить. Его главной задачей было «найти такую форму ассоциации, которая всей своей общей силой защищает и поддерживает личность и имущество каждого члена ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, в то же время подчиняется лишь самому себе и остается таким же свободным, как и раньше».

«Социальный договор», вопреки своему автору, не дал разрешения этой основной проблемы, так как в конечном итоге член ассоциации подчиняется воле, находящейся вне его, существу высшему по отношению к нему, которое может сделать все, что захочет. Наоборот, принцип, сторонником которого я являюсь, приближает вас к искомому решению. Утверждение Руссо, согласно которому гражданин, подчиняясь общей воле, подчиняется лишь самому себе, перестает быть явным софизмом, каким оно было у

Руссо, если общая воля понимается в том смысле, который придаю ей я, так как она уже не находится вне члена ассоциации и последний действительно каждый раз способствует выработке решения или, по крайней мере, намечает главные линии, которые уточняются и развиваются его уполномоченными и представителями. Даже когда берет верх мнение, противоречащее его собственному мнению, то его воля остается неудовлетворенной только по существу данного вопроса и ничто не мешает ей утверждаться с полной свободой во всем том, что не касается этого вопроса. Договорный характер ассоциации, по Руссо, исчерпывается тем актом, которым она создается; после того как этот акт выполнен, нет более договаривающихся, а есть лишь «самодержец» и «подданные». Если же, наоборот, ассоциация основывается на моем принципе, вся постройка Руссо восстанавливается; договорный характер ассоциации не является более обманом зрения, он является, так сказать, ее бессмертной и живой душой, на том бесспорном основании, что этот принцип, чтобы вкратце одним словом охватить все предшествующее, предполагает не социальный договор, но социальные договоры, следующие друг за другом в бесконечной последовательности. И если «надо всегда возвращаться к первому соглашению», можно сказать, что это соглашение, этот первоначальный социальный договор, имеет единственную статью о том, что социальные договоры будут иметь место. Т.е. он обуславливает, что члены общества, будучи все равными в своих правах, не будут применять силы в своих взаимоотношениях, но что они будут добиваться взаимного согласия всякий раз, когда социальная жизнь выдвинет проблему общего интереса, и что достигнутое соглашение сделается законом.

Новый метод политического действия является, таким образом, как бы основанным на данных опыта, так же как и на доводах разума.

В возражениях, конечно, не будет недостатка, но они не будут решающими. В своем большинстве они заранее опровергнуты на предыдущих страницах. Уже во времена торжественного учреждения английского кокуса в 1877 г., чтобы показать превосходство этого установления, говорили: «Если для каждого вопроса приходится поднимать особую агитацию, какая это потеря времени, энергии и средств! Не лучше ли было бы организовать один раз

навсегда федерацию, которая могла бы высказываться по любому поднятому вопросу со всей авторитетностью голоса нации?»

Это замечание, сделанное в Бирмингеме, основывается на взглядах, свойственных промышленности, в которой удешевление продуктов достигается путем экономии усилий, затрачиваемых на производство, благодаря употреблению машин и уменьшению накладных расходов, что делает возможным концентрацию производства. Но люди, составляющие свободное общество, – не машины, и политическая деятельность не имеет ничего аналогичного с промышленным производством; ее сила зависит от индивидуальной сознательности, и ее продуктивность растет не в соответствии с сэкономленными усилиями, а в соответствии с усилиями затраченными. Уменьшение «накладных расходов» в политической деятельности осуществляется в высшей степени при абсолютном режиме, где один думает или по крайней мере предполагает думать за всех; там действительно нет больше «потерь энергии, времени и средств»!

Но не является ли существование многих организаций с различными задачами источником всякого рода недоразумений? Не будут ли они перекрещиваться и сталкиваться друг с другом, оспаривая друг у друга сторонников, и не придется ли этим сторонникам бороться в одной организации против тех, кто является их союзниками в другой? Но такая путаница является лишь воображаемой. Там, где свобода еще не вошла в обычай, приходится отделять человека от его идей и производить между ними раздел; оппозиция, проявленная в отношении чьих-либо мнений, рассматривается как оскорбление или личный выпад, и согласие, достигнутое с ними по определенным пунктам, не допускает разногласий по другим. Но в обществах высокой цивилизации, освободившись от родовых обычаев и экклезиастического понимания универсального кредо и встречаясь в изменяющихся комбинациях, люди легко понимают друг друга с различных точек зрения, без всякой розни в личных отношениях. Теперь можно постоянно встретить людей, принадлежащих к соперничающим религиозным сектам, делающих общее дело вне церкви; у них одинаковые политические убеждения, но они расходятся по вопросам научных, литературных и других споров; спорят по профессиональным вопросам, в суде, на бирже и еще где-либо, но, покинув спорную почву, тотчас же воз-

обновляют дружественные отношения. Почему же то же положение, приложенное методическим образом к политическим проблемам, которые в свою очередь дифференцировались, будет чревато беспорядком?

Но не проявится ли все же еще больший беспорядок при рассмотрении политических вопросов со стороны общественного мнения? Каким образом избиратели, колеблющиеся между различными специальными организациями, смогут при выборе своих депутатов давать точные ответы на поднятые вопросы, если будет несколько таких вопросов? Каким образом будут знать, к какому вопросу относится избирательный вердикт? Я уже здесь ответил заранее, каким образом кандидаты, являющиеся знаменосцами наиболее важных в глазах избирателей и наиболее срочных вопросов, придут первыми в избирательной скачке; распределение вопросов произойдет в некотором роде само собой.

Если предположить, что разделение политических проблем между несколькими специальными партиями сможет произойти без замешательства, не вызовет ли оно своего рода распыления национальной мысли и воли, которое явится разрушительным с общей точки зрения, устанавливающей последовательность в планах и порядок в политической деятельности? Такое распыление является лишь кажущимся. При нынешней системе вопросы, соединенные в партийной программе, представляют собой амальгаму, а не целостное тело; они соединяются и разъединяются в зависимости от оппортунистических расчетов и соображений. Ни в какой мере не усложняя это состояние вещей, – что сделать было бы совсем не легко, – новый метод скорее будет благоприятствовать крупным течениям политической мысли и оттеснит незначительные течения.

Теперь, когда обе партии действуют как два соперничающих союза, собирая голоса различного происхождения, каждый голос имеет свою цену благодаря поддержке, которую он может оказать тому или другому союзу; он представляет из себя ценность не потому, что он существует, но потому, что он присоединяется. Партии также часто вынуждены заигрывать с представителями фантастических требований. Но когда вопросы, соединенные ныне под общей вывеской, будут разъединены, голоса сторонников второсте-

пенных вопросов не смогут больше служить поддержкой и будут обесценены на избирательном рынке.

Чаще всего они будут рассеиваться в массе всеобщего голосования, нейтрализуя друг друга, и освободят место защитникам и противникам наиболее важных вопросов, т.е. таких, которые уже завоевали значительную часть общественного мнения.

Если разделение проблем, предполагаемое новым методом, не представляет никаких затруднений для функционирования политической жизни, будет ли так же обстоять дело в отношении избирателя? Вместо того чтобы выискивать проблемы поодиночке, не предпочтет ли он принять целиком универсальную программу, гарантированную старой партийной маркой? Это очень возможно. Но что это будет значить, как не то, что избиратель не захочет свободы и предпочтет оставаться рабом? Нельзя, конечно, применить к нему Моисеева закона, который предписывал прокалывать ухо всякому, кто предпочитал рабство свободе; по отношению к нему существует другой долг; нужно с него снять его цепи и открыть ему двери его темницы. Нужно, чтобы он смог сделаться свободным, и, однажды получив свободу, он научится быть человеком.

Но можно ли будет действительно поздравлять себя с положительным результатом, если избиратель самостоятельно предпочтет присоединиться к одному-единственному вопросу, чем быть порабощенным партией с всеобщей программой? Не придется ли его бояться, как бояться классического Кото шпиз Шэп, опасаться его фанатизма, его непримиримости, которые затруднили бы соглашения, которыми живет политика и общество? Наоборот, новый метод предупреждает эту опасность, которая к тому же гораздо больше при постоянных жестких партиях. При новой системе член одной специальной партии найдет на своей стороне своих вчерашних противников и на противоположной стороне своих вчерашних союзников, и ему естественно придется отличать людей от тех кратковременных расхождений, которые их разъединяют, и отдать должное идеям и чувствам иным, чем его собственные. Временные партии с единым объектом явятся, таким образом, в силу достоинств самой их конституции и их целей в некотором роде вакциной против партийной страсти и сектантского фанатизма: они сделаются школами терпимого и широкого разума.

Но в ответ на это не сделаются ли взаимоотношения избирателей с их представителями более жесткими? Поскольку депутат будет избран не на основании общности его политических чувств с чувствами его доверителей, но в силу точного согласия их взглядов по специальному вопросу, не сделается ли представитель простым делегатом, а выборы простым плебисцитом? В действительности основы представительного режима не будут ни изменены, ни извращены. Представитель будет выбран не только для того, чтобы выражать волю избирателей по поводу той или иной проблемы, но также и для того, чтобы выполнять текущую парламентскую работу и, в частности, чтобы наблюдать за правительством. Так как выполнение этой последней задачи не допускает императивных мандатов, то депутата будут выбирать, учитывая его образование и его характер, а не только в силу согласия его убеждений с убеждениями его доверителей по важнейшей проблеме дня.

Но, учтя все это, могут сказать, что остается еще одно серьезное возражение: каким образом удастся вербовать политические партии и создавать вождей, чтобы вести их на бой без приманки завоевания власти? Так как человеческая природа остается тем, что она есть, не является ли «добыча» в том или ином виде движущей силой, которая роковым образом встает на пути и которую лучше регулировать, чем пренебрегать ею или с ней бороться?

В XVIII веке были выдающиеся умы, которые думали, что коррупция, проводившаяся тогда короной, была необходима для улучшения британского режима. Это сказал Юм¹⁴³, а Александр Гамильтон повторил его слова перед американским учредительным собранием в 1787 г. В настоящее время по прошествии более целого века каждый ученик знает, что если старый английский парламентский режим существовал коррупцией, то благодаря коррупции он и погиб. Нужно ли тем не менее рекомендовать такой же опыт демократии? Раньше, чем с этим согласиться, может быть, будет дозволено, не опасаясь быть зачисленным в мечтатели, предложить другой метод.

Но зачем задерживаться на предугадывании возражений, которые могут быть сделаны новому методу политического действия? На все эти возражения имеется довольно краткий и не-

опровержимый по своей убедительности ответ, данный нам фактами: нынешняя система разрушается, и из развалин и беспорядка, которые она создала, уже рождается новый метод, подобно человеческому существу, появляющемуся в муках родов, Старые партии распадаются с изо дня в день возрастающей быстротой, они не могут больше удерживать разнородные элементы, объединенные вокруг одного общего знамени; они еще могут носить старые названия и прикрываться старыми традициями; но этим названиям и традициям уже не удастся замаскировать отсутствие общих идей и стремлений; оно слишком очевидно, чтобы можно было его прикрыть. Компактное и стойкое большинство является лишь историческим воспоминанием. Распыление партий является законом; внутренняя борьба и расколы, а также уловки и маневры, предназначенные для их прикрытия, являются самой основой их существования. Основные различия принципов, разделявшие партии, в большинстве случаев стерлись. Разница в их темпераментах, их тенденциях и стремлениях так мало реальна, что как те, так и другие присваивают себе статьи программ и решения своих противников, когда это может быть выгодно для выборов. Это положение изменяется в различных странах в зависимости от политических нравов и большей или меньшей глубины корней партий, но ни в одной стране не удастся избежать этого зла. Всюду, хотя и в различной степени, партии, основанные на традиционной базе, потеряли способность выполнять двойную функцию, являющуюся смыслом их существования: объединять различные оттенки общественного мнения, превращая их в единое тело с единой душой, и, уравнивая одни другими, обеспечивать регулярную игру политических сил. Вместо того чтобы обеспечить такие результаты, система приводит лишь к расстройству и параличу политических сил, если не к явной коррупции. Политики и защитники существующего положения вещей продолжают все так же оправдывать сохранение этой системы необходимостью «партийного управления» при представительном режиме; они рассуждают, как Уголино, который поедал своих детей, чтобы сохранить им отца. Но многие менее проницательные люди, огорченные ложью и коррупцией партий, не желают ничего лучшего, как замены этой системы. Они охотно принимают идею «национальной партии», которую

они себе представляют по существу честной и чистой. Отвращение, которое внушают старые партии, способствовало также в последние годы организации в различных странах социалистических, народных и других партий, как об этом помнит читатель. И не менее знаменательно то, что у самих руководителей нынешней системы, иначе говоря у высших вождей больших традиционных партий, вера уже поколеблена. С различных сторон нащупывают для политической деятельности более реальную и более «моральную» базу, чем условные рамки нынешних партий.

Мы уже видели, как эта база создается в борьбе за эмансипацию в Соединенных Штатах в виде «Комитета 70» или «Комитета 100», «Движения граждан», «Мугвумпс», «Лиг» или «Федедательной властью», является еще менее приемлемым в большой демократии: представительная система обязательна для последней в силу самой природы вещей.

Насколько бы ни казались мне неудовлетворительными для разрешения проблемы организации всеобщего голосования различные предлагаемые законодательные реформы, тем не менее я признаю, что те из них, которые являются приемлемыми, а именно ПП и, в некоторых случаях, референдум, могли бы помочь разрешению проблемы до того, как утвердится рекомендуемый мною метод. Они подготовят ему путь. Они одновременно явятся разрушителями нынешнего метода постоянных партий и школой нового метода свободного действия. ПП, даже в своей наименее эластичной форме списков, не замедлит вызвать замешательство в рядах постоянных партий, оно сделает в них брешь, которая фатально будет увеличиваться. Оппозиция, которую ПП всюду вызывает против себя у представителей партийных организаций, очень убедительна в этом вопросе. Референдум, даже искаженный и нежеланный организациям, смешает карты постоянных партий. В то же время граждане пройдут школу свободных группировок, которые вызываються и поощряются упомянутыми методами. И когда с помощью этих легальных способов и других факторов значительно продвинется воспитание демократии, метод свободного политического действия и организации с ограниченными целями сделается правилом демократии и ее живой душой.

Если даже предположить, что предлагаемый мною метод, дополненный предложенными изменениями избирательной системы, дает все желаемые результаты в избирательной фазе политической жизни, то как к нему приспособится следующая фаза, начинающаяся с момента вступления избранных представителей в законодательное собрание? Если не будет больше постоянных партий в стране, то не будет больше и постоянного большинства в палате, и тогда встанет старый вопрос лорда Веллингтона, испугавшегося перспективы уничтожения гнилой буржуазии: Как будет функционировать парламентский режим? В действительности катастрофа будет не ужаснее той, которая так напугала героя Ватерлоо. Сегодня, как и тогда, она сведется к истреблению того, что гнило. Ортодоксальная доктрина парламентского управления, предполагающая наличие в палате «двух крупных партий», а при режиме английского типа также, естественно, однородного и солидарного министерства, коллективно ответственного перед палатой, отжила свое время. «Двух крупных партий» больше не существует; почти во всех парламентских странах палата состоит теперь из более или менее многочисленных меняющихся групп, которые не поддаются никакой постоянной классификации. Искаженный в своем принципе режим с фатальной логичностью вызывает все эти несчастья, которые сделались самой сущностью парламентской жизни; будучи разделенной, палата может иметь лишь неустойчивое большинство и правительство, которое постоянно борется за свою жизнь; чтобы продержаться, министерство вынуждено лавировать, заключая соглашения направо и налево; нуждаясь в депутатах, оно принуждено их вербовать путем бесконечных уступок, которые давали бы возможность представителям поддерживать их избирательную клиентуру; вмешательство депутатов и фаворитизм делаются правилом в администрации; непрочное положение министров поощряет интриги и коалиции, направленные против них; так как настоящим объектом парламентских дебатов является поражение или поддержка министерства, то вопросы рассматриваются не по существу, но лишь в зависимости от требований момента; едва создающиеся коалиции разрушаются и влекут за собой частые министерские кризисы; появляясь в результате коалиций, министерства объединяют в себе разнородные и прямо противо-

положительные элементы, солидарность которых сводится к желанию возможно дольше остаться вместе у власти, и сколько бы ни происходило перемен, все остается в том же положении.

Безупречная логика, с которой цензоры парламентских нравов устанавливают это строгое сцепление причин и следствий, приводит почти всех их к выводу; нужно создать настоящее большинство! Надо вернуться к истинному парламентскому режиму! Но они не видят вывода, который бросается, так сказать, в глаза, что если парламентские большинство постоянно перемещаются, то это значит, что эти большинство искусственные, и что если они искусственные, то потому, что не существует больше естественных и что их нельзя больше создать.

Вместо того чтобы цепляться за подточенные формы, не лучше ли откровенно признать новое положение и постараться приспособить парламентский режим к этому положению? Для этого нужно лишь распространить на парламентскую жизнь принцип, который господствует над новыми социальными отношениями, каковым является принцип, заменивший союзом единство. Метод свободных союзов делается необходимым в палате так же, как и вне её. Парламентские отношения не могут быть ничем иным, как отображением отношений, существующих вне парламентской залы. Так как парламент объединяет теперь представителей различных многочисленных стремлений, то его деятельность должна заключаться в сделках, решаемых большинством, состав которого может измениться от одного вопроса к другому, но которое в каждом отдельном случае правдиво отображает взгляды и чувства настоящего, единственного большинства, могущего создаться на почве данного вопроса.

Но, могут возразить, каким образом можно обойтись без устойчивого большинства, которое одно способно придать правительству страны последовательное и постоянное направление? Если собрание поддается всяким влияниям и сегодня склоняется в одну сторону, а завтра в другую, в зависимости от меняющегося большинства, если палата является лишь собранием безответственных групп, то это анархия, это – хаос. В действительности не будет ни анархии, ни хаоса. Сентенции о необходимости и достоинствах устойчивых большинств, которые создают такое хорошее впечатление в министерских заключительных словах, исхо-

дят скорее из старых теорий парламентаризма и политической фразеологии, чем от живой действительности. Достоинства устойчивого большинства отныне имеют лишь такую же ценность, как достоинства пресловутой кобылы Роланда. Уже цитированный доклад комиссии французской палаты констатирует, «что устойчивое большинство возможно лишь в том случае, когда преобладает какой-либо существенный вопрос». Однако серьезные вопросы не являются больше ни вечными, ни единственными, и «когда важные проблемы последовательно сменяют друг друга, то одно большинство постоянно сменяется другим». Точно так же «последовательная политика» не имеет уже того смысла, как раньше, она уже не может больше неизменно применяться к совокупности проблем национальной жизни. Когда разногласия, разделявшие нацию, были резкими и простыми, когда все стремления и все политические и социальные тенденции распределялись по двум группам, каждая из них действовала, руководствуясь одной главной идеей, соответствовала одному и тому же темпераменту и руководствовалась одинаковыми соображениями и одной и той же линией поведения при их практическом осуществлении; всякое отклонение означало несогласованность, слабость политического характера, если даже не моральную слабость. Теперь, при многочисленности перекрещивающихся проблем, сознание преемственности может проявиться лишь в пределах одной какой-либо большой проблемы или нескольких проблем, тесно связанных между собой естественным сродством. Не будет никакой несогласованности, если, например, большинство, создавшееся в палате на почве антиклерикальной политики, не проявит того же единодушия при установлении подоходного налога и если большинство, которое могла бы объединить эта реформа, состояло бы как из сторонников, так и из противников антиклерикальной политики. И почему же этот вопрос должен был бы привести антиклерикальное большинство к изменению своего постоянного отношения к клерикальному вопросу?

Правительство всегда сможет объединить большинство на почве господствующей проблемы, как бы различны ни были взгляды его членов по другим крупным вопросам, и легко сохранить это большинство при всех случаях меньшей важности, когда речь не будет идти об этих крупных вопросах. Внешняя политика,

из-за которой особенно опасаются появления меняющихся большинств, является именно одной из таких крупных проблем, которая соберет свое большинство, независимо от колебаний по внутренней политике. Если внешняя политика правительства будет отвечать желаниям и интересам страны, она будет постоянно поддерживаться депутатами различных убеждений, без риска изменяться, как теперь, при перемене партий у власти.

Этот способ изменяющегося большинства, шокирующий старые парламентские понятия, уже развивается на наших глазах, не внося никакого замешательства, с момента введения ПП в стране с регулярно действующим парламентаризмом, а именно в Бельгии. «Опыт последних лет позволяет нам утверждать, что благодаря очень большой гибкости Бельгийского парламента к моменту голосования в нем создаются довольно неожиданные группировки. Вожди партий подают в этом отношении пример. Следствием этого несомненно должна будет явиться новая концепция правительства: большинство будет образовываться по поводу каждого вопроса»*. В общем это будет лишь возвратом к традициям классической страны парламентаризма. В английском парламенте уже давно – в начале XIX века, накануне реформы 1832 г., законодательные мероприятия были предложены не правительством, а депутатами от их собственного имени и приняты при поддержке членов как той, так и другой партии.

Даже позже, при Пальмерстоне многие консервативные депутаты голосовали часто за него, и благодаря их голосам он оставался у власти.

Страх, который внушают «безответственные группы», также не основателен. Он основан прежде всего на грубом непонимании. Группы, которые образовались бы вокруг определенной проблемы, не будут иметь ничего общего с группами, на которые так часто делятся нынешние партии. Эти последние группы являются теми же «партиями», только в гораздо меньшем масштабе; это тоже союзы, члены которых, будучи связаны друг с другом, согласованно действуют по всем вопросам и идут в ногу для завоевания власти или для того, чтобы получить часть добычи. Из групп, которые являются продуктом нынешнего режима и которые усиливают его недостатки, группы с определенными проблемами являются его отрицанием и противоядием. Почему же

группы должны быть «безответственными»? Разве ответственность, которую политические деятели, объединяясь между собой, чувствуют в отношении самих себя и в отношении общественного мнения, начинается только с того момента, когда их группировка достигает известной численности? Нужно ли для того, чтобы утвердилось политическое сознание членов какой-либо группировки, чтобы она достигла числа, на одного человека большего половины собрания, числа, которое дает право разделить добычу? Не правильно ли также то положение, которое было выдвинуто во время уже приведенных ранее больших дебатов в швейцарском федеральном совете: «Говорить, что только компактное большинство может взять на себя и нести ответственность, – является фразой, лишенной всякого смысла».

Но если состав большинства колеблется от вопроса к вопросу, то как же может оно вызвать к жизни и поддерживать стойкое правительство? Не окажется ли невозможным, в особенности при режиме английского типа, существование однородного министерства и его солидарной ответственности перед палатой? Устойчивости правительства не угрожает никакая опасность, даже наоборот. Что же касается солидарно ответственного министерства, то действительно такая опасность возможна, но это далеко не несчастье; такое положение будет даже спасительным для парламентского управления. Однородность и солидарность министерства, так же как и партийное управление, выражением которого они являются, скорее основаны на истории, чем на разуме; созданные в Англии по случаю и ввиду борьбы парламента против короны, они не отвечают больше политической необходимости и больше не являются полезными для существования правительства общественного мнения; как раз наоборот. Чтобы противодействовать королевской прерогативе, парламент противопоставил короне министров, выдвинутых им из своей среды и принадлежащих к партии большинства; будучи все солидарными с ним, они тем лучше защищали его требования; будучи все солидарными между собой по отношению к короне и образуя собой как бы цепь, они мешали короне справляться с каждым из них поодиночке. С другой стороны, составление однородных кабинетов на узкой базе партий знаменовало собой прогресс в сравнении с методом пестрых коалиций крупных фамилий, кото-

рые объединялись под руководством одного выдающегося лидера, начальника банды, для того чтобы эксплуатировать власть, не заботясь об общественном мнении, влияние которого было еще ничтожно; узкая база партии символизировала собой узкую базу принципов и убеждений (отсюда энтузиазм Бёрка в отношении партий). Хотя составление кабинета, представляющего господствующую партию, и было направлено против короны, однако последняя, будучи побеждена и покорна, не замедлила извлечь из этого для себя выгоду: министерство защищало корону, обеспечивало ей иммунитет ее нового «безответственного» положения, служило буфером между нею и парламентом, так же как между парламентом и нацией. Но когда общественное мнение сделалось самодержавным и все власти преклонились перед ним, все эти предосторожности и выгоды потеряли свой смысл. Министерство было гарнизоном парламента в крепости короны: эта крепость была разрушена. Самая роль буфера с этих пор стала бесполезной: не было больше ни трений, ни возможных столкновений ни между короной и парламентом, ни между палатой и нацией; корона была доведена до полного бессилия, и палате оставалось лишь покорно регистрировать волю нации с тех пор, как она перестала представлять привилегии господствующего класса.

Ныне, когда общественному мнению, облеченному политической властью, достаточно лишь сделать одно движение, чтобы все претенденты на власть были повергнуты в прах, эти средства защиты народной свободы, каковыми должны были являться партийная солидарность, однородное министерство и солидарная ответственность министров, – так же устарели, как рвы, подъемные мосты и башни замков средневековья в эпоху пороха и динамита; они лишь стесняют свободную циркуляцию сил общественного мнения.

Ответственность, призванная управлять парламентскими взаимоотношениями, привела лишь к общей безответственности: депутаты, вынужденные следовать за своей партией под страхом того, что она может потерять власть, лишены возможности следовать голосу своей совести, и их ответственность растворяется в ответственности партии; она должна будет предстать перед судом избирателей, если она будет осуждена или оправдана, все ее члены одинаково, как плохие, так и хорошие, будут либо побиты,

либо признаны. Министры, в свою очередь, легко скрываются за коллективными социальными идеями, как бы неспособны или даже преступны они ни были; нельзя разбить одного из них без того, чтобы не разбить всех; когда спрашивают отчета у одного, весь кабинет «ставит вопрос о доверии» и в девяти случаях из десяти затыкает глотку своим сторонникам. Часто падение министерства вызывается какой-нибудь случайностью, но, поскольку эта случайность не происходит, сторонники министерства защищают его буквально своими собственными телами, как те телохранители, которые верно несли охрану султана до того момента, пока они не решили его умертвить. В Англии, где такие случаи редки, потому что, в особенности с расширением избирательного права, депутаты берут на себя обязательство перед избирателями поддерживать персонально намеченного вождя партии, который является премьер-министром или может им сделаться, безответственность министерства по отношению к парламенту еще более велика. Таким образом, солидарность министров и солидарность членов большинства, которая ставит тех и других в состояние обоюдной зависимости, лишь парализует либо активность управления там, где не существует больше устойчивого большинства, либо парламентский контроль, если не оба сразу, как это имеет место в странах континента.

Этот гордиев узел будет разрублен уничтожением коллективной ответственности министров: жизнь министерства не будет больше зависеть от произвола партийного большинства; но законная зависимость управления от представителей нации не будет этим уничтожена; она будет полностью обеспечена индивидуальной ответственностью министров.

Предлагая освободить их от произвольной власти членов законодательного собрания, я ни в какой мере не склонен согласиться с доктринерским решением о разделении законодательной и исполнительной власти, которое предлагают для излечения зла парламентаризма, необоснованно ссылаясь при этом на пример Соединенных Штатов. Мы знаем серьезные затруднения, которые повлекло за собой разделение властей, установленное авторами американской конституции и еще более усиленное на практике; мы видели, как вместо того, чтобы обеспечить независимость исполнительной власти, оно способствовало тому, что

она оказалась в зависимости от законодательной власти. Чтобы сохранить обоюдную независимость и ответственность представителей законодательной и исполнительной властей, полезно было бы, наоборот, поставить их лицом к лицу, под наблюдение такого могучего судьи, каким является общественное мнение. Будучи главной пружиной представительного режима, оно, однако, не является его механизмом, каким бы усовершенствованным он ни был; оно является светом, освещающим действительность правителей, публичностью, сопровождающей все их поступки и действия. Если этот свет недостаточен, то наиболее гениальные колеса управления искривляются и лучшие люди, призванные пускать их в ход, – коррумпируются; если этот свет струится потоком, он исправляет недостатки установлений и возвышает характеры людей, усиливая их ответственность. При режиме кабинета свет уменьшается и рассеивается либо солидарностью кабинета, либо солидарностью большинства, большинства партийного. Не следует ли также остерегаться того, что этот свет еще больше будет рассеиваться при наличии конституционной перегородки, воздвигнутой между законодательной и исполнительной властями? Первая функция парламента, являющаяся смыслом его существования, заключается в контроле исполнительной власти; как может он ее выполнять, если министры скрыты от его взглядов? Так как область национальных интересов, доверенная законодательной и исполнительной власти, является единой и нераздельной, то становится необходимым объединение этих двух властей; но как могут они объединиться, когда их разъединяют друг от друга?

Во всяком случае, если присутствие министров в палате и их прямое сотрудничество с доверенными нации является непременным условием хорошего функционирования представительного режима, нельзя допустить, чтобы министры являлись игрушкой в руках партий и их меняющегося большинства; нельзя допустить, чтобы палата хозяйничала в области исполнительной власти; точно так же нельзя допустить, чтобы ее тащили на буксире министры, господствующие как над законодательством, так и над администрацией, «Чтобы власти были раз навсегда разделены, нужно, чтобы они не были полностью разъединены», – сказал Мунье, знаменитый член учредительного собрания в 1789 г. Я

подписываюсь под этой формулой и дополняю ее другой формулой, являющейся как бы ее второй половиной: «Чтобы власти были объединены, не надо, чтобы они были слиты», Присутствие министров в палатах и замена их коллективной ответственности индивидуальной ответственностью полностью отвечали бы двойной задаче, выраженной в этих формулах, и поставили бы все на свое место,

Такая комбинация установила бы устойчивость правительства и действительную ответственность правителей. Будет устранена возможность вызывать бури в парламентских водах, уносящие одной волной всех министров только потому, что один из них недостоем больше заседать в палате или представил законопроект, который она отвергла, или просто потому, что хотят завладеть их портфелями. Можно будет отставлять министров лишь по одному, занимаясь вопросом о каждом в отдельности и создавая в связи с этим каждый раз специальный процесс. Если министр открыто не обвиняется в совершенно определенных ошибках, если голосование палаты касается лишь мероприятия, предложенного или поддержанного им, ему незачем будет уходить в отставку, по крайней мере, если он сам не считает для себя невозможным выполнить указания палаты. И, наоборот, если он не безупречен, то он не сможет спрятаться за кабинетом. Со своей стороны, депутат не должен будет закрывать глаза на преступное действие министра или даже голосовать за министерское мероприятие, с которым он не согласен, из одного опасения подвергнуть страну министерскому кризису; его свобода, так же как и его ответственность, будут восстановлены.

Созданное таким образом новое положение министров в законодательном собрании изменит характер людей, исполняющих министерские функции, и их отношение к выполнению своих обязанностей. Руководитель какого-либо министерства будет назначаться на свою должность благодаря его специальной компетенции, а не благодаря его качествам политического гладиатора или таланта искусного тактика, способного вести министерский корабль через парламентские рифы. Не будучи больше вынужденным постоянно быть на страже, чтобы защищать свое министерское положение, министр сможет посвятить себя изучению и разрешению дел своего министерства, не передавая дей-

ствительного управления им своей канцелярии, Не будучи обречен постоянно сознавать временность своего положения как члена кабинета, он лучше сможет сопротивляться требованиям депутатов, добивающихся всяких льгот для своих избирателей, точно так же на трибуне он сможет говорить правдивым языком, не считаясь с тем, пострадает ли от этого кабинет: он сможет быть представителем общего интереса против интересов частных.

Участвуя в парламентских дискуссиях всякий раз, как они найдут это полезным, и разделяя с палатами право законодательной инициативы, министры будут продолжать выполнять роль той связи в союзе между двумя властями, которая, как считают защитники системы кабинета во главе с Бэджготом, составляет смысл его существования и обеспечивает его превосходство. Их власть будет менее формальной, так как они не будут больше являться ни вождями дисциплинированных партий, ни распределителями «добычи среди победителей»; она будет более гибкой и убедительной, так как будет основываться на их личных качествах, качествах лучших людей и крупных государственных деятелей. Управление лидеров-министров приобретет в моральном отношении то, что оно, по видимости, потеряет материально; они будут проводниками людей, но не управителями или командирами, ведущими отряды на приступ. Если они будут способны дать направление, оно будет принято. Они соберут в палате большинство, которое пойдет за ними в важнейших поставленных ими вопросах и, по привычке к сотрудничеству, также и по другим крупным вопросам, поскольку это позволят их убеждения. Будет существовать длительное сотрудничество между министрами и депутатами, но без теперешней косности и принуждения.

Роль связи в союзе между законодательной и исполнительной властью, которую будут играть министры, связанные с работами палаты и ее комиссий, ничуть не будет уменьшена тем фактом, что они не будут больше объединены между собой коллективной ответственностью. Совсем не необходимо, чтобы независимость сопровождалась разобщенностью. Министры будут собираться на совещания всякий раз, как будет чувствоваться их необходимость или полезность, или, быть может, они даже будут

собираться регулярно для обсуждения текущих дел и подготовки элементов, необходимых для их разрешения, полностью оставляя за соответствующими министрами ответственность перед палатой. Сознание общего интереса и ответственности перед общественным мнением потребуют от министров взаимного сотрудничества без того, чтобы это сотрудничество было предписано текстом закона или установлено какими-либо другими формальными обязательствами. Пример швейцарского правительства может во всех отношениях подтвердить сделанные заключения. Семь членов федеративного совета избираются федеративным собранием независимо друг от друга, с 1891 г. в федеративный совет выбирают представителя католической партии наряду с радикалами различных оттенков. Тем не менее, между ними существует наиболее тесное сотрудничество. Они сообща обсуждают важные вопросы в официальных собраниях или даже частным образом за столом в ресторане. Иногда между ними бывают оживленные дебаты, что, однако, случается редко, и всегда дело кончается тем, что они приходят к соглашению, так как забота об общественном благе создает гармонию между их разноречивыми мнениями. Несмотря на то, что решения принимаются сообща, каждый министр индивидуально отвечает перед палатами, за исключением вопросов, касающихся общей политики, по которой дает объяснение президент конфедерации, в важных случаях говорящий от имени федеративного совета. Он также в безотлагательных случаях принимает необходимые меры, относящиеся как к федеральной политике, так и к делам какого-либо министерства.

Эта функция швейцарского президента могла бы быть представлена в предлагаемой мною новой системе путем установления поста президента совета министров, независимо от того, будет ли он стоять во главе какого-либо министерства или нет. Председатель совета министров будет служить связью между всеми министрами, без того, чтобы господствовать над ними; он будет являться только «первым между равными» и одновременно будет представителем правительства перед палатой в делах общего значения. В деятельности различных министров он установит пункты, в которых они будут соприкасаться, и обеспечит необходимую координацию, но не навязывая им своей власти.

Централизуя общую работу министров, он будет воплощать ее перед парламентом. Он будет представлять в нем «общую политику», поскольку состав палаты позволит ее проводить, а также в крайних случаях, требующих срочных решений, он сможет брать эти решения на свою ответственность. Если он будет выдающимся человеком, он сможет распространить свою власть на палату в области «общей политики», но не будет являться ни хозяином палаты, ни хозяином подчиненного ему кабинета; он будет только главным администратором правительства. В большой стране его роль может быть еще более значительной, гораздо более значительной, чем роль швейцарского президента. Он будет пользоваться более широкой властью и более глубоким влиянием, лишёнными, однако, того формального и строгого характера, который вызывается установлением кабинета.

В качестве главного администратора правительства он сможет взять на себя значительное участие в руководстве работами палаты, быть может, разделяя его с бюро палаты и официальным комитетом представителей групп по типу, например, сеньоренконвента, существующего в немецком рейхстаге. Что же касается разработки законодательных мероприятий, то уничтожение системы кабинета, являющегося в некотором роде главным предпринимателем законодательства, сделает необходимым развитие системы постоянных комиссий. Эта система сможет дать очень хорошие результаты при следующих двух условиях: если они не будут тайными комитетами, как в американском конгрессе, и если они не будут составляться на партийной основе. Нейтральный состав постоянных комиссий предотвратит ту узурпацию власти, которой заставлял опасаться пример комитетов Национального конвента во время французской революции; поскольку они не будут представлять господствующей партии, их решения будут иметь только значение консультации экспертов, хорошо информированных в данном вопросе. Публичность их деятельности рассеет всякую опасность и обеспечит их работе максимум эффективности: министры всегда смогут свободно присутствовать на заседаниях комиссий и выступать на них. Возможность присутствия на заседаниях комиссий, но без права голоса на них, может быть предоставлена также и всем депутатам, которые, таким

образом, будут иметь возможность более сознательно определять свои убеждения.

Поскольку роль министров и их взаимоотношения с законодательным собранием будут установлены на только что указанной основе, жизнь палаты будет полностью обновлена. Так как речь не будет больше идти о министерских портфелях и о судьбах партий, то все мероприятия смогут рассматриваться честно и беспристрастно. Палата сделается настоящим совещательным собранием. Самолюбия, интриги и избирательные заботы не будут, конечно, изгнаны из палаты, но они не смогут так свободно развиваться и скрываться за общими интересами, как теперь. Боязнь видеть палату обессиленной и впавшей в анархию вследствие уничтожения «правлящего большинства» и систематической оппозиции станет химерой. Функции большинства и оппозиции лишь лучше будут выполняться в новых условиях. Критика действий правительства будет более эффективной, так как она будет более свободной; когда министерство и большинство не будут больше неразрывно связаны друг с другом, действия министра, подлежащие критике, вызовут против него правдивые выступления, продиктованные сознанием справедливости, исходящие от различных групп палаты. Работа законодательства не будет также страдать от многочисленности групп в палате и от уничтожения всеобъемлющих программ. Всякий большой вопрос, волнующий страну, будет иметь в палате, благодаря системе лиг, своих представителей, которые привлекут внимание к этому вопросу, объединят все законодательные материалы, выработают законопроекты, будут участвовать в их обсуждении и смогут указать собранию путь к преодолению трудностей, связанных с этим вопросом, имея возможность глубже изучить его детали, чем кто-либо другой. Если они не будут достаточно многочисленны и если им не удастся обеспечить себе достаточного признания в других группах, можно будет установить, что страна еще не созрела для разрешения данной проблемы. Тогда парламент займется составлением законов по другим спорным вопросам и вообще будет меньше законодательствовать и больше посвятит себя контролю управления и общественных расходов, что должно являться его первой задачей.

Введение новых методов в парламенте нанесет последний удар политическому формализму, угнетающему демократию; свободный союз и индивидуальная ответственность установятся по всей линии политического строя.

Само собой разумеется, что для того, чтобы эта победа над политическим формализмом стала реальной, она должна быть внедрена прежде всего в сознание избирателей. Больше не будет существовать такой легальной власти, которая могла бы издавать и заставлять выполнять декреты, продиктованные этим формализмом: 1) постоянные партии будут окончательно распущены; 2) борьба за власть будет безусловно запрещена партиям; 3) избиратели докажут свою гражданскую сознательность. Чтобы эти предположения сделались осуществимыми, необходимо изменить умонастроение избирателей, нужно с корнем вырвать у них условные понятия, предрассудки, которые овладели их разумом и заставляют их думать, что гражданин, слепо следующий за своей партией, является «патриотом» и что протестирование власти в пользу партии является благим делом. Нужно разрушить эти «идолы», как сказал Бэкон¹⁴⁵. Победоносная борьба, которую до сих пор вела демократия во всем мире, была фатально прежде всего борьбой за материальную свободу; моральная свобода состоит в том, чтобы мыслить и действовать на основании свободного разума, иначе говоря, разума, не закрепощенного догмой или предрассудками секты или партии. Эту свободу ей еще остается завоевать.

Величие и несчастье современной демократии приводят к различию между двумя следующими формулами. Одним только фактом осуществления материальной свободы демократия обеспечила народу большее счастье, чем какие-либо другие режимы; критики и клеветники демократии забывают об этом факте так же, как и о тех условиях, в которых жили люди при прежних режимах. Беспорядок, картину которого представляло или продолжает представлять собой демократическое управление в некоторых странах, имеет свою аналогию или свой эквивалент, чтобы не сказать больше, в опыте погибших режимов, но последние не имели политической свободы для того, чтобы компенсировать и излечить это зло, и они погибли. Демократия принесла с собой свободу и обновила жизнь общества. Эта свобода была осуществ-

лена в наибольшей степени благодаря ряду обстоятельств в Соединенных Штатах, и никогда земля не оглашалась такой могучей триумфальной песнью, которую поет американский народ с такой бодростью и рвением, к которым как бы присоединяются даже неодушевленные предметы. Но нигде также не проявилось так ясно, что политическая свобода, которая сама по себе может обеспечить лишь внешнюю свободу, не является полной без независимости сознания гражданина и без непосредственного и энергичного выявления его воли и бдительности. При отсутствии этой независимости: и этой бдительности демагогия и коррупция проникают в обитель свободы среди бела дня, не пользуясь даже, подобно вору, покровом ночи.

Пробудить в гражданах разум и совесть и развить в них чувство индивидуальной ответственности еще недостаточно для того, чтобы обеспечить свободное и непосредственное действие, без которого демократия останется поверхностной. Само собой разумеется, что внутренняя свобода не может укрепиться в публичной жизни без внешней свободы, что государство одинаково нуждается в свободных установлениях и в правах, соответствующих этим установлениям. Эта формула, которая уже однажды была дана Тацитом в его знаменитом изречении: Что значат законы без нравов? – не совсем полна, так как, кроме установлений и нравов, кроме легальных средств для осуществления цели политического общества и одушевляющего его разума, существует еще третий фактор, помощь которого не менее необходима и который не был достаточно оценен: методы, необходимые для того, чтобы заставить средства служить цели, – политические методы. Они также должны соответствовать установлениям и нравам: если этого не будет, то они исказят их, как плохо управляемый механизм, и парализуют и затруднят волю и лучшие намерения тех, кто ими пользуется. От эффективности политических методов режима зависит, следовательно, в конечном счете успех самого режима, и с этой точки зрения можно сказать, что в управлении все сводится к вопросу о методах. Демократия, являясь режимом свободы, может иметь успех лишь при условии, если она пользуется методами, проникнутыми тем же духом.

Интеллектуальная культура, моральная культура, обновление политических методов, имея общим объектом моральное со-

знание и индивидуальную ответственность, естественно, направлены на общество через индивидуума. Только полемика могла в своих целях установить антагонизм между тем и другим и разъединить то, что нераздельно. Индивидуализм, превращающий свободного индивидуума, осознающего самого себя, сознающего свои права и свои обязанности, в краеугольный камень демократии, не мог быть затронут той дискредитацией, которой он подвергся; недостаточно исказить смысл слов и придать им унижительный смысл, чтобы унижить идеи и вещи, которые они выражают. Истинный индивидуализм, который ни в коем случае не является синонимом эгоизма и презрения социальной справедливости, сам по себе, однако, не рассматривает под социальным углом зрения всего того, что касается индивидуума. Действительно, все факторы политического обновления, которые мы только что рассмотрели, представляются нам под более или менее выраженным социальным углом зрения. Интеллектуальная культура особенно необходима народным массам, так еще недавно получившим всеобщее избирательное право и обладающим еще очень небольшим досугом и желанием просвещения, и не в меньшей степени, чем рабочим и ремесленникам, которые еще чрезвычайно невежественны, она нужна также и высшим классам. Проблема культуры гражданского сознания представляет еще гораздо большую остроту в отношении этого социального класса. Он везде проявляет полное безразличие по отношению к общественным вопросам; всюду с первого же момента, как только он приходит к власти, он, так сказать, выходит из игры либо потому, что поглощен стремлением обогащаться и пользоваться богатством, либо из-за лени и апатии.

По этой причине, а также еще и по другим причинам, вопрос о политических методах является также социальным вопросом. Свободные союзы, которые положены в основу нового метода политического действия, не смогут достичь полного успеха, поскольку будет существовать разделение на классы, которое характеризует нынешние социальные отношения, разделение на богатых и бедных, грамотных и неграмотных. Как это уже знает читатель, именно это разделение, при содействии других обстоятельств, вызвало неудачу демократического управления в таких крупных агломерациях, как, например, Нью-Йорк. Союз на поли-

тической почве нуждается в том «социальном сознании», которое ошибочно приписывали древнему обществу, но которое, однако, не могло его осуществить потому, что оно было основано на привилегиях. Демократическое общество было призвано его осуществить, но ему помешала социальная дифференциация, которую принесло с собой развитие индустрии, так же как и прогресс просвещения и эгоизм того класса, который больше всего воспользовался выгодами от развития промышленности. Воздействие человека на человека является орудием управления, так же необходимым при демократии, как и при других режимах; лишь мотивы этого воздействия и дух, в котором оно проводится, должны были измениться, чтобы подчиниться менее заинтересованным чувствам, в большей степени соответствующим человеческому достоинству, чем чувства, оставшиеся у нас в памяти от старого режима. Демократическое общество не может обойтись без управления лидерами, которое оно в наивной гордости считало должным и возможным сбросить; опыт представительного кокуса, с помощью которого оно думало избавиться от управления лидерами, но который в действительности навязывал ему это управление в наиболее оскорбительном виде, должен служить предостерегающим примером. Социальное сознание, воздействие человека на человека и управление лидерами, которые как бы являются ступенями одной и той же лестницы, должны быть восстановлены, но они не смогут быть восстановлены в современном обществе ни благодаря подъему классов, ни благодаря существующим традициям или обычаям и еще меньше благодаря принудительной организации, которая никогда не будет существовать, даже если она гигантскими красными буквами напишет слова солидарности на своем знамени. Они смогут развиваться лишь в атмосфере свободных влияний, будучи добровольно установлены при поддержке тех, на кого они будут распространяться. Социальное обновление не сможет осуществиться другим путем, а без социального обновления обновление демократического управления не сможет дать своего полного результата.

Если даже предположить, что все условия, которые должны уничтожить формализм, подавляющий демократическое управление, будут хорошо изучены, то легко ли будет их осуществить? Ждать их победы – не значит ли это надеяться на осуществление

мечты, которой суждено сбыться через тысячелетия? Это зависит от того, чего ждут от победы в области политических и социальных превращений. Если ждут полного осуществления предполагаемой цели, если воображают, что можно путем победоносных приступов или искусных стратегий выбить противника из его позиций и заставить его сдаться на волю победителя, то это одни иллюзии. Но так происходят социальные и политические революции. Победы, которые их создают, заключаются в перемене ориентации общества в отношении тех или других противопоставленных друг другу принципов, которые вступают в борьбу. Как бы ни были значительны эти изменения, они никогда не приводят к полной победе одного какого-либо принципа, они лишь ставят или продвигают общество в том направлении, которое ведет к идеальной точке, к которой общество может приблизиться ценой новых усилий, однако никогда ее не достигая. Сделать несколько шагов по этой бесконечной дороге – вот задача, встающая перед каждым поколением, выполнение которой должно удовлетворять его самолюбие, его пыл и гордость. Сознание огромности усилий, необходимых для достижения такого ничтожного, по видимости, результата, порождает благородство, которое придает смысл жизни и создает сознание, что ради такой жизни стоит жить. Для общества, которое не заостенело, важно распознать истинную точку ориентации, для того чтобы всегда стремиться к ней и по возможности уменьшить расстояние, которое его фатально от нее отделяет.

В частности, в интересующей нас проблеме действительно речь идет только об этом. В борьбе, которая должна быть объявлена против формализма, не может быть речи о том, чтобы изгнать его раз навсегда из государства, установить в нем в качестве абсолютного суверена независимость мысли и автономию сознания гражданина, наполнить государство общественным сознанием, сделать политиков добродетельными, упразднить политическую коррупцию, уничтожить дух партийности и т. д. Формализм никогда не потеряет своих прав; он совершенно неизбежен во всяком человеческом обществе, большая часть которого фатально неспособна распознавать и рассуждать и в силу необходимости принимает для руководства своим поведением внешние правила, следует за знаком условности и смотрит на

вывеску или этикет. Так бывает в особенности в политической жизни демократии по причине большого количества граждан; явно формальные критерии будут всегда действовать на их разум, как магнит. Вопрос не в уничтожении формализма, но в уменьшении его значения и в увеличении значения суждения, которого никогда не будет достаточно. Чувство всегда будет действовать на большинство людей с большей силой, чем разум, но необходимо уменьшить власть слепых импульсов и усилить значение рациональных мотивов в поведении граждан. Еще раз противопоставляя формализму индивидуальное сознание и разум, следует признать, что вопрос ни в какой мере не идет о превращении всякого избирателя в картезианского философа и в моралиста, всегда занятого тем, чтобы «познать самого себя». Средний избиратель всегда будет идти за большинством, но нужно, чтобы он это делал менее пассивно, менее раболепно, чтобы он как можно чаще смотрел, куда он идет, чтобы те, за кем он следует, не были слишком уверены в его автоматическом сочувствии и не вели его по своему усмотрению. Политические вождения предприятий, эксплуатирующих общественные дела, исчезнут лишь с исчезновением человека, но нужно создать возможно больше препятствий на их пути. Партийный дух всегда проникает в среду людей, объединенных для общего дела; но нужно оттеснить его возможно дальше, возможно чаще выставляя его на пронизывающий дневной свет. Но чтобы достичь этих целей, хотя бы в слабой мере, чтобы значение зла было уменьшено, нужно, чтобы идея добра существовала в умах, нужно, чтобы она была им предложена; тогда можно будет двигаться в направлении к этой идее.

Осуществится ли новая ориентация, которая, как нам кажется, необходима демократическому обществу? Не окажется ли, что она будет неспособна проявиться и что демократия не выдержит кризиса, против которого она борется? Конечно, это случится, если будет принята ханжеская теория фатального прогресса, теория, плохо обоснованная опытом. Ничто не доказывает, что демократия должна остаться победительницей, но ничто не доказывает также и обратного. Зрелище, которое мы изо дня в день видим, не слишком отрадно; известия о новых кровавых поражениях, нанесенных демократическому идеалу то в одной стране, то

в другой, слишком часты. Но этот опыт не включает в себе ничего законченного; демократическое управление еще не выявило своего мерила; демократические установления, слишком часто предоставляемые своим собственным достоинствам, не всегда нужным образом дополнялись соответствующими правами и никогда не дополнялись соответствующими политическими методами. «Новое вино было налито в старые меха». Не преждевременно ли также повторять то, что говорят о несостоятельности демократии; она еще далека от того, чтобы сказать свое последнее слово, и никто еще не может угадать его смысла. Только одно можно утверждать: если демократии не удастся наполнить свои формы моральным содержанием и приспособить к нему способы своих действий, она подвергнется риску испытать участь прежних политических цивилизаций, которые погибли, ошибочно осуществляя свободу. Наиболее блестящим примером этих цивилизаций является греко-римская цивилизация, которая показывает, что очаг государства угасает, если он не находится в свободном сознании, каким бы ярким ни был блеск его сияния, и что его разрушает формализм, являющийся цементом государства. Напрасно античное государство в безнадежном порыве личного самосохранения умертвило Сократа, оно лишь подписало этим свой собственный смертный приговор.

И все та же проблема формализма после веков, полных превратностей, вновь так же угрожающе встает перед современным обществом, как когда-то, хотя возможность катастрофы, даже в худшем случае, еще очень далека. Наша цивилизация обладает бесконечно большей силой сопротивления по сравнению с античным обществом, в котором индивидуум был полностью поглощен государством, где все проявления жизни, частной и общественной, имели лишь одну основу. Когда разложение старых религиозных верований разрушило эти рамки, общество было повержено в прах. Благодаря эмансипации индивидуума, которая была провозглашена стоиками и победа которой была обеспечена реформацией, французской революцией и появлением индустриализма, наша цивилизация получила много точек опоры: дифференциация мысли и современной жизни создала в ней несколько центров сопротивления: религию, отделенную от государства, свободную науку, искусство, независимую печать, сме-

лую экономическую активность, неограниченную социальную активность; нельзя уже больше сразу поразить все живые силы общества. Как бы формализм, стремящийся всякими путями привести общество к единообразию, ни уменьшил силу его сопротивления, запасы, накопленные индивидуализмом, еще надолго обеспечивают за новым обществом такие преимущества, какими не обладало ни одно прежнее общество.

Если бы даже было доказано, что все усилия, сделанные для этой цели, заранее обречены на неудачу, что остается только с похоронным звоном хоронить демократию вместе со всеми надеждами, которые возлагало на нее человечество, необходимо было бы все же действовать так, как если бы окончательная победа демократического управления являлась математической достоверностью. Смысл такого поведения прост: лучше умереть в борьбе, чем жить умирая. Но пока что умерли лишь социальные и политические формы, предшествовавшие демократии. Не следует ли поэтому каждому из нас, предоставив, согласно известному изречению, мертвым хоронить мертвых, отдаться делу жизни и принести в жертву свою личность в виде кирпичей и извести, с помощью которых будут воздвигнуты стены свободного демократического государства, этого высшего убежища человеческого достоинства.

*Печатается по:
Острогорский М.Я.
Демократия и политические партии.
М., Росспэн. 1997. С. 540–617.*

ПЕТРАЖИЦКИЙ ЛЕВ ИОСИФОВИЧ

(1867—1931)

Безжалостное время надолго отодвинуло от нас ученого–земляка, которого знают социологи многих стран мира. В забвении человека виновны люди и их страсти, поэтому давайте исправим упущенное и восстановим то, что до нас не было сделано.

Сегодня, когда родина собирает своих сыновей, имя этого ученого звучит как открытие, отголосок далекой славы, как частица нашего духовного богатства. В 1900 году крупный государствовед Борис Чичерин говорил о своем молодом коллеге, как о талантливом юристе, известном своими блистательными трудами по правоведению в Германии и у нас. В книге «Выборгский процесс», изданной в 1908 году в Петербурге, он, Л.И.Петражицкий, представлен как «один из наиболее выдающихся русских юристов». Современный американский историк Ричард Пайпс назвал его одним из ведущих правоведов России, а русский социолог–эмигрант Николай Тимашев – выдающимся философом права начала XX века. Маститый обществовед Максим Ковалевский сравнивал его с двумя юристами–философами, долгое время приковавшими к себе внимание широких кругов европейских читателей, – с англичанином Генрихом Меном и французом Габриелем Тардом. В Беларуси мы только начинаем знакомство с ним, чье имя почти столетие значится в лучших библиотеках мира...

Лев Иосифович Петражицкий родился 13 апреля 1867 года в родовом имении Колонтаево Сенненского уезда Могилевской губернии, ныне Сенненского района Витебской области. Мальчик рос в краю лесов и болот, голубых озер и рек. В детстве он получил богатые и разнообразные впечатления не только от природы, но и от жизни белорусских крестьян. Поля здесь были бедными, и люди перебивались с хлеба на квас, болели, ходили в лаптях и лохмотьях, редко пели свои грустные песни. Темные горемыки, с испорченной психикой, нередко угнетали настроение Левы и вызывали тяжелые раздумья о непорядках в деревне. Непонятной была ему загадочная душа мужика, которого обвиняли в невежестве и лени.

Когда мальчику исполнилось десять лет, он уже многое знал – от родителей и сельских ребят, от первых книжек и общения с природой. Взрослые не ломали себе голову, куда послать его учиться. В пятидесяти верстах от них – губернский город. Льва Петражицкого мать отвезла в Витебскую классическую гимназию, известную своим свирепым режимом. Он попал в тягостную и непривычную для себя атмосферу, в среду дерзких подростков. Но жаждущий знаний мальчик приспособился, преодолевая всякие преграды. Он усердно изучал основы философии и права, естественные дисциплины, польский, немецкий и французский языки, читал книги русских писателей и историков. Запомнились ему яркие лекции историка Алексея Парфеновича Сапунова, известного знатока белорусоведения. Здесь Лева познавал то, что потом пригодилось ему не только при поступлении в университете, но и в течении всей жизни.

Он был образцового поведения, и это заметили младшие гимназисты. Николай Лосский, который впоследствии стал видным философом–идеалистом, вспоминал: «Из учеников старших классов в конвикте обращал на себя внимание Лев Иосифович Петражицкий, будущий профессор Петербургского университета... Бледный, худощавый юноша, он был всегда серьезен и внушал к себе уважение; иногда, случайно проходя и увидев какую–нибудь особенно возмутительную шалость, он спокойным то-

ном делал замечание, несколько сдерживавшее сорванцов». Витебская гимназия приучила его к самовоспитанию, подготовила к более сложным научным испытаниям, заставила поверить в свои природные способности. После окончания гимназии Петражицкий надолго оставил белорусские места. В 1886 году поступил на юридический факультет Киевского университета, известный своими профессорами и прогрессивными традициями. Здесь юноша из Сенненщины окончательно определился: науки права стали его и профессией, и объектом научного исследования. Будучи студентом, Петражицкий много работал над собой, не позволял душе лениться. Не позволял себе послабления даже тогда, когда какой-либо профессор оказывался добрым и не срезал на экзаменах. Ему было бы стыдно явиться к экзаменатору с легким багажом. У него хватало знаний и терпения, чтобы засесть за перевод с немецкого языка книги Ю.Барона «Система римского гражданского права». Ее первый выпуск был издан в 1838 году. Это была высота, на которую мало кто из студентов поднимался. Поэтому неудивительно, что блестяще окончив университет, Петражицкий с необыкновенной ясностью почувствовал: ему еще надо учиться и учиться. Умные головы подсказывали да он и сам понимал: без научных достижений Европы ему не обойтись.

Почти год Лев Петражицкий посещал лекции по философии права в Гейдельбергском университете. Немецкий язык он знал, и через пару месяцев свободно воспринимал лекции иностранных профессоров. Несколько сложнее было с французским, когда он переехал в Парижский университет и слушал лекции французских ученых. Через год Петражицкий вернулся в Германию и поступил в известную семинарию Берлинского университета, где было множество светил науки и где его интересовали лекции по римскому праву. Здесь занималось много русских Е.В.Пассек, М.Я.Пергамент, П.С.Юшкевич, ставших потом известными философами и юристами. На всех их оказывал наиболее сильное влияние профессор университета Генрих Дернбург, о котором с благодарностью писал Петражицкий: «Не подлежит сомнению, что влияние Дернбурга на нас как в интеллектуальном, так и в моральном отношении было только самое благотворное, можно надеяться, мы по мере сил и способностей своих постараемся оказаться достойными учениками своего учителя, столь преданного науке и преподаванию и столь преуспевшего в своем служении науке и общему благу – истине, справедливости и гуманности»¹.

От этого рыцаря науки Петражицкий учился терпению, научной добросовестности и более всего – лекторскому искусству и умению ценить ученость своих коллег. Случалось, он сидел на скамье рядом с седовласым старцем, который внимательно слушал нужную ему лекцию первоклассного приват-доцента. Это был Генрих Дернбург – ученый, который в своей науке пользовался наибольшим авторитетом в мире и состоял, между прочим, почетным членом Петербургского, Московского и Киевского университетов. Такой кумир вряд ли мог навредить слушателю в его подготовке к научной и педагогической деятельности. И наш земляк стойко переносил долгое расставание со своими родными, многие ограничения, и иногда и серьезные лишения.

То, что пережил за границей Петражицкий озарено внутренним светом и не все отнесешь к жертвам. Это был его путь познания, исполнение его заветной мечты окунуться в умственную и политическую жизнь Германии, попробовать себя в научном творчестве. И это, кажется, ему удалось. В семинарии он всесторонне изучил римское гражданское право, теоретическое наследие немецких философов и правоведов Ри-

харда Авенариума, Юлия Барона, Георга Гегеля, Иммануила Канта и других. В то время немцы готовили проект своего гражданского кодекса, и Петражицкий напряженно думал над улучшением сложившегося образа жизни в России. Его беспокоили нищета и неустроенность наших людей, политические беспорядки, беспомощность старой юриспруденции. Уже в первой книге «Предисловие и введение в науку политики права», вышедшей в 1892 году на немецком языке в Берлине, он определил свой научный интерес: создать основы новой науки – политики права.

Профессора Берлинского университета книгу своего слушателя встретили сочувственно, даже восторженно. Они широко использовали ее в своих лекциях. А в России не спешили с оценками, осторожно выверяли мысли молодого ученого, которые все более завоевывали себе симпатии.

По мнению Петражицкого, политика права сознательно ведет человечество вперед, «к свету и великому идеалу будущего», т.е. в том направлении, куда оно движется бессознательно эмпирически. Государство служит праву (общему благу), обеспечивает осуществление определенной системы правовых норм и изменяется в соответствии с ее потребностями. Практическое значение о праве охватывает и науку о применении существующих норм (догматику), и учение о праве должного, о целесообразном праве, которое следует установить, т.е. о политике права. Особая роль политики права в том, чтобы очистить психику людей от антисоциальных склонностей и направлять их поведение в сторону общего блага посредством разработки «начал желательного, рационального права в законодательстве».

С помощью права ученому хотелось не только вызвать отвращение к убийству, разбою, грабежу, оскорблению чести, но и развить любовь и уважение к ближнему, к обществу, поддержать источник различных положительных явлений и общественной жизни и благодетельных черт человеческого характера, устранить почву для патологических (уродливых) явлений. Ему были противны старые традиции устрашения, убивать и лишать свободы людей во имя интересов господствующих элементов. Петражицкий считал, что политика права имеет дело с будущим культуры и ее идеалом и, как всякая политика, ведет к улучшению жизни, «к воспитанию человеческой души, к положительному добру». Ее цель – вызывать положительные действия, а наказание дает нечто противоположное. Она рассчитана для целого народа, должна соответствовать психическому состоянию широких масс и может «научно решать вопрос об этическом прогрессе».

Л.И.Петражицкий страстно верил, что скоро все человечество будет объято узами действенной любви, людям не понадобится никаких сдерживающих норм ни права, ни нравственности, что они добровольно будут осуществлять то, что теперь исполняется под давлением строгих правил. Это, пожалуй, была давняя мечта в грядущий золотой век истории, в нравственное совершенствование человечества. И пусть не все ученые ее принимали всерьез, его коллега Павел Новгородцев писал: «Блажен, кто верует! И едва ли я ошибусь, если скажу, что именно эта вера Л.И.Петражицкого составляет одну из самых заманчивых сторон его доктрины. На всех, не искусившихся в сложных путях и задачах общественной науки, эта прекрасная вера профессора Петражицкого действует, как настоящее открытие, как сбывшаяся великая мечта».

Жить, порождая любовь и добро, жить по разумным законам права, жить с верой в творческие силы человека... Ряди этого идеала Лев Петражицкий много работал

как социолог, теоретик права, проявляя высокую культуру умственного труда; и как лектор, воспитатель студенческой молодежи, показывая пример истинной любви к своей профессии. Начав приват–доцентом, в 1898 году он избирается профессором, затем заведующим кафедры энциклопедии и права Петербургского университета. Был первым выборным деканом юридического факультета, на котором работали такие видные ученые и педагоги, как М.М. Ковалевский, В.И.Сергеевич, И.Я.Фойницкий, Е.В.Тарле и другие.

Лев Петражицкий много думал о том, что такое политика и следует ли ею заниматься. Не сразу ответил себе: интересоваться политикой – значит жить не своими эгоистическими устремлениями, а интересами общего блага; заниматься политикой – значит заботиться об общем благе.

Политика – это великое облагораживание души, прививка высшей человеческой культуры. По словам ученого, люди, которые не интересуются политикой, – это люди, для которых общее благо неинтересно, для которых существуют только мелкие интересы своего маленького «я», только мелкие дела и делишки. Петражицкий осознавал, что царский режим политиков не любил; заниматься политикой –означало быть неблагонадежным. Он выступал против такой политической системы, которая мешает развитию высшей человеческой этики, опирающейся не на интересе к себе, а на интересе к ближним и всем дальним. Он говорил: «Мы должны двинуть вперед культуру путем общественного воспитания... Под культурой я разумею выработку такого народного характера, чтобы люди не были злыми эгоистами, думающими только о себе, а напротив, были способными и склонными делать добро, заботиться об общем благе, об общих интересах, интересоваться ими и даже воодушевляться. Только с помощью такой культуры мы создаем почву для осуществления великого идеала человеческого братства и свободного труда всех на пользу общую».

Естественно, Петражицкий не мог быть в стороне от жгучих потребностей людей, от политических дел. Когда в 1897 году общественная волна начала подниматься, он вместе со своими коллегами В.Д.Набоковым, В.М.Гессеном, Н.И.Лазаревским и другими принялся за создание новой юридической еженедельной газеты «Право» – им хотелось улучшить правосознание людей. В скором времени она стала одним из наиболее ярких органов легальной оппозиции, вокруг которого сгруппировались земские конституционные элементы.

Бурное нарастание первой российской революции заставило Петражицкого еще больше вникать в противоречия общества, тяжелое положение рабочих и крестьян, которое усугублялось политическим бесправием.

Еженедельник «Право» помещал заметки о рабочем движении в городах, о восстании матросов на броненосце «Потемкин», об арестах и смертных приговорах. С болью в душе читал Петражицкий сообщения из белорусских губерний: о голодовке в минской тюрьме 62 девушек–арестанток, об избиении гомельских граждан и запрете властей всяких сборищ, о еврейских погромах. Вздогнуло его сердце, когда увидел заметку из Витебска о конфликте между публикой, пришедшей в дворянское собрание по случаю годовщины «кровавого воскресенья», и полицией. Жуткое столкновение произошло на улице, возле дворца губернатора, около ста человек арестовано. Петражицкий хорошо знал эти места, и в его сознании вставал бунтарный вопрос: кто дал право полиции бить и арестовывать?

Как представитель дворянства, профессор редко выходил из круга интересов своего сословия. Убежденный либерал, приверженец конституции, он немало потрудился, чтобы создать свою политическую партию. Нашлись и достойные сторонники из научной интеллигенции – П.Д.Долгоруков, В.Д.Набоков, С.А.Муромцев и другие. Вместе с ними Петражицкий стал одним из организаторов и лидеров партии кадетов, созданной в октябре пятого года. Они стремились увековечить власть царя в упорядоченной и цивилизованной форме, допускали частичное отчуждение помещичьих земель по «справедливой» оценке, отстаивали необходимость конституционных свобод. Но понимание нужд бесправной молодежи заставляло профессора становиться на защиту ее устремлений. Кроме университета, он еще преподавал в училище правоведения. В бурные октябрьские дни его учащиеся вышли на демонстрацию, после чего администрация подвергла их преследованиям за политические убеждения. Не скрывая своего возмущения, Петражицкий подал в отставку. В этом случае он выступил за справедливость, как нравственно–правовую категорию, а не против сложившегося правопорядка.

Царь, напуганный ростом массового революционного движения, подписал указ о выборах в первую Государственную думу. Она сразу же стала в центре политической жизни страны. Как члены ЦК партии кадетов, Лев Петражицкий, Владимир Набоков (отец известного русско–американского писателя В.В.Набокова) и другие стали ее депутатами от Петербургской губернии. Страна, истомленная ожиданиями, требовала от своих избранников подвига, коренного политического и социального обновления.

27 апреля 1906 года в зале Таврического дворца впервые собрались депутаты, «лучшие люди земли русской». Все они были настроены на активную и осмысленную политическую деятельность. Льва Петражицкого избрали в комиссии: редакционную, аграрную, о гражданском равенстве. Он выступал на заседаниях думы: по поводу законопроекта о неприкосновенности личности, заявления военных министров, избияния депутата С.Д. Седельникова и т.д. Весомо прозвучали его слова об отмене смертной казни. Петражицкий, как и Л.Н.Толстой, старался спасти многие человеческие жизни и не терял надежды на достижение этой цели. Он участвовал в выработке законопроекта об отмене смертной казни, обсуждал его с В.Д.Набоковым, потом поделился своими соображениями с депутатами Госдумы. Петражицкий с тревогой говорил, что запрос в министерство не вызвал надлежащего действия, произошло замедление, однако мы но должны сделаться неумышленными виновниками казней. Мы ведем борьбу с министерством, которому уже выражено недоверие, и на стороне которого – великая неправота. Оратор выразил веру в законных представителей народа, способных осуществить законную власть, и принять не резолюцию, а закон. И вот здесь–то депутаты наткнулись на разные затруднения и препятствия, что сильно возбудило Петражицкого: «Но разве вы ехали сюда с тем, чтобы в Таврическом дворце сидеть на мягких креслах и заниматься легким и приятным спортом при любезнейшем содействии господ министров и стремлении их во всем помогать вам? Неужели вы думаете, что будете почивать на лаврах, что будете идти по пути, усеянному розами? Неужели вы были так наивны, что полагали, что здесь все пойдет приятно и мирно и что умные министры сейчас все сообразят и сделают, что нужно?... Если что изменилось и если должно быть какое–либо изменение в тактике, то оно должно состоять в том, что мы с

еще большей уверенностью, еще большей корректностью, еще с большим спокойствием должны вести то дело, ради которого мы сюда приехали». Изысканно произнесенная речь профессора, наполненная благородством мысли, душевным участием в судьбе несчастных, заставляла не только задуматься, но и действовать.

Петражицкий действовал энергично и продуманно, везде проявляя свой боевой характер. На его имя и имя депутата Кедрина от женского благотворительного общества поступила петиция о женском равноправии, скрепленная 4000 подписей. И он считал своим долгом хоть в какой-то мере оказать содействие удовлетворению справедливых желаний тысяч просительниц и непременно сказать об этом с трибуны Думы. Его угнетало то, что в Госдуме не было ни одной женщины-депутата, и что женский вопрос в России не вызывает того интереса, которого он заслуживает. Только люди «с развитой и культурной совестью» связывают этот вопрос с общественной и государственной пользой, с устранением неравенства в области законов, гражданских и наследственных. Эти законы находятся в таком противоречии с современной правовой совестью, что порядочный человек не станет пользоваться ими, что порядочный сын при разделе имущества родителей не захочет получать в четырнадцать раз больше, чем его сестра.

Выступая в Думе депутат Петражицкий, говорил: «интересы государства, общества и культуры требуют сделать этот последний, крупнейший шаг – признать за женщинами избирательные права. Традиционное возрождение известно: «Вы втягиваете женщину в политику! Ее место у домашнего очага», быть матерью, воспитывать детей, а тут вдруг заниматься политикой». В качестве предшественника по защите этого пункта я с гордостью могу указать на великого мыслителя Джона Стюарта Милля, который уже в половине прошлого века стоял на той точке зрения, что женщинам должны быть предоставлены избирательные права... Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чем больше они ею будут заниматься, тем лучше для государства, общества и прогресса».

Как и другие мыслители, Лев Петражицкий ставил социальный прогресс в прямую зависимость от положения женщины – работницы, матери, жены, студентки, и был убежден, что у нее особый строй психики, чувства и ума, и что она – источник нравственности, доброты, красоты жизни. Но когда Дума всерьез заговорила о решении земельного вопроса, ему стало ясно, что вопросы женщин, продовольствия, образования еще не скоро будут стоять в центре государственной жизни. Игра в народное представительство не получилась, и царизм пошел на совсем недемократический шаг. Петр Столыпин расставил близ Таврического дворца солдат, повесил большой замок на двери, на стене расклеил манифест царя о роспуске думы. Радикально настроенные депутаты всполошились. Петражицкий вместе с С.А.Котляровским, В.Д.Набоковым, депутатом от Витебска А.О.Волковичем и другими кадетами поехал в Выборг. Они конспиративно собрались в гостинице «Бельведер», чтобы выразить свой протест против роспуска Госдумы. Они приняли и подписали выборгское воззвание к народу, в котором призвали его к пассивному сопротивлению властям: «Ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Да где там – народ безмолвствовал.

Как известно, царь не любил ослушников. На всех, подписавших выборгское воззвание, обрушились репрессии. Лев Петражицкий был арестован и заключен в Петербургскую тюрьму «Кресты». Он, постоянно думавший о совершенствовании госу-

дарства, обвинялся в государственном преступлении. Его научная мысль вступила в явное противоречие с реальным течением политической жизни. В декабре 1907 года происходил Выборгский процесс, на котором судили помещиков, профессоров, редакторов, священников, рабочих. В их защиту с блестящей речью выступил адвокат Николай Тесленко, воспитанник витебской гимназии. Лев Иосифович не отрицал факта подписания им воззвания–протеста, но не считал свои действия соответствующими предъявленному обвинению. Всех подсудимых неправый суд признал виновными и 18 декабря приговорил их к заключению на три месяца. Наказание Петражицкий отбывал в Выборгской одиночной тюрьме. Он понял, что коварность приговора таилась в том, что имевший судимость не сможет быть вновь избран в Госдуму. Таким образом, царизм ограничивал возможности либеральных интеллигентов, составляющих цвет кадетской партии.

Когда профессор Л.И.Петражицкий вышел на свободу и вернулся в университет, студенты устроили ему в Актовом зале бурную и восторженную овацию. С этого времени он приобрел ореол мученика, пострадавшего за свои оппозиционные взгляды. Конечно, это еще больше повысило интерес к его неординарной личности, к его разнообразной деятельности.

Лекции Петражицкого пользовались большим успехом, их охотно посещали не только студенты, но и посторонние. Окончив Минскую женскую гимназию, Екатерина Привалова, ставшая впоследствии писательницей, вспоминала: «Вопросы права очень далеки от моих интересов. Но их читает профессор Л.И.Петражицкий. Он – гордость наших юристов. Как не послушать того, кого слушают все! Лев Иосифович читает медленно, подбирая слова. Похоже на то, что он ворочает тяжелые камни. Выражения у него иногда какие–то странные, непривычные. Лекцию Л.И.Петражицкого легко было воспроизвести почти дословно. Разве можно было мыслить иначе, чем мыслил он? Ни возражений, ни колебаний. Казалось, ваша мысль в плену. Такова была железная логика этого оригинального лектора».

Бывший студент юрфака П.В.Гуревич также отмечает популярность и большой авторитет Льва Иосифовича среди студентов различных учебных заведений Петербурга, описывает его внешний облик: «он был среднего роста, худощав, с льяного цвета редкими волосами; небольшие тонкие усы со слегка приподнятыми кончиками, совсем небольшая светлая бородка; пенсне, серые глаза выделялись на фоне довольно бледного лица – они светились умом; фигура отличалась заметной сутулостью; медленная, неуверенная походка; тихий, размеренная речь, несколько растянутая, с паузами; углубленность мысли, стремление к выбору слов, наиболее точно отвечающих ее содержанию»².

Способствовать воспитанию студенческой молодежи, думать о развитии духовности и культуры, о совершенствовании правопорядка было естественным состоянием ума Петражицкого. У него выработались превосходные навыки, как к научной, так и к преподавательской работе. Он не представлял себе высшего учебного заведения, где не кипит научная мысль, где не ведется творческий поиск. Сам он настолько был увлечен научно–педагогическим процессом, что впоследствии издал специальный труд в двух томах «Университет и наука», несомненно, представляющий большой интерес для преподавателей нашего времени.

В поле зрения Петражицкого были и методика, и вдохновение профессора, доцента, и система вознаграждения их нелегкого труда. В одной из книг он писал: «Учебно–преподавательская деятельность отличается, между прочим, тою особенностью, что для успеха и плодотворности требуется постоянная, весьма энергичная и усердная работа не только для того, чтобы постепенно дойти до учености в подлинном и высшем смысле слова и до творческого мастерства, но и для того, чтобы не отстать от науки, не упасть и не «выдохнуться». Всякое ослабление энергии, перерыв и почивание на лаврах здесь губительно, ведет к быстрому падению. То же требуется для ценности и успеха лекций. Ученый в полном смысле слова, живущий и дышащий наукой, заражает аудиторию своим научным подъемом и воодушевлением, поднимет ее до уровня своего воодушевленного и высокого полета научной мысли, и оказывает глубокое воспитательное влияние». Рациональную университетскую политику он видел в том, чтобы привлечь к ученой карьере талантливейших людей и создать для них наиболее сильные стимулы непрерывной усерднейшей научной деятельности в течение всей трудоспособной жизни. Этим будет достигнуто и процветание науки, и процветание университетского преподавания. Поразительно, но стимулы преподавательской работы до сих пор не определены.

Для самого Петражицкого наука была источником вдохновения и средством борьбы за достижение социальной справедливости, достижения политического взаимопонимания в обществе. Он – сын своего времени, и нес в себе свои черты и идеи, заблуждения и ошибки. Вместе с Б.Н.Чичериным, П.И.Новгородцевым, Б.А.Кистяковским, Е.Н.Трубецким и другими он входил в группу талантливых деятелей культуры, которых называют представителями классической русской либеральной философии. Его жизнь и взгляды представляют собой сложное явление, отражающее и драматизм собственной судьбы, и перипетии напряженной духовной жизни на переломе двух веков, и своеобразии индивидуального творчества. Его научное наследие по известным причинам долго находилось на задворках общественного сознания, а если и рассматривалось, то в основном, как буржуазное, идеалистическое.

Начиная с 90–х годов Лев Петражицкий неотступно работал над поставленной себе задачей: научно подготовить построение законодательной науки, правовой политики на основе опытно–психологического изучения права и его причинных свойств, действий. Чтобы выполнить ее, надо было познать и понять природу права, как своеобразного фактора социально–психологической жизни. Петражицкий терпеливо исследовал право и его действие на психику, стремясь приобрести дар пророчества. Ему хотелось знать, чтобы предвидеть, а предвидеть, чтобы разумно действовать.

Уже в своих ранних работах «По поводу вопросов о ценности обычного права и его изучения», «Обычное право и народный дух», «Роль законов в истории гражданского права» и других проявил глубокое знание немецких философов и юристов Рудольфа Иеринга, Георга Пухты, Фридриха Савиньи, и пришел к окончательному выводу о замене обычного права законом, сознательной разумной политикой, которая будет обуславливаться развитием производства и культуры, распределением жизненных благ, ускорением научного и политического прогресса. По мнению ученого, обычное право является бессознательно образующимся продуктом коллективного народного опыта: в нем заключается инстинктивная народная «мудрость» эмпирического происхождения. Однако это не означает, что каждый отдельный обычай разум-

ный. Петражицкий писал: «История человечества и его современный быт дают нам массу современных примеров всевозможного рода болезненных явлений, в том числе и разных аномальных и даже зловредных обычаев, подчас являющихся причиной дальнейших болезней или даже полного разложения и упадка общественного организма»³.

В то время ученые убеждались, что под воздействием научно–технических перемен сознательный элемент побеждает и начинает вытеснять бессознательный, они видели явное превосходство сознательного разума и сил прогресса. Эту идею, ставшую доминантой его жизни, Петражицкий внедрял в область права: «Сознательная политика должна вести к более скорому и качественно лучшему развитию, нежели обычное право». Эта идея могла помочь в достижении таких успехов, которые недостижимы путем обычая. Новейшим образом триумфа законодательства над обычным правом явилось уничтожение сословно–феодалного строя, правовое признание свободы лица и собственности, освобождение личности от тяжких рутинных порядков. Выясняя содержание права, Л.И.Петражицкий писал: «Основа истинной ценности права, этического достоинства и святости правопорядка состоит в том, что право является отнюдь не сумою произвольно сочиненных кем–либо и навязанных народу приказаний, а проявлением величайшей моральной субстанции – народного духа. Развивая и соблюдая право, народ внемлет голосу своей совести и потребностям своей духовной разумной природы. Поскольку нормы права являются верным выражением народного духа и его требований, они действительно ценны, достойны уважения и на деле пользуются уважением народа; мало того, лишь поскольку они являются истинным правом, а не произволом и бесправием»⁴. В наше время, когда мы объявили о построении правового государства, к этим глубоким и весьма демократическим мыслям следует прислушаться. Надо ведь понять, в чем смысл правовых норм, в чем ошибки разработчиков новых законов и почему эти законы «не работают». Почти все, кто изучал политическое творчество Л.И.Петражицкого, отводят ему особое место в русском неокантианстве. По словам Льва Иосифовича, тогда всякому мыслителю и даже образованному человеку непременно полагалось «быть неокантианцем, под страхом исключения из интеллигентного общества». Однако он был глубоко уверен, что ученым следует идти: «Не назад к Канту, и тем более к Гегелю, а дружно, соединенными силами вперед к свету!». В своей книге «О мотивах человеческих поступков» (1904) Петражицкий исходит из кантианской мысли о том, что человек – эгоист по своей природе и что в основе его поведения лежат эгоистические мотивы. Человек старается получить максимум наслаждения и избегать страдания. Однако, если понять человеческую психологию и поверить писателям и психологам, которые воспринимают человеческую психологию ярче чем другие, то можно легко убедиться, что в обществе живут не только стремлением к наслаждению. Не один эгоизм руководит людьми, их поступки побуждаются идеалами справедливости и счастья. Как объяснить смелые подвиги не только редких натур, но и многих людей, бескорыстно идущих на верную смерть, на баррикады, на борьбу за свободу, отечество, народ. В мире немало поступков, которые не объясняются целевыми мотивами. В прошлом была какая–то обида, остро пережитая данным лицом, и от одного воспоминания о ней он зажигается совершенно неожиданными мотивациями и поступает так, что мы неспособны его понять. Деятели государства должны знать психологию людей, которые живут не эгои-

стическими интересами, а интересами достижения успехов промышленных, технических, научных, политических. Разве истинные творцы действуют в эгоистических интересах? Разве Эдисон, Форд, Стефенсон создавая свои изобретения и усовершенствования в управлении, делали это ради наживы? Таких творцов в жизни немало, и они играют огромную роль в человеческой культуре, в развитии духовности. Представление о благородных поступках вызывает стремление подражать. Но поступки бывают гадкие, отвратительные, вызывающие негодование, возмущение. Следовательно, надо знать мотивы, управляющие человеческим поведением.

По мнению Петражицкого, слабое развитие сознания собственных прав было одной из главных причин тех недостатков русского национального характера, которые определяются как «рабская душа», «неуважение к чужой личности, деспотизм и самодурство». Сознание своего права ставит человека наравне со всеми. И барин – не барин, даже для лакея, когда дело идет о его (лакея) правах, если он обладает правосознанием. Петражицкий утверждает, что право «не взирая на лица» поднимает «малых» до высоты «великих мира сего»; что «эмоционально здоровое и достаточно интенсивное сознание своих прав» прививает человеку чувство собственного достоинства и делает его подлинным гражданином. Бесспорно, эти мысли особенно ценны для современного белорусского народа, осознающего себя правомочным среди разных стран. Льва Иосифовича не устраивала интуиция и принципы справедливости – в то время последнее слово немецкой науки в области теории права. Он выяснил социальную сущность справедливости. По мысли Петражицкого, в справедливости люди усматривают высший руководящий свет, вера в нее помогает им найти успокоение и утешение в страданиях. Эта проблема всегда интересовала мыслящих людей, начиная с древних времен Сократа и Платона, но до сих пор остается нерешенной. Ученый отмечает самое распространенное мнение, что справедливость состоит в равенстве, в равном отношении к другим. Он поясняет: каждый свободен делать все, что хочет, предполагая, что он не нарушает такой же равной свободы кого бы то ни было другого. Нередко справедливым представляется равное, несправедливым неравное отношение (признание разной степени заслуги, вины). Наказание невиновного всегда считается несправедливым – это люди хорошо осознают. И хуже представляют, что справедливость как реальное явление духовной жизни требует научного познания, своеобразного метода и самонаблюдения. Политикам следует изучать эмоции долга, этические эмоции, воспоминания о собственном поступке, угрызения совести. Петражицкий указал на взаимосвязь справедливости с науками права, обосновал перемещение справедливости из сферы нравственности в сферу права.

Обоснование политики права стало ведущей идеей Л.И.Петражицкого, смыслом всей его жизни. Не поколебленный никем, он не распылял своих сил, а все годы усердно работал и с редкой последовательностью защищал свое учение. Высшим достижением его поиска явилась 2-томная книга «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», вышедшая в 1907 году. С тех пор она известна во всем мире.

Право автор назвал одним из видов мировых политических явлений, одним из высших понятий человеческой культуры, важной главой всемирной науки. Он был уверен, что человек, страдающий абсолютным правовым идиотизмом, неспособный к переживанию правовых психических актов, лишен всякой возможности познавать нормы права, понять вызываемые правом человеческие поступки. Петражицкий исхо-

дил из того, что основу права и движущий источник его развития составляет психология человека. Он выделял «официальное» или позитивное право, то есть, действующую систему общественных норм, и «подлинное» право как свойство и продукт психологии личности. Мыслитель считал, что науки о хозяйстве, праве, государстве должны опираться на глубокий анализ психических явлений – живых, постоянно изменяющихся. Признав неудовлетворительным деление психических явлений на познание, чувство и волю (где первые два – пассивны, и третье – активно), Петражицкий ввел понятие эмоций, носящих якобы двусторонний, активно–пассивный характер (например, переживания голода и жажды, властвования и подчинения). По его мысли, эмоции – «истинные мотивы, двигатели» гражданского и политического поведения. Высший результат развития эмоций человека – устойчивые чувства к предметам, отвечающим его высшим потребностям. Эмоциональная жизнь человека выражает его оценочное отношение к сложившейся политической ситуации, которая способствует или препятствует осуществлению деятельности (вызывает гнев, страх или радость, оптимизм).

Л.И.Петражицкий подчеркивал, что в жизни людей особую роль играют эмоции моральные и правовые. Первые обязательны, вторые обладают обязательно–притязательным свойством: не только какое–нибудь лицо обязано что–то делать, но другое вправе требовать от него выполнения данных обязанностей. Иначе говоря, ученый обосновал: право как политическое явление возникает при наличии в каждой длительно существующей социальной группе такого порядка, который может быть выражен в правовых нормах и который через посредство сложных механизмов делается обязательным для всех членов группы. Из этого следуют два важных вывода.

Во–первых, то, что самое сильное воздействие на общество, политическую жизнь оказывает право – система социальных норм и отношений, охраняемых государством. Во–вторых, вытекает особое значение политики права, которая призвана и очистить психику людей от антисоциальных склонностей, направлять их поведение в русло общечеловеческого блага. Именно поэтому первой целью юридической науки ученый считал вдумчивую разработку политики как совокупности обоснованных мер, которые должны направленно способствовать усвоению «правового» в психике, а соответственно, и в политическом поведении человека.

Важное место в теории Петражицкого занимает учение об интуитивном праве. Человек приспосабливается к существующим условиям. Приспосабливаясь, у него вырабатываются мотивы, которые управляют его поведением. Оно чутко отражает вопросы причинения добра и зла, получения благ, порицательно реагирует на несправедливые действия: назначение на службу или повышение по протекции, необоснованные награждения или наказания, привилегии, оценки на экзаменах и т.д. В таких случаях интуитивная совесть всегда оперирует к позитивному праву. На основе взаимодействия интуитивного и позитивного права происходит управление обществом. В момент общественного благополучия между ними существует наибольшее взаимодействие и согласие. Ученый подчеркивал: чем разнообразнее состав народонаселения по воспитанию, национальности, религии, классовым интересам, чем больше разнообразий и коллизий в самой народной психике, тем обильнее и больше разногласия между позитивным и интуитивным правом. Интуитивное право в значительной мере способствует предупреждению, смягчению и устранению разногласий между обоими права-

ми, влияет не развитие законодательства и регулирования взаимоотношений разных общественных групп.

Изменились реальные условия и старые идеи оказываются неподходящими. Интуитивное право опережает консервативное позитивное право. Под его воздействием появляются новые научные теории и политические идеи, отвечающие духу времени. Ученый и политик должны учитывать эти новые идеи, без которых немислимо управление поведением людей. Видный социолог Михаил Рейснер так оценил теорию права Л.И.Петражицкого: «Будучи результатом крупного движения европейской мысли и выдающихся дарований автора, она является настоящим событием в науке. Новое течение в современной юриспруденции открывает широкие горизонты правовой науке и возвращает массам отнятое было у них интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна может дать оболочку социальным требованиям современности. Людям всегда хочется жить так, как помышлял Петражицкий, – по правде, по верно осознанному праву, по прогнозам науки. А за это, как за хлеб и человеческую надежду, надо бороться. Преимущественно силой знаний и одухотворенного интеллекта. Это, пожалуй, один из ценнейших политических заветов нашего земляка, который много сделал для развития духовности и правового воспитания».

В свое время модная психологическая теория права Петражицкого принималась по-разному, ее приветствовали и отвергали. С ним оживленно спорили Б.Н.Чичерин и Б.А.Кистяковский, П.И.Новгородцев и П.А.Сорокин, В.Я.Гинцберг и Е.Н.Трубецкой. У него было немало последователей, которые нередко бросали тень на своего учителя. Социолог Е.В.Спекторский остроумно подметил: «Как Маркс не хотел быть марксистом, так и Л.И.Петражицкий не соглашался отождествлять самого себя со своими последователями»⁵.

Сложная и местами труднодоступная теория Петражицкого изучалась, она привлекала и вызывала широкий резонанс. Прочитав книгу своего профессора «Теория права и государства», у студента Ис.Крутика возникло столько чувств, что за разъяснениями он обратился ко Льву Толстому, которого очень волновали вопросы гражданского права. В апреле 1909 года писатель дал ответ, который, вероятно, огорчил и студента, и профессора. Толстой высказал отрицательное отношение к праву, и особенно к нынешнему, которое есть не что иное как «грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими».

Вряд ли ученый оправдывал существующее зло, уклонялся от решения социальных вопросов, от «коварных условий». Он был согласен с Толстым, который определил нравственный закон так: «Высший закон этот, самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не хочешь себе». А разве Петражицкий не говорил о любви к ближнему, о необходимости нравственного самосовершенствования человечества? Поэтому он тяжело переживал, как ему казалось, несправедливые упреки великого писателя. Научный язык менее доступен читателю, но без него невозможна строгая наука, в том числе этика и право.

Октябрьская революция внесла серьезные перемены в жизнь профессора Петражицкого. Ему, видному кадету, нельзя было отмежеваться от своей партии, ставшей на путь саботажа, развязывания гражданской войны. В 1918 году он эмигрировал в Польшу, где уже шесть лет состоял членом Польской академии. Вскоре Лев Иосифо-

вич возглавил кафедру социологии права Варшавского университета и возобновил свою научную деятельность. В газетах появились сведения, что профессор выступает с лекциями об общественном идеале, марксизме и социализме, с этими вопросами он связывал свою работу над новой социологией. Однако задуманное им осуществить не смог. Реакционный режим «санации», установленный Ю.Пилсудским, уволил его с должности профессора. 15 мая 1931 года Л.И.Петражицкого не стало. По словам юриста М.Я.Пергамент, в состоянии сильной духовной депрессии он покончил жизнь самоубийством.

Лев Иосифович верил в людей и справедливость, в возможность переустройства правовых норм и экономических отношений. И ради этого не жалел интеллекта: разрабатывал и уточнял свои идеи, не изменяя своим научным принципам. Петражицкий знал многие направления в развитии политической мысли, однако хранил верность своему общественному идеалу. Никогда не отходил от своей излюбленной тематики: исследовал философию права и его роль в воспитании человека будущего.

Пусть в чем-то он ошибался, величие его мысли в том, что он смотрел вглубь человеческой души, в которой сокрыты резервы ума и доброты, что он боролся за нравственную чистоту и духовное развитие человека. Его политическое наследие, в котором живет любовь к людям и неиссякаемый интерес к их нуждам, благородный дух поиска, и сегодня не потерял своей значимости.

1 Право. 1900. № 13. 25 марта.

2 Правоведение. 1971. №5. С.131.

3 Право. 1899. 10 января.

4 Там же. 31 января.

5 Юридический вестник. 1914. Кн.5. С.55..

Л.И. ПЕТРАЖИЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ

ОСНОВЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПРЕДИСЛОВИЕ

(...) Существующую систему юридических наук, посвященную историческому и практическо-догматическому изучению действующего положительного права, желательно и необходимо пополнить построением науки политического права (законодательной политики) как особой дисциплины, служащей прогрессу и усовершенствованию существующего правопорядка путем научной, методической и систематической разработки соответственных проблем.

Создание такой науки не было бы в существе дела совсем новым, не имеющим прецедента в истории наук, изобретением, а скорее, лишь восстановлением того дуалистического деления правоведения, которое существовало в эпоху школы так наз. естественного (разумного, идеального, философского) права. Значение науки естественного права как самостоятельной систематической дисциплины наряду с позитивно-правовой юриспруденцией именно заключалось в исполнении той важной и высокой миссии, которой должна служить будущая наука политики права и которая оказывается не под силу практическо-догматической юриспруденции, посвященной толкованию и систематической обработке действующего положительного права для потребностей практики, – не под силу уже самой природе и назначению этой юриспруденции.

Вследствие разных недоразумений относительно смысла и значения учений естественного права и разных других обстоятельств, в том числе политической реакции после французской революции и падения этических идеалов, в начале девятнадцатого столетия произошло внезапное падение и уничтожение школы естественного права, и с этого времени историческая и практическо-

догматическая разработка позитивного права признавалась единственно возможной наукой в области права.

По аналогии с декартовским «*cogito, ergo sum*» [мыслю, следовательно, существую.– Сост.] можно сказать: *jus mihi inest, ergo sum*: я сознаю в себе право (правовые психические акты), стало быть, я существую.

Это крупное и печальное историческое недоразумение повело, между прочим, к тому, что правоведение и другие касающиеся общественного строя науки – государственные науки, политическая экономия – оказались лишенными принципиального и идеального руководства и частью занялись исторической и догматической микроскопией, частью же впали в поверхностно–утилитарное, «практическое» в вульгарном смысле этого слова направление, лишенное общих принципов, идей и идеалов. (...)

Такое направление юридических и государственных наук неизбежно оказывает весьма печальное влияние на законодательную и вообще государственную политику и на правосудие и вообще отравляет и деморализует общественную жизнь и народную психику. (...)

У школы естественного права не было в распоряжении системы научных посылок и научного метода, необходимых для достижения научно обоснованных правно–политических положений, и даже не было сознания, в чем должны состоять эти посылки и каков должен быть метод правно–политического мышления.

При этих условиях, в частности, и в особенности при отсутствии сознательно–научного метода мышления, не может быть речи о существовании науки в полном смысле этого слова и о научности соответственных рассуждений и построений.

В этом смысле и во время школы естественного права не существовало политики права как науки, т. е. не было дисциплины, которая, исходя из посылок, признанных путем научного исследования пригодным основанием для решения правно–политических проблем, и применяя сознательно–научный метод мышления, строила бы систему научно обоснованных правно–политических положений.

Создание такой науки – дело коллективной работы будущего, а первое условие для этого – выяснение природы посылок и метода научного правно–политического мышления.

Существо правно–политических проблем сводится к научно обоснованному предопределению тех результатов, наступления которых следует ожидать в случае введения известных правоположений, и к выработке таких начал, введение коих путем законодательства (или иным путем, напр., в международной области) в систему действующего права сделалось бы причиной известного желательного эффекта. Поэтому в основу научной политики права должно быть положено изучение причинных свойств, причинного действия права вообще и разных его видов и элементов в частности.

Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во–первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во–вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права).

Сообразно с этим задача политики права заключается: 1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей. Действующая в каждый данный момент система правовых норм является переходящею ступенью социального воспитания и должна быть по мере выполнения своей воспитательной функции заменена другой системой правового импульсивного и педагогического воздействия, приспособленной к уже достигнутому уровню психики. Идеалом является достижение совершенно социального характера, совершенное господство действенной любви в человечестве.

Эти правно–политические положения находят подтверждение в истории права и со своей стороны проливают свет на историю человеческих учреждений. Основная тенденция исторического процесса образования и изменения правовых учреждений и их систем заключается в таком (бессознательном) приспособлении системы правовой мотивации и педагогики к данному состоянию народной психики, что путем психического воздействия соответ-

ственной правовой системы индивидуальное и массовое поведение и развитие народной психики направляется в сторону общего блага. Так как под влиянием постоянного психического воздействия права (и других факторов социально-психической жизни, в особенности нравственности) народный характер неизбежно изменяется, становится лучше, приспособленнее в социальном отношении, то соответственно с этим изменяется и право, приспособляясь к стоящей уже на более высоком уровне народной психике. Так, позднейшие правовые системы требуют и достигают от граждан большего в смысле социально-разумного поведения, чем предшествующие, более примитивные системы права, и достигают уже раньше требуемого поведения путем воздействия на более высокие стороны человеческого характера; поскольку же дело идет о том же поведении и той же качественно мотивации, например, о действии путем страха, постепенно ослабляется напряжение соответственного психического давления, напр., жестокость наказаний и т. д. Объясняется это тем, что позднейшие правовые системы играют свой психический концерт на лучших, более социальных человеческих душах, чем более ранние, рассчитанные на более примитивную, менее доброкачественную психику. Историю человеческих учреждений, в частности, напр., социально-экономических организаций, только и можно понять путем анализа соответственных правовых систем (напр., системы рабства, либерально-капиталистические системы, зачатков системы социализации народного хозяйства) с точки зрения их мотивационного и педагогического значения.

Миссия будущей науки политики права состоит в сознательном ведении человечества в том же направлении, в каком оно двигалось пока путем бессознательно-эмпирического приспособления, и в соответственном ускорении и улучшении движения к свету и великому идеалу будущего.

Из предыдущего вытекает, что политика права есть психологическая наука.

Теоретическим базисом ее должно быть общее психологическое знание факторов и процессов мотивации человеческого поведения и развития человеческого характера и специальное учение о природе и причинных свойствах права, в частности учение о правовой мотивации и учение о правовой педагогике.

Основным методом правно–политического мышления «является психологическая дедукция, умозаключение на основании подлежащих психологических посылок относительно тех психических – мотивационных и педагогических – последствий, которые должны получаться в результате действия известных начал и институтов права, или относительно ;тех законодательных средств, которые способны вызвать известные желательные психические – мотивационные и педагогические– эффекты. Поскольку в известных областях и пределах наряду с психологической дедукцией возможно применение и индуктивного метода, конечно, политика права должна пользоваться и этим методом для проверки правильности дедуктивных выводов...

Изложенные положения, подкрепленные многочисленными специальными правно–политическими исследованиями для доказательства возможности и успешности их применения на деле, встретили сначала со стороны критики скептическое и отчасти решительно отрицательное отношение. (...) По поводу предложения основания особой науки политики права говорилось о возвращении к ошибкам и иллюзиям естественного права; положение о воспитательном значении права и соответственном идеале политики права было названо капитальным заблуждением, принципиально противоречащим самой природе и задаче права, которое служит охране и осуществлению в пределах справедливости эгоизма, личных интересов граждан, а не бескорыстному самопожертвованию, любви и т. д.

Но с течением времени положение изменилось. Идея возрождения естественного права в смысле создания учения о желательном праве, построения науки политики права, находит все большее количество сторонников и, можно сказать, приобрела уже право гражданства в науке... (...) Формула определения смысла и назначения права «охрана интересов», вытеснившая постепенно прежде господствовавшую формулу «осуществление свободы» и приобретшая в правоведении характер общего лозунга и бесспорной аксиомы, постепенно уступает место иному, более идеальному пониманию значения и задачи права, в частности идее воспитания и приближения к идеалу человечества... (...)

Но к сожалению, дело ограничивается общими положениями и программными лозунгами, а реального осуществления, плодо-

творного применения этих положений не видно. Не только дело построения политики права на научно–психологической почве не двигается вперед, но даже не достигнуто никаких реальных успехов в области необходимых предварительных работ, в области психологического изучения природы и причинных свойств права.

Между прочим, в некоторых сродных с правоведением областях человеческого знания и исследования, напр., в области науки о нравственности и эстетики, сознание необходимости психологического изучения подлежащих явлений появилось уже давно, гораздо раньше, чем в науке о праве., Тем не менее и здесь не видно реального прогресса познания. В частности, сама природа нравственных и эстетических явлений остается до сих пор невыясненной и в высшей степени спорной и различно толкуемой.

Вообще психология, т. е. существующие психологические учения, оказывается фактически лишенной оплодотворяющей силы и способности проливать свет в области наук, касающихся разных сторон психической жизни . (...)

Часть I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИЙ ПРАВА И НАВРСТВЕННОСТИ

Глава II

ОБ ИЗУЧЕНИИ КОНКРЕТНЫХ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

§ 3. НАУЧНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Основной метод изучения явлений как физического, так и духовного мира состоит, как уже упомянуто выше, в наблюдении.

Из вышеизложенного видно, что правовые явления происходят и могут быть находимы для наблюдения не там, где они нам вследствие своеобразного (подлежащего ниже психологическому объяснению) оптического обмана кажутся наличными, когда мы переживаем разные правовые суждения, когда мы разным человеческим или нечеловеческим существам или целым их классам приписываем обязанности, права и т. д., атак сказать, значительно

ближе, здесь же у нас, в нашем сознании, в сознании того, кто в данную секунду переживает такие мысли. Освобождение от этого оптического обмана относительно сферы действительного нахождения правовых явлений и их элементов как реальных феноменов устраняет громадную область (мнимого) нахождения и (мнимо) возможного исследования правовых явлений и громадное количество (мнимых) правовых явлений и их элементов; даже когда правовая мысль состоит в приписывании всем людям известных обязанностей и прав по отношению ко всем людям, то имеется налицо лишь один правовой феномен – в сознании мыслящего так, а не миллиарды миллиардов правовых явлений и их элементов, рассеянных по всей поверхности земли.

Несмотря на столь значительное уменьшение количества правовых явлений и сферы их бытия по сравнению с господствующим учением, несмотря на признание всего того необозримого множества разных правовых происшествий, состояний и т. п., в существование коих верит это учение, продуктами недоразумений, все-таки и с нашей точки зрения количество правовых явлений и сфер их бытия оказывается немалым.

А именно с этой точки зрения оказывается, что сфер бывания правовых явлений столько, сколько живых существ, способных к переживанию и переживающих соответственные; психические акты, а число правовых явлений равняется числу; этих переживаний. (...)

Как бы то ни было, количество правовых явлений и сфер их бытия и в том случае, если сдать в архив человеческих заблуждений все то, чем наполнен фантастический мир современной теории права, и обратиться к фактам, к подлинным, действительно сущим (бывающим) правовым феноменам, – окажется весьма большим. Но это количество; приходится подвергнуть опять громадному сокращению, поскольку дело идет не о бытии правовых явлений как таковом, а об их непосредственном и достоверном познании и изучении путем наблюдения.

Дело в том, что за отсутствием у нас способности видеть, вообще наблюдать то, что происходит в чужой душе (в сознании других), для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты все сферы бытия правовых феноменов (как и вообще всех психических феноменов), кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего «я».

Отсюда следует, что надлежащим и единственно возможным приемом наблюдения правовых явлений следует признать метод самонаблюдения, интроспективный метод.

Под интроспекцией, или самонаблюдением в общем смысле, следует разуметь как обращение внутреннего внимания на подлежащее изучению психическое явление во время его переживания, самонаблюдение в тесном смысле (например, наблюдение голода, жажды, зубной боли и т. п. во время переживания этих психических явлений), так и внутреннее наблюдение представлений, «образов» прежде пережиты актов данного рода (воспоминаний, например, вчерашней зубной боли).

Всякое наблюдение, в том числе и субъективное, интроспективное, может быть простым или экспериментальным. Под экспериментальным методом следует разуметь наблюдение, осложненное умышленным воздействием на подлежащие наблюдению явления применением особых средств для их вызова, изменения и прекращения. Если дело идет о воздействии на подлежащие внутреннему, субъективному наблюдению явления, то имеется налицо экспериментальное самонаблюдение, интроспективно-экспериментальный метод. (...)

Все указанные разновидности интроспективного метода вполне применимы и при изучении правовых явлений.

В состав правовых явлений входят в качестве существенного элемента такие психические акты (моторные возбуждения, см. ниже), которые в обыденных случаях правовых переживаний обладают слабою интенсивностью и протекают незаметно или во всяком случае трудно поддаются наблюдению. Так как без знания этого существенного элемента правовых явлений не может быть и знания того, что такое собственно право, каковы его свойства, как и почему оно влияет на наше поведение в качестве мотива и т. д., то в высокой степени важно достигнуть такого повышения интенсивности этих актов, при котором они становятся заметными и поддаются изучению. И вот особенно здесь может оказать ценные услуги экспериментальный метод, в том числе эксперименты, аналогичные приведенным выше в виде примеров: чтение таких повестей, романов, газетных отчетов и т. п., где живо изображаются случаи «возмутительного» произвола и попрания чьего-либо несомненного и «святого» права, отказы в удовлетворении спра-

ведливейших правоприязаний и т. п.; живое представление себя самого в положении подвергающегося сильному искушению отрицать и оспаривать или иным образом «попрать» несомненное и «священное» право другого или живое представление себя самого в качестве жертвы возмутительного произвола и правонарушения; услуги друзей, состоящие в доведении нас (для экспериментальных целей) до правового воодушевления или «кипения» и негодования, и проч.; такие и т. п. экспериментальные средства могут доставить нам возможность наблюдать и изучать подлежащие, специально свойственные праву психические акты в разных формах и степенях интенсивности – вплоть до бурного волнения.

Путем таких же экспериментов можно, между прочим, ознакомиться со сходными моторными раздражениями, свойственными нравственности, а путем сопоставления результатов тех и других экспериментов познать (доселе неизвестное, см. ниже) различие нравственности и права.

Интроспективный метод, простое и экспериментальное «самопознание», является не только единственным средством наблюдения и непосредственного и достоверного познания и изучения правовых (как и нравственных) явлений, но и таким средством, без которого вообще исключена всякая возможность какого бы то ни было познания правовых (и нравственных) явлений.

Вообще нашему познанию доступны только те категории психических явлений, которые известны нам из истории нашего духовного я, с которыми мы потому знакомы, что мы сами их переживали; а прочие категории психических явлений (может быть, их очень много) абсолютно недоступны нашему познанию. (...)

То же относится и к правовым явлениям. Человек, страдающий абсолютным правовым идиотизмом, т. е. полной неспособностью к переживанию правовых психических актов, был бы лишен всякой возможности познать, что такое собственно право, и понимать вызываемые правом человеческие поступки. Слыша слово «право» и видя, что в обществе человеческом много делается со ссылкой на «право» на то что так полагается по «праву» и т. п., он бы, может быть, сочинил себе особое толкование на свой лад этих выражений и поступков, напр., предположил бы, что здесь дело идет о повелениях, издаваемых сильными в своем интересе по адресу слабых и беззащитных, с надлежащими угрозами на случаи

неповиновения, и об исполнении этих грозных приказов со стороны слабых по соображениям целесообразности (во избежание осуществления угрозы), как это, напр. Бывает между разбойниками и безоружными путешественниками, – но это не имело бы решительно ничего общего со знанием того, что такое право.

Подобное же незнание или ошибочное толкование природы разных категорий психических процессов и непонимание смысла и мотивов соответственных человеческих поступков возможно и со стороны не страдающих никакими психическими недостатками лиц и даже выдающихся мыслителей и ученых – в случае незнания, где и как можно познать данного рода явления, и применения вместо надлежащего метода (интроспекции) ненадлежащего или произвольного составления формул и теорий вне каких бы то ни было научных методов исследования (в каком-то положении относительно права находится правоведение, вследствие указанного выше оптического обмана). (...)

(...) Важной задачей будущего научного изучения правовых феноменов является возможно тщательное изучение разных родов внешних проявлений правовых переживаний, отличий этих проявлений от проявления сродных психических процессов (особенно нравственных) и т. д. – для приобретения научного базиса изучения чужих правовых переживаний (в частности, этих переживаний у людей прежнего времени, низших степеней культурного развития и т. п.). (...)

Печатается по:
Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии
СПб., 1908. С.1-8, 30-34, 36.

**БОГДАНОВ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ**

(1873—1928)

К нашему герою время оказалось несправедливым. Его чаще обходят молчанием. Да как писать, если он ошибался, серьезно расходился во мнениях со многими сверстниками. Пусть зоркость правды, реализм современного мышления поможет нам воскресить в памяти почти забытое имя, пламень сердца которого согревает и будет согревать человечество. Возможно, кто-то усомнится, что все это вместилось в одном лице, но мы назовем важнейшие «титулы» которых он при жизни был удостоен:

- экономист, автор "Краткого курса экономической науки" (1897)
- философ, создатель своей системы "эмпириомонизма", предвестник кибернетики и воздушных межпланетных аппаратов;
- публицист, входил в состав редколлегии газет "Вперед", "Пролетарий", "Новая жизнь", писал в "Правду";
- писатель, автор двух научно-фантастических романов;
- талантливый врач, производивший эксперименты на самом себе;
- профессиональный революционер, социал-демократ с 1898 года, сидевший в царской тюрьме и отбывавший ссылку.

В разные периоды жизни он встречался с десятками видных интеллектуалов. В бесконечной веренице жизни П.Н. Лепешинский видел в нем одну "из загадочнейших загадок", культурного человека политическая карьера, которого сложилась неудачно. Н.И. Бухарин вспоминал, что он производил на многих обаятельное впечатление, и даже глубокие политические разногласия не смогли порвать чувства личного уважения и человеческой связи с этим крупнейшим умом и бескорыстнейшим человеком.

Его человеческий опыт, опыт духовных исканий, на редкость сложный, неординарный и поучительный, всегда будет представлять интерес для людей разных поколений и взглядов.

В нелегальных кругах его звали по псевдонимам: Вернер, Максимов, Рахметов, Рядовой, Сысойка, Богданов. Его настоящее имя – Малиновский Александр Александрович. А в историю вошел под фамилией Богданов. Он родился 28 августа 1873 года в городе Соколка Гродненской губернии в семье народного учителя. Из шести детей в доме был вторым, подвижным и озорным, любил веселые игры. И хотя семья была вполне благополучной, мальчик воспитывался вдали от родителей. Вначале учился в Тульской гимназии, как проявивший незаурядные способности жил в ее пансионате и получал стипендию. Уже в гимназии в нем проявились жажда к знаниям и книгам, интерес к биологии, презрение к официальным властям.

В 1892 году Богданов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Слушает лекции И.М. Сеченов, Л.Г. Столетов, К. А. Тимирязева и других, известных в то время ученых. Юноша осознавал, что знания нужны для того, чтобы выработать мировоззрение, определить свою дорогу в жизни. А если знания противоречивы, не исключено, что тебе не избежать заблуждений, вначале Богданов пошел по проторенной дорожке, разделял народолюбивые взгляды. После смерти царя Александра III активно участвовал в бунтах-протестах московского студенчества. И его тут же постигла расплата. В ночь на 3 декабря 1894 года был арестован и посажен в тюрьму. Потом выслан на три года в знакомую Тулу.

Осенью 1895 года Богданов поступил на медицинский факультет Харьковского университета, и возможности его познания, круг друзей расширились. Он вступил в социал-демократическую организацию, которой руководил своенравный Н. Череванин, дающий богатую пищу для размышлений. Однако духовной близости у них не получилось. Череванин издал книгу о нравственности, в которой придавал морали самостоятельное значение. С этим не согласился Александр-студент, не лишенный дара глубокого мышления.

У студента возникла мысль помочь рабочим, ответить на все их вопросы и написать книгу. И он не отступил от своего замысла, заново засел за труды по политэкономии, читал и перечитывал, конспектировал. Выручали его тогда учения Сисмонди и Прудона, Маркса и Энгельса. Пригодились ему его же лекции, читаемые в тульских кружках! Думал, закончить через год, не вышло. Сколько еще потребовалось интеллектуальной энергии и воли, чтобы только на третьем году окончательно сложить рукопись. К радости 24-летнего автора, ее приняли в Москве, в издательстве книжного склада А.Муриной. В конце 1897 года книга увидела свет. И сразу попала в руки пропагандистов рабочих кружков.

В письме М.А.Ульяновой в Москву Ленин сообщает о получении книги А. Богданова "Краткий курс экономической науки" и о своем намерении написать рецензию на эту книгу¹.

Рецензия появилась в апрельском номере журнала "Мир божий". В ней Ленин высоко оценил первую пробу молодого автора, назвав его книгу полезной, написанной в духе исторического материализма. Он отмечает, что автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как "науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии", и нигде не отступает от такого взгляда, нередко плохо понимаемого учеными профессорами. Ленину нравилось, что автор четко излагает историю экономических воззрений, чужд той схоластики, которая побуждает составителей учебников изощряться в "дефинициях", в разборе их отдельных признаков, что дает отчетливое представление о такой категории, как капитал, в его общественном и историческом значении. "Именно так и следует излагать политическую экономию", – заключает рецензент. И дает методическое пояснение: "...задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни"². В рецензии высказан упрек, что в пособии отсутствуют примеры из русской жизни.

С этого времени имя Богданова постоянно находилось в его поле зрения. А его книга стала самой популярной среди молодых социал-демократов России, ею зачитывались.

Через два года А. Богданов, желая помочь тульским рабочим, написал свой первый философский труд, который также не остался незамеченным. Он вызвал оживленные споры. В письме к брату Дмитрию Ульянову Ленин сообщает, что его заинтересовала книга А. Богданова "Основные элементы исторического взгляда на природу" и что рецензия на нее, помещенная в журнале написана "крайне вздорно, с важничаящими фразами и с умолчанием о существе дела"³. В этой книге Владимир Ильич

обнаружил тяготение автора к монизму, к его второй стороне – идеализму. Но философ был молод, образован, начитан, и опасаться за его возможные ошибки было, пожалуй, преждевременно.

Многочисленным в жизни Богданова стал 1899 год: вышла вторая книга, окончен медфак университета, женитьба на обаятельной дочери помещика Наталье Корсак. Четвертое событие не из приятных, но тоже характеризовало его нравственную высоту: 5 ноября он был арестован за пропаганду среди рабочих. Почти полгода Богданов сидел в московской тюрьме, тяжело переживая изоляцию от людей, разлуку с любимой женой. А потом выслан в Калугу, под особый надзор полиции.

Здесь жилось гораздо легче, встретились единомышленники, создали пропагандистский кружок. В кружке Александр знакомится со ссыльным Анатолием Луначарским, который проявил серьезные познания философии и истории, особенно истории религии. Лучшего нельзя было и ожидать. А вскоре их духовная близость обогатилась родственными связями. Луначарский влюбился в Анну Александровну Малиновскую, младшую, сестру Богданова, которая на время поселилась в Калуге. Они поженились.

По злой иронии судьбы 31 декабря 1900 года за политическую неблагонадежность Богданова выслали на три года в Вологодскую губернию. На этот раз он уехал вместе со своей женой Натальей Богдановой, всей душой принявшей его социал-демократические взгляды. Они поселились в поселке Кувшиново, недалеко от губернского центра. Богданов стал работать врачом психиатрической больницы, жена – фельдшером. Дел хватало, скучать было некогда. Желание быть поближе к библиотекам подтолкнуло Богданова переехать в Вологду, куда в скором времени прибыл в ссылку и А. Луначарский с женой. Две супружеские пары поселились в одном доме.

Здесь кипели жаркие споры с людьми самых разнообразных склонностей, способностей, идеалистами, во главе которых стоял философ Николай Бердяев. Здесь шла интенсивная творческая работа. Богданов не только спорил, но и много читал, писал философские статьи в журнал "Образование". В чем-то ему импонировали своеобразные мысли Бердяева, но разногласий между ними оказалось больше. Когда с участием Николая Александровича была издана книга "Проблемы идеализма", Богданов не остался в долгу. Он в ответ оперативно организовал выход сборника "Очерки реалистического мировоззрения". Временно находясь на обочине, он не сидел сложа руки, оттачивал свою мысль, искал свой путь к истине. Но для таких, дерзко мыслящих, в России места не было. После окончания ссылки пришлось эмигрировать в чужую страну – Францию.

Летом 1904 года Богданов в Женеве впервые встретился с Лениным и его соратниками. Они договорились о сотрудничестве в газете "Вперед" о развёртывании агитации за созыв III съезда социал-демократии. Всех волновала идейная смута и неразбериха, которые делали жизнь в партии невыносимой. Надо было что-то предпринимать. Строго продуманным шагом на пути объединения явилось совещание большевиков, которое открылось в конце июля в окрестностях Женевы. Ленин пригласил тех, на которых более всего надеялся. К нему приехали: В.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Богданов, Р.С. Землячка, Д.Н. Лепешинский, С.И. Гусев и другие. "Совещание 22 большевиков" обсудило, как выходить партии из кризиса, укреплять подорванное меньшевиками единство. Оно приняло написанное Лениным обращение "К партии".

На нем Богданов был избран в Бюро Комитета Большинства, первого большевистского центра. Вскоре Богданов приезжает в Петербург, где занялся революционным подпольем: подыскивал надежных людей, налаживал конспиративные связи, вел переписку. В конце октября 1904 года Ленин и Крупская просят его подробнее писать о положении дел в России, информировать о поведении примиренцев.

9 января 1905 на Дворцовой площади царизм уложил четыре с половиною тысячи человек, убитых и раненых. Это зажгло массы революционным огнем. В Петербург мчались народные мстители. Многие из них носились с идеей вооруженного восстания. Богданов, возглавивший с Л.Б. Красиным большевистскую техническую группу, считал эту идею преждевременной. Он убеждал, что большевикам следовало бы, прежде всего, сохранить идейную цельность и сплоченность.

В ноябре в Петербург приехал Ленин и возглавил редакцию легальной большевистской газеты "Новая жизнь". Вместе с В.В. Воровским, А.В. Луначарским, М.Н.Покровским в ее редколлегию вошел и Александр Богданов. Здесь он часто встречался с М.Горьким, оказавшим газете материальную помощь. Вскоре на квартире писателя состоялось совещание ЦК, на котором присутствовали В.И. Ленин, А.А. Богданов, Л.Б. Красин, П.П. Румянцев. Обсуждали вопросы вооруженного восстания, укрепления состава редакции, издание в Москве большевистской газеты "Борьба".

Один за другим удары репрессий сыпались на редактора-издателя газеты Николая Минского. Настал черед и Богданова: 2 декабря его арестовали, и заключили в тюрьму, отрезали от вереницы дел. Однако одиночество и тоска такому, как он, не грозили. В камере Александр решил продолжить свои философские изыскания. Богданов анализирует написанное им ранее, вспоминает рекомендации рецензентов.

Тюремная камера не сковала мысль Богданова. Он размышлял, творил и от своих излюбленных идей не отходил. За полгода написал третью часть "Эмпириомонизма" – сделал еще один шаг на пути замены диалектического материализма идеалистическими взглядами Маха и Авенариуса. Увлечшись их модернизированным идеализмом, Богданов создал свою философскую систему – эмпириомонизм, утверждавший, что мир есть единый организованный опыт. Он считал, что превосходство его системы над эмпириокритицизмом в том, что она не ограничивалась констатированием двух рядов опыта – физического и психического, а устанавливала генетическую связь в зависимость между ними путем отнесения физического ряда (природы) к опыту коллектива, а "психического" – к индивидуальному опыту. По сути, эта теория приводила к идеализму, к отрицанию диалектики марксизма.

Как мыслитель, Богданов уходил от близкой Ленину плехановской ортодоксальной философии. Неповторим был его интеллектуальный темперамент, научное новаторство. Марксизм был для него началом универсальной "методологии миропонимания", но он смотрел на мир своими глазами.

В мае 1906 года Богданов был освобожден из тюрьмы под залог и вскоре уехал за границу. Свою новую книгу Богданов подарил Владимиру Ильичу, который внимательно прочитал ее и написал "письмецо по философии в размере трех тетрадок" (до сих пор не разыскано). Ленин критиковал позиции автора, отмечая, что он идет немарксистским, архиневверным путем. И на этот раз он не хотел разрушать своего политического сотрудничества с философом, сохраняя надежду на преодоление разногласий.

Создалась поистине необычная ситуация: избравшийся на третьем, четвертом и пятом съездах партии членом ЦК РСДРП занял научные позиции, которые вовсе не импонировали Ленину. Богданов не изменил учению марксизма, не переставал восхищаться Марксом, по-прежнему обращался к нему. В 1908 году, в разгар разногласий, он написал об этом так выразительно, что его размышления мы не стали даже сокращать: "Во всяком случае, над философией пролетариата работа необходима, не только потому, что Маркс и Энгельс не успели достаточно полно ее сформулировать, но и потому, что накапливается новый научный материал, который должен быть учтен философией. Может ли остаться без влияния на нее, например, та великая научно-техническая революция, которая идет на наших глазах? И традиция Маркса-Энгельса должна быть дорога не как буква, но как дух..."⁴

У Богданова, который стремился продолжить марксизм, было немало критиков и недоброжелателей. Все годы его не оставляли в покое Г.В. Плеханов и его ученики – философы Любовь Аксельрод и Абрам Деборин.

Богданов терпеливо ожидал не голословных упреков, а "аргументов по существу", доказательной критики. Не дождавшись, сам "перешел в наступление" и написал нелюбезное письмо Г.В.Плеханову, который бесцеремонно собирался "выслать" его из пределов марксизма.

Плеханов, взвесив обиды автора, написал рассудительный и дерзко-иронический ответ. Он пояснил, почему не называет Богданова товарищем; "таковым называю только людей, держащихся моего образа мыслей". Плеханов говорит, что нельзя выслать за пределы какого бы то ни было учения человека, находящегося вне этих пределов. В его едких словах содержится, однако и немало мыслей, к которым следует прислушаться:

"Я убежден, – и можно ли быть не убежденным в этом? Люди расходятся между собой в основных взглядах теории, имеют полное право разойтись между собой также на практике, т.е. сгруппироваться по разным лагерям. Я убежден также в том, что бывают такие ситуации, когда они обязаны это сделать. Ведь мы еще со времени Пушкина знаем, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань..."

Во имя этой непререкаемой и неоспоримой свободы группировки я не раз приглашал русских марксистов сплотиться в особую группу для пропаганды своих идей и отмежеваться от других групп, не разделявших тех или иных идей Маркса. Я не раз, и с совершенно понятной горячностью, высказывал ту мысль, что в идейном отношении всякая неясность особенно вредна у нас в настоящее время, когда под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты, вероятно в интересах пропаганды своих идей объявляют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца"⁵.

А дальше понеслось неудержимое словоизлияние, вперемешку с остротой ума и оскорбительными выпадами. Прямо-таки не верится, что такое позволял себе Плеханов: "... Если б я вообще признавал, что могут быть такие люди, которые достойны смертной казни (хотя бы и в кавычках) за свои убеждения, то Вас, г. Богданов, я бы все-таки не причислил к ним. Я сказал бы себе тогда: "право на казнь дается талантам, а у нашего теоретика эмпириомонизма нет и следа таланта. Он не достоин казни!" Унизительной получилась полемика, и мира между ними не суждено бело состояться.

Но со свойственным Богданову оптимизмом он продолжал работать, сохраняя верность своему выбору, не лишая себя права следовать за мыслями ученых, которые его интересовали.

Владимир Ильич же считал, необходимым оставаться абсолютно нейтральным ко всякому расхождению в философии, не давая читателям ни малейшего повода связывать большевиков, как направление, с эмпириомонизмом. Интересы партии не должны страдать.

Но это оказалось невозможным. Вышли "Очерки по философии марксизма" – сборник статей Базарова, Богданова, Луначарского и других. Возмущенный Ленин назвал его "Очерками против философии марксизма". Не теряя времени, решил выступить против эмпириомонистов, засел за книгу. Специально поехал в Лондон, в библиотеку Британского музея. Работал с редким вдохновением, изучил огромный историко–философский материал, более двухсот книг и статей. Ленин настойчиво разыскивал, на чем "свихнулся" один из его ближайших соратников, отношения с которым усложнились. В письме М.Горькому он сообщал: "... У нас не очень клеятся. Из–за философии этой с Ал. Ал. мы вроде как в ссоре"⁶.

Вряд ли можно согласиться с американским историком Стивеном Коэном, который в книге "Бухарин" утверждает, что у Ленина с Богдановым развернулась жестокая философская битва. Явный пережест. Не жестокая битва, а принципиальный спор, выяснение истины. Преувеличение допускает и старый большевик Мартын Лядов, утверждавший, что после философских разногласий для Ленина Богданов "как близкий человек перестал существовать". Не перестал, не оборвалась духовная связь. Ильич по–прежнему любил его, умного, талантливого, много сделавшего для социал–демократии, но поступиться своими принципами не мог. Он не сразу начал обрезать крылья отступнику, но его терпение кончилось. Он не мог простить ему идейной вольницы, которая угрожала интересам большевизма. В таких случаях, независимо от личных заслуг и симпатий "бой абсолютно неизбежен".

М.Горький не хотел, чтобы Ленин окончательно порвал с Богдановым, пытался примерить их. Он звал Владимира Ильича на остров Капри в Италию, где уже находились А. Богданов с женой и его сторонники В. Базаров, А. Луначарский – компания богостроителей. Они стремились создать новую, "социалистическую" идеологию, соединить марксизм с религией. Это удалось нынешним идеологам, но тогда это казалось немислимым.

Алексей Максимович дружил с Луначарским и его женой Анной Александровной. Когда появился Богданов, писателя ошеломила его ученость и глубина суждений, новизна идей. Горького потянуло к богостроителям.

Вилла "Блезус ди Мария", в которой жил Горький, в конце апреля 1908 года встретила Ленина. Состоялась трудная уникальная встреча. Смогут ли талантливые люди единой цели отказаться от философских распрей, преодолеть разногласия? Ленин был неразговорчив, напряженно искал выход, проверял свои мысли в беседах с Горьким. Странно как–то получалось: он стоял на близких позициях с меньшевиком Плехановым и шел на обострение с большевиком Богдановым. На террасе виллы устроили шахматные баталии. Сидя за столиком, Ленин и Богданов сражались в шахматы. За ними наблюдали Горький и Мария Федоровна, Базаров и Наталья Богдановна. Фотосъемки вел Юрий Желябужский – сын Марии Федоровны.

Могло только казаться, что Ильич обойдет философские споры и все образумится. Но как промолчать! Со всей страстью Ленин высказал Богданову, Луначарскому, Базарову острые критические замечания и упреки. Он заявил о своем расхождении с ними по вопросам философии и тактическим действиям.

Весной 1909 года вышла книга "Материализм и эмпириокритицизм", в которой Ленин всесторонне раскритиковал махизм и эмпириомонизм Богданова. А летом в Париже состоялось совещание расширенной редакции "Пролетарий", на котором обсуждался и вопрос о философских взглядах отзовистов группы Богданова, Луначарского в других. Совещание потребовало отмежеваться от богостроителей и отзовистов. На нем Богданова постиг печальный финал: его исключили из партии большевиков. Болезненно переживал он это исключение до конца своей жизни, но вернуться в партию не захотел.

Пожалуй, до сих пор остается открытым вопрос: можно ли считать, что Богданов отошел от большевизма? Думаю, что нет, хотя формально и был отведен от партии. Не желая того, он оказался вне ее рядов, как инакомыслящий.

Несомненно, Богданов был заражен жаждой революционного дела и занимался им с присущим ему горением и профессионализмом. И все-таки оно надломилось в период реакции. Возможно, и потому, что в недрах его творческой души вызрела другая работа, несущая ему не меньшее наслаждение. Он не мог сразу служить двум богам. Его захватила поэзия научного поиска, превосходно начатого им в юности. Богданов стал апостолом общественной науки, преимущественно фундаментальной, не дающей сиюминутной выгоды и забирающей все силы без остатка. Конечно, он мог нервничать и обижаться не получая возможности творить, реализовать себя. И тем более – когда услышал несогласие, критику, резкое неприятие того, что ценил и развивал.

Ленин признавал, что он рядовой марксист в философии. Богданов тоже не считал себя специалистом по истории философии, но до конфликта профессионально занимался философией около двадцати лет. Это позволило ему думать, на лестнице философского познания он стоит не ниже Ильича. Ему не хотелось быть рядовым ни в теории, ни в практике, и он терпеливо прокладывал свой оригинальный путь, отстаивал право человека на самостоятельность и альтернативность мышления. К тому же Богданов был человеком с характером, не пасующим перед авторитетами. На ленинскую критику его взглядов он ответил сердитой и пространной рецензией на книгу "Материализм и эмпириокритицизм". Богданов ревностно защищал то, что сам выносил, выстрадал и, что ему было бесконечно дорого. Он шел к социализму своим, интеллектуальным путем, и ничто не могло поколебать его установок, его виденья общественного процесса.

Нет, Богданов не метнулся в сторону, как это делают ныне некоторые коммунисты. Он не отказался от идеалов большевизма, а только отошел с практических дел партии. И с Лениным, пусть без большого дружелюбия, он был связан. В понятиях необходимости революции, новой технологии и техники они никогда не расходились. Богданов продолжал разрабатывать своеобразную версию социализма, немарксистский проект социологической теории с ярко выраженными чертами системного мышления, теории систем. Во всем ли он был прав, и всегда ли его труды отвечали злобе дня?

Рассуждая об этом, мы не смеем отходить от историзма мышления и своеобразия революционной тактики. Время слишком торопило, решающей сферой борьбы была практика, поэтому тяжеловесные теоретики не принимались "на ура", а в каких-то случаях просто мешали. Однако это вовсе не означает, что их глубокие мысли не имели социальной ценности. Не зря же говорят: придет время, прорастет семя.

Видно, еще долго будут спорить о причинах разрыва между Лениным и Богдановым, крупнейшими политическими мыслителями XX века. Не убеждают пояснения людей, близко знавшие обоих. Причину разрыва они видели в том, что Богданов – индивидуалист, "немножко самолюбивый", очарован собственной персоной. Не лучше ли сказать: упоён не столько собой, сколько философскими исканиями и построениями. И если партия отлучила его от своей организации, то он, не испытав духовного упадка, всецело отдался заманчивому труду ученого и писателя. Приведем интересные мысли А.В. Луначарского о своем друге и учителе:

"Дело вовсе не в таких вульгарных вещах, как честолюбие или борьба за власть. Просто к конструктивному уму Богданова прилегалая такая же стройная и верная себе воля. Когда Богданов приходил к какому-нибудь выводу, он ложился в его сознании, как прекрасно обтесанный камень, которого никто не должен и не может поднять с места. Раз вывод этот возникал, он сопровождался у Богданова непреклонным сознанием его бесспорности и, поэтому, если кто-нибудь, хотя бы самый близкий и уважаемый вождь, стремился сдвинуть все эти камни, построить что-то другое, Богданову казалось, что строящееся организационное или тактическое здание хотят превратить в бесформенную грудку.

Пока исторические пути связывали Богданова с Лениным, он был его поклонником и незаменимым помощником, но когда поражение революции 1905 года привело каждого из них к разным выводам, началась и стихийно выросла борьба. Огромным преимуществом Ленина, вообще обладавшего еще значительно большими, истинно гениальными силами, было чутье жизни. За убедительностью линий своих схем Богданов гораздо меньше чувствовал пульс действительности...

То, что было причиной возвышения Богданова, ставшего на некоторое время одним из любимых мыслителей нашей молодежи и одним из влиятельнейших вождей нашей партии, было вместе с тем причиной и его дальнейшего политического крушения, отхода от политики и сжатия его философского воздействия за окружающую среду. Из всего сказанного поверхностный человек мог бы умозаключить, что Богданов был индивидуалистом. Между тем, он вместе с Лениным (хотя и меньше его) и тремя-четырьмя другими прекраснейшими фигурами нашего времени, которых мне посчастливилось встретить, – был чем-то как раз обратным, т.е. одним из законченных коллективистов"⁷.

Тяготая к коллективности, и общечеловеческим ценностям, исследуя достижения мировой культуры, тем не менее, Богданов не отказывался от своего родства с марксизмом, который вывел его на широкую дорогу социального творчества. Он, как и Н.И. Бухарин, признавал марксизм как открытую систему взглядов, непрерывно развивающуюся и восприимчивую к новым историческим поворотам и течениям мысли. Ему приходилось отсылать своих не всегда объективных марксистских критиков к книгам немарксистов. В 1908 году, когда многое тонуло во мраке царской реакции, мужественно прозвучали его слова о том, что традиции Маркса и Энгельса долж-

ны быть близки нам не своей буквой, а своим духом, т.е. своим творческим подходом к изменчивой действительности.

Богданова захватила идея преобразовать общество при помощи организационной науки, создать общее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики, мышления. В годы первой мировой войны он засел за "Тектологию", ставшую главным трудом его жизни. В этом труде Богданов отрицает философию в традиционном смысле, на место которой ставит строго научные ценности. Он считал, что на смену философии придет "организационная наука", универсальная система знаний. Его поиски, отпугивающие кое-кого, не прошли бесследно. Высказанная им идея создания науки об общих законах организации – тектологии – предвосхитила идеи кибернетики (системный подход, моделирование, принцип обратной связи, модели экономических процессов и т.д.).

Богданов как философ остается пока неразгаданным и мало объяснимым. Более всего изучены у нас его идеи эмпириокритизма. А его политическая социология и все историко-философское наследие еще ждет своего исследователя. Теперь недостаточно сказать, что он заблуждался и допускал ошибки. Невероятно много ценного в лабиринтах его иногда трудно доступной мысли, находим то, что засверкало заново, выдержало испытание временем, оно должно служить обновлению нашего отечества. Анализ эволюции и перспектив авторитарной формы организации человеческой жизни, критика авторитаризма, пожалуй, самое интересное из богатого философского наследия Богданова. В этой проблеме, как считают наши ученые, он на полвека опередил зарубежных мыслителей. Ныне его философские и художественные книги изучаются в США, Канаде, Англии и других странах.

Еще в 1904 году, когда в большевистских газетах появились яркие статьи А.Богданова "Наконец-то!", "Либералы и социалисты", "Роза Люксембург против Карла Маркса" читатели сразу же заметили рождение нового литературного таланта. Бурное развитие революции на время приостановило его газетную работу, но творческая мысль не останавливалась ни на минуту. Спустя четыре года он создает художественное произведение, в котором воскресил свою давнюю мечту о жизнеспособности человека и его неувядающей молодости. Его утопический роман "Красная звезда", по словам Бухарина, с трепетом и восторгом читала молодежь.

Поразительна общая конва сюжета: в холодных просторах мироздания несется этеронеф – космический корабль. Летит навстречу Красной звезде.

Автор избрал звезду как символ человечества или вечности. Красная – символ революции или всего того, что добывается дорогой ценой.

Марсиане летят на Землю, чтобы посмотреть восстание, подготавливаемое русскими революционерами. До этого еще никто в мировой фантастике не совершал космического путешествия по революционным соображением. Автор выразил гуманистическую идею объединения разумных миров, сближения людей разных планет. Герои романа оптимистичны, благородны, с глубоким аналитическим умом. Один из них говорит о людях прошлого:

– Для нас имена вождей мысли и дела – живые символы, без которых не может обойтись ни наша наука, ни наше искусство, ни вся наша общественная жизнь. Часто в борьбе сил и в борьбе идей имя на знамени говорит больше, чем отвлеченный лозунг. И имена гениев не балласт для нашей памяти⁸.

Богданов рассматривал вселенную как единое целое, человека – как живую часть всемирной истории, а социализм как результат не только социальной, но и научно–технической революции.

Второй фантастический роман А.Богданова "Инженер Мэнни", опубликованный в 1912 году, оказался менее удачным. По признанию автора, он посвящен "столкновению пролетарской и буржуазной культуры", однако в основном выражает эмпириомонистскую философию самого Богданова, его неистребимую веру в построение социализма при помощи "всеобщей организационной науки". Ленин в письме М.Горькому сообщал: "Прочел его "Инженера Мэнни". Тот же махизм–идеализм, спрятанный так, что ни рабочие, ни глупые редакторы в "Правде" не поняли"⁹. Он сердито и тенденциозно оценил роман Богданова, который, судя по всему, нуждается в непредвзятом современном прочтении. Это позволит полнее представить все ценное и непреходящее, что хотел сказать автор, которого, по мнению критиков, отличала могучая сила научного предвидения и художественной правды.

Богданов любил литературу, много читал. Романтик по натуре, он пробовал себя и в поэзии. Известно его стихотворение "Студенческая марсельеза", написанная в 1900–е годы и ставшая песней. Тогда еще никто не признавался монарху в любви, и царская тема была не популярной, и автор смело писал о том, что выражали тысячи иных сердец:

Ты нас вызывал к неравному бою.
Бессердечный монарх и палач.
Над поверженной в горе страной
Материнский разносится плач...
Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич – справедливость и знание!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед!

Читая поэму "Марсиянин, заброшенный на Землю", сразу же раскрывается "тайна": она написана философом, обуреваемым тоскливыми чувствами человеческого бытия. Ему нередко приходилось переживать трагические минуты и отчетливо осознавать, что на любом крутом подъеме общества не обойтись без жертв. И он писал, как будто предугадывая свою трагическую судьбу:

И выбор тяжелый: уйти ли из жизни,
Где все оскорбляет мой взгляд,
С мечтой о дальней прекрасной отчизне.
Где братство и разум парят?
Иль жертву тоски и мучительной боли
Для жизни чужой принести,
Той жалкой, что ощупью к счастью и воле
Стремясь не находит пути?

В советское время Богданов увлекался стихами С.Есенина, А.Ахматовой, В.Брюсова, Я.Райниса, В.Ходасевича, писал в своих статьях об их творчестве. Ему подарили сборники собственных стихов с дарственными надписями С.Есенин, Н.Клюев и другие.

Литературно–философское наследие Богданова все увереннее входит в нашу жизнь, но "загадка" его души по–прежнему остается до конца не разгаданной. Сделать это невероятно сложно без помощи друзей Александра Александровича, которые лучше других понимали дух, своеобразие времени и духовные искания своего кумира. Лепешинский стремясь понять, что же было замечательного в складе ума и психике Богданова, писал: "Не то ли, что он был разносторонне образованным европейцем, и не просто образованным, а прямо–таки выдающимся по своему образованию человеком? Это, конечно, не частное явление – особенно среди русских, с их отсталой культурой, но центр тяжести в деле отыскания "изюминки", характерной для умственного и нравственного "я" Богданова, лежит все–таки не в этом обстоятельстве"¹⁰.

А в чем же? Где то индивидуальное, лежащее в основе трагедии великого ума? Внешние признаки не приближают вас к истине. В Лепешинский отправляет нас к "Красной звезде", к прототипу автора Леониду.

Богданов – сверхсложная натура. Как и Леонид, он со многими расходится в вопросах этики, понятие долга спешит превратить в утилитарный принцип полезности деяния, его душа устремлена к единству (к монизму) не только в области науки, но и в жизни. Цельного человека он хочет создать уже в ребенке. Однако наука еще далека от единства. Философия выступает лишь жалким суррогатом монистической науки, пока она выражает слабости познания, недостаточность научного развития. И в жизни не закроешь глаза на вечно проявляющиеся противоречия. Даже на далекой планете, где торжествует принцип коллективизма, личность растворяется в целом, имена отдельных людей уходят в забвения, смерть индивидуума остается незамеченной, все хозяйственные процессы подчиняются планомерной деятельности коллективного разума. Перед бездной растущих противоречий сразу угасает дух созерцателя марсианского социалистического рая. А когда исчерпаются естественные блага на планете как приостановить надвигающуюся катастрофу? Завоевать Землю, уничтожить ее население? От этих страшных мыслей Леонида повергло в мрачную меланхолию. "Где же в таком случае, он, хваленый монизм? Как блуждающий огонек, он маячит перед глазами, но в руки не дается. И в душе Леонида пробуждаются все худшие инстинкты жителя Земли. Посредством убийства виновника вторгшейся в его душу дисгармонии он тщетно пытается найти выход из тех потёмков, в которые погрузилась его душа".

Мучительные поиски и мучительные предчувствия все годы терзали душу философа. Однако, отойдя от дел партии, он не мог пассивно выжидать, отдаваясь меланхолическому чувству. Он был слишком "мятежным", слишком живым и волевым, поэтому легко переходил от одного увлечения к другому.

После Октябрьской революции Луначарский предложил ему пост в Наркомате просвещения. Отказался потому, что его прельщала не высокая должность, а свободное творчество, научная деятельность. Изложив задачу, над которой собирался работать, подчеркнул: "Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть вопросом, о котором рассуждают словом, в котором нет ясного содержания. Надо выяснить ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику, чтобы всегда можно было решить: вот это – она, а это нет"¹¹. В то время, когда многие интеллигенты трусливо покидали холодную Россию, опальный генерал большевизма нашел себе занятие по душе и проявил завидную творческую удачу. В первый год после революции Богда-

нов написал целую серию политических статей и брошюр, в которых высказал интересные мысли о социализме, культуре, науке, воспитании, социализации знаний.

Философ понимал: поднять страну можно только трудом в союзе с наукой, самоотверженностью и милосердием. Для него уважительные товарищеские отношения – принцип новой культуры, наука – организованный общественно-трудовой опыт человечества. Он тревожился о воплощении социализма в жизнь, сознавая, что изменение типа человеческой личности не мыслимо без изменения типа человеческого познания: "освобождение от фетишей, ограничивающих и извращающих познавательное творчество". Его волновали причины, порождающие психическое разделение людей. Богданов отмечал, что с развитием общества изменяется и характер воспитания, его конкретные задачи, его идеал. Новый идеал выше прежних, поэтому его труднее всего осуществить. А роль воспитателя достигает наибольшей сложности и ответственности.

Свежий ветер срывал не только старые вывески на культучреждениях. Вставало сотни вопросов о научном управлении и социальном творчестве.

А.Богданов вошел в состав ЦК Пролеткульта, стал членом президиума Коммунистической академии. Здесь его принимали как крупного ученого, который превосходно ориентируется в разных отраслях знаний, доступно и оригинально высказывая свои мысли. В стенах академии он был в приятельских отношениях с А.Т.Тимирязевым, С. С.Кривцовым, В.И.Фриче, О.Ю.Шмидтом. Они часто выступали на теоретических конференциях, печатались в научных журналах.

Теперь у нас востребованы книги Богданова, происходит новое прочтение их. Оказывается, он – мыслитель на все времена. Вчитайтесь в его научно-популярные очерки "Тайна науки", "Тайна смеха". Разве эти проблемы когда-нибудь потеряют общечеловеческое значение? Разве смех предназначен только для первого апреля? Богданов хотел, чтобы советские люди во все времена были талантливыми и жизнеспособными, здоровыми и веселыми. В очерке для молодежи он пишет, что тайну смеха старались найти в душе отдельного человека, в переживаниях индивидуума. Богданов предлагает искать гораздо глубже и шире, прибегая к общечеловеческому опыту, к гениальным мыслителям прошлого. Он раскрывает тайну в социальном характере смеха, в социальном чувстве, в ощущении превосходства. Он называет смех могучим оружием в социальной борьбе, напоминает, что все периоды истории человечества сопровождалась взрывом юмористики. "Смех Гейне ранил, как тонкая, острая шпага в руках искуснейшего фехтовальщика, а смех Щедрина..." А как популярны ныне смехотворны, возбудители общественного здоровья, выступающие на сценах или на страницах журналов!

А.Богданов не был человеком одной идеи, но за какую бы он ни брался, отдавал ей все свое вдохновение. В середине 20-х годов он вернулся к излюбленной теме обновления ("омоложения") организма путем переливания крови. Изучая опыт медицинской науки западных стран, накопленный за годы первой мировой войны, он и сам немало познал на фронте, будучи полковым врачом, младшим ординатором 152-го эвакогоспиталя. Его лебединой песней стал биолого-философский труд "Борьба за жизнестойкость", который он начинает знаменательными словами: "Одно из лучших проявлений настоящей эпохи – невиданная раньше смелость в постановке задач". Свою давнюю мечту о коллективной борьбе за жизнестойкость врач и философ стре-

мился реализовать в советском государстве. Он представлял себе общество, в котором интересы всех будут солидарны, где каждый будет гуманен и заботиться о здоровье другого. Коллективная борьба за жизнеспособность, по его мысли, должна быть таким же проявлением коллективной жизни, как коллективное хозяйство, коллективная культура, коллективное воспитание детей и т.д.

Богданов верил, что в правильно организованном обществе, люди будут бороться за жизнеспособность так же, как за чистый воздух, хлеб, как за здоровую пищу. За здоровье человека, свежесть его души он готов был отдать все, даже свою жизнь. Весной 1928 года пришли к нему два студента. Они попросили для одного из них, страдающего туберкулёзом лёгких, сделать переливание крови. Богданов согласился обменяться с ним своей кровью. Пошел на большой риск, ради спасения молодого человека и ради смелого эксперимента. И здесь он проявил свой бойцовский характер и любовь к ближнему. Его успокаивало то, что он уже неоднократно производил подобные опыты. Но этот оказался роковым. Александр Александрович умер. Умер, как герой, в битве за научную истину, за истинную человечность.

Прощаясь со своим учителем, Н.И. Бухарин, в частности, сказал: "В смелых полетах своей интеллектуальной фантазии, в суровом и отчетливом упрямстве своего необыкновенного последовательного ума, в необычайной стройности и внутреннем изяществе своих теоретических построений, Богданов, несмотря на неделикатность и абстрактный схематизм своего мышления, был, несомненно, одним из самых оригинальных мыслителей нашего времени. Он очаровывал и зачаровывал своей страстью к теоретическому монизму, своими творческими попытками внести великий план во всю систему человеческого звания, своими напряженными исканиями универсально-научного, – а не философского, – камня, своим, если можно так выразиться, теоретическим коллективизмом. В его лице ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран... История, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова, и отведет ему свое почетное место среда бойцов революции, науки и труда"¹².

Сегодня наш человек, запутавшийся в оценках "новизны" и запуганный нарастающими трудностями, мог бы спросить:

- За что погиб ты, неугомный рыцарь познания?

- За новый мир, за идеал человечности и добра, – ответил бы он.

- Стоило ли? Новый мир так далёк... Ответ философа даем в дословной записи: пусть этот мир не так близок, как думают те, кто слишком смутно представляет его себе; его красота и величие не делаются оттого меньше, борьба за него не перестает быть благороднейшей из всех целей, какие сознательное существо может себе поставить.

Приятно говорить, что к нам вернулся Александр Богданов, в новом обличье, во всем богатстве и разнообразии философских идей. Пора признать его таким, каким он был в жизни, начисто отбросив представление как о запутавшимся "эмпириомонисте", политическом уклонисте и весьма одиозной фигуре.

1. В.И. Ленин, Биохроника, т. I, с. 169

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.4, с. 37

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с. 166
4. Бонч-Бруевич В. Воспоминания о 1905 годе. //Молодая гвардия, 1925. № 12, с. 37.
5. Плеханов Г.В. Ответ г. Богданову. М., 1923, с. 9–10
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 145.
7. Луначарский А., Александр Александрович Богданов. // Правда, 1928, 10 апр.
8. Богданов А. Красная звезда.// Вечное солнце. М.,1979, с. 273
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 161
10. Лепешинский П. Трагедия крупного ума.//Огонек.1928, №17, с. 3
11. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990, с. 354.
12. Бухарин Н.И. Памяти А. Богданова.// Богданов А.А, Тектология, кн.2, М., 1989, с. 345–346

* *
*

Библиотека БГУИР

А.А. БОГДАНОВ ПРОГРАММА КУЛЬТУРЫ

Программа социал-демократии распадается на две части: минимум и максимум. Первая обращена к будущему строю, вторая – к нынешнему; первая намечает схему задач пролетариата в ту эпоху, когда он станет реальным хозяином общества; вторая выражает сумму требований, предъявляемых им хозяевам нынешнего общества и проводимых в борьбе и в компромиссах с ними. Где связь этих двух частей программы?

Является ли программа-минимум непосредственной подготовкой к выполнению программы-максимум? Очевидно, нет: если пролетариат создает себе сносные условия жизни *в рамках* старого строя, если он *приспосаблиется* к нему и *приспосаблиет* его к себе, каким образом это может непосредственно готовить пролетариат к делу *разрушения* старого строя и *творческой замены* его иным, принципиально новым?

В изложении программы-минимум, как ее основа, всегда указываются объективные линии развития капитализма, те его тенденции, которые, развертываясь в своем противоречивом движении, должны привести общество к постановке задачи – ликвидации капитализма, перехода к социалистическому строю: концентрация капитала, численный рост пролетариата и углубление пропасти между ним и господствующими классами, кризисы и проч. Но все это не дает ответа на вопрос о реальной подготовке пролетариата к роли сознательного строителя нового общества, его «планового организатора».

Ответ до сих пор дается всегда иной, причем и старые минималисты и новые максималисты соц.-демократии в этом пункте вполне согласны между собою: воспитание рабочего класса *для* роли мирового хозяина заключается, с одной стороны, в развитии его классового сознания своего положения и своих интересов, с другой – в его самоорганизации профессиональной, кооперативной и особенно партийной. Но так ли это на деле?

Классовое сознание своего положения и интересов *в рамках капиталистического общества*, как бы ни было ясно, полно и

научно, не может подготавливать к роли организатора общества *принципиально иного* по строению и направлению жизни. Для этого нужно другое: *знание своих особых, новых методов организации* во всех областях жизни и во всех взаимоотношениях этих областей. Но ничего такого не предполагается в старых взглядах на классовое сознание.

Великий экзамен – мировая война – блестяще показала ограниченную силу и значение классового сознания в старом смысле. Какой пролетариат обладал им в наибольшей мере? Бесспорно, германский. Ну и что же?

Это – *минималистское* классовое сознание. Оно приспособляет пролетариат к условиям его существования в *капиталистической системе*. Правда, в составе классового сознания постоянно включают признание исторической миссии – Осуществить идеал. Но от признания миссии до *уменья* ее выполнить... провал остается незаполненным.

Но, может быть, его заполняет самоорганизация, профессиональная, партийная, кооперативная? Ведь она на деле приучает класс к роли самостоятельного хозяина? Да, самостоятельного, но опять-таки – *увы!* – в *рамках условий капитализма*. Это значит в рамках его экономических и культурных законов – его денежного фетишизма, его формы собственности, всех его юридических и иных норм. А задача как раз в том, чтобы преодолеть **эти** условия. А если вся организация приспособляется, и не может не приспособляться к ним, то каким образом даст она методы обойтись без них? Например, в кооперативной работе обычно наибольшая доля трудностей, а значит, и главное содержание усилий заключается в том, чтобы приспособить дело к условиям рынка и конкуренции, в политической – к государственно-правовым формам, прежде всего – к данной конституции и т. под. Где же тут материал опыта для *принципиального преодоления* их?

Как мало все это подготавливает само по себе к конечной цели, показывают специальные виды оппортунизма, эпидемически развивающиеся среди деятелей-специалистов всех трех видов организаций: цеховой тред-юнионизм, торгашеский кооперативизм, парламентский кретинизм.

Вообще же вряд ли кто станет отрицать, что воспитательная роль тех или иных организаций зависит в наибольшей мере от их

'культурного типа. Стоит только вспомнить католические и протестантские рабочие союзы или каких-нибудь американских «Рыцарей труда», не говоря уже о «желтых союзах». И несомненно, что в настоящее время культурный тип даже наиболее передовых организаций *минималистский*: все их задачи, все их интересы лежат в пределах существующего строя, социалистический идеал, пока лишь украшение их фасада.

Конечно, там накапливается организационный опыт. Но он так же мало научно оформливается и обобществляется в них, как в старых буржуазных и феодальных организациях – государственных, религиозных и иных; а следовательно, и не является, в этом виде, непосредственной подготовкой к научно-планомерной организации общества.

Итак, между программами минимум и максимум остается глубокий провал. Чем же он может и должен быть заполнен?

Детскому возрасту общественных течений, как и детскому возрасту отдельных людей, свойственны «наивные» противоречия мысли. Одно из таких противоречий мне неоднократно приходилось указывать в официальной теории наших соц.-демократов. Это – ее отношение к «идеологии».

Исходя из положения Маркса, что идеология есть «надстройка», нечто «производное», «вторичное», эта теория относится к ней с явным, если можно так выразиться, пренебрежением. Всякое указание на серьезную, в каком бы то ни было смысле реально руководящую роль идеологии в социальной жизни она считает недопустимой ересью, вполне достаточной для отлучения, преступно-буржуазным «идеализмом».

И к той же идеологии у нее отношение *диаметрально противоположное*, лишь только это понятие выражается *другим словом*.

Что такое классовое сознание и «классовое самосознание» пролетариата? Нет никакого сомнения, что это – его *идеология*; по крайней мере я не знаю ни одного теоретика, который утверждал бы иное, напр., относил бы классовое сознание к материальной стороне производства.

Итак, классовое сознание есть надстройка, нечто производное, вторичное. Однако ему официальная теория придает, как всем известно, первостепенное, *основное* значение в жизни пролетариата, – значение определяющее, – *практически-руководящее*. Развивать

классовое сознание пролетариата – именно таково, по официальной же формуле, первая и главная задача социал-демократии.

Отрицание за «идеологией» руководящей функции на словах, ее признание за «классовым сознанием» на поле практики – вот, выражаясь мягко, антиномия нашего марксизма, выдающая его теоретическую юность.

Эта антиномия находится в самой тесной связи с поставленным нами вопросом программы, и потому мы должны будем разрешить ее.

Что такое идеология? В официальной теории вы тщетно стали бы искать определения: она очень строга, но не стремится к чрезмерной точности. С понятием «идеологии» она оперирует, как с вещью вполне известною. Во всяком случае, она ее противопоставляет «экономике» и «технике», характеризуя эти последние вместе, как «материальную сторону» общественной жизни. К «идеологии», следовательно, должна быть отнесена вся «идеальная» сторона: мир понятий, мир художественных образов, мир норм. Другими, словами, это – речь, познание, искусство, обычаи, право, приличия, нравственность.

Перечислением этим, однако, удовлетвориться нельзя. Дело идет о *жизненном* явлении или, вернее, о некотором цикле жизненных явлений. А они для нас определены только тогда, когда установлено их происхождение и значение в системе жизни, иначе говоря – их место и функции в ней. С такой точки зрения и должен быть решен вопрос – что такое идеология.

Решение, в сущности, весьма просто и элементарно.

Первичная форма идеологии – речь, элементами которой являются «слова-понятия». Научная теория происхождения речи, созданная гениальным филологом Нуаре, такова. Речь возникла из *коллективного труда* первобытной общины, а именно из «трудовых криков». Это звуки, произвольно вырывающиеся при физических условиях в силу связи дыхательного и голосового аппарата с остальным нервно-мускульным механизмом, вроде звука «ух-х», вырывающегося при поднимании большой тяжести, «га» при ударе топором и т. под. Каждый такой звук был для членов общины естественным и понятным обозначением того трудового акта, к которому относился. Из немногих таких «первичных корней», путем медленных, бесчисленных вариаций в ряду веков, развилось все

богатство человеческой речи. Что же касается мышления, оно есть «речь минус звук», те же слова–понятия, только непроизносимые вслух.

Какова была функция трудовых криков? Они служили средством объединения коллективных усилий, внесения в них ритмической правильности, затем средством призыва к труду, собирания работников для него. Все это – функции *организующие*. И во всем своем дальнейшем развитии, во всех своих последующих разветвлениях идеология сохраняет тот же характер и значение; это система *организующих форм* производства, иначе говоря – *организационных орудий* общественного бытия людей.

Так разве не очевидно, что и теперь все производство организуется посредством речи? Путем словесных обозначений устанавливается место каждого работника в производстве, время его работы, его трудовая задача и способы ее выполнения – вся координация трудовых усилий.

Не менее ясно, что технические науки руководят техническим процессом, служат орудием его организации. Л вместе с ними, как следующая ступень идеологического обобщения, науки естественные и математические. Аналитическое вычисление, геометрический чертеж, формулы механики и физики решают вопросы размеров и связи частей дома, моста, машины, а следовательно, и вопросы направления и распределения трудовых усилий в работе.– Для наук социальных – экономических, политических и пр.– доказывать их организационный смысл и значение, я думаю, нет надобности. Науки «логические» нормируют человеческое мышление, всякое обсуждение, всякое комбинирование слов–понятий; а так как оно служит орудием организации общественного бытия, то и эти науки оказываются таким же орудием высшего порядка.

Обычай, право, нравственность, приличия регулируют и контролируют всю практическую жизнь общества: самое понятие «норма» есть явно организационное. Весь капитализм практически организуется при посредстве *права* частной собственности и *морали* индивидуализма.

Вопрос кажется менее простым по отношению к искусству. Не только все эстеты буржуазного и феодального мира, но и все наши официальные теоретики упорно сводят роль искусства к «украшению жизни». С этой точки зрения долго рассматривался и решался

ортодоксальным Старовером–Потресовым и другими вопрос о том, насколько нужно особое пролетарское искусство.

Начало искусства то же, что и начало речи: трудовые крики были зародышем трудовой песни. Ее применение для регулирования и координации трудовых актов можно наблюдать и теперь. То же можно сказать о боевой песне. Музыка, танцы с самого возникновения реально служили определенной цели: создавать *единство настроения* в коллективе, важное или даже необходимое для выполнения какого-нибудь общего дела. Так, перед выступлением в поход применялась боевая, возбуждающая музыка и специальные танцы, изображающие войну; перед коллективным обсуждением дел – серьезная, побуждающая углубляться в мысли музыка и размеренно-плавный «танец Совета». – А затем вряд ли кто станет отрицать, что искусство, во всех его видах, являлось и является средством *воспитания* людей. Но в чем заключается социальная сущность воспитания? В том, что человека, путем систематической обработки, делают пригодным к его жизненной роли – в обществе, в среде его класса, его группы. Другими словами, воспитание вводит человека в его общество, его класс, группу, приспособляет его к ним, как нормального их члена. Но это, очевидно, *организационная функция*; воспитание *организует* коллектив из человеческих единиц, служащих его материалом. А если так, то искусство, как воспитательное средство, есть также орудие *организации* коллектива.

Нет надобности особо выяснять сущность классового сознания. Оно объединяет, направляет, координирует, регулирует усилия и стремления людей, составляющих класс, – организует их жизнь в коллективную.

Теперь для нас ясно, что марксисты, признавая *на практике* организующую роль идеологий, в этом не ошибаются. Дальнейшее исследование вопроса дало бы нам массу подавляюще-доказательного материала в том же смысле. Война принесла невиданно яркие иллюстрации этого рода. Что может быть поразительнее сплочения враждовавших только что классов передовой страны – буржуазных, полубуржуазных и пролетарских – в один реакционный, истребительный блок посредством националистической идеологии, как это было в начале войны? Или вот пример более невинный: распоряжением правительства переведена часовая стрелка на час вперед – административная поправка к астро-

номической формуле,– и изменяются условия производства, потребление топлива, осветительного материала и пр.

Конечно, в иных случаях организующая функция идеологии может изменяться или даже извращаться. Бывает бессмысленная болтовня, которая ничего не организует, ложь, которая дезорганизует, и т. д. Но это ничего не меняет в происхождении и социальном значении идеологии как типа форм,– ничего не меняет в том, что она не может быть жизненно понята с иной точки зрения. Ружье нередко за все время своего существования не успеет истребить ни одного живого существа; оно иногда служит средством сигнализации, иногда просто развлечения невинной стрельбой в цель. Но понять его устройство, техническое развитие и связь его частей сумеет только тот, кто будет рассматривать его как орудие истребления. Половой аппарат человека нередко всю его жизнь остается без применения; иногда же он получает применения экономические (проституция, брак по расчету), политические (браки, устраиваемые дипломатией) и иные, при разных извращениях даже самые неожиданные; однако научно понять его строение, эволюцию, болезни и расстройства, а также успешно поддерживать его гигиену и лечить его возможно, только исходя из той точки зрения, что это, собственно, аппарат размножения. Точно так же никогда не поймет строения и развития идеологического механизма и не сможет планомерно вмешиваться в него тот, кто не знает, что механизм этот есть организационное орудие коллектива.

Как же все-таки примирить это значение идеологии с ее пониманием как «надстройки», которая «отражает» или «выражает» производственные отношения, и т. под.? Примирить весьма нетрудно, потому что и противоречия в действительности тут никакого нет.

Возьмем конкретный пример: железнодорожное расписание. Оно, несомненно, вещь идеологическая, и, несомненно, «надстройка» над реальной железнодорожной жизнью, «отражает» и «выражает» ее. Но почему-то здесь эти термины кажутся смешными. Почему именно? Да просто потому, что слишком бросается в глаза прямая практическая, организационная, а не «отражательная» функция: расписание *управляет* движением поездов; перемените в нем пару цифр – ничтожная идеологическая перемена,– и все движение дезорганизуется, наступает хаос и катастрофа.

Однако что было раньше – движение поездов или их расписание? Всем известно, что степенсоновские модели, первые паровозы, ходили без расписания; и всякому ясно, что именно развитие железнодорожного движения *определило* собою развитие расписаний. Это, как говорится в науке, *генетическая* связь двух явлений. Разве она помешает тому, что расписание, раз оно уже создано, управляет поездами, что оно, в свою очередь, *определяет* выход такого-то поезда в такой-то час? Да ведь оно для того и выработано: это последующая, *телеологическая* или *результативная* связь.

Дело в том, что организационное орудие неизбежно определяется именно тем, что оно организует. Так, развитие мозга биологически определилось развитием органов движения, у человека в особенности – его рук; но мозг и управляет руками. Или, напр., давно выясненное соотношение «толпы» и ее «героя», который ведет ее: генетически – герой есть «отражение» толпы, ее порождение; он впитывает в себя ее массовые смутные настроения и стремления, которые только оформляются в нем; но раз герой создан, уже он руководит толпой, она идет, куда он укажет. Ибо герой – организационное орудие жизни толпы, как мозг – жизни организма, идеология – коллектива.

Все это истины азбучно-элементарные; человеку следующего поколения будет непонятно, что их еще надо было доказывать. Однако факт налицо: в настоящее время их не понимает ни один из официальных теоретиков нашего марксизма и, разумеется, не знают пролетарские массы. При этом разница та, что теоретик, встречаясь с этой азбукой, ограничивается обычно замечанием, что она противоречит Священному Писанию Маркса и Энгельса; а толковый рабочий быстро и легко воспринимает ее как нечто весьма простое: для него, но своему трудовому опыту знающего, как орудие определяется материалом, который оно обрабатывает, тут нет ничего непонятного.

В чем же дело? В том, что *формы мышления* людей бывают различны, и это делает людей во многих случаях «взаимно идиотами», как выражался Лассаль. Исследование фактов жизни и природы с *организационной точки зрения* означает особый, новый способ мышления. Он чужд буржуазии, классу – творцу анархического, принципиально неорганизованного общественного строя, классу, веками воспитавшемуся на нем. Но для рабочего класса, организу-

ющего мир внешних, мертвых вещей в своем труде, себя самого – в своей социальной жизни и борьбе, этот способ мышления – необходимое приспособление, которое мало-помалу вырабатывается и, рано или поздно, должно сложиться вполне.– Что же касается наших теоретиков, то как бы ни было искренно их сочувствие *интересам* пролетариата, но по *способу мышления* они всецело – воспитанники буржуазии, буржуазного строя. Организационная точка зрения для них – нечто непривычное и неестественное; они органически не могут понять ее и потому не могут не бороться против нее, мешая своим влиянием ее развитию в головах пролетариев.

Хорошо, скажет читатель, пусть азбука, пусть важный и интересный, но все же это – чисто теоретический вопрос. Какое отношение имеет он к занимающей нас теме – социалистической программе, ее пробелу между максимум и минимум, ее осуществимости «завтра» или позже?

Отношение самое прямое; но для того, чтобы ясно его оформить, нужна еще одна «азбучная истина».

Человек не всегда владеет своим орудием: иногда орудие господствует над ним. Это бывает тогда, когда он не знает или не понимает своего орудия, его природы, строения, свойств. Напр., работник при машине, об устройстве которой не имеет ясного понятия, может быть только ее рабом, а не господином. Он служит при ней, а не управляет ею. В таком положении часто оказывается русский крестьянин, батрак при какой-нибудь «хитрой» сельскохозяйственной машине. Неожиданно для него она отказывается служить или ломается по неуловимым для него причинам, нередко и калечит его самого. Ее стихийная, недоступная ему закономерность легко разрушает всю «планомерность» его усилий.

В том положении находится и *коллектив по отношению к своим организационным орудиям, если он не знает их природы, не понимает их*. Тогда не он планомерно пользуется ими, а они стихийно господствуют над ним.

Знает ли, понимает ли рабочий класс природу, строение, свойства своих организационных орудий? Владеет ли он своей идеологией, или она владеет им? До сих пор возможен только один ответ – самый неблагоприятный.

Пролетариат не знает и не понимает даже самой *природы* своей идеологии – того основного факта, что она есть организацион-

ное орудие. А раз это так, невозможно ни планомерное обращение с этим орудием, ни тем более планомерное развитие его. Тут царствует стихийность, искание ощупью, тут масса уклонений и блужданий, лишней растраты сил.

Иллюстрации можно было бы приводить без конца. Ограничусь немногими.

Как известно, среди пролетариата даже наиболее передовых стран еще весьма распространено, – удерживается по традиции, – религиозное мировоззрение. Если бы рабочий знал и понимал, что всякая идеология есть организационная форма, и с этой точки зрения смотрел на религию, то, во-1-х, ясно, что религиозные фетиши сразу теряли бы всю власть над ним; во-2-х, он без особых усилий увидел бы, что ее организационный смысл относится к «авторитарной связи» людей, т. е. власти – подчинению; к этому сводятся и религиозные чувства: преклонение, покорность, слепая вера, – и религиозные схемы: отношение Бога и мира, духа и тела, жизни высшей и жизни низшей, опыта священно-таинственного и обыденного. И так как рабочий по природе своей враждебен авторитарной связи, стремится выйти из нее и преодолеть ее, потому что в ней обречен всегда на страдательную роль, то отказ от религиозного мировоззрения получался бы легко и просто, сам собою. А вместо того критика религии ведется в рабочей среде либо мучительно-окольным путем буржуазных просветителей, путем схоластического анализа религиозных символов, их отвлеченно-научного опровержения, либо путем вульгарной, опошляющей вопрос агитации на тему о поповских выдумках и т.п.

А фетиши национально-патриотические, которые внушаются рабочему классу буржуазным миром как высшие самоценности... Все знают их роковую роль в нынешней войне, все знают, каким непроницаемым туманом окутали они головы пролетарских масс в передовых странах. Какой путь к их преодолению мог бы быть прямее и легче, чем выяснение того, какие общественные силы, в каких рамках и для каких задач они организовали раньше и организуют теперь? И какими способами, какой ценой, с какой медленностью преодолеваются они в настоящее время?

А кроме того, насколько, чисто практически, было бы менее трудно пролетариям разобраться во всяких «правах языка», «правах малых наций», «культурных и политических самоопределени-

ях», если бы все это являлось к ним не в виде отвлеченно-юридических схем, часто даже выводимых из «простых законов справедливости», а в виде реально-организационных форм, классовых или меж-классовых?

Другая область. Факты показывают, что те из рабочих, которым удается, благодаря исключительной энергии, пробиться до высот современной науки, обыкновенно в той или иной степени утрачиваются для рабочего класса: либо просто переходят в буржуазную интеллигенцию, либо, в лучшем (а может быть, и худшем) случае, становятся представителями оппортунизма, классового компромисса. Чистая наука «обуржуазивает» их, пропитывая буржуазными способами мышления, лежащими в основе ее построения, и в то же время отрывая их от мира «материального» труда, основы жизни пролетарского коллектива. Можно себе представить, насколько полезна для рабочего класса эта хроническая утрата его выдающихся элементов. А между тем разве это непреложная необходимость? Если бы тот же рабочий, идущий в науку, знал и понимал, что она не голая «сама по себе истина», а система форм и методов организации коллективных человеческих усилий, если бы он воспринимал и в свою очередь исследовал ее в этом смысле и с этой точки зрения, она не отрывала бы его от трудового мира и скрытый в ней фетишизм старых способов мышления не имел бы власти над ним. Сколько лучших научно-организаторских сил сохранилось бы тогда для пролетариата!

Пролетарское искусство находится до сих пор в зародыше. Конечно, это зависит прежде всего от исторической молодости класса, от недостатка досуга, образования и пр. Однако глубокое непонимание жизненной роли искусства должно служить немалым дополнительным препятствием. Представьте себе пролетария с призванием поэта, чуткую, остро реагирующую, творческую натуру, с жадной ритма и гармонии. Вокруг кипит борьба. Может ли он всей силой своего юного чувства и порыва отдаться своему художественному инстинкту? «Искусство – только украшение жизни», – вдолбила ему буржуазная культура и продолжают долбить Потресовы и другие компетентные товарищи-ортодоксы. «Значит, я буду заниматься забавой, игрой, когда товарищи делают огромную, трудовую работу», – думает он; и радость творчества отравлена; и вот, вопреки себе, он идет на улицу, где оказывается, чаще всего,

средним, истеричным агитатором. Насколько иначе и лучше относился бы он к своему призванию, если бы понимал, что, внимательно, зорко вглядываясь в жизнь и природу глазами, он во много раз успешнее мог бы работать для организации своего класса, чем повторяя на площадях обычные агитационные формулы.

А это вечное зло – оппортунизм парламентариев, профессионалистов, кооператоров, – он-то всего больше поддерживается культурной несамостоятельностью пролетариата, отсутствием у этих деятелей коллективистически-организационной точки зрения на свою работу. Они погрязают в цеховой ограниченности своих специальных отраслей.

На отношения классов, на весь общественный процесс они смотрят через очки своей специальности, вместо того чтобы ее рассматривать с точки зрения общественного процесса в его целом и своего класса, как развивающейся все-организующей его силы. Измельчение идей и методов при этом неизбежно.

Политика, профессиональное движение, кооперация, взятые оторванно, сами по себе, дают картину непрерывной цепи *компромиссов*. Для того, кто понимает организационную сущность каждой из этих функций, практический компромисс, достигнутый в борьбе с врагами или с массовой инертностью и выражающий максимум достижимого в данный момент, отнюдь не есть «измена принципу», хотя бы частичная, а просто необходимый организационный акт в их общей цепи, очередной этап единого организационного процесса, форма которого выражается «принципом». Но для нашего специалиста, которому чуждо такое понимание, «принцип» и «компромисс» оказываются противоположностями; реализуется же на практике только компромисс; принцип «подчиняется» ему; а человек, который привыкает «подчинять» принцип компромиссу, есть несомненный и безнадежный оппортунист.

Но и это не все. Деятельность нашего парламентария протекает в мире норм, созданных буржуазным миром: парламентарий вынужден на каждом шагу приспособляться к наличной конституции, исходить в своих предложениях из прежних законов, считаться в своих политических шагах с имеющимися прецедентами и пр. Профессионалист, кооператор принуждены постоянно учитывать в своей работе всю суть законодательных и административных установлений, касающихся сферы их деятельности, проводить свои

задачи сквозь различные, часто весьма сложные и запутанные петли этой сети. И так как у него нет единого и цельного взгляда на все это, нет ясного непрерывно критического отношения ко всем этим нормам, как организационным приспособлениям буржуазного мира, то он, привыкая иметь дело с ними, бессознательно подпадает под их власть, начинает видеть в них самостоятельные силы и самодовлеющие ценности; а это значит – подчиняется фетишизму норм, тяготеющему над буржуазным сознанием, способу мышления буржуазных классов. И соответственно ослабляется власть зарождающегося пролетарского способа мышления, власть пролетарского идеала.

Так идеологические орудия разными путями господствуют над современным социалистом, не понимающим их природы. А в результате – масса лишних сопротивлений в творческой работе пролетариата, мучительное искание во мраке ощупью своих собственных организационных методов, полная стихийность культурного развития.

Отсюда – ненадежное подчинение культуре старого мира, т. е. его организационным формам и методам, во всех тех случаях, какие не встречались или не являлись достаточно обычными в предыдущих стихийных исканиях пролетариата. Страшный пример налицо: поведение рабочего класса в мировой войне.

Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса – это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией – или каким детским неразумием – представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе? И это тогда, когда так часто на наших глазах распадаются и рассыпаются – нередко даже не от внешних ударов – его собственные организации...

Итак, пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а, напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Это было бы авантюрой без малейшего

шанса на успех, попыткой построить мировой дворец без знания законов архитектуры. Это был бы новый кровавый урок, вероятно, более жестокий, чем тот, который мы теперь переживаем.

А между тем мировая организационная задача *поставлена* ходом вещей, который, под угрозой полного крушения цивилизации, требует, чтобы эта задача была разрешена *насколько возможно быстрее*. И мы знаем, что классы буржуазные разрешить ее не в силах, ибо они, по всему воспитанию, по всей культуре, непригодны для этого.

Если так, то что же может и должен делать немедленно рабочий класс для решения задачи?

Дело ясное: направить свои усилия к *овладению своими организационными орудиями и к планомерной их выработке в полном масштабе задачи*. Это – его программа культуры.

Здесь заполняется провал между программой минимум и максимум. Если первая сводится ко взаимному приспособлению пролетариата и капиталистического строя, в котором он живет, а вторая – к созданию принципиально иного строя, то программа культуры означает прямую подготовку, в условиях старого строя, класса-организатора, творца нового строя. Это – *необходимая динамика* решения мировой задачи.

Та *самоорганизация рабочего класса*, которая совершается пока еще стихийно, оцупью отыскивая свои формы и методы, в его объединениях, профессиональных, политических, кооперативных, просветительных, составляет *естественную основу* культурной программы.

Дело идет о *продолжении и развитии* этой самоорганизации, но с переходом в новую фазу – *сознательно-планомерного искания, выработки, усвоения, распространения организационных форм и методов*.

Потребуется немалая работа: *полный пересмотр всего наличного культурного наследия*, полученного пролетариатом от старых классов, – *пересмотр с новой, коллективно-трудоустройственной точки зрения*, которая есть вместе с тем *научно-организационная*; и одновременно с пересмотром – *необходимое дополнение* этого наследия всюду, где оно недостаточно для новых задач, *собственным идеологическим творчеством рабочего класса, научным, художественным, практически-нормативным*.

По мере того как это будет делаться, новый смысл и новую силу будет приобретать вся предыдущая работа: организационный опыт человечества будет обобщаться и концентрироваться в растущем рабочем коллективе.

В настоящее же время не только этого нет, но и собственный организационный опыт рабочего класса лишен всякой связности, всякого научного оформления, в значительной мере – лишен даже непрерывности. Большая часть его не накапливается, а бесплодно рассеивается и теряется. Он в смутной традиционной форме хранится в отдельных организациях, усваиваясь каждым лишь в меру его участия в общей работе. А опыт отдельных крупных организаторов, талантов и гениев своего дела, или просто старых работников, за десятки лет накопивших массу организационных приемов и навыков, которых они не умеют обобщать и передавать другим, исчезает вместе с ними, когда они умирают или уходят. Отсюда несоразмерная роль таких организаторов, «вождей», в рабочих организациях, унижающая пролетариат и поддерживающая в нем авторитарный дух повиновения и слепой веры.

Прибавьте к этому непрерывное, разъедающее и подтачивающее действие окружающей старой культуры, ее организационных форм и методов, выражаемых всей буржуазной наукой, искусством, нормами морали и права. Она незаметно подрывает новые методы дела и мысли при самом их зарождении, оттесняя их или придавая им оппортунистический, двойственный характер. Там, где в мироотношении человека складывается «мы, коллектив», она упорно подсказывает «я, самодовлеющая личность»; где он начинает улавливать «организованный социальный опыт», она вдабливает ему «чистую, абсолютную истину»; где он начинает становиться на точку зрения «развития коллективной силы», она подсовывает ему «чистый моральный идеал»; когда он прислушивается к пульсу жизни своего класса, растущего для превращения во все человеческое общество, она внушает ему «общенациональные интересы» или «простые законы права и справедливости» и т. п. И он бессилен против этого нашептыванья, развращающего его практику и мышление, пока не знает природы идеологических сил, пока не видит путей овладеть ими.

Посмотрите. До сих пор большинство английских и американских тред-юнионистов и немалая часть синдикалистов других

стран понимают организацию как «союз отдельных личностей, совместными действиями осуществляющих свои личные интересы». Это – понятие *чисто индивидуалистическое*, выработанное в различных группировках мелкой, а затем и крупной буржуазии (цехи, товарищества, синдикаты хозяев и пр.). Попробуйте строить социалистическую организацию на основе *такого* отношения к ней. С этой точки зрения каждая рабочая профессия неизбежно предъявила бы к организуемому новому обществу свои макси мальные требования. Оно не в силах было бы удовлетворить их совокупности, но и не имело бы способов безобидно их ограничить, предотвратить жестокие столкновения интересов между от дельными специальностями. При капитализме эти столкновения устраняются внешним давлением капитала: каждая профессия предъявляет свои максимальные требования *капиталу*, а не совокупности других профессий и не вступает в противоречие с ними. При социализме сдерживающие рамки внешней классовой силы отпадают, и если каждая профессия рассматривает, как теперь, свои интересы сепаратно – освобождаются и вспыхивают также противоречия всех этих групп.

Надо понять. Социализм не есть дело выигранной битвы или настроения, порыва, массового устремления воли. Конечно, все это есть в нем; но настроения и порывы не кристаллизованные прочной идеологией, стремления, не организованные в устойчивую классовую волю – в твердо сознанный идеал и ясно установленный путь к нему, никогда не могут решить задачи: классовая стихийность не может создать всеобщей плановости. *Социализм – дело метода.*

Идеологическое развитие пролетариата, как и буржуазных классов, до сих пор совершается стихийно. У них зато имеется огромное количество идеологических сил; у пролетариата же – очень мало. И вот результаты: в пролетарской науке уже 30–40 лет застой, какому не найти подобного, вероятно, ни в одной отрасли науки официальной, буржуазной; пролетарское искусство – в пленках; а о степени массового проникновения пролетариата революционно–классовым сознанием достаточно ясно говорят уроки войны. Поворот необходим.

На практике за эти десятилетия повсюду господствовал *минимализм*. Следовательно, пережитое крушение социал–

демократии есть именно *его* крушение, культурное и политическое. И если теперь минимализм ведет себя так, как будто ничего не случилось, если он не признает необходимости глубокого изменения задач и методов работы и борьбы, то это – второе крушение, окончательное свидетельство бессилия.

Максимализм явился реакцией против застойности минимализма; он понял, что в области задач пролетариата выступила необходимость глубокого изменения. Но в понимании методов он стоит, по существу, на прежней позиции, не понимая того, что старые революционные методы недостаточны для революции принципиально нового типа. Это делает его утопией.

Необходим поворот к *программе культуры*. Социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом I тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и «хозяйственный план», / а новый мир культуры, с новыми, высшими методами. Чтобы победить общественную стихийность, рабочий класс должен преодолеть стихийность собственного развития. Он не может дать миру того, чего сам не имеет.

Вопрос о максимализме не есть просто вопрос о том, скоро или не скоро, завтра или послезавтра. Теоретик максимализма Лурье полагает, что целые десятилетия потребуются, чтобы «освоиться с окончательностью своего пролетарского положения» массам неустойчивых или недавно вступивших элементов германского рабочего класса. Но при нынешнем темпе развития, как показывает опыт, несколько десятилетий достаточно и для глубокого культурного переворота. Вопрос заключается в том, способен ли пролетариат, *такой, как он есть, не* проходя существенно нового этапа в своем организационном и культурном развитии, выполнить дело социализма. Максималисты полагают, что да, способен, его воспитание в *основном* достаточно и закончено; требуется только боевое сплочение сил. Мы видели, что нет, что *такой, как он есть, он* еще не может достигнуть своей великой цели.

Кто хочет цели, тот хочет и необходимых средств. И они будут в руках пролетариата не в таком уже далеком будущем, если он твердо и сознательно пойдет к овладению ими.

Новый культурный мир рабочего класса – это и есть *действительное* зарождение социализма в настоящем, максимализм развития и творчества, а не мечты и авантюры,

А «материальные условия»? Почему о них нет речи? Да просто потому, что *если* созданы условия культурные, то, *значит*, материальные уже налицо. Организующие формы не могут возникнуть раньше того содержания, для организации которого они послужат.

Из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь. Но каждый шаг этого пути есть уже завоеванная частица самого царства свободы.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Исследователям происходящего на наших глазах переворота в социальной жизни чужда до сих пор научно–организационная точка зрения. Только вследствие этого они игнорируют факт огромного масштаба, имеющий сильнейшее влияние на ход экономического и идейного кризиса – на врезающуюся в систему капитализма *военно–коммунистическую организацию*, на ее рост и распространение с фронта на тыл.

Армия вообще, и в мирное и в военное время, представляет обширную *потребительскую коммуну* строения строго *авторитарного*. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты и довольно равномерно их потребляя, не будучи, однако, участниками производства. Коммунизм этот простирается, главным образом, на низы армии, на собственно «солдат», которые живут в общих казармах, получают общий стол, казенную одежду и снаряжение. Несколько процентов ее состава – иерархические верхи, офицерство – более или менее изъяты из коммунизма, но и те не вполне: часто они могут получать солдатский паек, обмундирование, большей частью – казенное вооружение. В мирное время вся коммуна настолько мала по сравнению с обществом в целом, что ни в структурном, ни в культурном смысле отнюдь не может оказывать решающего влияния на его жизнь: не-

сколько сот тысяч человек, объективно–бесполезных для общества, среди нескольких десятков миллионов экономически активного населения. Но теперь это соотношение существенно изменилось.

Оно изменилось, во–первых, количественно: армия составляет уже 10–15 процентов населения вообще и гораздо более значимых теоретиков или даже агитаторов, как максимализм Троцкого в прошлую революцию, а течение сравнительно широкое и влиятельное.

Психология веры вообще свойственна временам упадка. Оптимизм мечты есть весьма естественная реакция на чересчур мучительные картины реальности. Так христианство с его верой и мечтой возникло из упадка античного мира. А социалистическое содержание нынешней меры и мечты максималистов имеет, кроме того, определенные корни в самой жизни. Это – идеологическое отражение колоссально развившегося *военного коммунизма*. Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление.

Но задача научной мысли – разоблачить и объяснить миражи, отвлекающие от правильного пути к идеалу. Этот путь есть наиболее короткий; его она должна и может указать.

ГОСУДАРСТВО–КОММУНА

Типичное максималистское построение представляет ленинская теория о «государстве–коммуне» как *политической* переходной форме от буржуазного строя к социализму. Образцом для Ленина служит Парижская коммуна 1871 года.

По словам Ленина, это – «не обычное парламентско–буржуазное государство, а государство *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* постановленного над народом чиновничества». Далее он поясняет: это – «республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху» («Письма о тактике», письмо 1, стр. 12 и 20) ¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 138, 115.– *Ред.*

Надо заметить, что такая «коммуна» значительно отличается от Парижской. В той было выборное представительство, не отдельно от рабочих, от солдат, крестьян и т. д., а прямо от населения, вроде того, как при демократических выборах в думы. Делает ли это план Ленина более правильным?

На основании всего опыта прошлой, да и нынешней революции мы до сих пор полагали, что Советы Рабочих и иных Депутатов представляют *органы революционной борьбы*, орудие движения революции, выполняемого ею разрушения и строительства; следовательно – учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое. Теперь нам предлагают создать из них «новый тип государства».

Мы знаем громадное значение Советов, их великую творческую силу в деле революции. Но попробуем рассматривать их как постоянные и основные государственные учреждения: что тогда получится?

Советы являются выборным представительством общественных классов и групп, взятых по отдельности, с их особыми интересами. При этом выборная система характеризуется неопределенностью и многостепенностью. В одном городе рабочие выбирают одного от пятидесяти, в другом – от ста, в третьем – от двухсот человек; в одном селе крестьяне выбирают одного от десяти, в другом – от двадцати домохозяев. Делегаты от городских рабочих Советов образуют губернские, от губернских – областные, от областных – всероссийский; у крестьян же число ступеней еще больше. Без сомнения, рабочие и крестьяне – элемент демократический; но система выборов оказывается не особенно демократичная, и даже несколько беспорядочная. Для революции это не важно, годится и так: надо спешно разрушать и строить, надо ковать, пока горячо железо; недочеты формы потонут в порыве жизни, сила обострившихся классовых интересов прорвется через сколько угодно избирательных ступеней и вынесет подходящих людей на надлежащее дело. Но как *постоянный государственный порядок* эта система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна.

Еще хуже обстоит дело с другой стороны. Представительство классов отдельное, как говорится, «куриальное». Рабочая, крестьянская, батрацкая курии не только обособленно выбирают, но

сверх того и обособленно организуются, снизу доверху, не объединяясь в общем представительном учреждении. Связь между ними подобна международному праву: они договариваются, вступают в сношения как независимые стороны; для каждой обязательны только те решения, которые она сама приняла. Но такая связь – не государственно-правовая.

И опять-таки, при революции, пока ее волна поднимается, это особого вреда или опасности не представляет: слишком много общих задач, слишком серьезны общие интересы, слишком настоятельны общие потребности классов, ведущих революцию: противоречия отступают на второй план, и соглашения достигаются легко. Совершенно иное получается тогда, когда революция уже миновала или даже когда она близка к завершению, когда она выполнила большую часть своих задач и они перестают так тесно объединять демократические классы.

Было бы ошибочно, а для человека, стоящего на классовой точке зрения, просто нелепо думать, что полное согласие интересов между двумя главными частями демократии – рабочими пролетариями и мелкими хозяевами крестьянами – может неограниченно продолжаться. Это согласие существует только в ходе демократической революции, да и то безусловное. Ведь уже слышатся, например, среди крестьян негодующие протесты по поводу провозглашенного, хотя на деле еще не проведенного до конца 8-часового рабочего дня: «Мы работаем по 17 часов, наши дети и братья круглые сутки сидят в окопах, а они не хотят больше 8 часов!» И хотя это, конечно, недоразумение, но есть условия и для действительного расхождения интересов.

Так, увеличение заработной платы удорожает для крестьян их орудия производства, одежду и проч. Затем, империалистические захватнические стремления при известной обстановке могут найти почву в крестьянских интересах: расширение земельной площади, из-за которого японское крестьянство сочувствует захватам в Китае. Кроме того, сама революция для рабочего – почти родная стихия, тогда как природе крестьянина, с его привычкой к устойчивым отношениям жизни, с его тяготением к заветам прошлого, она глубоко чужда; он может только временно, по необходимости мириться с нею; и конечно, он гораздо раньше, чем рабочий, почувствует жажду успокоения, прочного порядка. Наконец, крестьянин

все же собственник; и чем резче в ходе революции будут выдвигаться социалистические стремления пролетариата, тем сильнее будет становиться его внутреннее расхождение с крестьянством.

Все это, положим, еще не близко, и общий путь лежит впереди еще немалый; но речь идет о государственном строе, т. е. о постоянной организации, которая должна пережить всю революцию и удержаться на некоторый период развития после нее. И вот посмотрите, что должно выйти из первых же столкновений классовых интересов между пролетарскими и непролетарскими элементами демократии.

Никакого высшего органа над общенациональными Советами Рабочих Депутатов и Крестьянских Депутатов нет и обращаться для разрешения споров им некуда. Никакого обязательного способа выработки соглашения также нет: каждый Совет решает сам и решает для себя. Даже для точного сравнения и учета сил той и другой стороны надежных приемов не имеется; одна сторона, положим, превосходит заведомо числом, другая – организованностью и культурностью. Как две державы, они договариваются; как две державы, они в случае коренного расхождения упираются в «ультиматум», требование уступить во что бы то ни стало. И что тогда? Вещь очевидная: гражданская война, подавление одной стороны грубо-механическим путем.

В малых размерах нечто подобное произошло не так давно в Екатеринбурге. Там Совет Рабочих Депутатов не сошелся во взглядах с Советом Солдатских Депутатов: первый был большевистский, во втором преобладали другие фракции. Тогда Совет Солдатских Депутатов потребовал переизбрания рабочих депутатов. Дело потом каким-то образом уладилось – сила общих интересов пока еще перевешивает все противоречия. Но ясно, что при несколько иных обстоятельствах положение было бы безвыходным и дело кончилось бы плохо.

Это вполне естественно. Если Советы по природе своей – органы революционной борьбы, то их последние способы решения, в случае столкновений, неизбежно революционные. Но какое же это «государственное устройство», при котором решающее голосование по самой конституции производится с оружием в руках?

Надо помнить: *государство есть организация классового господства*. По мысли Ленина, его всероссийская коммуна должна быть совместным господством пролетариата, мелкого крестьян-

ства и промежуточных между ними групп. Но Ленин не видит, что совместное господство *разнородных и отдельно организованных классов* не может быть устойчивым порядком.

Дело обстояло бы лучше для него, если бы он предполагал, что наша революция, непрерывно развиваясь и не останавливаясь, должна перейти в социалистическую, как думал в прошлую революцию Троцкий. Тогда как будто можно допустить, что все время действуют только Советы как учреждения не государственно-правовые, а революционно-правовые. Но Ленин это предложение отвергает и даже «предостерегает» против него.

И в этом, он, конечно, прав: до социализма нам еще далеко – революция наша демократическая. В частности, крестьянство отнюдь не захочет жить неопределенно долго в кипящем котле; получив землю, сколько найдется, – податную реформу и организованный кредит для поправления хозяйства, оно потребует «успокоения», а в случае надобности само осуществит его. При государстве же «коммуне» это успокоение могло бы быть только кровавым. И судьба русской коммуны оказалась бы такая же, как и Парижской.

Некоторые, однако, полагают, что революция у нас на самом деле пойдет непрерывно, вплоть до социализма: сами бы мы до него скоро не дошли; но рабочие Западной Европы в ближайшее время осуществят его, перейдя от борьбы за мир к свержению капитала; тогда они помогут и нам ускоренно перейти к социализму. Конечно, нужна сильная вера, чтобы не сомневаться, что европейские рабочие, которые это время в большинстве так покорно шли за капиталистами и еще теперь после трех лет войны так усердно и искренне режут за них, которые растратили притом такую массу накопленных до войны сил, завтра захотят и смогут заново перестроить общество в самых основах. Но допустим, что все это случится. Все же пройдут годы и годы раньше, чем наша революция из демократической перейдет в социалистическую. Возможно ли, чтобы все это время шел непрерывный подъем революции, чтобы она ни разу не отступала, не сменялась временным упадком, реакцией? Это совершенно невероятно. А при такой реакции на первый план неизбежно выступают противоречия интересов. При демократической республике возможен парламентский способ их улаживания и подсчета сил, выяснение необходимых уступок, мирное

подчинение той стороны, которая оказалась слабее, но рассчитывает стать сильнее в дальнейшем. При республике Советов этот выход закрыт, и реакция имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа.

Таким образом, ленинский проект совершенно несовместим с научным пониманием государства и классовых отношений.

Разрыв с наукой и научностью идет у Ленина и дальше. Вот что он говорит о должностных лицах в государстве-коммуне:

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего».

Установить однообразную плату, «не выше средней платы хорошего рабочего», за самые различные по качеству, количеству и напряженности виды организаторского труда – это с экономической точки зрения ошибка против азбуки. Труд большей продолжительности, большей напряженности, большей сложности есть более значительная затрата энергии человеческого организма. Повышенной затрате должно соответствовать повышенное усвоение энергии, т. е. более обильное и более сложное потребление. Если комиссар – министр, выполняя работу, которая изнуряет мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200–300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? За среднюю плату хорошего рабочего только и можно делать среднюю работу хорошего рабочего. Получается нечто вроде донаучного, ребяческого коммунизма: «Всем поровну». А на практике это означало бы вот что: все наиболее трудные и ответственные должности сделались бы привилегией либо детей буржуазии, у которых есть личные средства, либо политиканов, которые сумеют и «прирабатывать», не стесняясь способами.

Хороша, между прочим, и «сменяемость в любое время» выборных чиновников. Сидит в районе большинство, скажем, большевиков – и все должности заняты большевиками. Перетянули меньшевики несколько сот голосов, получили перевес – и всех большевиков долой; хорошо ли, плохо ли делали дело – не важно, «сменяемы в любое время». Что, кроме господства голой демагогии, может получиться из такой сменяемости? Кто, кроме отчаянных политиканов, пойдет на такую службу?

Многое можно было бы сказать еще по поводу ленинского плана, но думаю – достаточно.

Те же – пожалуй, доведенные до крайности – черты максималистского мышления, которые мы видели и раньше: отсутствие организационного анализа, вера в желаемое, своеобразный «оптимизм разрухи», ожидание от него необыкновенно революционных результатов...

Не на таких путях приходится мысль к истине, борьба – к победе.

ИДЕАЛ И ПУТЬ

Идеал пролетарского социализма, с тех пор как он – 70 лет тому назад – был провозглашен, не оставался неизменным. Он вырос, расширялся, углублялся по мере роста и культурного подъема самого пролетариата. В те давно минувшие дни первые учителя пролетарского социализма представляли свой идеал осуществимым немедленно, в ближайшие годы. Во сколько раз жизнь даже наиболее передовых стран была тогда беднее нынешней, материально и культурно! Ясно, что во столько же раз образ идеала, каким он рисовался тогдашним максималистам, был беднее материальным и культурным содержанием, чем он выступает в сознании нынешних максималистов. Мыслимое «социалистическое общество 50-х годов» далеко уступало бы нашей действительности и в господстве над стихиями природы, и в богатстве, разнообразии жизненных возможностей, элементов развития.

Рост жизни, рост класса и его сознания – рост идеала. Теперь на поворотном пункте истории, когда рабочий класс проходит новый, невиданный и страшный этап своего пути, понимание идеала не может остаться прежним, оно должно подняться на высшую ступень.

Что видели в социализме до сих пор? Революцию собственности, смену хозяина в обществе – дело классового интереса и материальной силы масс. Что следует видеть в нем? Творческую революцию мировой культуры, смену стихийного образования и борьбы социальных форм их сознательным созиданием – дело новой классовой логики, новых методов соединения сил, новых способов мыслить.

Правильное понимание идеала дает объективно кратчайший путь к нему. Правда, если идеал выше, то путь к нему кажется дальше для нетерпеливых, которые предпочитают верить в то, во что им хочется. Но кто вдумается, тот увидит, что путь только кажется дальше.

И не по тому одному, что это путь все равно неизбежный, стать на него теперь или позже, после мучительных блужданий и тяжелых поражений. Да, поэтому, но и потому, что идеал тут воплощается не только по окончании пути, а на всем его протяжении.

По старым понятиям, социализм сначала побеждает, а затем осуществляется; до победы он – не действительность, его нет, он лишь «конечная цель». Для нас это не так.

Социализм есть мировое товарищеское сотрудничество людей, не разъединенных частной собственностью, конкуренцией, эксплуатацией, классовый борьбой, властвующим над природой, сознательно и планомерно творящих свои взаимные отношения и свое царство идей, свою организацию жизни и опыта.

Посмотрите на пролетариат. Это класс, который в своем развитии шаг за шагом становится международным товарищеским коллективом людей-сотрудников, не разъединяемых ни частной собственностью, которой у них нет, ни конкуренцией, которую они устраняют в своей среде, ни эксплуатацией, потому что они не эксплуатируют, ни классовый борьбой, потому что она ведется ими не внутри, а вне и связывает их, а не разъединяет. Это коллектив, своими руками реализующий достигнутую власть человечества над природой...

Мы видим: это социализм на деле, как развивающийся классовый строй. Но – картина неполна.

Творит ли пролетариат сознательно и планомерно свои внутренние отношения и свои организационные орудия – идеи? Нет, до сих пор, в общем, этого не было. Традиция и стихийное искание господствовали в его творчестве, организационном и культурном. Не ставилась задача подчинить это творчество науке и целесообразности, не вырабатывались методы для решения такой задачи.

Налетела мировая гроза и страшной ценой показала, что дальше так нельзя. Обнаружилось, что вопрос культуры есть вопрос силы, что стихийность и традиция тут означают бессилие и рабство. Пролетариат должен твердо стать на новую почву в своей

организационной и идейной работе. Когда и поскольку он это делает, тогда и постольку исчезнет зияющая пропасть между его идеалом и его классовой деятельностью. Тогда всё его движение вперед будет непрерывно развивающейся реализацией социализма как нового мира культуры.

Творческое осуществление социалистического классового строя приведет пролетариат к той победе, которая превратит этот строй в общечеловеческий. Социалистическое развитие завершится социалистической революцией.

Конечно, растущий социализм классовой жизни не избавляет массы от необеспеченности, страданий и бедствий капитализма: это даст лишь социализм победивший, в этом их глубокая разница. Но и первый сведет к возможному минимуму растрату сил за всю эпоху борьбы.

Нам предлагают теперь «узнавать» грядущий социализм в отвратительной карикатуре на него, порожденной войною и старым строем. Мы не согласны на это. К счастью для нас, наш социализм прекрасен во всех стадиях своего исторического воплощения. Он не скрывается под маской вампира, и не надо особых усилий, чтобы узнавать его в его углубляющемся разрыве со старым миром, среди трагической обстановки эпохи.

Таково наше понимание идеала. Из него вытекает задача: продолжая прежнюю борьбу и организацию, сознательно и планомерно собирать, развивать, стройно систематизировать возникающие зародыши новой культуры – элементы социализма в настоящем.

Без сомнения, социалистическая культура пролетариата не вполне то, что культура социалистического общества. Еще бы: юноша не то, что зрелый человек; одна стадия процесса отличается от другой. Но различие не в принципах, не в качестве – различие в степени. Сравните буржуазную культуру до победоносных революций и после них, и это станет ясно.

Некоторые из наших максималистов усиленно подчеркивают: пролетарская культура не то, что социалистическая. Для чего им это нужно? Для того, чтобы избежать слишком больших требований, отдаляющих, очевидно, их утопию. Они признают пролетарскую культуру только как вспомогательное средство для формиро-

вания «ударного кулака», по выражению одного из них. Ошибаются: она нечто неизмеримо большее.

Другие – большей частью минималисты – полагают, что задача создания пролетарской культуры вообще слишком трудна, даже непосильна для класса подчиненного, занятого физической работой. Что она трудна – бесспорно; иначе о ней нечего было бы и говорить. Что она непосильна – ничем не доказано. Главное значение программы–минимум в том и заключается, чтобы дать свободное время и силы для решения этой задачи. А если бы она была непосильна, рабочий класс ни на что не мог бы рассчитывать, кроме перехода от одного порабощения к другому – из-под ига капиталистов под иго инженеров и ученых.

Третьи – не знаю, упоминать ли – возражали против самой идеи о социалистической культуре пролетариата обвинением в оппортунизме. Это, говорили они, старое бернштейнианское учение о вращении социализма в капитализм. Критика по очень обычному методу «опошляющего обобщения». На самом же деле и ортодоксы, и ревизионисты одинаково стоят в вопросе культуры на почве компромисса и умеренности: они признают, что пролетариат может и должен довольствоваться, в общем, культурой буржуазной. На деле это означает культурное рабство; и война показала, во что оно обходится рабочему классу.

Я, впрочем, не имею в виду убеждать теоретиков того или другого лагеря. Большинство их вполне забронировано против этого отсутствием научно–организационного способа мышления, да и вообще своей непогрешимостью. Я обращаюсь к тем, кто может и хочет учиться.

Великие задачи стоят перед нашей эпохой. Путь к идеалу труден, но ясен. На этом пути могут быть поражения, но не может быть разочарования, ибо он есть сам идеал в его последовательном жизненном осуществлении.

Печатается по:
Богданов Д.Л. Вопросы социализма. М., 1990.С321–351

Научное издание

Серия «Гуманитарные науки»

**Забродский Эдуард Андреевич
Корнилович Эдуард Александрович**

НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРСКОЙ МЫСЛИ

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 19.11.2010. Формат 60x84 ^{1/16} Бумага офсетная. Гарнитура Roman
Печать цифровая. Усл.печ.л. 23,6. Уч.изд.л. 23,8. Тираж 100 экз. Заказ № 1119
ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66
Отпечатано на издательской системе XEROX в ИООО «Право и экономика»